КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ

1902 г.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ОФФИЦІАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. (Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края). Гл. I. *Л. Личкова* . . . . . 1—34
II. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. . . . . 35—62
III. НЕВЕСЕЛИ СИЛЬСКИ МАЛЮНКЫ. (Оповидання батюшкы). *Лисака Таморенка*. . . . . 63—72
IV. ПИСЬМА ГРАФ. А. Д. БЛУДОВОЙ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 73—102
V. ДОРОГОЮ ЦИНОЮ. (Оповидання). *М. Коцюбинського.* 103—167
VI. Н. И. СТОРОЖЕНКО—НА РОДИНѢ. *О. Пчилки* . . . . 168—179

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Петиція Львовскаго ученаго общества имени Шевченка австрійскому рейхсрату объ учрежденіи самостоятельнаго малороссійскаго университета во Львовѣ; б) Письмо П. А. Кулиша къ Г. П. Галагану. Сообщ. *А. Степовичъ;* в) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* г) Списокъ „студентовъ и учениковъ“ кіевской академіи, 1779 г.; д) Извѣстіе о Мглинѣ 1455 г.; е) „Листъ“ князя Александра Вишневецкаго подданнымъ лоевскаго староства на бортную землю, около теперешняго Замглая 1587 года; ж) Письмо „старшаго канцеляриста“ Андрея Безбородка къ бунчук. товарищу Григорію Скорупѣ, 1736 г.; з) Распоряженіе генеральной канцеляріи о нарядѣ работниковъ и плотниковъ на постройку козелецкаго дома графа Алексѣя Разумовскаго, 1749 г.; и) Пріятельское письмо переяславскаго полковника Иваненка къ погарскому земскому судьѣ Лашкевичу. 1797 г.; і) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *А. Мёрдеръ*. . . . . 1—20
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 20—28
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) „Кустари и ремесленники Полтавской губ. по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898 и 1900 г.“ *Л. С. Л.*; б) В. К. Гульдманъ. Памятники старины въ Подоліи. *Н. Бѣляшевскаго;* в) Józef Dunin-Karwicki. Z moich wspomnień. Т. I—II *Н. М.;* г) Богдан Барвиньский. Зъизд галицкого князя Данила з угорскимъ королем Белою IV в Прешбурзі 1250 р. *Н. М.;* д) Владимірскій Кіевскій Кадетскій Корпусъ 1851 $^{10}/_{XII}$ 1901 гг.; краткая историческая записка; е) Обзоръ малорусскихъ изданій 1901 года; ж) Обзоръ журналовъ конца 1901 г.; з) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая нынѣ третій томъ нашего «Описанія Старой Малороссіи», заключающій въ себѣ Прилуцкій полкъ, мы считаемъ нужнымъ, какъ и прежде, перечислить тѣ источники, которые были въ нашемъ пользованіи при написаніи этого тома.

1. **Архивъ генеральной войсковой канцеляріи.** Здѣсь мы повторимъ сказанное объ этомъ архивѣ во второмъ томѣ. «Объ этомъ источникѣ подробно говорено въ первомъ томѣ, и здѣсь добавимъ лишь, что архивомъ этимъ мы пользовались въ 1865—68 гг., причемъ не пересмотрѣли и половины его; поэтому въ бумагахъ этого архива, нынѣ, какъ извѣстно, находящагося въ Харьковскомъ университетѣ, заключается конечно очень много свѣдѣній, которыми можетъ быть пополнена (и настоящая) наша книга». Изъ этого архива взято нами «Вѣдѣніе» о полковой Прилуцкой казнѣ, 1725 г., свѣдѣнія о наслѣдникахъ полковника Ив. Носа, о Себастіановичахъ и проч. *).

2. **Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка.** «И объ этомъ источникѣ достаточно было сказано въ первомъ томѣ». Рукопись слѣдствія о Прилуцкомъ полкѣ хранится въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ, а напечатана она извѣстнымъ знатокомъ малорусской исторіографіи В. А. Мякотинымъ, въ Чтеніяхъ въ общ. Нестора-лѣтоп. (кн. XI—я.).

---

*) Вообще, гдѣ источникъ того или другого архивнаго свѣдѣнія не указывается, тамъ слѣдуетъ разумѣть арх. генер. к-ріи.

3. **Румянцовская опись Малороссіи**. Большая часть описанія Прилуцкаго полка, заключавшагося въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ, хранилась въ Полтавск. казенной палатѣ, гдѣ мы имъ и пользовались въ 1870—71 г. г., но пользовались лишь отчасти. Спѣша пересмотрѣть *сотни* связокъ, заключавшихъ въ себѣ описаніе полковъ, входившихъ въ составъ территоріи теперешней Полтавской губ., мы воспользовались описаніемъ Прилуцкаго полка лишь въ назначительныхъ сравнительно его частяхъ, причемъ впрочемъ успѣли сохранить опись Густынскаго монастыря, свѣдѣніе о Прилуцкихъ церквяхъ, съ ихъ школами и «шпиталями», и нѣсколько актовъ Іереміи Вишневецкаго, столь важныхъ для опредѣленія его значенія въ исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи. Другая, незначительная, часть описанія Прилуцкаго полка, касающаяся почти одной Голенской сотни, хранилась въ Черниговской казенной палатѣ, а теперь одинъ изъ ея томовъ находится въ б-кѣ Кіевскаго университета. Эта часть описанія Прилуцкаго полка сохранилась почему-то только въ черновомъ видѣ, и приложенные къ ней акты списаны, повидимому, наскоро и безъ надлежащей точности.

4. **Архивъ Полтавскаго дворянскаго собранія** служилъ намъ источникомъ генеалогическихъ свѣдѣній о тѣхъ или другихъ лицахъ Прилуцкой старшины. Свѣдѣніями Полт. двор. арх. мы пользовались отчасти лично, въ 1870—71 г.г., а отчасти, въ недавнее время, при обязательномъ посредствѣ прис. пов. П. Г. Васькова († 1900 г.), который, съ обычною ему готовностью помогать людямъ, переписывалъ для насъ цѣлыя страницы свѣдѣній о Галенковскихъ, Свирскихъ, Киселяхъ, Гуленкахъ и проч.

5. **Архивъ Кіевской Духовной Консисторіи**, къ великому нашему сожалѣнію, остался для насъ почти недоступенъ, а между тѣмъ въ немъ заключается драгоцѣнное собраніе матеріаловъ для бытовой исторіи духовенства южныхъ полковъ, состоявшаго въ вѣдѣніи Кіевскаго митрополита. Насколько интересны эти «дѣла», достаточно указать на эпизодъ о столкновеніи сотника Гуленка съ внукомъ генер. судьи Акима Горленка (стр. 139) и на случаи изъ жизни Густынскихъ монаховъ (стр. 404—411). Эти свѣдѣнія извлечены изъ подаренныхъ намъ когда-то нѣсколькихъ

связокъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ въ лавочкахъ на Подолѣ и видимо происходящихъ изъ консисторскаго архива.

6. **Ревизскія книги.** а) *Ревизская книга 1713 г.*, имѣющая такое заглавіе: «Ревѣзѣя людей посполитихъ полку всего Прилуцкого, по указу ясневелможного его милости пна Іоанна Скороподского, обоихъ сторонъ Днепра гетмана, чрезъ мене, на тотъ часъ высланного, Стефана Тарнавского, канцеляристу войскового, в року 1713, в мцехъ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, споряженная» [1]). По какому поводу была произведена эта ревизія—свѣдѣній мы не имѣемъ; можно лишь догадываться, что ревизія потребовалась подлѣ тѣхъ перепетій, которыя перенесла гетманщина по случаю шведскаго нашествія. Ревизія 1713 г. имѣла въ виду одно только поспольство, вѣроятно, п. ч. козачьи переписи, подъ именемъ «компутовъ», въ это время производились еще особо. Ревизія 1713 г. замѣчательна тѣмъ, что въ ней сдѣлана попытка обозначить имущественное положеніе крестьянъ указаніемъ на количество скота у каждаго домохозяина. Свѣдѣнія эти, послѣ переписи 1666 г., являются единственными вплоть до Румянцовской описи [2]). б) *Ревизская книга 1729 г.* Она не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на поводъ къ ея составленію, но почти несомнѣнно, что эта ревизія потребовалась при надѣленіи старшины урядовыми маетностями. Повидимому, ревизія 1729 г. произведена была одновременно съ «слѣдствіемъ о маетностяхъ». Послѣднее производи-

---

[1]) Рукопись хранится въ б-кѣ Кіевск. археогр. коммиссіи, куда она попала видимо изъ Чернигова, изъ состава архива генер. к-ріи. Свѣдѣнія отъ кого р-кпсь поступила въ б-ку К. а. к-сіи нѣтъ, но вѣроятно, что—отъ М. О. Судьенка.

[2]) Проводимъ эти свѣдѣнія въ сводѣ ихъ по сотнямъ. Сотни-*Полковая*: 2876 хоз., 1509 воловъ, 1217 лошадей. *Монастырищенская*: 322 х., 386 в., 44 л., *Ичнская*: 738 х., 342 в., 255 л., *Кр.-Колядинская*: 941 х., 629 в., 394 л. *Ивашицкая:* 661 х., 273 в., 313 л. *Сребранская*: 1512 х., 554 в., 660 л. *Варвинская*: 497 х., 165 в., 121 л. *Журавская:* 473 х., 178 в., 233 л. *Всего въ полку*: 8020 х., 4026 в., 3237 л. (Замѣтимъ, что въ ревизіи 1713 г. с. Парафіевка почему то не показана).

лось лѣтомъ 1729 г. [1]), а наша ревизія, какъ значится въ ея заголовкѣ, закончена въ октябрѣ. Въ этой ревизіи кромѣ перечня именъ домохозяевъ, никакихъ другихъ свѣдѣній нѣтъ. в) *Ревизская книга 1731 г.*, о поводахъ къ составленію подробно говоритъ Прилуцкій полковникъ въ своемъ донесеніи съ представленіемъ самой ревизской книги [2]). Цифрами этой ревизіи мы пользовались въ своей книгѣ лишь отчасти, для поясненія свѣдѣній другихъ ревизій. Вводить ихъ полностью въ книгу мы не рѣшились, не имѣя основаній вполнѣ довѣрять цифровымъ свѣдѣніямъ «о посполитыхъ людяхъ», представленнымъ въ спискахъ «самихъ державцевъ, духовныхъ и мирскихъ» [3]). г) *Ревизская книга 1740 г.*, оконченная въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года, произведена была, нужно думать, по распоряженію еще Румянцова (А. И.), который лѣтомъ 1740 г. замѣненъ былъ генераломъ Кейтомъ. Послѣдній пріѣхалъ въ Глуховъ только 6-го августа (Зап. Марк., II, 120) и вѣроятно не успѣлъ бы такъ скоро сдѣлать распоряженія о ревизіи, для производства которой требовалось конечно нѣсколько мѣсяцевъ. Планъ для этой ревизіи составленъ

---

[1]) Генер. слѣдствіе о маетност. Нѣжинск. полка, изд. Н. П. Василенка, стр. VI.

[2]) Донесеніе Галагана приводимъ дословно *въ приложеніяхъ* къ предисловію, № 1.

[3]) *Какъ матеріалъ*, могущій имѣть значеніе при сравненіи съ другими цифрами, приводимъ изъ этой ревизіи итоги козачьяго и посполитскаго населенія. *Сотня полковая*, коз. 993, посп. 3444 (1703 и 1741). *Монастырищенская*, коз. 222, посп. 493 (215 и 278). *Иченск.*, коз. 573, посп. 1131 (466 и 665). *Иваницкая*, коз. 184, посп. 747 (354 и 393). *Кр. Коляд.* коз. 1053, посп. 978 (298 и 680). *Сребр.* коз. 565, посп. 1628 (954 и 671). *Варвинск.*, коз. 590, посп. 564 (151 и 413). *Журавск.*, коз. 298, посп. 342 (110 и 232). Всего козаковъ—4478 домохоз. и посполит. 9327 домохоз. Въ цифрахъ посполитныхъ, взятыхъ въ скобки, первая цифра указываетъ населеніе «въ селахъ войсковыхъ свободныхъ», а вторая—«въ селахъ владѣльческихъ».

былъ совсѣмъ отличный отъ прежнихъ ревизій [1]). На этотъ разъ Глуховское правительство нашло нужнымъ собрать слѣд. свѣдѣнія, которыхъ въ прежнихъ ревизіяхъ не было: а) о количествѣ *семей* въ хатахъ, б) «каковы оклады и подати обыватели свободныхъ войсковыхъ селъ, сверхъ владѣлческихъ, несуть» и в) «сколко именно и въ какихъ поселеніяхъ обывателей сойшло, кто они, куда сойшли и кто ихъ грунтами користуется». Повидимому, мѣстной администраціи потребовались нѣкоторыя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крестьянъ. Отвѣты на второй вопросъ даны были очень скудные, какъ это видно изъ текста нашей книги, причемъ скудость зависѣла конечно не отъ ревизоровъ, а отъ владѣльцевъ «урядовыхъ маетностей», нежелавшихъ давать этихъ свѣдѣній. Свѣдѣнія по третьему вопросу добыты были ревизорами, повидимому, удовлетворительныя; приводя ихъ въ своей книгѣ, мы старались цифрамъ «сошедшихъ» дать нѣкоторое освѣщеніе, насколько это было возможно по имѣвшемуся у насъ матеріалу. Вообще, ревизія 1740 г. даетъ матеріалъ нѣсколько полнѣе, чѣмъ ревизіи предыдущія; она подробно называетъ владѣльцевъ маетностей, указываетъ титулъ ихъ владѣнія и затѣмъ, при поименной переписи населенія, старается дать указанія о его состоятельности. Послѣдняя обозначается словами: «грунтовые», «малогрунтовые», «убогіе», «весьма пищетніе»... Мы не рѣшились вводить этихъ группъ въ свою книгу, не придавая особаго значенія тѣмъ основаніямъ, которыя служили для раздѣленія населенія на эти группы [2]).

7. **Свѣдѣнія о количествѣ населенія въ полку, собранныя по особому распоряженію гетмана въ 1718 г.** *(Рукопись)* [3]) Поводъ къ собранію этихъ свѣдѣній виденъ изъ слѣд. заглавія рукописи: «Року 1718, мѣс. марта 6 числа. Именному ясневелможного до-

---

[1]) См. приложеніе № 2.

[2]) Ниже, прилагаемъ сводную таблицу населенія въ полку по ревизіи 1740 г., съ раздѣленіемъ на эти группы. См. приложеніе № 3. Рукописи всѣхъ трехъ ревизій, 1729, 1731 и 1740 г.г., находятся въ нашей б-кѣ.

[3]) Рукопись находится въ б-кѣ Кіевск. арх. коммиссіи.

бродѣя нашего его мил. пна Іоанна Ильича Скоропадского, войскъ царского священнѣйшого величества Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, указу ижбы во всѣхъ полку Прилуцкого сотенныхъ городахъ и селахъ, такожъ державскихъ маетностяхъ, подлинную, сколко в оныхъ товариства и посполства, тягла свои и кгрунта мѣючихъ, пѣшихъ и убогихъ—числомъ обрѣтается, учинити ревѣзію, *а по оной слушное драгунамъ подлугъ пропорціи людской опредѣленіе*». Отсюда видно, что свѣдѣнія о количествѣ дворовъ въ поселеніяхъ были собраны для болѣе правильнаго распологa того налога съ обывателей, который требовался для довольствія людей и лошадей, квартировавшихъ въ полку драгунскихъ полковъ. Въ собранныхъ по этому случаю свѣдѣніяхъ показано «число людей» по каждому поселенію отдѣльно, съ раздѣленіемъ ихъ на «козаковъ» и «посполитыхъ». Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ «людей» здѣсь разумѣются только хозяева отдѣльныхъ дворовъ, причемъ въ документѣ 1718 г. мы имѣемъ первую цифру о количествѣ козачьихъ дворовъ въ Прилуцкомъ полку. Полагаемъ, что тѣ причины, ради которыхъ собраны свѣдѣнія 1718 г.,—распологъ *общаго* и очень тяжелаго налога,—до нѣкоторой степени должны были гарантировать бо́льшую или меньшую достовѣрность этихъ свѣдѣній.

8. **Описаніе Черниговскаго намѣстничества, Д. Р. Пащенка**. Какъ извѣстно, въ составъ Черниговскаго намѣстничества входила часть Прилуцкаго полка, заключавшая въ себѣ слѣдующіе центры: Прилуку, Монастырище, Ичню, Кр. Колядинъ, Иваницу, Сребное, Варву и Журавку. Въ описаніи г. Пащенка важны топографическія свѣдѣнія о томъ или другомъ поселеніи, добытыя, какъ видно, на мѣстѣ, при чемъ особенно важно точное указаніе рѣчекъ. Цифровыя свѣдѣнія о населеніи Пащенко бралъ изъ о́бщаго свода ихъ, составленнаго тогда же. [1])

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о работѣ Пащенка см. въ предисловіи къ описанію Черниговскаго намѣстничества, начатому и неконченному (нами) при Запискахъ Черниг. губ. стат. комитета (1868 г.) Рукопись Пащенка находится въ нашей б-кѣ. Къ сожалѣнію, изъ нея потеряно нѣсколько тетрадей, заключавшивъ въ себѣ опись почти всей Прилуцкой полковой сотни.

9. **Сводъ цифровыхъ свѣдѣній о населеніи десяти полковъ лѣвобережной Малороссіи, собранныхъ при образованіи намѣстничествъ.** Заключающія здѣсь цифровыя свѣдѣнія собраны, по всей вѣроятности, одновременно съ описаніемъ гетманской Малороссіи по распоряженію Румянцова, въ 1779 г., когда получено было «повелѣніе ея им. величества о введеніи въ Малую Россію учрежденій по примѣру иныхъ губерній». (См. предисл. къ 1-му тому Опис. Ст. Малороссіи, стр. XI.). На основаніи свѣдѣній этого свода мы составили таблицу населенія Прилуцкаго полка въ 1780 г. (Стр. 417—419).

10. **Частные архивы**. Изъ частныхъ архивовъ мы пользовались, къ сожалѣнію, весьма немногими. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи долженъ быть поставленъ Сокиренскій семейный архивъ Галагановъ, которымъ мы пользовались въ 1883 г., благодаря любезности покойнаго Гр. П. Галагана († 1888). Этотъ архивъ не великъ и заключаетъ въ себѣ преимущественно юридическіе акты на имѣнія, какъ Галагановъ, такъ и Дарагановъ. (имѣнія которыхъ перешли къ Галаганамъ по браку), но тутъ же мы нашли любопытный автобіографическій очеркъ полковника Григоріф Галагана (стр. 49). Затѣмъ, при обязательномъ посредствѣ В. П. Горленка, мы пользовались двумя переплетами семейныхъ бумагъ покойнаго Н. А. Маркевича, автора «Исторіи Малороссіи». Въ этихъ переплетахъ сохраняются интересныя бумаги Ивана и Федора Марковичей, братьевъ гетманши Скоропадской (стр. 114—127). Другихъ семейныхъ архивовъ, въ предѣлахъ бывшаго Прилуцкаго полка, мы не знаемъ, и сомнѣваемся—есть-ли они; по крайней мѣрѣ никакихъ слуховъ о нихъ нѣтъ... Лѣтъ десять назадъ, послѣ старательныхъ распросовъ объ архивѣ Якубовичей, хранившемся въ с. Липовомъ (стр. 249), мы получили, наконецъ, небольшую связку полуобгорѣлыхъ бумагъ, въ которой сохранилась купчая единственной дочери Дорошенка Любови, [1]) духовное завѣщаніе вдовы Ильи Як. Лизогуба (стр. 249), дѣло о

[1]) Бывшей замужемъ за Черниг. полковник. Ефим. Лизогубомъ, внукъ котораго былъ женатъ на дочери генер. есаула Якубовича.

ссорѣ полковника Якубовича съ его сыновьями (стр. 55) и еще нѣсколько бумагъ, показывающихъ, что архивъ былъ интересенъ...

Представляя въ этомъ томѣ, какъ и въ прежнихъ, матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія, по первому вопросу—о заселеніи лѣвобережной Малороссіи—мы видимъ, относительно территоріи Прилуцкаго полка (очень не великой), что здѣсь въ XV в. несомнѣнно существуютъ слѣд. населенныя мѣстности: г. Прилука, волость (?) Торговицкая и (вѣроятно) с. Самборъ. Другихъ населенныхъ мѣстъ на этой территоріи—за время до к. XVI в.—мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ до сего времени обнародованнымъ. Но слѣдуетъ полагать, что если въ XV в. существовали Прилука и Торговицкая волость, то существовали тутъ же и другія поселенія. Весьма вѣроятно, что въ это время (т. е. въ XV в.) здѣсь существовали: Переволочна, Монастырище, Гайворонъ, Крапивное, Красн.-Колядинъ, Сребное... Несомнѣнно однако же, что въ XVI в. ни Прилука, ни Торговицкая волость болѣе не существовали... Изъ грамоты Стефана Баторій, 1578 г., Байбузѣ,—на «пустыню р. Удай»,—видно, что никакого замѣтнаго поселенія тутъ уже не было, а о Торговицкой волости прямо говорится (въ нач XVII в.), что она «лежитъ впустѣ» Для объясненія этого факта можно предположить, что поселенія, существовавшія здѣсь въ XV в.,—въ XVII в. не существуютъ потому, что они были разорены Менгли-Гиреемъ, при его нашествіи на южную Русь, въ самомъ концѣ XV-го вѣка. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этомъ нашествіи—въ обнародованныхъ доселѣ русско-польскихъ памятникахъ—не имѣется и—лишь можно предполагать, что это нашествіе, по своимъ послѣдствіямъ, было ужаснѣе Батыева... Быть можетъ, что когда нибудь турецко-татарское лѣтописаніе, послѣ ближайшаго знакомства съ нимъ исторической науки, и откроетъ намъ подробности Менгли-Гиреева нашествія, а пока приходится довольствоваться одними лишь предположеніями...

Засимъ, по вопросу о землевладѣніи—и въ этомъ томѣ мы видимъ щедрую раздачу маетностей, главнымъ образомъ, въ первой

полов. XVIII в., при чемъ эта раздача дошла до того, что уже въ 1752 г. гетманъ Разумовскій не можетъ найти въ Прилуцкомъ полку для генер. есаула Якубовича какого нибудь одного села, а даетъ ему 44 двора *въ трехъ селахъ*, т. е. даетъ *остатки* изъ бывшаго запаса маетностей (стр. 380). Въ тоже время продолжается усиленная «скупля» козачьихъ земель и увеличеніе массы подсосѣдковъ, число хатъ которыхъ въ 1780 г. составляетъ 3932 на общее ихъ количество (коз., поспол. и подс.) 26031. [1])

Для исторіи управленія, Прилуцкій полкъ даетъ такія типическія личности полковниковъ, какъ Дмитрій Горленко и Игнатій Галаганъ. Пользуясь особою пріязнью Мазепы, Дмитрій Горленко, по свидѣтельству близкаго къ нему человѣка и его преемника по уряду, «распоряжался всѣми полчанами, какъ своими подданными»... Ни откуда, никакого, слѣдовательно, протеста быть не могло, потому что Мазепа съумѣлъ сдѣлаться всесильнымъ властелиномъ. Самовластіе Игнатія Галагана опиралось сначала—на тенденціи высшаго правительства умалить гетманскую власть, а затѣмъ—на благосклонномъ отношеніи къ Галагану тѣхъ «генераловъ», которые управляли Малороссіею послѣ смерти Апостола. Можно сказать, что Прилуцкіе полковники, начиная съ Дмитрія Горленка и кончая Григ. Галаганомъ, разспоряжались въ полку почти безконтрольно. Произволъ полковниковъ рождалъ произволъ и сотниковъ: тѣ жестокости, которыя позволяли себѣ сотники Андрей Гуленко (стр. 131), Николай Троцина (с. 326—327) и Андрей Барановскій (с. 359), повидимому, вовсе не поражали тогдашнее общество...

Въ заключеніе скажемъ, что мы попрежнему заботились о томъ, чтобы въ «описаніи старой Малороссіи» представить *живыхъ людей*, въ тогдашней ихъ домашней и общественной обстановкѣ. Относительно отдѣльныхъ лицъ изъ старшины, большой и малой, мы нашли свѣдѣнія, дающія возможность довольно полно представить себѣ ихъ положеніе въ обществѣ (см. Иванъ и Федоръ Мар-

[1]) Въ итогахъ хатъ, на стр. 419, вкралась ошибка: вм. 23350 слѣд. 23860, а вм. 25921 слѣд. 26031.

ковичи, Петръ Носенко, Николай Троцина, Павелъ Дембовскій, Павелъ Миницкій и друг.), но относительно *народа* свѣдѣнія этого рода остаются бѣдными, такъ какъ эпизоды подобные случившемуся у Себастіановичей съ ихъ Грицовскими подданными (с. 338—342), записываются въ архивныхъ бумагахъ съ такими подробностями — рѣдко.

Показанныя при цифрахъ населенія буквы обозначаютъ: П—переписныя книги 1666 г., [1]) *А*—ревизію 1713 г., *Б*—вѣдомость 1718 г., *В*—ревизію 1629 г., *Г*—ревизію 1740 г. и *Д*—сводъ свѣдѣній о населеніи Малороссіи 1780 г.

12 декабря, 1901 г.

[1]) См. Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтоп., кн. XIII.

Приложенія.

№ 1. Донесеніе Прилуцкаго полковника Галагана гетману, съ представленіемъ ревизіи, произведенной въ 1731 г.

«Ясневелможній мцѣ пне гетмане и кавалеръ, мой премилостивѣйшій добродѣю.

Прошлого іюня 3 д. получилъ я високоповажній ясневелможности вашей, пна моего милостивого, унѣверсалъ: в якомъ предложено, абы в полку Прилуцкомъ о наличномъ дворомъ числѣ людей и козаковъ и посполитихъ—учинена проведная ревѣзія, таковимъ порядкомъ: о козакахъ, сколко онихъ в якой сотнѣ или селѣ на лице имѣється, должни панове сотники з сотенною старшиною, всякъ в своей сотнѣ, здѣлать наличніе именніе списки, в которихъ статтяхъ трома означить: сколко в якомъ селѣ козаковъ можнихъ, убогихъ и крайне (убогихъ?), и сколко в которомъ же селѣ козачихъ подсусѣдковъ; а о посполитыхъ людехъ по(винни?) всѣ пнове державцы дховніе и мирские, всякъ в своихъ маетностяхъ са(ми?) учинить праведніе виденія, а в якихъ маетностяхъ, за далекимъ разстояніемъ мѣстця, самихъ владѣлцовъ не имѣється, то бъ приказчики ихъ, которимъ тіе маетности в досмотръ полѣцени, таковіе жъ праведніе безъ утайки спорадили виденія, и в нихъ означили б статтями—трома жъ—сколко в которомъ селѣ можнихъ, gрунтовихъ, среднихъ кгрунтовихъ и крайне убогихъ, безъкгрунтовихъ, имѣється. Которіе жъ села суть войсковіе свободніе, о тих такую жъ ревѣзію учинить должни пнове сотники. И такъ пнове сотнкии о козакахъ и о посполитихъ людехъ, в войсковихъ свободнихъ селахъ обрѣтаючихся, а пнове владѣлци, дховніе и мирскіе, о своихъ подданнихъ, а в якихъ маетностяхъ, за далекимъ разстояніемъ мѣстця, самихъ владѣлцовъ не имѣється, то б прикажчики, которимъ тіе маетности в досмотръ полѣцени, в самую истинную правду, з таковимъ обовязателствомъ, что ежели бъ мѣлъ хто кого с подданнихъ своихъ gрунтовыхъ утаить, таковій тихъ всѣхъ утаенних подданнихъ лишенъ будетъ. Сочинивши противъ вишписанного наличніе списки, съ перечнями, и закрѣпивши оніе руками своими, подали бъ в полковую Прилуцкую концелярію, з которихъ наличнихъ списковъ, порознь о козакахъ и мужикахъ, приказалъ бы я учи-

нитъ добропорядочніе табелѣ и оніе списки с тими табелми присилать къ ясневелможности вшей. По которомъ ясн-ти вшей висоцеповажномъ унѣверсалу довле оному творачи, писалемъ отъ себе до пновъ сотниковъ полку моего, иж бы они по вишшепрописанному унѣверсалу, всякъ в сотнѣ своей, о наличномъ дворовомъ числѣ козаковъ и посполичихъ людей в войсковихъ свободнихъ селахъ обрѣтаючихся, спорадивши, а отъ пановъ владѣлцовъ или отъ прикажчиковъ, за руками ихъ взявши списки, сколко в якомъ селѣ ннѣ налице имѣється посполитихъ людей, подъ обовязателствомъ в унѣверсалѣ ясн-ти вшей за утайку вираженнимъ, присилали в полковую Прилуцкую к-рію, почому якіе отъ владѣлцовъ и прикажчиковъ паномъ сотникомъ дани списки, а отъ пановъ сотниковъ въ полковую Прилуцкую к-рію прислани, оніе при добропорадочной табелѣ, порознь, о козакахъ и о посполитихъ спораженной, при семъ до ясн-ти вшей посилаю. А что тіе списки до сихъ поръ в отсилки до ясн-ти вшей умедлѣлисъ, покорне прошу вашой ясн-ти не имѣти на мене своего добродѣйского гнѣву, ибо не черезъ мене тое медленіе учинилось, лечъ за описними на ея импер. величество в полку моемъ имѣючимися селами, а именно: Самборами, Великимъ и Малимъ, Дептовкою, Голюнкою и Карабутовомъ, понеже по многократнимъ моимъ писмамъ, такъ до управителя Батуринского, яко и до старости Великосамборского посилаемимъ, хочай присланъ былъ отъ управителя Батуринского тихъ селъ, дворового числа козаковъ и посполитихъ людей, списокъ, толко жъ не противъ унѣверсалу ясн-ти вшей спораженъ, потому что козаковъ и посполитихъ под едни стати пописано, да и то не имеино всякого, но перечнями, которій я воспять туда при писмѣ своемъ для справленія, подлугъ унѣверсалу, не отъ тепер уже послалемъ, и послѣ затимъ писалемъ отъ себе, толко жъ и до сихъ часъ оного, невѣдомо чого ради, не прислано. Тутъ-же покорственно доношу ясн-ти в., что по справки з ревѣзіею в прошломъ 1723 году чиненною, явилося. же кромѣ вишше преписаннихъ описнихъ селъ, якихъ в нынѣшной ревѣзіи не имѣется, во всемъ полку Прилуцкомъ, од того 723 году по сей часъ, прибавилось козаковъ сто четири, а посполитихъ убыло тысяча сѣмънадцять, з якихъ нѣкоторіе, по свѣдѣтелствамъ людскимъ и по изслѣдствію компутовъ козачихъ, в козаки повписовались, иніе позмирали, многіе же, за крайнимъ своимъ убожествомъ, не могучи отбувати подданнической и протчіихъ долегливостнй, оставя свои жилля, в прочку позиходили, а иніе пошли до козаковъ в подсусѣдки. И о томъ да благоволитъ ясн-ть ваша вѣдать. Ясн-ти в., моему премилост. добродѣевѣ нижайшій слуга

ея и. в. войска Запорожского полковникъ Прилуцкий Ігнатій Галаганъ. З Прилуки, септевр. 7 д., року 1731».

№ 2. Донесеніе Прилуцкаго полковника Галагана правителю Малороссіи генералу Кейту, съ представленіемъ ревизіи, произведенной въ 1740 г. Въ «покорнѣйшомъ репортѣ» «его в.-пр-ву г. генералъ-аншефу Кейту» полковникъ Григ. Галаганъ и полков. пис. Галенковскій объ исполненіи этой ревизіи доносили слѣдующее: «Указами з войск. генер. к-ріи в полк. Прилуцкую к-рію прысланними, велено на основаніи тѣхъ указовъ на сей 1740 годъ о дворовомъ обывателей полку Прилуцкого числѣ ревизію сочинить, с показаніемъ в оной о всякомъ селе, деревнѣ и хуторѣ, чіего они владѣнія и сколко онихъ; такожъ в мѣстечкахъ и в протчіихъ поселеніяхъ подданнихъ или подсусѣдковъ состоитъ дворовъ, а на тѣхъ дворахъ хатъ, а в хатахъ сѣмей; такожъ показивать пры томъ кому на ранги и якіе именно маетности надлежитъ, особливо же, яковы имянно оклады и подати свободныхъ войсковыхъ селъ и деревень обывателѣ сверхъ владелческихъ подданнихъ несутъ, сколко же именно, и в какихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ обывателей сойшло и кто они, куда именно сойшли, и грунта ихъ, а особливо пустовскіе, яко-то лѣси, гаи, поле пахатное, сѣнокоси и другія угодія, и сколко чего и чіихъ именно, порознь, в кого нынѣ во владеніи и кто имы користуется, и по какимъ указамъ и опредѣленіямъ именно в тѣхъ ревизіяхъ показать. И тѣ ревизіи списавъ надвое, чистимъ писмомъ, на доброй бумаги, за своими руками, скрепя по листамъ рукою писара полкового или другой полковой старшины, прислать . . . . . генер. войск. к-рію . . . . . ского техъ указовъ сочи . . . . . жителей о дворовомъ числѣ. . . . . табелми на . . . . и списавъ оніе надвое. . . . . подписомъ нашихъ рукъ и скрѣ. . . . . ревизіи и перечневіе такожъ по листамъ рукою писара полкового, при семъ нашемъ покорнѣйшемъ репортѣ, к вашему высокопревосходителству, въ генеральную войсковую канцелярію посилаемъ и о томъ нижайше доносимъ. Вашего В.-прва всенижайшіе слуги полковникъ Григорій Галаганъ. Ѳедоръ Галенковскій, писаръ полковой Прилуцкій.

1740 году, ноебра 29 д. Прилука».

№ 3. Населеніе полка въ 1740 г., съ раздѣленіемъ его на группы, по имущественному состоянію.

Сводъ по ревизіи 1740 г.	КОЗАКИ.			ПОСПОЛИТЫЕ.			Число дворовъ «вольныхъ»
	Дворы.	Хаты.	Семьи.	Дворы.	Хаты.	Семьи.	
Грунтовые	2	5	5	—	—	—	Въ это число вошли: старшина, духовенство, всякія должностныя лица, начиная отъ приказчиковъ, школы, шпитали, шинки...
Среднегрунтовые	45	64	63	7	16	16	
Малогрунтовые.	868	1202	1218	347	429	431	
Убогіе (волы и лошади имѣющ.).	1146	1417	1429	1126	1335	1350	
Весьма нищетные	1816	1954	1958	3393	3595	3612	
Всего въ полку	3877	4642	4673	4873	5373	5409	2346
Подсосѣдки	253	1033	1063	16	386	388	—

Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики.

(Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края).

I.

Заглохшій проектъ реформы оффиціальной статистики. Неудовлетворительная ея постановка въ настоящее время. Характеристика способовъ и пріемовъ собиранія и сводки оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ; неточности и разнорѣчія статистическихъ цыфръ. Недочеты обработки оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ. Причины тѣхъ и другихъ недостатковъ оффиціальной губернской статистики.

Въ мартѣ 1901 года во многія газеты проникъ слухъ о предполагавшейся реформѣ нашей оффиціальной статистики, преобразованіе которой рѣшено будто-бы было произвести не ожидая даже введенія проектируемой общей реформы губернскихъ учрежденій. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, это сообщеніе газетъ о предстоящей въ близкомъ будущемъ реформѣ нашихъ казенныхъ статистическихъ учрежденій было опровергнуто въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, оказалось, что реформа эта опять отложена на неопредѣленное время, между тѣмъ какъ въ ней давно уже предстоитъ настоятельная надобность.

Этимъ обусловливается необходимость неотлагательно заняться выясненіемъ печальнаго положенія нашей оффиціальной статистики, ея нуждъ и потребностей, и ближайшихъ способовъ

ея улучшенія. Кстати же нѣкоторую почву для послѣдняго даютъ и проникшія въ печать свѣдѣнія объ отложенномъ разсмотрѣніемъ проектѣ комиссіи изъ чиновъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, занимавшейся вопросомъ о ея реорганизаціи, хотя, въ силу самаго характера газетныхъ сообщеній, свѣдѣнія о результатахъ занятій комиссіи и не отличаются желательною подробностью.

Изъ краткихъ сообщеній о содержаніи проекта можно было выяснить, между прочимъ, что собираніе свѣдѣній на мѣстахъ—по волостямъ—предполагалось поручить «мѣстнымъ агентамъ—обязательнымъ и добровольнымъ», что, вмѣсто губернскихъ статистическихъ комитетовъ, учреждены будутъ губернскія статистическія бюро и что оффиціальными представителями правительственной статистики будутъ въ уѣздахъ—уѣздные статистики, коимъ будетъ принадлежать руководство и контроль надъ дѣломъ собиранія свѣдѣній на мѣстѣ—въ волостяхъ. Представителемъ же правительственной статистики для всей губерніи долженъ быть губернскій статистикъ, который будетъ состоять «членомъ Губернскаго Присутствія» (?).

Такимъ образомъ оффиціальныхъ представителей правительственной статистики въ губерніяхъ предполагалось, повидимому, имѣть только въ лицѣ губернскаго и уѣздныхъ статистиковъ; никакихъ другихъ «должностей», судя по свѣдѣніямъ о содержаніи даннаго проекта, учреждать въ виду не имѣлось. Само собою понятно, что этимъ ставился на очередь вопросъ: на комъ же лежала бы обязанность опроса населенія на мѣстахъ, т. е. обязанность самаго собиранія статистическихъ данныхъ,—кто будутъ эти волостные «обязательные» и «добровольные» агенты, которые должны представлять собою первоисточникъ всякихъ статистическихъ свѣдѣній?

Очевидно, такими, не имѣющими спеціальныхъ должностей, обязательными и добровольными «агентами» могли бы быть—и предполагались проектомъ—тѣ или иные изъ мѣстныхъ деревенскихъ жителей, изъ которыхъ одни несли бы свои агентскія обязанности въ качествѣ полныхъ добровольцевъ (какъ теперь корре-

споденты департамента земледѣлія), а другіе были бы къ тому обязаны или своимъ служебнымъ положеніемъ (волостные писаря?, податные инспектора? земскіе начальники?), или же получаемымъ за то (какъ это было для нѣкоторыхъ счетчиковъ всеобщей переписи) особымъ небольшимъ вознагражденіемъ (сельскіе учителя?). Да и трудно предположить, чтобы это было иначе, хотя бы въ силу только неизбѣжности слишкомъ крупныхъ (сравнительно съ существующими) расходовъ на такую организацію, при которой каждая волость имѣла бы особо оплачиваемаго спеціалиста по статистикѣ. Самая постановка даннаго проекта указываетъ, повидимому, на то, что рамки предполагаемаго улучшенія статистическаго дѣла сильно ограничиваются размѣрами тѣхъ средствъ, которые въ настоящее время могутъ быть на него ассигнованы.

Представляется, поэтому, вопросъ, въ какой, вообще, мѣрѣ наша оффиціальная статистика доступна улучшенію при условіи ограниченности средствъ, какими она, надо думать, можетъ располагать и въ какой—въ частности—мѣрѣ проектированная реорганизація ея можетъ содѣйствовать этому улучшенію.

Для того, чтобы рѣшить, какъ эти, такъ и всѣ другіе выше поставленные, вопросы, надлежитъ прежде всего ближе познакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ оффиціальной губернской статистики въ настоящее время, такъ какъ это знакомство и должно дать нѣкоторыя руководящія указанія въ желательномъ направленіи.

Для этой цѣли я познакомлю читателя съ положеніемъ настоящаго вопроса (по скольку оно мнѣ самому извѣстно) главнымъ образомъ въ Юго-Западномъ краѣ, при чемъ матеріаломъ для этого послужатъ мнѣ какъ данныя собранныя мною нѣсколько лѣтъ назадъ путемъ посѣщенія значительнаго числа волостныхъ правленій, такъ и свѣдѣнія, почерпнутыя изъ изданій Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ, (памятныхъ книжекъ, списковъ населенныхъ мѣстъ и т. п.), такъ наз. «Обзоровъ» губерній (приложеній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ), нѣкот. другихъ оффиціальныхъ статистическихъ изданій и опубли-

кованныхъ циркулярныхъ распоряженій, относящихся къ этому вопросу.

—

Начнемъ съ данныхъ о населеніи.

Наиболѣе точною, наиболѣе близкою къ истинѣ считается обыкновенно регистрація сельскаго крестьянскаго населенія. Численность его опредѣляется обыкновенно или по приходскимъ метрическимъ книгамъ, или по посемейнымъ спискамъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, первымъ изъ нихъ присущи и въ юго-западномъ краѣ всѣ обычные имъ недостатки, которые довольно подробно указаны хотя бы у проф. Ходскаго.[1]) Поэтому я и не буду на нихъ останавливаться, а перейду къ посемейнымъ спискамъ, которымъ проф. Ходскій придаетъ «наибольшее значеніе»[2]) въ дѣлѣ учета крестьянскаго населенія, тѣмъ болѣе, что веденіе этихъ списковъ стоитъ въ связи съ всеобщей воинской повинностью. У насъ въ юго-западномъ краѣ списки эти ведутся волостными правленіями и исправляются или возобновляются приблизительно одинъ разъ въ теченіе 5—6 лѣтъ. Фактическія же перемѣны, происходящія за этотъ промежутокъ времени, въ посемейный списокъ обыкновенно не заносятся до истеченія указаннаго срока, т. е. до пересоставленія списка. Вслѣдствіе этого, свѣдѣнія о наличномъ населеніи каждаго даннаго года, доставляемыя изъ такихъ волостей въ подлежащія учрежденія, обыкновенно относятся въ дѣйствительности не къ тому году, по которому они требуются, а къ году составленія списка, т. е. къ первому году даннаго пяти-, или шести-лѣтія. Если же при этомъ и случается, что сообщенная волостнымъ правленіемъ цыфра населенія предыдущаго года все-таки разнится нерѣдко отъ сообщенной имъ же цыфры населенія отчетнаго года, то такая разница дѣйствительнымъ перемѣнамъ въ населеніи нерѣдко отнюдь не соотвѣтствуетъ.

---

[1]) Въ его «Основаніяхъ теоріи и техники статистики», Спб. 1896 г., стр. 117—118 и 139—140.

[2]) Тамъ же, стр. 117.

Зависитъ же она обыкновенно единственно отъ той, сдѣланной волостнымъ правленіемъ, «приблизительно» и наобумъ поправки, которую оно вводитъ въ свои цыфры собственно для того, чтобы онѣ отличались отъ предыдущихъ и при сравненіи другъ съ другомъ его данныя не были заподозрѣны въ невѣрности. При всемъ этомъ степень точности самихъ посемейныхъ списковъ, какъ и приходскихъ книгъ (см. у г. Ходскаго) обусловливается, конечно, въ каждомъ данномъ случаѣ степенью обстоятельности, съ которою производится опросъ домохозяевъ и дѣлаются соотвѣтственныя въ спискахъ записи.

Если и въ великороссійскихъ губерніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ при составленіи этихъ списковъ бываютъ ошибки въ распредѣленіи населенія по семьямъ вслѣдствіе невѣрнаго пониманія и смѣшенія между собою терминовъ: семья, дворъ, домохозяйство, то въ юго-западномъ краѣ ошибки такого рода составляютъ вполнѣ обычное явленіе. Здѣсь, при участковомъ подворномъ владѣніи, весьма распространеннымъ является фактъ исчисленія семей по тѣмъ «нумерамъ», или дворамъ, которые при выходѣ на волю и полученіи надѣла, записаны были въ уставную грамоту. Хотя бы такой отдѣльный дворъ или нумеръ съ тѣхъ поръ фактически уже раздѣлился на нѣсколько отдѣльно живущихъ семей, все равно нѣкоторые изъ волостныхъ правленій постоянно причисляютъ ихъ въ спискахъ къ одному и тому же нумеру, пользуясь иногда этими данными для показанія числа *наличныхъ* семей въ волости.

Но всѣмъ этимъ еще не исчерпывается неточность такого рода данныхъ, потому что къ ихъ недостаткамъ надобно также прибавить—обусловленную, конечно, отсутствіемъ всякаго контроля—крайнюю небрежность низшихъ мѣстныхъ органовъ (волостныхъ правленій и полицейскихъ урядниковъ, получающихъ свои свѣдѣнія большею частію отъ тѣхъ же волостныхъ правленій) при сообщеніи такого рода свѣдѣній. Такая небрежность, конечно, присуща имъ и при доставленіи всякихъ другихъ «статистическихъ» свѣдѣній; но разъ уже зашла рѣчь о степени точности извѣстныхъ данныхъ, необходимо неотлагательно указать и на нее. И это тѣмъ болѣе, что

цыфры населенія, по самому своему характеру, трудно поддаются критической оцѣнкѣ и провѣркѣ хотя бы путемъ сравненія между собою. [1]) Характернымъ примѣромъ такой небрежности можетъ служить хотя бы сравненіе численности населенія по уѣздамъ Кіевской губ. по «Обзору» губерніи за 1898 г. и «Списку населенныхъ мѣстъ» за 1896 г.: въ то время, какъ по этимъ даннымъ въ 10 изъ 12 уѣздовъ губерніи съ 1896 по 1898 г. получился приростъ населенія (въ среднемъ 7%), исключеніе неожиданно (при отсутствіи въ нихъ за эти годы мало-мальски выдающихся эпидемій или выселеній) составили два уѣзда: Липовецкій и Чигиринскій, давшіе, наоборотъ, уменьшеніе населенія—первый въ $1^1/_2$% (около 4000 душъ), второй свыше 5% (около 13000 душъ на уѣздъ). На подобныя ошибки, объясняемыя единственно небрежностью доставлявшихъ данныя волостныхъ правленій, указываетъ, между прочимъ, одинъ изъ циркуляровъ бывшаго генералъ-губернатора гр. Игнатьева (1893 г. № 11911), [2]) гдѣ приводится указаніе на рядъ волостей, по которымъ цыфры населенія за 1890 г. дали уменьшеніе его на 36% сравнительно съ моментомъ надѣленія землею! (Между тѣмъ какъ мѣстныя уѣздныя и губернскія учрежденія, ничтоже сумняшася, пользовались этими данными для своихъ административныхъ цѣлей).

Если таковы бываютъ данныя, относящіяся къ той части населенія, исчисленіе которой производится наиболѣе точнымъ изъ практикуемыхъ способовъ, то не трудно представить себѣ, какою точностью должны отличаться свѣдѣнія объ остальныхъ группахъ населенія. Таковы, напр., данныя, собираемыя волостными правленіями о числѣ дворянъ, проживающихъ въ волостяхъ, о числѣ военныхъ и т. п.: нѣкоторыми волостными правленіями справки о числѣ дворянъ собираются «приблизительно» въ конторахъ мѣстныхъ сахарныхъ заводовъ (!), о числѣ военныхъ—отъ слу-

---

[1]) Сравнительно съ такими, напр., данными, какъ свѣдѣнія о рабочихъ цѣнахъ и т. п.

[2]) Содержаніе котораго тогда же было сообщено въ одной изъ мѣстныхъ газетъ.

чайно проѣзжающихъ офицеровъ и т. п.—лишь бы получить хоть какія нибудь цыфры населенія по сословіямъ. Отсюда понятно, почему при сравненіи между собою данныхъ обзора Волынской губ. за 1898 г. съ данными памятной книжки Волынской губ. на 1899 г. (гдѣ эти данныя относятся къ 1897 году), оказывается, что за годъ съ 1897 по 1898 г. количество отставныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами уменьшилось въ губерніи сразу на 18984 человѣка (съ 87443 на 68159), въ то время какъ количество «крестьянъ собственниковъ и другихъ приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ» увеличилось за это же время на 60 тысячъ душъ (съ 1.693,428 на 1.753,534), число цѣховыхъ за одинъ годъ уменьшилось почти вдвое (съ 4591 на 2330) и т. д., и т. д. Еще интереснѣе колебанія цыфръ, относящихся къ одному и тому же времени. Въ 1897 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Статистическаго обозрѣнія» юго-западнаго края—составленный «по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по оффиціальнымъ источникамъ» подполковникомъ ген. шт. И. Н. Толмачевымъ. Въ изданіи этомъ, къ сожалѣнію, совершенно отсутствуютъ какъ критика излагаемаго цыфрового матеріала, такъ и указанія источниковъ, изъ коихъ тотъ или другой статистическій матеріалъ заимствованъ. Предисловіе къ книгѣ ограничивается лишь общимъ указаніемъ, что «матеріалами служили: работы офицеровъ генеральнаго штаба; *повѣренныя ими на мѣстѣ* свѣдѣнія, предварительно полученныя отъ волостей» и затѣмъ архивныя данныя и печатные источники.[1]) Всѣ-ли волостныя данныя дѣйствительно «повѣрялись на мѣстѣ» и какъ повѣрялись—указаній въ текстѣ нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вполнѣ добросовѣстно указано разнорѣчіе полученныхъ изслѣдователями (неизвѣстно изъ какихъ именно источниковъ) цыфръ, относящихся къ одному и тому же году и къ одному и тому же предмету. Вотъ каковы, напр., колебанія по отдѣльнымъ *волостямъ* изслѣдованнаго района цыфръ, долженствовавшихъ опредѣлить численность лицъ, состоя-

[1]) Указанные въ особомъ перечнѣ.

щихъ въ австрійскомъ, германскомъ и «прочихъ» подданствахъ (наши колонисты):

	Въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ:				
По однимъ свѣдѣніямъ:	1132	388	417	726	392
По другимъ свѣдѣніямъ:	962	688	92	621	181

И которыя изъ этихъ цыфръ вѣрнѣе—это никому неизвѣстно.

Еще хуже колебанія цыфръ о распредѣленіи населенія по вѣроисповѣданіямъ. Напр., вотъ данныя за 1896 г. изъ той же книги о числѣ иновѣрцевъ по нѣкоторымъ волостямъ:

	Въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ:					
По полицейскимъ даннымъ:	66	70	210	2	655	22
По свѣдѣніямъ благочинныхъ:	286	205	947	—	2750	520

Тутъ ужъ болѣе вѣроятными кажутся цыфры низшаго ряда, но для того, чтобы сказать навѣрное, что это дѣйствительно такъ и судить о томъ, на сколько они близки къ истинѣ,—для этого тоже нѣтъ никакихъ данныхъ.

Какъ бы то ни было, а такое разнорѣчіе можетъ быть только результатомъ крайней небрежности, обусловленной прежде всего полнымъ отсутствіемъ всякаго контроля надъ такого рода «статистическими изслѣдованіями», производимыми волостными чинами и полиціей. Это—одна изъ главнѣйшихъ причинъ неточности собираемыхъ ими данныхъ. Другая отчасти была уже отмѣчена выше: это—невѣрное пониманіе первичныхъ элементовъ статистической записи, обнаружившееся при неправильномъ счетѣ семей въ посемейныхъ спискахъ по «нумерамъ», записаннымъ въ уставныя грамоты. Если бы въ такихъ волостяхъ были лица, которыя могли бы и наткнуться на такого рода ошибки, и на мѣстѣ же выяснить значеніе термина «семья» и способъ записи населенія по семьямъ, то недочеты подобнаго рода были бы навсегда устранены. Къ сходнымъ съ ними принадлежитъ и тотъ, тоже указанный выше, недочетъ нашей оффиціальной статистики, который выражается въ неправильномъ пріуроченіи къ данному году свѣдѣній, собранныхъ въ предыдущіе годы, безъ оговорокъ о времени, къ которому они въ дѣйствительности относятся, (пользованіе несвѣренными съ дѣйствительностью данными посемейныхъ

списковъ, собранными нѣсколько лѣтъ назадъ, безъ оговорки о времени, къ которому они въ дѣйствительности относятся). Но по поводу недочетовъ этого рода придется еще говорить ниже.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Въ большинствѣ оффиціальныхъ статистическихъ изданій [1]) цыфровыя свѣдѣнія о населеніи совмѣщаются въ таблицы подъ неопредѣленнымъ заголовкомъ: «численность населенія». Эта недостаточная точность терминовъ, употребляемыхъ въ вѣдомостяхъ и формулярахъ статистическихъ записей, составляетъ вообще одну изъ слабыхъ сторонъ оффиціальной статистики, представляющую источникъ многихъ ошибокъ и недочетовъ какъ въ дѣлѣ самаго собиранія статистическихъ свѣдѣній, такъ и въ дѣлѣ ихъ обработки. Возьмемъ хотя бы этотъ туманный по своей неточности заголовокъ: «численность населенія». Вѣдь подъ нимъ съ одинаковымъ правомъ можно подразумѣвать и численность одного только приписного населенія безъ посторонныхъ, и численность всего наличнаго населенія и—приписного, безъ отсутствующихъ и т. д. и т. д., по усмотрѣнію, въ зависимости отъ того, кто какъ будетъ понимать смыслъ этого заголовка. Благодаря этому, особенно при перемѣнномъ составѣ волостныхъ писарей, пониманіе ими такихъ заголовковъ можетъ оказаться далеко неодинаковымъ. Вслѣдствіе уже одного этого, даже при отсутствіи какой бы то ни было небрежности, а, наоборотъ,—при полномъ желаніи доставить вѣрныя свѣдѣнія, доставляемыя съ мѣстъ данныя могутъ оказаться не точными—не по существу, а съ точки зрѣнія несоотвѣтствія тому пониманію даннаго заголовка, какое подразумѣвалось требовавшимъ эти свѣдѣнія губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Такимъ образомъ, одна уже неточность заголовка можетъ привести къ неточности данныхъ и невѣрности выводовъ, дѣлаемыхъ изъ нихъ. Напр., одни волости пришлютъ свѣдѣнія только о наличномъ приписномъ населеніи, другія—вообще обо всемъ приписномъ, третьи—о приписномъ вмѣстѣ съ посторонними и т. д., а органъ, группирующій ихъ во-едино, считая ихъ доставленными въ соотвѣтствіи съ извѣстными ему требованіями заголовка, сгруппируетъ ихъ во-едино,

---

[1]) И далеко не одного только юго-западнаго края.

какъ совершенно однородныя, и будетъ сравнивать ихъ съ столь же «однородными» данными за прошлый годъ, съ таковыми же по другимъ губерніямъ и т. д., и т. д. Иными словами, сначала соединить несоединимое, потомъ сравнить несравнимое, а въ случаѣ выясненія такой несоизмѣримости присланныхъ данныхъ не будетъ даже имѣть возможности ввести какую бы то ни было поправку, такъ какъ не будетъ знать, кто какъ понималъ этотъ заголовокъ на мѣстѣ,—чьи свѣдѣнія соотвѣтствуютъ ему, чьи не соотвѣтствуютъ, и почему и на сколько.

Если такого рода неточности употребляемой въ оффиціальной статистикѣ терминологіи указываютъ на небрежность, или, вѣрнѣе, на неумѣнье, неподготовленность самихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ [1]) къ обращенію съ статистическими матеріалами (потому что точность терминологіи въ статистическихъ формулярахъ составляетъ одно изъ основныхъ требованій статистики), то производимыя съ этими матеріалами при ихъ обработкѣ манипуляціи только подтверждаютъ это. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы вышеуказанный примѣръ съ данными по двумъ уѣздамъ, давшимъ неожиданную убыль населенія. Произошла ли такая разница цыфръ дѣйствительно только отъ небрежности или, можетъ быть, благодаря тому неодинаковому пониманію заголовковъ («численность населенія»), на которое только что указано,—во всякомъ случаѣ, если приходится имѣть дѣло съ цыфрами, то надо ихъ анализировать, оцѣнивать, разсматривать, по нимъ дѣлать выводы,—слѣдовательно необходимо было остановиться на данномъ фактѣ и объяснить его значеніе въ текстѣ, чего, однако, не сдѣлано. Вѣроятно, не сдѣлано именно потому, что тогда пришлось бы прямо указать на невѣрность цыфръ. Но тогда зачѣмъ же нужна такая статистика и что же это за статистическіе труды, въ которыхъ текстъ стоитъ особнякомъ отъ цыфръ? [2])

---

[1]) Не юго-западнаго только края, а всѣхъ вообще.

[2]) Напр., какъ увидимъ ниже, когда по цыфрамъ оказывается сильное паденіе скотоводства, а текстъ говоритъ, что эта отрасль хозяйства идетъ нормально; цыфры урожая хлѣбовъ или сѣна приводятся

Рядомъ съ этимъ производимыя сравненія цыфровыхъ данныхъ обыкновенно не идутъ дальше прошлаго года: «численность населенія» отчетнаго года сравнивается съ таковою же по даннымъ одного прошлаго года и дѣлается выводъ—«больше» или или «меньше»; вычисляется годовой приростъ даннаго и сравнивается съ таковымъ же за одинъ прошлый годъ—какъ будто этотъ прошлый годъ не столь-же случаенъ, какъ и нынѣшній— и отсюда выводится опять заключеніе: «больше» или «меньше». И зачѣмъ нужны такіе выводы—неизвѣстно.

—

Обратимся, однако, къ другому отдѣлу оффиціальной статистики—къ статистикѣ землевладѣнія.

По собраннымъ на мѣстахъ свѣдѣніямъ, ежегодно требуемыя отъ волостныхъ правленій свѣдѣнія о размѣрахъ землевладѣнія составляются обыкновенно такимъ образомъ: свѣдѣнія о крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ (взятыя изъ владѣнныхъ документовъ) и о распредѣленіи этихъ земель по угодьямъ, въ большинствѣ случаевъ изъ года въ годъ переписываются одни и тѣже, большею частію независимо отъ фактическихъ измѣненій въ составѣ угодій. При этомъ случается, что волостной писарь, по небрежности, пропуститъ при перепискѣ нѣсколько селеній волости, или впишетъ одно и тоже дважды. Вслѣдствіе этого данныя за смежные между собою годы оказываются иногда разнящимися между собою на сотни и болѣе десятинъ, что, однако, не мѣшаетъ мѣстнымъ учрежденіямъ спокойно пользоваться ими безъ всякихъ поправокъ. На это указано было, между прочимъ, и въ помянутомъ уже циркулярѣ генералъ-губернатора, гдѣ былъ приведенъ цѣлый рядъ волостей, допустившихъ подобныя неточности (напр., *увеличеніе* (?) количества *надѣльной* земли въ одной

безъ выводовъ о ихъ значеніи для населенія, а затѣмъ гдѣ нибудь чрезъ нѣсколько страницъ особо и независимо отъ цыфръ, говорится въ текстѣ, на основаніи уже сообщеній предводителей дворянства или полиціи, что урожай оказался неудовлетворительнымъ и т. п.

какой нибудь волости въ теченіе времени съ 1890 по 1892 г. на 2000—3000 дес.!).

Цыфры землевладѣнія частнаго—не крестьянскаго, т. е. свѣдѣнія о количествѣ земель другихъ сословныхъ группъ въ предѣлахъ волости, тоже большею частію переписываются изъ года въ годъ приблизительно одинъ и тѣже по издавна—неизвѣстно правильно или неправильно—собраннымъ о нихъ даннымъ, такъ какъ общая площадь частныхъ земель въ районѣ волости, какъ само собою понятно, остается обыкновенно неизмѣнной. Отъ времени до времени, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ усмотрѣнія и желанія волостныхъ писарей, въ свѣдѣнія эти вводятся тѣ или другія, бо́льшія или меньшія измѣненія относительно состава владѣльцевъ (перемѣняющагося благодаря переходамъ частныхъ земель изъ рукъ въ руки). Если при перепискѣ для отчетнаго года свѣдѣній предыдущаго года волостной писарь случайно или не случайно узнаетъ, или припомнитъ о происшедшемъ переходѣ того или иного владѣнія въ другія руки и при этомъ сочтетъ нужнымъ собрать о немъ болѣе точныя справки и занести въ записываемыя данныя, то въ прежнія свѣдѣнія вводится поправка. Если же этого не случится, то они остаются безъ измѣненія или же исправляются въ томъ или иномъ отношеніи «для видимости», наобумъ, благо, полная безконтрольность его работы предоставляетъ волостному писарю возможность дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Доказательствомъ такой полной безконтрольности работы волостныхъ статистиковъ и въ этой области статистическихъ данныхъ можетъ служить нижеприводимое сопоставленіе, особенно характерное именно для юго-западнаго края, гдѣ принимаются, какъ извѣстно, особыя мѣры къ сокращенію польскаго землевладѣнія, гдѣ послѣднее и дѣйствительно сокращается (тѣмъ болѣе, что поляки покупать земли здѣсь не могутъ) и гдѣ, благодаря этому, ведется спеціальный подсчетъ землямъ польскаго владѣнія. И вотъ, сравненіе данныхъ «Памятной книжки» за 1895 г. съ оффиціальными же данными, приведенными въ помянутой работѣ офицеровъ генеральнаго штаба за 1896 г., (т. е. до выхода послѣдняго закона, предоставляющаго полякамъ - земледѣльцамъ покупать земли мелкими участками), къ удивленію, приводитъ

къ тому, что за годъ количество земли у поляковъ (въ одномъ изъ уѣздовъ—Радомысльскомъ) *увеличилось (?)* съ 144.496 до 150.389 дес., т. е. ни много, ни мало—на 5893 десятины, и при томъ—что тоже интересно—одновременно съ *уменьшеніемъ общаго количества земли въ уѣздѣ* (!)—съ 778.285 дес. до 775.118, т. е. на 3167 дес.

Нѣчто въ родѣ этого мы видимъ въ томъ же Радомысльскомъ уѣздѣ при сравненіи данныхъ о количествѣ пастбищныхъ земель по «Обзору» 1898 г. съ таковыми же данными по «списку насел. мѣстъ» за 1896 г., изъ которыхъ оказывается, что за эти 2 года количество пастбищныхъ земель уменьшилось будто бы въ этомъ уѣздѣ на 39.400 дес. (а въ Сквирскомъ уѣздѣ на 7461 д., въ Бердичевскомъ на 3315 и т. д.).[1]) Вообще, если бы явилось желаніе иллюстрировать сказанное новыми примѣрами такихъ статистическихъ фокусовъ и недочетовъ, то не потребовалось бы особаго труда введеніемъ новыхъ примѣровъ удвоить размѣры настоящей статьи.

Данныхъ о фактическихъ—и часто весьма въ дѣйствительности значительныхъ—перемѣнахъ въ составѣ угодій по землямъ частныхъ владѣльцевъ ежегодно не собирается, такъ что представляемыя по начальству «вѣдомости» по этому вопросу содержатъ обыкновенно свѣдѣнія о составѣ угодій не даннаго, а какого то прошлаго времени, среди которыхъ одна часть показаній въ дѣйствительности относится къ одному году, другая—къ другому и т. д.

—

Въ прилагаемыхъ къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ «Обзорахъ» губерній, какъ извѣстно, ежегодно проставляются данныя о размѣрахъ посѣвовъ различныхъ хлѣбовъ и о сборахъ таковыхъ за каждый отчетный годъ. При составленіи такихъ свѣдѣній о размѣрахъ посѣвовъ мѣстные органы руководствуются обыкновенно не данными какихъ либо спеціальныхъ подворныхъ опросовъ или пе-

[1]) Вѣроятнѣе всего, что такая разница произошла отъ различнаго пониманія доставлявшими эти свѣдѣнія термина—«пастбищныя земли»: одни могли зачислить сюда только земли, служащія лишь для выпаса, другіе—и лѣса, служащіе для выпаса и т. д.

реписей (которые и не производятся), а главнымъ образомъ тѣмъ собственнымъ приблизительнымъ представленіемъ объ обычныхъ размѣрахъ засѣвовъ, которое имѣется у мѣстныхъ должностныхъ лицъ (т. е., главнымъ образомъ, волостныхъ писарей), составляющихъ эти «свѣдѣнія». Какъ мѣстные жители, чины волостныхъ правленій, обыкновенно имѣютъ уже извѣстное представленіе о томъ, какого хлѣба крестьяне сѣютъ больше, какого меньше и какого еще меньше—и сообразно этому въ требуемыя вѣдомости, на основаніи тоже обычнаго представленія о среднихъ размѣрахъ высѣвовъ извѣстныхъ хлѣбовъ на единицу посѣвной площади, проставляются «приблизительныя» цыфры произведенныхъ посѣвовъ. Разница въ размѣрахъ высѣвовъ—въ зависимости отъ степени состоятельности хозяевъ, отъ качества почвы засѣваемыхъ земель, отъ самаго качества зерна, какъ равно и разница по отдѣльнымъ хозяйствамъ въ зависимости отъ наличности тѣхъ или другихъ сѣмянъ въ данное время, или въ силу предпочтенія ими однихъ хлѣбовъ другимъ и т. п.—въ разсчетъ тутъ, конечно, не принимается, такъ какъ цыфры ставятся огуломъ по общему представленію, «приблизительно». Надо замѣтить также, что при этомъ, для опредѣленія приблизительной площади посѣва тѣхъ или другихъ хлѣбовъ, обыкновенно принимается за норму обычный въ волости—большею частію трехпольный—сѣвооборотъ, и цыфра пахатной земли у крестьянъ дѣлится для всѣхъ селеній ровно на три части, независимо отъ случаевъ отступленій отдѣльныхъ хозяевъ отъ трехпольнаго сѣвооборота, случаевъ засѣва ими части толоки (пара), оставленія ими части земли безъ посѣва по недостатку сѣмянъ, вслѣдствіе запозданія съ посѣвомъ, ради отдыха землѣ и т. п. Если такія свѣдѣнія—при условіи, конечно, правильности имѣющагося у данныхъ волостныхъ чиновъ представленія о среднихъ обычныхъ посѣвахъ—и могутъ иногда болѣе или менѣе приближаться къ дѣйствительности, хотя бы въ поволостныхъ итогахъ, гдѣ сглаживаются и компенсируются особенности и отступленія, имѣющія мѣсто въ отдѣльныхъ селеніяхъ, то гдѣ же критерій, при помощи котораго можно отличить поволостные итоги менѣе близкіе къ истинѣ отъ тѣхъ, которые соста-

влены совсѣмъ наобумъ, какъ попало? А съ другой стороны, какимъ образомъ подобные итоги даже при наибольшей ихъ близости къ средней обычной дѣйствительности могутъ дать матеріалъ для правильнаго сужденія объ измѣненіи посѣвовъ во времени? Правда, и въ нихъ иногда вносятся извѣстныя поправки на измѣненіе площадей того или другого посѣва, когда такое измѣненіе бросится почему либо въ глаза своею безусловною очевидностью, массовою распространенностью. Напр., въ годы, слѣдующіе за неурожаями тѣхъ или иныхъ хлѣбовъ, когда чинамъ волостного правленія извѣстно, что зерна такого то хлѣба въ данный годъ останется для посѣва приблизительно на половину, или на треть противъ обычнаго количества, волостное правленіе, на основаніи этихъ своихъ общихъ соображеній, вноситъ соотвѣтственныя, по усмотрѣнію своему, поправки къ цыфрамъ прошлогодней вѣдомости, дабы не получить упрека въ завѣдомой невѣрности данныхъ. Но такія поправки вносятся обыкновенно только при массовыхъ, бросающихся въ глаза, отступленіяхъ отъ нормальнаго обычнаго порядка.

Слѣдовательно, при условіи даже болѣе или менѣе значительнаго приближенія цыфръ по данной волости къ средней обычной дѣйствительности, по нимъ не выведешь всетаки правильнаго заключенія о постепенномъ ходѣ измѣненій посѣвной площади во времени. Помимо того, даже степень приблизительности этихъ крупныхъ поправокъ на массовыя, бьющія въ глаза отступленія, какъ оказывается весьма нерѣдко зависитъ отъ степени желанія волостныхъ чиновъ представить свои вѣдомости въ наименѣе возбуждающемъ сомнѣнія видѣ: «сойдетъ или не сойдетъ»?— вотъ самый существенный для нихъ вопросъ въ этомъ дѣлѣ. И въ громадпѣйшемъ большинствѣ случаевъ непремѣнно «сойдетъ», потому что необходимаго контроля нѣтъ и критики нѣтъ и только явно несуразныя, чрезмѣрно бьющія въ глаза вещи подвергаются иногда сомнѣнію, при чемъ, будучи возвращены для исправленія, тоже измѣняются по усмотрѣнію, благо имѣется полная увѣренность, что никто и никогда не будетъ свѣрять ихъ съ дѣйствительностью.

При обычномъ ходѣ дѣла соблюдается лишь главное условіе, чтобы цыфры отчетнаго года не были буквальнымъ повтореніемъ предыдущаго, такъ какъ тутъ наименѣе вѣроятно, что дѣло «сойдетъ» благополучно. И цыфры поэтому измѣняются. А способъ измѣненія двоякій. Или писарь прямо наобумъ замѣнитъ ихъ другими, конечно, не слишкомъ различествующими отъ первыхъ (потому что рѣзкая разница можетъ тоже вызвать сомнѣніе и запросъ), или писарь обратиться къ старшинѣ, либо къ какому нибудь иному изъ сельскихъ и волостныхъ чиновъ съ вопросомъ въ родѣ: [1])

— А что, Иванъ Ивановичъ, нонѣ вѣдь наши, кажется, поменьше противъ прежняго овса посѣяли?

— Овса то?.. А стало быть что такъ... Потому какъ сѣмянъ нонѣ у многихъ не было хорошихъ, да и цѣны на него, вишь, эти годы нѣтъ тоже настоящей...

— А много ли?..

— Чего это?

— Да много ли, говорю, меньше противъ прежняго?

— А дюже, братъ ты мой! Поди на половину, иль на треть, пожалуй!...

— И по всей волости?

— Во всей ли, нѣтъ ли,—какъ въ той сторонѣ волости навѣрное не знаю, а только въ нашемъ то углу—ужъ это вѣрно!

— Такъ, какъ писать то, скажешь, половину, что ли?..

— Да ужъ пиши тамъ какъ нибудь, примѣрно... Половину ли, иль какъ?!. Вѣдь развѣ ихъ сочтешь у всѣхъ домохозяевъ!..

— Ну, а замѣстъ овса чего же сѣяли?— Снова интересуется писарь, видя необходимость, параллельно съ пониженіемъ цыфры овсяного посѣва, повысить посѣвъ чего нибудь другого изъ яровыхъ.

И старшина опять соображаетъ, какъ оно «примѣрно» было,— чего у нихъ посѣяли побольше, чего поменьше.

---

[1]) Передаю разговоръ слышанный мною въ одной изъ великорос. губерній.

Если относительно размѣровъ посѣвовъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ волостныя правленія, при желаніи и имѣя болѣе или менѣе близкое знакомство съ крестьянскимъ хозяйствомъ, могутъ дать хотя сколько нибудь приблизительныя свѣдѣнія, то о помѣщичьихъ земляхъ и этого нельзя сказать. Свѣдѣнія этого рода составляются ими (для «обзоровъ», «памятныхъ книжекъ» и пр.) еще болѣе «приблизительныя». Въ большинствѣ случаевъ они составляются тоже довольно упрощеннымъ способомъ: приблизительное количество владѣльческой пашни дѣлится преимущественно на три же поля—яровое, озимое, паръ.

Не слишкомъ значительныя фактическія отступленія отъ этого обыкновенно или остаются волостному правленію неизвѣстными, или въ расчетъ, въ видахъ упрощенія свѣдѣній, округленія цыфръ и во избѣжаніе хлопотъ съ нарочитыми объ этомъ справками, во вниманіе не принимаются. При наличности же болѣе замѣтныхъ крупныхъ отклоненій по отдѣльнымъ имѣніямъ соотвѣтственныя цыфры или проставляются приблизительно, по разспросамъ живущихъ близко, или бывавшихъ, напр., работавшихъ тамъ крестьянъ, или же—въ лучшихъ, но рѣдкихъ случаяхъ—послѣ «приблизительнаго» опроса управляющаго или даже и самого землевладѣльца (обыкновенно съ предупрежденіемъ: «намъ вѣдь это такъ—*только для статистики... для свѣдѣнія—приблизительно*»). Но и этотъ «опросъ» прямо зависитъ только отъ усмотрѣнія и усердія волостного писаря;—если онъ не захочетъ, то «вѣдомость» «обойдется и безъ этого».

Относительно обычныхъ среднихъ размѣровъ высѣва (на единицу посѣвной площади) сѣмянъ того или иного хлѣба у частныхъ владѣльцевъ, сравнительно съ крестьянами, чины волостного правленія (и даже урядники) тоже имѣютъ извѣстное представленіе («извѣстно, господа всегда высѣваютъ поменьше крестьянскаго: ржи на 1—2½ пуда, пшеницы тоже, а ежели еще сѣялкою, да при томъ и рядовою, то...» и т. д.). И сообразуясь съ этимъ своимъ представленіемъ объ обычныхъ высѣвахъ, они вычисляютъ размѣры посѣвовъ разныхъ хлѣбовъ. Хотя свѣдѣнія этого рода требуются и по имѣніямъ дворянъ изъ русскихъ и

поляковъ, и о земляхъ духовенства, купцовъ, однодворцевъ, почетныхъ гражданъ, мѣщанъ, чиншевиковъ, и пр., при чемъ весь этотъ разнообразный людъ можетъ вести хозяйство по своему, но все это обыкновенно подводится подъ одну общую мѣрку.

—

При составленіи «свѣдѣній» о размѣрахъ урожаевъ различныхъ хлѣбовъ волостныя правленія тоже обыкновенно руководствуются своими общими представленіями о приблизительномъ урожаѣ ихъ района, при чемъ, по усмотрѣнію и желанію, дополняютъ и исправляютъ ихъ путемъ разспросовъ, «при случаѣ», приходящихъ въ волостное правленіе крестьянъ, сельскихъ старостъ, но бываетъ, что и нарочито вызываютъ для этого старостъ тѣхъ или другихъ селеній. Тѣмъ же способомъ проставляются въ «вѣдомости» и свѣдѣнія объ урожаяхъ хлѣбовъ у помѣщиковъ; но бываетъ всетаки, что волостные чины (или, если пожелаютъ, и сами г. г. урядники) ѣздятъ для этого и по имѣніямъ. Однако весьма нерѣдко свѣдѣнія этого рода даются экономіями неохотно, «лишь бы отвязаться»;—отвѣчаютъ, напр., на вопросы такъ: «пиши хоть 50 пуд., хоть 100, мнѣ все равно» и т. п. А затѣмъ показанія подобнаго рода по выводѣ изъ нихъ итоговъ для цѣлыхъ уѣздовъ и губерній приводятся въ «обзорахъ» какъ матеріалъ для вывода заключеній объ «обезпеченности населеніи сборомъ отъ собственнаго урожая» и пр. и пр.!

И еслибы еще урожайность дѣйствительно опредѣлялась въ пудахъ на десятину! На самомъ же дѣлѣ ее почему то издавна уже требуютъ опредѣлять въ весьма неудобной формѣ «самъ» (самъ сколько), устраняющей возможность правильнаго сравненія урожаевъ и по мѣстностямъ и по хозяйствамъ различныхъ типовъ. Дѣло въ томъ, что размѣры высѣвовъ однихъ и тѣхъ же растеній измѣняются не только въ зависимости отъ почвенныхъ, климатическихъ и т. п. мѣстныхъ особенностей, но и въ зависимости отъ способа посѣва рукою, разбросною сѣялкою или рядовою, а также и отъ принадлежности хозяйствъ къ тому или иному типу (въ крестьянскихъ хозяйствахъ при прочихъ равныхъ условіяхъ высѣвъ на десятину обыкновенно бо́ль-

шій, чѣмъ въ помѣщичьихъ) и отъ самаго даже качества сѣмянъ (посѣвъ плохими сѣменами дѣлается гуще, чѣмъ хорошими). А вѣдь урожай самъ-семь отъ 8 пудовъ высѣва (56) далеко не то, что тотъ же урожай самъ-семь отъ 10 пудовъ высѣва (70); разница же высѣва на десятину въ 1—2 пуда для многихъ яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ составляетъ весьма обычное явленіе даже для земель одной и той же мѣстности.

Любопытно, что при такомъ способѣ опредѣленія урожаевъ могутъ, какъ оказывается получаться результаты, опровергающіе всѣ вѣроятныя предположенія о возможныхъ обычныхъ размѣрахъ высѣвовъ. Такъ, напр., въ «Обзорѣ» Кіевской губ. за 1898 г. на засѣвъ 115163 дес. земли подъ гречу потребовалось 954994 пуда сѣмянъ ея, т. е. въ среднемъ на десятину высѣвалось по $8^1/_3$ пуда, тогда какъ средній высѣвъ гречи на десятину въ Кіевской губ. 6—7 п., и максимальный не превышаетъ 8. Еще болѣе странный выводъ получился для проса: на 154257 десятинахъ посѣяно 580112 пуд. его, т. е. по 3, 8 (почти по четыре) пуда на десятину, тогда какъ обычный высѣвъ его не превышаетъ 2 пудовъ! [1]).

Нельзя также не обратить вниманія на способъ подсчета данныхъ о сборѣ хлѣбовъ. «Степень урожая» всѣхъ яровыхъ и (отдѣльно) всѣхъ озимыхъ складывается въ кучу и выводится въ видѣ какой то средней для губерніи степени урожая, по которой и опредѣляется общій сборъ яровыхъ и общій сборъ озимыхъ по губерніи. Такимъ образомъ, эта какая-то обстрактная средняя, служащая базисомъ для дальнѣйшихъ затѣмъ выводовъ объ «обезпеченности населенія» и пр. слагается какъ изъ обычныхъ самъ 6—8 овса и самъ 7—10 гороха, такъ и изъ столь же обычныхъ самъ 20—25 проса, цыфровая комбинація которыхъ мо-

---

[1]) Замѣчательно, что такіе недосмотры встрѣчаются даже въ такомъ «Обзорѣ» за 1898 годъ, какъ только что названный, отличающійся отъ прочихъ весьма выгодно литературнымъ изложеніемъ, большею обстоятельностью и стремленіемъ придать его выводамъ возможную научную обоснованность.

жетъ, конечно, дать итогъ весьма далекій отъ дѣйствительной средней урожая яровыхъ въ данномъ году. При этомъ названная средняя выводится изъ чисто механическаго огульнаго соединенія столь различныхъ по своему значенію, назначенію и цѣнности сельскохозяйственныхъ растеній, какъ овесъ, пшеница, горохъ и т. д.

Выведенными изложеннымъ путемъ итогами сборовъ яровыхъ, озимыхъ и картофеля обыкновенно и пользуются составители обзоровъ и памятныхъ книжекъ. Но пользуются весьма неудачно.

Обыкновенно берутъ цѣликомъ «абсолютное количество сбора хлѣбовъ», т. е. цыфру количества пудовъ озимыхъ или яровыхъ хлѣбовъ, собранныхъ по уѣздамъ или по всей губерніи въ валовыхъ итогахъ—и только; какъ будто какая нибудь цыфра въ 900 тысячъ четвертей ярового или озимаго, взятая безотносительно къ населенію и къ чему бы то ни было, можетъ дать какое бы то ни было представленіе о томъ, много это, или мало, достаточно или не достаточно, хорошо или худо. Правда, что въ Обзорахъ нерѣдко дѣлаются сравненія съ предыдущимъ временемъ, но къ сожалѣнію, обыкновенно только съ однимъ предыдущимъ годомъ [1]), который является по отношенію къ отчетному такимъ же случайнымъ, какъ и самъ отчетный годъ. И если бы еще при всемъ этомъ брались каждый разъ хоть вѣрные итоги выведенныхъ по уѣздамъ цыфръ, а то и это не всегда бываетъ. Напр., въ текстѣ Обзора Волынской губ. за 1898 г. невѣрно заключеніе Обзора, что озимаго собрано «болѣе на 912529 четвертей» такъ какъ, вмѣсто этой цыфры, должно стоять 813309 четвертей (разница на 99220 четвертей сравнительно съ данными въ таблицахъ того же обзора).

Бываетъ однако, хотя и рѣдко, что сравненіе данныхъ отчетнаго года о посѣвахъ и сборахъ хлѣбовъ по губерніи произ-

---

[1]) Обычная формула подобныхъ сравненій: «такимъ образомъ озимаго (или ярового, картофеля) собрано на (столько то) пудовъ болѣе (или менѣе) сравнительно съ прошлымъ годомъ».

водится и не только съ однимъ предыдущимъ годомъ. Такъ, въ одномъ изъ цитированныхъ Обзоровъ за 1898 г. мы находимъ, въ видѣ исключенія, даже цѣлую сравнительную таблицу данныхъ о количествѣ посѣвовъ ржи, пшеницы и картофеля за предыдущіе годы. Но и тутъ оказывается промахъ—только иного рода. Для сравненія берутся не группы годовъ, не извѣстные опредѣленные промежутки времени, а отдѣльные годы неизвѣстно по какимъ соображеніямъ вырванные изъ числа предшествующихъ отчетныхъ годовъ и при томъ даже безъ правильныхъ интерваловъ между ними. А тамъ же, рядомъ съ выводомъ сбора хлѣбовъ по формулѣ «самъ сколько», зачѣмъ то приводится таблица «средняго вѣса одной четверти хлѣбовъ» различныхъ названій въ данномъ году, назначеніе которой трудно уяснить, потому что средніе цыфры вѣса хлѣбовъ можно вообще получить въ любомъ сельскохозяйственномъ календарѣ. И это тѣмъ болѣе, что кромѣ голыхъ цыфръ «средняго вѣса» въ таблицѣ не приводится никакого иного сравненія, тогда какъ указаніе однородныхъ цыфръ за предыдущіе годы могло бы по крайней мѣрѣ дать матеріалъ для сужденія о степени легковѣсности или тяжеловѣсности зерна въ данномъ году (т. е. до нѣкоторой степени въ связи съ другими данными характеризовать урожай даннаго года) и т. д.

Всѣ подобные факты, конечно, указываютъ на неумѣнье статистическихъ комитетовъ пользоваться добытымъ матеріаломъ,—неумѣнье какъ критиковать, такъ и обрабатывать его; но объ этомъ будетъ еще сказано ниже.

Извѣстно, что часть свѣдѣній о посѣвахъ и сборахъ хлѣбовъ направляется непосредственно съ мѣстъ ихъ полученія (минуя Губернскіе Статистическіе Комитеты) въ Центральный Статистическій Комитетъ. Къ таковымъ принадлежатъ, между прочимъ, отвѣты, вписываемые въ вопросные бланки, присылаемые для разныхъ типовъ хозяйствъ. Что касается отвѣтовъ на эти бланки относительно трехъ типовъ крестьянскихъ хозяйствъ съ большимъ, среднимъ и малымъ надѣломъ, то отвѣты эти въ большинствѣ случаевъ стряпались тѣмъ же порядкомъ, который выясненъ выше. Помѣщики же должны были составлять эти отвѣты сами. Много

конечно, тутъ зависѣло отъ добросовѣстности и аккуратности отвѣчавшихъ и вообще отъ отношенія ихъ къ этой «статистикѣ», но не мало—и отъ выбора имѣній, по которымъ давались отвѣты. При ограниченности числа вопросныхъ листковъ по каждой волости весьма важно дѣлать правильный подборъ такихъ имѣній и удачный выборъ самихъ корреспондентовъ. Между тѣмъ подбора этого сдѣлать некому и потому дѣло сводилось часто прямо къ случаю и доставляемыя данныя находились въ полной отъ него зависимости. А между тѣмъ такая зависимость отъ случая можетъ имѣть у насъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что край нашъ отличается значительнымъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій и что чрезвычайное разнообразіе въ самомъ составѣ лицъ, занимающихся у насъ сельскимъ хозяйствомъ (русскіе землевладѣльцы—мѣстные и пришлые; помѣщики—поляки; колонисты изъ нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ; старообрядцы; чиншевики и т. д.) довольно рѣзко отражается на строѣ ихъ хозяйствъ.

Изъ изложеннаго достаточно видно, насколько вообще не точна эта статистика посѣвовъ и урожаевъ, какъ мало она подвергается критикѣ и контролю и на мѣстахъ и при обработкѣ собранныхъ данныхъ, какъ примитивны пріемы собиранія этого рода свѣдѣній, къ улучшенію которыхъ не дается никакихъ указаній, не принимается никакихъ мѣръ.

—

Обратимся теперь поэтому къ другому отдѣлу оффиціальной статистики—къ статистикѣ скотоводства.

Это—тоже одинъ изъ тѣхъ отдѣловъ, который страдаетъ значительною неточностью данныхъ. Если, какъ мы видѣли, недостаткомъ этимъ значительно страдаетъ даже статистика населенія, благодаря неудовлетворительной постановкѣ счисленія населенія, то по отношенію къ статистикѣ скотоводства въ этомъ уже нѣтъ ничего удивительнаго. И это тѣмъ болѣе, что счетъ скота обыкновенно связывается съ счисленіемъ населенія, производясь попутно и одновременно съ счетомъ послѣдняго. При этомъ волостное правленіе всегда хорошо помнитъ, что грубыя оплошности въ статистикѣ населенія—въ посемейныхъ, напр., спискахъ—мо-

гутъ еще быть замѣчены начальствомъ, а данныя о скотѣ всегда сойдутъ благополучно, лишь бы свѣдѣнія за данный годъ не были буквально похожи на предыдущій.

Для характеристики степени достовѣрности цыфръ этого рода возьмемъ свѣдѣнія изъ «Обзоровъ» хотя бы Волынской губ., за два различные года, въ теченіе которыхъ въ данныхъ мѣстностяхъ по сообщенію тѣхъ же Обзоровъ завѣдомо не было ни какихъ либо особыхъ перемѣнъ въ скотоводствѣ губерніи, ни болѣе или менѣе значительныхъ эпизоотій, и сравнимъ эти цыфровыя свѣдѣнія между собою.

Считалось лошадей въ:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе или уменьшеніе на: въ абс. ч.	въ %
Новоградволынск. у.	61542	72328	+10786	+17%
Заславскомъ у.	77632	68445	— 9187	—12%

Считалось рогатаго скота:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе на: въ абс. ч.	въ %
Кременецкомъ у.	36403	49592	+13189	+36%

Считалось овецъ простыхъ:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе на: въ абс. ч.	въ %
Кременецкомъ у.	48887	64491	+15604	+32%

Считалось тонкорун. овецъ:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе или уменьшеніе на въ абс. ч.	въ %
Острогскомъ у.	12389	7794	— 4695	—38%
Владиміроволынск. у.	23283	18839	— 4444	— 8%
Луцкомъ у.	9244	17418	+ 8174	+89%

Считалось свиней:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе или уменьшеніе на: въ абс. ч.	въ %
Зсславскомъ у.	30753	21579	— 9174	—30%
Дубенскомъ у.	18405	39398	+20993	+110%

Считалось козъ въ:	1897 г.	1898 г.	Увеличеніе на: въ абс. ч.	въ %
Новоградволынск. у.	121	2455	+ 2334	+1080%

Данныя «Обзоровъ» Подольской губ., относящіеся къ годамъ, въ которыхъ тоже, по отзывамъ самихъ обзоровъ, не было особыхъ перемѣнъ въ состояніи скотоводства, указываютъ, напр., такія колебанія цыфръ: въ Винницкомъ уѣздѣ судя по цыфрамъ, количество овецъ съ 1887 г. по 89 г. якобы уменьшилось на 17000 головъ и затѣмъ съ 1889 по 1890 г. еще на 7000,—всего на 24000; въ Балтскомъ число лошадей уменьшилось съ 1887 по 1890 г. на 10000 гол., въ Гайсинскомъ уѣздѣ количество рогатаго скота съ 1887 по 1889 г. уменьшилось на 9000, а съ 1889 г. по 1890, наоборотъ, увеличилось болѣе чѣмъ на 10000, какъ и число овецъ, уменьшившись сначала на 8000, увеличилось затѣмъ на 11000. Одновременно въ Ушицкомъ уѣздѣ число овецъ сначала упало сразу на 18000, а потомъ увеличилось на 3000, а въ Каменецкомъ съ паденія на 15000 перешло къ повышенію свыше чѣмъ на 8000, въ то время какъ въ Литинскомъ уѣздѣ цыфра рогатаго скота, увеличившись болѣе чѣмъ на 10000 головъ, затѣмъ упала на 4000, а въ Брацлавскомъ цыфра лошадей, увеличившись на 6000, понизилась затѣмъ болѣе, чѣмъ на 4000.

Такого рода колебанія цыфръ, выражаясь въ *тысячахъ* головъ скота, происходя въ очень краткіе промежутки времени и составляя при этомъ значительный процентъ къ цыфрѣ наличнаго скота ($^1/_5$, $^1/_3$ и болѣе), если бы они происходили въ дѣйствительности, должны были бы сказаться весьма серьезными и нерѣдко при томъ очень тяжелыми послѣдствіями на скотоводствѣ данныхъ мѣстностей, еслибы они происходили въ дѣйствительности. Но въ тѣхъ же, «Обзорахъ», въ главахъ объ эпизоотіяхъ, отдѣльно приводятся цыфры скота, павшаго въ тѣхъ или другихъ частяхъ губерніи отъ эпизоотическихъ заболѣваній и цыфры эти выражаются только какими нибудь сотнями головъ по губерніи, или группамъ уѣздовъ. Слѣдовательно, еслибы констатированныя выше измѣне-

нія въ численности скота въ сторону его уменьшенія происходили отъ эпизоотій, то они были бы въ полномъ противорѣчіи съ данными главы объ эпизоотіяхъ. Съ другой стороны, если уже «обзоры» отмѣчаютъ результаты заболѣваній, выражающіеся мелкими цыфрами, то трудно предположить, чтобы они проглядѣли столь крупныя послѣдствія эпизоотій... Такъ или иначе, но разъ текстъ «обзоровъ» въ главѣ скотоводства констатируетъ въ общемъ непарушимость состоянія скотоводства, а цыфры говорятъ совершенно иное, то или текстъ, или цыфры рѣзко отступаютъ отъ истины. А такъ какъ для составленія текста о состояніи той или иной отрасли народнаго хозяйства въ губерніи составители обзоровъ и памятныхъ книжекъ руководствуются главнымъ образомъ сообщеніями мѣстныхъ властей, излагаемымы въ ихъ бумагахъ (представленіяхъ, рапортахъ и т. д.), независимо отъ «статистическихъ» цыфръ о скотоводствѣ и проч., то, очевидно, что отступленіе отъ истины обыкновенно заключается главнымъ образомъ именно въ цыфрахъ. Цыфры пляшутъ на бумагѣ, по усмотрѣнію волостныхъ писарей, становыхъ и исправниковъ, а составители оффиціальныхъ статистическихъ изданій пользуются ими безъ критики, безъ провѣрки. Полное отсутствіе времени на такую провѣрку и усвоенное большинствомъ шаблонно-рутинное отношеніе къ такимъ цифрамъ приводитъ къ тому, что всѣ эти цыфры въ огромномъ большинствѣ случаевъ переписываются цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ пришли съ мѣстъ и, ничтоже сумнящася, отдаются въ печать. Не печатать же «статистическое» изданіе безъ цыфръ, не сидѣть же надъ провѣркой и критикой этихъ цыфръ, когда, съ одной стороны, что ни напечатай, все равно никто не замѣтитъ, а съ другой—и главное—сколько ни найди ошибокъ, сколько ни возвращай матеріалъ обратно для исправленія, все равно нѣтъ никакого, рѣшительно никакого критерія для удостовѣренія въ вѣрности новоприсланныхъ данныхъ, никакой возможности фактической ихъ провѣрки. Изъ за чего же стараться, ради чего хлопотать?

Но рядомъ съ приведенными недочетами, въ названныхъ статистическихъ изданіяхъ попадаются и другіе—по этому же

отдѣлу. Вотъ, въ «Обзорѣ» Волынской губ. за 1898 г. показана цыфра скота по губерніи—3170305; въ эту цыфру сведены всѣ роды и виды и возрасты скота, какія въ губерніи имѣются: говоря яснѣе, она выражаетъ собою, что въ Волынской губ. въ 1898 году было 3170305 лошадей, коровъ, телятъ, жеребятъ, быковъ, воловъ, овецъ простыхъ, овецъ тонкорунныхъ, ягнятъ, свиней и поросятъ. Цыфра, конечно, солидная, но прежде всего, совершенно ничего не выражающая, ни къ чему ненужная, лишенная всякаго смысла, недопустимая статистической наукою. Къ счастію, дальше приводятся и цыфры разныхъ родовъ скота отдѣльно и даже съ вычисленіемъ среднихъ скота на единицу населенія въ итогѣ для всей губерніи. Но какое значеніе имѣетъ такое среднее при той прямо громадной разницѣ въ состояніи, условіяхъ и значеніи скотоводства, какое наблюдается въ различныхъ частяхъ этой губерніи, напр., съ одной стороны, въ Волынскомъ полѣсьѣ, а съ другой въ южной части губерніи, смежной съ Подоліею?! Я уже не говорю о желательности расчлененія скотоводства крестьянскаго и владѣльческаго, находящихся тоже въ неодинаковыхъ условіяхъ, а вѣдь цыфра владѣльческаго скота включена въ итогъ по губерніи и повысила, такимъ образомъ среднюю на населеніе, выразивъ среднюю обезпеченность скотомъ главной массы населенія (т. е. крестьянъ) болѣе крупною цыфрою, чѣмъ это есть въ дѣйствительности!

Надо замѣтить еще, что вычисленіе этихъ среднихъ обыкновенно ограничивается опредѣленіемъ средней разныхъ родовъ скота лишь по отношенію къ населенію—на сто жителей; дальше этого дѣло обыкновенно уже не идетъ.

Сказаннымъ на столько достаточно выяснены главнѣйшіе недочеты статистики скотоводства какъ въ отношеніи качества данныхъ, такъ и въ отношеніи полнаго неумѣнья ихъ обработывать, что возможно перейти къ слѣдующему отдѣлу.

—

Остановимся—всего только на одну минуту—на данныхъ о сѣнѣ, благо, этотъ продуктъ имѣетъ такую близкую связь съ скотоводствомъ.

Способъ собиранія на мѣстахъ свѣдѣній объ урожаѣ сѣна тотъ же, что и объ урожаѣ хлѣбовъ. При обработкѣ этихъ данныхъ въ «Памятныхъ книжкахъ» и «Обзорахъ» обыкновенно приводятся: валовой итогъ сбора сѣна въ пудахъ по губерніи, или въ поуѣздныхъ итогахъ, указаніе «средняго сбора сѣна (въ пудахъ) на десятину» и сравненіе съ сборомъ предыдущаго года. О такого рода сравненіяхъ съ случайнымъ предыдущимъ годомъ говорилось уже выше—по поводу урожаевъ хлѣбовъ. Что касается вышеуказанныхъ среднихъ (на десятину) и валовыхъ итоговъ сбора, то они сами по себѣ не даютъ никакого представленія о степени обезпеченности мѣстнаго скота сѣннымъ кормомъ, въ виду того, что въ цыфрахъ этихъ отсутствуетъ какое бы то ни было сопоставленіе съ данными, могущими характеризовать размѣры потребности скота въ кормѣ. Характернымъ тому примѣромъ можетъ служить «Обзоръ» Волынской губ. за 1898 г. Въ немъ тоже имѣются (на стр. 3) эти валовые итоги и огульныя вычисленія, а вслѣдъ за цыфрами (но уже на стр. 10) приведены въ текстѣ и нѣкоторыя свѣдѣнія, выясняющія степень достаточности кормовыхъ средствъ для наличнаго скота. Именно, по отзывамъ предводителей дворянства оказывается, что сѣна не вездѣ хватитъ для прокормленія наличнаго скота. Такимъ образомъ, сами составители «Обзора» не пользуются своими цыфрами, а дѣлаютъ выводы на основаніи сообщеній лицъ, совершенно чуждыхъ дѣлу собиранія и сводки статистическихъ данныхъ. Да иначе и невозможно, потому что если даже обратиться къ этимъ цыфрамъ (на стр. 3), уже зная это заключеніе о недостаткѣ сѣна (на стр. 10), то и послѣ этого они ничуть не дѣлаются яснѣе и остаются прежними мертвыми цыфровыми знаками, не имѣющими смысла.

Нечего и говорить, что въ этихъ цыфрахъ отсутствуетъ также и раздѣленіе данныхъ о сборѣ сѣна на владѣльческихъ и на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, что было бы необходимо каждый разъ указывать въ виду значительнаго различія между этими двумя категоріями въ состояніи скотоводства и въ степени обезпеченности какъ скотомъ, такъ и самими сѣнокосами.

Такимъ образомъ, обычная, производимая по издавна усвоенному шаблону, «обработка» данныхъ объ урожаяхъ сѣна должна быть признана и неумѣлою и ничего не выясняющею.

—

Волостныя правленія обязаны ежегодно представлять по вопросу о цѣнахъ на рабочій трудъ вѣдомость «о цѣнахъ на рабочія руки: на довольствіи нанимателя и на довольствіи нанимающагося—во время посѣва хлѣбовъ, во время сѣнокоса, во время уборки хлѣбовъ, въ годъ и въ лѣто» по обычнымъ рубрикамъ: «поденная: работнику съ лошадью, работнику пѣшему, работницѣ», «помѣсячная: работнику и работницѣ» и «годовая: работнику и работницѣ».

Прежде чѣмъ указать на способы составленія этихъ вѣдомостей, остановимся на характеристикѣ заключающихся въ нихъ свѣдѣній (что и будетъ уже до извѣстной степени характеризовать самые способы собиранія этихъ данныхъ).

Возьмемъ для образца тотъ же «Обзоръ» Волынской губ., 1898 г. Въ «вѣдомости» средняя годовая плата рабочему на его харчахъ по Дубенскому уѣзду указана въ 170 р., работницѣ 80 р. на ея харчахъ. Мы—мѣстные жители—хорошо знаемъ, что у насъ ни въ Дубенскомъ уѣздѣ, ни вообще въ краѣ такой платы простому рабочему не бываетъ; такъ платятъ только «приказчикамъ» въ имѣніяхъ; наконецъ, сравненіе съ однородными данными той же вѣдомости по другимъ уѣздамъ убѣждаетъ въ томъ, что цыфра эта для Дубенскаго уѣзда почти удвоена, а уѣздъ этотъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ смежныхъ съ нимъ. Слѣдовательно, цыфры эти просто невѣрны. Въ томъ же уѣздѣ по-десятинная плата показана на своихъ харчахъ 5 р., на хозяйскихъ—2 р. 50 к.; но такой разницы не бываетъ: расходъ на харчи у насъ въ нормальное время никогда не достигаетъ стоимости работы; самое бѣглое сравненіе съ данными по другимъ уѣздамъ той же губерніи (и по той же вѣдомости) вполнѣ убѣждаетъ въ этомъ. По той же губерніи въ Ровенскомъ уѣздѣ работникъ съ лошадью получаетъ въ посѣвъ 1 р. 20 к. на своихъ харчахъ и 55 к. на хозяйскомъ содержаніи; такой разницы, какъ знаемъ мы—мѣст-

ные жители,—ни въ Ровенскомъ, ни въ другихъ уѣздахъ никогда не бываетъ, никто и нигдѣ у насъ не слыхалъ, чтобы въ обычное время (а годъ былъ по урожаю нормальный) харчи стоили дороже работы и обходились 55 к. въ день. Въ этомъ убѣждаетъ и сравненіе съ данными той же вѣдомости по другимъ уѣздамъ.

Посмотримъ теперь, какъ собираются на мѣстахъ свѣдѣнія этого рода.

Чины волостного правленія и сельскіе старосты, въ качествѣ мѣстныхъ жителей, приблизительно знаютъ обыкновенно мѣстныя цѣны, почему они и не признаютъ надобности производить для этого спеціальный объѣздъ селеній и опросъ населенія,—«что знаешь, то и записываешь, а не знаешь самъ—спроси у старшины, у того или другого старосты—вотъ и готово!» Задача, такимъ образомъ, рѣшается легко и просто,—«для вѣрности» надо бы только разспросить обстоятельнѣе.

На дѣлѣ, однако, выходитъ не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, у каждаго волостного писаря есть другое дѣло, болѣе отвѣтственное требующее бо́льшей точности и вниманія и поглощающее массу времени, во-вторыхъ, если и не разспросить какъ слѣдуетъ, а проставить «свѣдѣнія» эти «такъ», «приблизительно», то, безъ сомнѣнія дѣло обойдется тоже вполнѣ благополучно, тѣмъ болѣе что никому отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно. Въ третьихъ, за массой дѣла, всегда почти срочнаго, [1]) постоянно отвлекаемому другими дѣлами, волостному писарю не трудно и забыть или перепутать только что собранныя разспросомъ, но еще толкомъ не записанныя имъ данныя, особенно если самъ онъ хозяйства не ведетъ и потому «этихъ дѣлъ не знаетъ», или недавно еще служитъ въ волости. Такимъ образомъ, тутъ многое зависитъ отъ случая, отъ степени добросовѣстности, отъ желанія дать точныя свѣдѣнія. Можно просто переписать цыфры преды-

[1]) Кто знакомъ съ дѣлопроизводствомъ волостныхъ правленій, тотъ знаетъ какъ охотно и часто всѣ начальства требуютъ отъ нихъ срочнаго и спѣшнаго исполненія порученій и какая масса «срочныхъ свѣдѣній» лежитъ на ихъ обязанности.

дущаго года, нѣсколько видоизмѣнивъ ихъ по усмотрѣнію, «для видимости»—разницы ради, а въ будущемъ году измѣнить такимъ же путемъ цыфры этого года и т. д. И такъ можно дѣлать не только по недостатку времени, но и при наличности послѣдняго, потому что все это «ни къ чему», все это «и такъ сойдетъ», потому что «и другіе такъ дѣлаютъ», потому что «проставь свѣдѣнія хоть самыя вѣрныя—*тамъ* ихъ все равно не отличатъ отъ невѣрныхъ—не выдѣлятъ, не поблагодарятъ, не наградятъ за стараніе—такъ изъ за чего же стараться!» Такова откровенно высказанная точка зрѣнія на это дѣло волостныхъ писарей, которою и обусловливается самое положеніе дѣла. Пріемы собиранія свѣдѣній не указаны—способъ ихъ собиранія предоставленъ вполнѣ усмотрѣнію волостного писаря, контроля нѣтъ, вознагражденія, наградъ не полагается—стараться, очевидно, не изъ за чего!

—

Свѣдѣнія о промыслахъ, числѣ промышленниковъ и ремесленниковъ всегда значительно ниже дѣйствительности. Собираются они или опросомъ сельскихъ старостъ, или—рѣже—опросомъ кого либо изъ самихъ ремесленниковъ, въ увѣренности, что каждый ремесленникъ извѣстной спеціальности долженъ интересоваться собратіями по ремеслу и поэтому лучше всякаго другого знать число ихъ въ окрестностяхъ. Всѣ этого рода данныя обыкновенно не вѣрны, вслѣдствіе неточности сообщаемыхъ этими ремесленниками и доставляемыхъ старостами свѣдѣній—и главнымъ образомъ вслѣдствіе обычнаго у населенія и у мѣстныхъ должностныхъ лицъ отношенія къ этому вопросу. Дѣло въ томъ, что промышленникомъ или ремесленникомъ они считаютъ большею частью лишь такихъ лицъ, которые живутъ только даннымъ промысломъ, или ремесломъ. Остальныя же, занимающіеся даннымъ промысломъ, какъ подсобнымъ, напр., къ земледѣлію занятіемъ,—занимающіеся имъ отъ времени до времени, а также и лица, знающія данное ремесло не вполнѣ удовлетворительно («Какой онъ сапожникъ! только слава, что сапожникъ—ему только латки латать!»), хотя бы они и жили главнымъ образомъ отъ этого ремесла, «на-

стоящими» промышленниками, «настоящими» ремесленниками обыкновенно не считаются ни въ глазахъ крестьянъ, ни въ глазахъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ. И промышленники такого рода въ счетъ обыкновенно не ставятся.

Изъ «Обзоровъ» Волынской губ. за 1897 и 1898 г.г. можно видѣть, какіе необыкновенные прыжки дѣлаютъ «статистическія» цыфры этого отдѣла оффиціальной статистики. По свѣдѣніямъ главы о ремесленномъ производствѣ въ губерніи было:

	въ 1897 г.	въ 1898 г.	Прыб. или убыло: въ абс. ч.	въ %
Мастеровъ, рабоч. и учениковъ:	52826	71050	+18224	+34%
Между тѣмъ тогда же было цѣховыхъ:	4593	2330	—2263	—49%

т. е. ремесленное производство будто-бы за одинъ годъ дало (судя по верхнимъ цыфрамъ) громадное паденіе общаго числа ремесленниковъ въ 34%—болѣе чѣмъ на $^1/_3$ прежняго своего размѣра. Но въ тоже время, судя по цыфрамъ нижняго ряда, оно—въ лицѣ цѣховыхъ—дало, наоборотъ, громадное уменьшеніе—почти на половину—противъ своего прежняго количества. Оба ряда, очевидно, другъ другу совершенно противорѣчатъ, такъ что не знаешь чему вѣрить, чему не вѣрить, или ужъ ничему не вѣрить. И, однако—что тоже характерно—въ текстѣ мы не находимъ ни объясненія этихъ паденій и повышеній, ни разъясненія этого противорѣчія: текстъ составленъ опять независимо отъ цыфръ, приведенныхъ въ этомъ текстѣ!

Упомянемъ кстати, что далѣе въ томъ же «Обзорѣ» имѣются такія данныя, долженствующія служить къ характеристикѣ фабрично-заводскаго производства въ губерніи:

	въ 1897 г.	въ 1898 г.	Прыб. или убыло: въ абс. ч	въ %
Фабрикъ и заводовъ:	1912	1323	—589	—30%
Сумма ихъ производства (въ рубляхъ).	1674022	18647212	+1907190	+11%

Опять цыфры находятся, видимо, во взаимномъ противорѣчіи, такъ какъ уменьшеніе числа фабрикъ и заводовъ почти на $^1/_3$ приводитъ не къ уменьшенію, а къ значительному увеличенію суммы ихъ производства (на 11% или почти на два милліона рублей). Тамъ же параллельно приводятся другія цыфры, свидѣтельствующія, наоборотъ, что увеличеніе въ числѣ извѣстнаго рода промышленныхъ предпріятій ведетъ къ уменьшенію ихъ производительности:

	въ 1897 г.	въ 1898 г.	Прыб. или убыло: въ абс. ч.	въ %
Мельницъ	390	426	+36	+ 9%
Производительность ихъ въ рубляхъ	3818184	3431737	—386447	—10%

при чемъ это уменьшеніе производительности мельницъ (т. е., слѣдовательно, уменьшеніе помола) происходитъ при условіи повышенія урожая хлѣбовъ (см. тотъ же «Обзоръ») сравнительно съ предыдущимъ (1897) годомъ!

По «Обзорамъ» за 1890—91 г.г. оказывается, что въ то время какъ въ Волынской и Подольской губ. имѣлось 90 и 449 гончарныхъ заведеній, въ Кіевской таковыхъ не имѣлось на всю губернію ни одного, и это не смотря на то, что гончарныя произведенія ежедневно привозились въ Кіевъ на базары изъ его окрестностей. [1]) По этимъ же «Обзорамъ» 1890—91 г.г. въ то время какъ по первымъ 2 губерніямъ числилось 3116 и 4011 мельницъ разнаго рода, по Кіевской ихъ считалось всего 162—цыфра, совершенно невѣроятная, какъ по сравненію съ предыдущими двумя, такъ и въ виду полнаго противорѣчія съ дѣйствительностью: стоитъ поѣхать на прогулку по Днѣпру, чтобы съ парохода насчитать отъ нечего дѣлать на кіевскомъ берегу почти половину той цыфры однѣхъ только вѣтряныхъ мельницъ, которая сосчитана въ «Обзорѣ»

---

[1]) По «Статистич. Обозрѣнію» И. Н. Толмачева въ 2 селеніяхъ одного только Радомысльск. у. Кіевской губ. гончарнымъ производствомъ занимается постоянно 18 дворовъ.

по цѣлой губерніи. Интересно однако отмѣтить при этомъ, что, несмотря на только что сказанное о ней, цыфра обзора Кіевской губ., обозначающая число мельницъ въ ней (162) въ тоже время можетъ быть и близка къ дѣйствительности—и вотъ съ какой точки зрѣнія. Суть въ томъ, что оффиціальная статистика въ извѣстныхъ случаяхъ регистрируетъ лишь наиболѣе крупныя производства (въ размѣрѣ отъ 2000 р. въ годъ или съ числомъ рабочихъ свыше 16 человѣкъ). Слѣдовательно, можетъ быть, въ данномъ случаѣ столь рѣзкая разница цыфръ по смежнымъ губерніямъ произошла не вслѣдствіе одной ихъ неточности, а вслѣдствіе главнымъ образомъ или даже исключительно того, что въ одномъ случаѣ приняты къ учету всѣ или большая часть мельницъ, а въ другомъ только мельницы съ извѣстнымъ размѣромъ производства, почему вышеприведенныя цыфры, въ сущности, вѣроятно даже не сравнимы между собою. Бѣда тутъ именно въ томъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ «Обзорѣ» не указано, всѣ ли и если не всѣ, то какого рода мельницы приняты въ каждомъ данномъ случаѣ къ учету. И въ этомъ тоже заключается одинъ изъ обычныхъ и весьма распространенныхъ недостатковъ разработки статистическаго матеріала нашими статистическими комитетами [1])—что они, по неумѣнью съ нимъ обращаться и по незнакомству съ элементарными статистическими пріемами обработки обыкновенно (не говоря уже объ отсутствіи критики матеріала) никогда почти не указываютъ предѣловъ статистическаго наблюденія.

—

Остановимся еще на одномъ изъ обычныхъ отдѣловъ, разрабатываемыхъ оффиціальною статистикою, именно на отдѣлѣ свѣдѣній о натуральныхъ повинностяхъ. Свѣдѣнія этого рода основываются—во многихъ, по крайней мѣрѣ, волостяхъ—на записяхъ отбытыхъ очередей, дѣлаемыхъ въ особыхъ, для этой цѣли заведенныхъ, книгахъ. Сіи послѣднія въ волостяхъ, гдѣ нѣтъ сельскихъ писарей, а такихъ въ юго-западномъ, напр., краѣ большинство,—ведутся при волостномъ правленіи, и свѣдѣнія, въ нихъ включаемыя, доставляются

[1]) И не юго-западнаго только края.

правленію (устно) сельскими старостами. Но послѣдніе бываютъ въ волостномъ правленіи далеко не ежедневно и приходя въ правленіе разъ или два въ недѣлю, уже не могутъ, полагаясь на одну свою память, сообщить точныя свѣдѣнія о числѣ всѣхъ лицъ, отбывавшихъ за истекшее время и подводную, и дорожную и караульную и всѣ другіе виды натуральныхъ повинностей. Если это, какъ оказывается, нерѣдко случается даже при веденіи названныхъ книгъ самими сельскими управленіями—когда бываетъ, что и староста и сельскій писарь все-таки забываютъ (или лѣнятся) аккуратно вписать въ книгу всѣ отбытыя за день натуральныя очереди, или же староста на другой день уже не можетъ припомнить, сколько именно человѣкъ фактически отбывало наканунѣ каждую повинность,—то при веденіи этихъ книгъ въ волостномъ правленіи всѣ такого рода случаи становятся прямо неизбѣжными. При томъ же и тутъ на каждомъ шагу приходится имѣть дѣло съ чисто формальнымъ отношеніемъ къ веденію такой статистики: для требуемаго начальствомъ заполненія книги записываются очереди безусловно фактивныя. Напр., для каждаго дня года аккуратно записывается въ книгу число лицъ, отбывавшихъ по наряду ночные караулы въ каждомъ селеніи волости, хотя въ дѣйствительности никто на эти караулы не выходитъ, такъ какъ ночные караулы соблюдаются только въ дни пріѣзда въ деревню урядника или иного начальства. А между тѣмъ впослѣдствіи этимъ цыфрамъ подводятся итоги (да еще какія точныя: съ опредѣленіемъ стоимости натуральныхъ повинностей по губерніи съ точностью до копѣекъ включительно!), и изъ нихъ дѣлаются выводы о размѣрахъ натуральныхъ повинностей въ уѣздахъ, въ губерніяхъ, въ цѣломъ краѣ и составляются соображенія объ относительной ихъ точности, о дѣйствительномъ значеніи для населенія и пр., и пр.!

Л. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

Въ 1886 году Кіевская 2-я гимназія должна была отпраздновать 50-тилѣтіе своего существованія, и намъ извѣстно, что она готовилась къ этому торжеству, что уже проектъ празднованія былъ утвержденъ въ министерствѣ и что даже опредѣлены были юбилейные дни. Какія причины заставили черезъ нѣсколько времени отложить на неопредѣленный срокъ празднованіе юбилея, объ этомъ пока мы не станемъ говорить подробно, а скажемъ только, что все это дѣло отсрочки возникло по недоразумѣнію, въ которомъ впослѣдствіи правдивый судъ исторіи разберется со всей объективностью и, конечно, признаетъ, что черезчуръ много было удѣлено вниманія мелочамъ и что одновременно съ этимъ слишкомъ много было внесено страстности въ это дѣло со стороны покойнаго попечителя округа С. П. Голубцова. Къ этому юбилею 2-ой кіевской гимназіи учитель исторіи Н. С. Тумасовъ готовилъ большой трудъ, въ которомъ хотѣлъ представить обзоръ всѣхъ выдающихся моментовъ жизни гимназіи, характеризуя одновременно съ этимъ и общее теченіе въ направленіяхъ учебно-воспитательнаго дѣла въ краѣ, въ связи съ оцѣнкой личностей, стоявшихъ во главѣ учебнаго округа. Такимъ образомъ, предполагалась, собственно говоря, не исторія одного учебнаго заведенія въ теченіе 50 лѣтъ его существованія, но исторія учебно-воспитательнаго дѣла въ нашемъ краѣ за тотъ-же періодъ. Къ сожалѣнію, трудъ Н. С. Тумасова не появился въ печати, хотя

намъ достовѣрно извѣстно, что онъ былъ вполнѣ законченъ. Еще къ бо́льшему сожалѣнію трудъ этотъ въ бо́льшей своей части исчезъ и въ рукописи,—по крайней мѣрѣ, послѣ смерти автора, въ его бумагахъ не оказалось ея. Въ настоящее время сыну покойнаго Н. С. Тумасова удалось разыскать нѣсколько первыхъ главъ этого труда, которыя и предоставлены въ распоряженіе нашей редакціи. Мы охотно удѣляемъ мѣсто этимъ главамъ на страницахъ нашего журнала, разсчитывая, во 1-хъ, сдѣлать общедоступными тѣ талантливо составленные очерки изъ жизни первыхъ лѣтъ Кіевской 2-й гимназіи, которые принадлежатъ перу высоко цѣнившагося современниками педагога и вообще человѣка, и во 2-хъ, попытаться вызвать у людей, знающихъ, гдѣ находится полный текстъ рукописи, желаніе подѣлиться своими свѣдѣніями съ нами, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность напечатать всю исторію Кіевской 2-ой гимназіи въ теченіе перваго пятидесятилѣтія ея существованія.

Считаемъ своимъ долгомъ, по поводу печатаемыхъ теперь главъ, сказать нѣсколько словъ и объ авторѣ ихъ, Никифорѣ Степановичѣ Тумасовѣ, безвременно сошедшемъ въ могилу 14 лѣтъ тому назадъ.

Н. С. Тумасовъ, окончивъ курсъ по историко-филологическому факультету въ университетѣ Св. Владиміра, въ 1863 году назначенъ былъ младшимъ учителемъ въ Немировскую гимназію, откуда въ томъ-же году былъ перемѣщенъ на должность старшаго учителя исторіи въ Черниговскую гимназію. Черезъ годъ онъ переходитъ, согласно своему желанію, младшимъ учителемъ географіи въ Кіевскую 2-ую гимназію, т. к. всѣ стремленія его были посвятить себя научнымъ работамъ, для которыхъ провинціальныя гимназіи, особенно 40 лѣтъ назадъ, были мало отвѣчающими нуждамъ научнаго труда. Пишущій эти строки имѣлъ счастіе въ тѣ годы быть ученикомъ Н. С. Тумасова, талантъ котораго, какъ учителя, развернулся во всей полнотѣ черезъ пять лѣтъ, когда онъ въ 1870 году занялъ во 2-ой гимназіи должность учителя исторіи. Не бывъ уже въ эти годы его ученикомъ, мы не можемъ передать нашихъ непосредственныхъ впечатлѣній

о его урокахъ, но знаемъ со словъ его бывшихъ учениковъ, что уроки исторіи были всегда отдыхомъ для учащихся, особенно, если принять во вниманіе, что установленная съ начала 70-хъ годовъ, въ очень рогатой формѣ, кла́ссическая система предмету исторіи удѣлила мало мѣста, въ значительной степени съузивъ рамки самого предмета. Раньше нами было сказано, что Н. С. Тумасовъ стремился изъ провинціи въ Кіевъ ради занятій науками, и дѣйствительно, въ эти годы пребыванія здѣсь онъ успѣлъ выдержать магистерскій экзаменъ и защитилъ въ 1872 г. диссертацію подъ заглавіемъ: «Историко-юридическій бытъ русскаго крестьянства». Обладая, такимъ образомъ, обширными познаніями и даромъ живого, увлекательнаго слова, Н. С. Тумасовъ вносилъ въ мертвящую скуку обильнаго классицизма въ гимназіи оживляющее начало. Сверхъ того, будучи человѣкомъ, носившимъ въ душѣ своей идеалы всего чистаго и разумнаго, онъ умѣлъ и учащихся располагать къ добрымъ порывамъ. Этимъ и объясняется, что онъ за все время служенія своего въ Кіевской 2-й гимназіи, въ теченіе 20 лѣтъ, съумѣлъ пріобрѣсть полное уваженіе и любовь къ себѣ со стороны учащихся и признаніе его громадныхъ педагогическихъ заслугъ со стороны ближайшихъ руководителей школы. Сверхъ преподаванія въ гимназіи, Н. С. Тумасовъ, благодаря своимъ ученымъ работамъ, съ 1873 года получилъ мѣсто штатнаго доцента древней исторіи въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ и преподавалъ этотъ предметъ въ теченіе 11 лѣтъ. Такъ, можно сказать, блистательно проходили годы педагогической дѣятельности Н. С. Тумасова вплоть до начала 1886 года, когда онъ, по распоряженію попечителя округа С. П. Голубцова, былъ неожиданно для него переведенъ учителемъ-же исторіи въ Полтавское Реальное Училище. Конечно, оставаться въ Полтавѣ на долгій срокъ онъ не разсчитывалъ, а поѣхалъ туда только впредь до пріисканія себѣ болѣе удовлетворительнаго служебнаго положенія. Черезъ полъ-года Н. С. Тумасовъ получилъ уже мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ онъ сталъ желаннымъ преподавателемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Но недолго пришлось ему поработать въ столицѣ: слабое здоровье его, послѣ

не разъ бывшаго и раньше воспаленія легкихъ, не выдержало въ Петербургскомъ климатѣ еще одного рецидива этой болѣзни, и онъ скончался 23 декабря 1887 года, оплакиваемый безчисленнымъ множествомъ его учениковъ, сослуживцевъ и почитателей.

ВВЕДЕНІЕ.

До 1836 года въ Кіевѣ существовала только одна гимназія—нынѣшняя 1-я. Само собою разумѣется, что она не въ силахъ была удовлетворить научнымъ стремленіямъ всего, подроставшаго тогда, юнаго поколѣнія, особенно послѣ той участи, которой въ 1832 году подверглось школьное дѣло на обширномъ пространствѣ юго-западнаго края. Мы подразумѣваемъ закрытіе училищъ, состоявшихъ при римско-католическихъ монастыряхъ, вызванное старымъ споромъ двухъ родственныхъ племенъ. Когда силою оружія споръ этотъ наконецъ разрѣшился, тотчасъ приступлено было къ анализу свершившагося факта, и анализъ показалъ, что школы, организованныя въ юго-западномъ краѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, служили колыбелью началъ, враждебныхъ русской государственной централизаціи, и были разсадниками польско-шляхетскаго патріотическаго энтузіазма. О томъ, каково было воспитаніе въ этихъ училищахъ, мы можемъ судить по отзыву людей вполнѣ компетентныхъ, людей, стоявшихъ къ нимъ очень близко и имѣвшихъ возможность присмотрѣться къ нимъ очень хорошо. Такъ, тогдашній Министръ Народнаго просвѣщенія въ докладной запискѣ Государю Императору прямо заявляетъ, что училища эти «вредны по вліянію» и что взамѣнъ ихъ необходимо «завести другія, болѣе полезныя» [1]). Въ томъ же смыслѣ высказался первый Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа [2]). Господствующее направленіе въ этихъ училищахъ отличалось, по его словамъ,

---

[1]) Сбор. Пост. по М. Н. Пр. т. II, ч. 1, стр. 392.

[2]) Кіев. Учебн. Ок. учрежденъ 9 Декабря 1832 г. См. доп. къ Сбор. Пост.

«вполнѣ монашескимъ характеромъ» [1]), при чемъ его замѣчаніе должно быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ: какъ монастырская дисциплина и какъ католическо-польское направленіе. Такія заявленія не позволяли сомнѣваться въ томъ, что въ областяхъ, отторгнутыхъ отъ Польши, нужна новая постановка учебно-воспитательнаго дѣла, постановка скорая и рѣшительная. Еще 4 Апрѣля 1831 года «Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: 1) Чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія и въ особенности Попечитель Бѣлорусскаго Учебнаго Округа приложили всевозможное стараніе къ скорѣйшему исполненію имѣющихся предположеній о постепенномъ уничтоженіи духовныхъ училищъ при римско-католическихъ монастыряхъ и о преподаваніи на русскомъ языкѣ наукъ въ долженствующихъ замѣнить оныя свѣтскихъ училищахъ, имѣя постоянною цѣлью направленіе публичнаго воспитанія къ сближенію тамошнихъ жителей съ природными Россіянами и, 2) чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія принимало постоянно тѣ же мѣры и въ отношеніи училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, гдѣ исполненіе оныхъ будетъ тѣмъ легче и успѣшнѣе, что бо́льшая часть народонаселенія сихъ губерній состоитъ изъ природныхъ Россіянъ» [2]). На основаніи Высочайшей воли немедленно было приступлено къ упраздненію римско-католическихъ монастырей, и школъ, при нихъ состоявшихъ; недвижимыя имѣнія, принадлежавшія имъ, были конфискованы, а доходы съ нихъ обращены на открытіе и содержаніе училищъ свѣтскихъ [3]). Вновь открываемыя училища должны были радикально измѣнить всю систему образованія въ юго-западномъ краѣ. «Общая наша обязанность, писалъ Министръ Попечителямъ, состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе совершалось въ духѣ православія, самодержавія и народности». Такимъ образомъ новое направленіе противополa-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Рус. Арх. 1875 г. ст. 273; Каменецъ-Подольская гимназія — Михалевича.

[3]) Сбор. пост. т. II, ч. 1, стр. 403 и 571.

галось прежнему, основанному на католицизмѣ, конституціи и польской національности. Раньше другихъ заведены были свѣтскія школы въ Бѣлоруссіи, а потомъ уже въ Кіевскомъ Учебномъ Округѣ. Тогдашній Кіевскій Генералъ-Губернаторъ, графъ Левашевъ, вошелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ проектомъ, построеннымъ на весьма широкихъ для того времени основаніяхъ: онъ предполагалъ открыть во всѣхъ губерніяхъ, находившихся подъ его управленіемъ, по одному училищу въ каждомъ уѣздномъ городѣ и по два приходскихъ въ каждомъ уѣздѣ, такъ, чтобы число ихъ простиралось до 72 [1]). Попечитель же Округа фонъ-Брадке настаивалъ на необходимости открыть еще въ Кіевѣ другую гимназію, такъ какъ одной для такого города было недостаточно.

Разработка обоихъ проектовъ въ подробностяхъ и вообще дальнѣйшая дѣятельность по открытію 2-й гимназіи принадлежитъ тогдашнему директору Кіевской 1-й гимназіи Петрову, который, какъ видно изъ черновыхъ листковъ, сохранившихся въ архивѣ 2-й гимназіи, съ большимъ усердіемъ занимался этимъ вопросомъ. Открытіе гимназіи, пріисканіе для нея помѣщенія, устройство въ ней учебной части, снабженіе ея учебными пособіями и т. д.— все это почти исключительно лежало на немъ. Наконецъ къ Январю 1836 г. все было приготовлено. Сначала 2-я гимн. предполагалась на Подолѣ, но потомъ, за неимѣніемъ въ этой части города подходящаго помѣщенія, рѣшено было устроить ее въ другомъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью былъ пріобрѣтенъ участокъ земли подлѣ Михайловскаго монастыря, противъ строившагося тогда римско-католическаго костела, и на немъ предполагалось воздвигнуть гимназическое зданіе; но для постройки его не оказалось нужныхъ средствъ. Тогда Попечитель Округа обратился съ просьбою къ гражданскому начальству пригласить жителей Кіева, не согласятся-ли они своими пожертвованіями содѣйствовать достиженію предположенной цѣли [2]). На сдѣланный вызовъ собрано было по

[1]) Дѣло объ открытіи 2-ой гимн. № 17.

[2]) Эти, равно какъ и нѣкоторыя другія, свѣдѣнія извлекаемъ изъ труда бывшаго директора 2-й гимназіи Слѣпушкина: «Первые годы Кіев. 2-й гимн.» 1872 г.

подпискѣ 16,535 р. асс., 36 р. с. и одинъ червонецъ; но въ эту сумму входило 1000 р., пожертвованныхъ графинею Браницкою, 300 р. Е. Ф. Лопухиной и 15,000 р., вырученныхъ за мѣсто, принесенное гимназіи въ даръ генералъ-маіоромъ Бѣгичевымъ и уступленное гимназіею для Института Благородныхъ Дѣвицъ. Такимъ образомъ количество остальныхъ пожертвованій не доходило и до 300 р. Очевидно было, что и на всю собранную сумму воздвигнуть гимназію нельзя, тѣмъ болѣе, что изъ денегъ, вырученныхъ за пожертвованіе Бѣгичева, тотчасъ-же было употреблено на первоначальное обзаведеніе гимназіи 3113 р. Оставалось до лучшаго времени помѣститься въ частномъ домѣ, и для гимназіи былъ нанятъ двухъ-этажный домъ генерала Гербеля противъ дворцоваго сада (вблизи Фундуклеевскаго фонтана). Плата за наемъ этого дома произведена была не на счетъ государственнаго казначейства, а изъ суммы трехъ старшихъ учителей [1]), которыхъ предполагалось не назначать въ первомъ году, такъ какъ въ этомъ году открывалось только четыре низшихъ класса. Одновременно съ заботою объ отысканіи и обезпеченіи для гимназіи удобнаго помѣщенія, шелъ вопросъ объ ассигнованіи штатной суммы на содержаніе личнаго состава и на учебно-вспомогательныя пособія при ней, о преподавателяхъ и ученикахъ, а также о предметахъ гимназическаго курса. Дальнѣйшее устройство гимназическаго дѣла было предоставлено будущему. Что касается штатовъ, то на содержаніе 2-й гимназіи было ассигновано изъ доходовъ съ имѣній упраздненныхъ въ 1832 году римско-католическихъ монастырей 31,000 р. асс. [2]).

Ассигновать сумму было легко. Не стоило никакого труда дать новому учебному заведенію и учащихся: классы 1-й гимназіи, особенно низшіе, до того переполнены были учениками, что перевести часть ихъ во 2-ю гимназію значило освободить

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1835 г. ч. 6 (Отчетъ Министра). По разсчету, произведенному Петровымъ, эта сумма составляла 4777 р. 50 к. (см. Дѣло объ открытіи 2-й гимн. № 17).

[2]) Сбор. Пост. т. II, отд. 1. (Штаты и приложенія).

одну гимназію отъ лишняго бремени, а другой сразу дать возможность функціонировать. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ первый мѣсяцъ по открытіи число учащихся во 2-й гимназіи дошло до такой цифры, до которой едва-ли доходила какая-нибудь гимназія Россійской имперіи при своемъ зарожденіи. Такъ, уже къ 1 Февраля 1836 года въ ней было 246 учениковъ, а въ концѣ гражданскаго года число ихъ возросло до 354, изъ коихъ 308 поступило изъ 1-й гимназіи. Раздѣливъ это число на 5 классовъ (5-й классъ открылся съ началомъ слѣдующаго учебнаго года), получимъ среднюю величину класса въ 70 человѣкъ. Такое скопленіе учащихся, внушавшее серьезныя опасенія за успѣшность преподаванія и надзора, скоро было устранено открытіемъ на Печерскѣ уѣзднаго училища [1]), куда и переведено было изъ трехъ низшихъ классовъ 2-й гимназіи 105 учениковъ [2]).

Не особеннаго труда стоилъ и подборъ педагогическаго персонала. Такъ, до пріисканія директора для новой гимназіи временное завѣдываніе ею поручено вышеупомянутому Петрову. Личный составъ гимназіи на первый разъ образовался слѣдующимъ образомъ:

а) *Инспекторомъ* назначенъ былъ инспекторъ Черниговской гимназіи *А. К. Зейдлицъ.*

б) *Законоучителями:* 1) православнаго исповѣданія—кандидатъ Кіевской Духовной Академіи *А. Я. Синицынъ,* 2) римско-католическаго—кандидатъ богословія *І. В. Стейвилло.*

в) *Старшими учителями:* 1) Русской Словесности и Логики — учитель Житомирской гимназіи, студентъ Харьковскаго Университета *В. А. Унтиловъ*; 2) Русскаго языка—дѣйствительный студентъ Педагогическаго Института *З. Ѳ. Коробкинъ*; 3) Математики—учитель 1-й гимназіи, дѣйствительный студентъ Педагогическаго Института *Н. М. Гренковъ*; 4) Латинскаго языка—

---

[1]) Училище это открыто 20 Ноября 1836 г.

[2]) См. Отчетъ за 1836 г., актовую записку 1837 г. и «Первые годы 2-й гимн.» Слѣпушкина.

И. Н. Пилянкевичъ; 5) Греческаго языка—воспитанникъ Смирнской гимназіи высшихъ наукъ *П. Н. Іеропесъ*.

г) Младшими учителями: 1) Нѣмецкаго языка—воспитанникъ Вѣнскаго Университета *А. А. Шеневе*; 2) Французскаго языка *А. О. Козелли;* 3) Географіи и въ помощь прочимъ учителямъ—воспитанникъ Духовной Академіи *В. М. Лисовскій*, и наконецъ 4) чистописанія и рисованія—воспитанникъ Харьковскаго Коллегіума *И. Я. Краснокутскій* [1]).

д) Первыми надзирателями были: *І. Д. Урсо*, бывшій учитель Лицея князя Безбородко, занимавшійся въ Университетѣ св. Владиміра обученіемъ фехтованью, *А. О. Козелли*—учитель гимназіи, и отставной капитанъ *Бондзкевичъ*.

е) Почетнымъ Попечителемъ былъ назначенъ отставной гвардіи полковникъ *В. В. Монтрезоръ*» [2]), изъ формулярнаго списка коего видно, что онъ былъ польскій дворянинъ, получившій домашнее образованіе.

Не такъ легко было справиться съ постановкой учебныхъ предметовъ въ открываемой гимназіи. Хотя въ вооруженной схваткѣ съ русскимъ правительствомъ Поляки и проиграли, но нисколько не проиграли они въ общественномъ положеніи своемъ: на ихъ сторонѣ по прежнему оставался перевѣсъ какъ умственныхъ, такъ и экономическихъ силъ края. Вліяніе ихъ было еще слишкомъ велико для того, чтобы не внять голосу, раздававшемуся изъ ихъ среды. Вотъ почему, когда поднялся вопросъ о предметахъ гимназическаго курса во 2-й гимназіи, встрѣтилось весьма серьезное затрудненіе, созданное польскимъ языкомъ—ввести или не ввести его въ систему гимназическаго образованія. За польскій языкъ, если не въ обѣихъ, то по крайней мѣрѣ въ 1-й гимназіи, стояли: почетный попечитель графъ Ильинскій, Педагогическій Совѣтъ 1-й гимназіи, Университетъ св. Владиміра и наконецъ

---

[1]) Мѣста старшихъ учителей математики и физики, латинскаго языка, исторіи и статистики остались до времени, какъ сказано выше, вакантными.

[2]) «Первые годы 2-й гимназіи»—Слѣпушкина.

самъ Попечитель Округа, «въ виду того (какъ выразилась 1-я гимназія), что часто встрѣчается нужда въ языкѣ польскомъ живущимъ и служащимъ въ этомъ краѣ и оправдывается состояніемъ польской литературы, заслуживающей вниманія каждаго образованнаго человѣка». Противъ этого мнѣнія вооружался одинъ только Петровъ. Въ своемъ представленіи онъ доказывалъ, что «прибавленіе излишняго противъ Устава предмета едва-ли будетъ совмѣстно съ преподаваніемъ всего въ Уставѣ положеннаго и что если въ Бѣлорусскомъ штатѣ есть польскій языкъ, то онъ тамъ занялъ мѣсто греческаго», который включенъ въ число учебныхъ предметовъ будущей 2-й гимназіи.

Хотя доводы за польскій языкъ, какъ предметъ гимназическаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, сами по себѣ были мало убѣдительными, тѣмъ не менѣе фонъ-Брадке нашелъ возможнымъ войти съ представленіемъ къ министру въ благопріятномъ для поляковъ духѣ. Ходатайство его однакожъ не увѣнчалось успѣхомъ. Убѣжденія Уварова сошлись на этотъ разъ съ убѣжденіемъ Петрова.

Когда, такимъ образомъ, было уже все подготовлено, 8 января 1836 г. послѣдовало наконецъ открытіе 2-й гимназіи, получившей названіе *губернской*, потому что директору ея поручено было завѣдываніе всѣми училищами губерніи, какъ уѣздными, такъ и приходскими.

Въ теплой церкви Михайловскаго монастыря, по просьбѣ директора, совершена была литургія викаріемъ Кіевской митрополіи, Владиміромъ. На литургіи присутствовали: попечитель, учащіе и учащіеся 2-й гимназіи. Послѣ назидательнаго слова Епископа о страхѣ Божіемъ, воспитанники и служащіе отправились въ нанятой домъ, куда въ 11 ч. прибыли: генералъ-губернаторъ графъ Гурьевъ, генералъ-адъютантъ Кайсаровъ, попечитель Округа фонъ-Брадке, комендантъ Турчаниновъ, и. долж. губернатора Пенкинъ, проректоръ и профессоры Университета и, наконецъ, преосв. Владиміръ. Совершивъ молебствіе и окропивъ классы новой гимназіи святою водою, онъ благословилъ учащихся _ъ ней иконою Спасителя. Затѣмъ прочтена была записка объ

обстоятельствахъ, предшествовавшихъ открытію гимназіи, и о ея учрежденіи, а въ заключеніе учитель Словесности Унтиловъ произнесъ рѣчь «*Объ успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи*». Слава въ вышнихъ Богу и народный гимнъ закончили собою торжество.

Новооткрытая гимназія должна была начать жизненную дѣятельность свою, сообразуясь съ Уставомъ гимназій 8 декабря 1829 г. Прежде, однако, чѣмъ познакомимся съ этимъ Уставомъ, который служитъ точкою отправленія при изображеніи полувѣковой жизни 2-й гимназіи, считаемъ нужнымъ, во 1-хъ, указать источники, изъ которыхъ почерпнуты свѣдѣнія, помѣщаемыя въ настоящемъ трудѣ, и во 2-хъ, поставить тѣ вопросы, которыми опредѣляется содержаніе его. Начнемъ съ источниковъ. Самымъ главнымъ источникомъ былъ для насъ архивъ 2-й гимназіи. Къ сожалѣнію, при пользованіи этимъ, безспорно самымъ важнымъ изъ всѣхъ источниковъ, находившихся въ нашемъ распоряженіи, встрѣтились неожиданныя и часто даже непреодолимыя препятствія. Не смотря на самую строгую аккуратность при его просмотрѣ, мы не могли найти въ немъ довольно значительнаго числа документальныхъ данныхъ, каковы, напр., общія и частныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ (за нѣсколько лѣтъ), годовые отчеты о состояніи гимназіи (также за нѣсколько лѣтъ) и друг. Спѣшимъ оговориться. Это не значитъ, что архивъ находится въ безпорядкѣ, нѣтъ: главная причина исчезновенія разныхъ документовъ произошла отъ того, что въ продолженіе 20 лѣтъ гимназія не имѣла собственнаго помѣщенія и по необходимости должна была переходить изъ дома въ домъ [1]), при

---

[1]) Такъ первоначально одна часть ея (первыя отдѣленія) помѣщалась вблизи царскаго сада въ д. Гербеля, а другая (вторыя отдѣленія) въ Липкахъ въ д. Коробкина, потомъ въ д. Киселевскаго и Верхаловскаго на Крещатикѣ, затѣмъ парал. отдѣленія переведены были въ д. Матросова, отсюда въ д. Иржикевича, послѣ въ д. Головни; потомъ она перешла въ выстроенное для нея зданіе нынѣшней 1-й гимназіи, потомъ, когда по волѣ Имп. Николая Павловича, въ этомъ зданіи были помѣщены (въ 1851 г.) неранжированныя роты Кадет-

чемъ очень естественно и неминуемо должна была произойти потеря разныхъ бумагъ, весьма пригодныхъ для ея исторіи; да и тогда, когда она перешла въ нынѣшнее помѣщеніе, архивъ ея не оставался въ покоѣ: нѣсколько разъ онъ переносился съ одного мѣста на другое. Не менѣе важное затрудненіе, испытанное нами при разборѣ архивнаго матеріала, состояло въ невозможности довѣряться статистическимъ исчисленіямъ, на которыхъ построены старые отчеты о состояніи гимназіи. По отчетамъ этимъ нельзя составить себѣ точнаго представленія ни объ умственномъ и нравственномъ состояніи заведенія, ни даже о численномъ составѣ учащихся. Такъ напр., въ отчетѣ за 1840 годъ показано неуспѣвшихъ учениковъ въ цѣлой гимназіи всего 15, тогда какъ по общимъ вѣдомостямъ въ одномъ IV классѣ ихъ значится 15, а во всѣхъ остальныхъ 44. И такихъ примѣровъ не мало. Невѣрность показаній выпудила наконецъ попечителя князя Давыдова сдѣлать за это директорамъ замѣчанія [1]). Очень вѣроятно, что дефекты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, могли-бы быть пополнены архивнымъ матеріаломъ канцеляріи Попечителя Округа, но пользоваться имъ, по недостатку времени и силъ, мы не могли.

Другой важный источникъ, къ которому необходимо было обратиться, это—Сборникъ постановленій и распоряженій по Мин. Нар. Пр. вмѣстѣ съ дополненіями къ нему. Затѣмъ слѣдовало пересмотрѣть Журналъ М. Нар. Пр. за всѣ годы, начиная съ 1835-го, всѣ печатные циркуляры по управленію Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ, и наконецъ въ извѣстной степени воспользоваться пособіями, относящимися къ исторіи просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Таковы: капитальный трудъ Лукашевича, извѣстныя сочиненія В. Шульгина, Исторія Университета св. Владиміра Буданова,

---

скаго корпуса, она помѣстилась въ д. Козлова. Подобно ей, блуждали, хотя и меньше, общія квартиры и канцелярія, при ней состоящія. И только въ 1856 году г. она нашла прочный пріютъ, въ которомъ и пребываетъ до настоящей поры.

[1]) См. окружное предложеніе отъ отъ 10 Мая 1845 г.

Каменецъ-Подольская гимназія Михалевича, Первые годы Кіевской 2-й гимназіи Слѣпушкина, Историко-Статистическое обозрѣніе 1-й гимназіи Андріяшева, Кіевская Старина, Русскій Архивъ и нѣк. другія.

Переходя теперь къ уясненію плана, по которому производилась настоящая работа, мы должны замѣтить, что жизнь и дѣятельность гимназіи не такъ проста, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Гимназія есть своего рода организмъ съ весьма сложными отправленіями и, какъ всякій организмъ, подчиняется всей совокупности вліяній какъ высшаго, такъ и низшаго порядка, дѣйствующихъ на него со всѣхъ сторонъ. Вліянія эти слѣдующія. 1) Прежде всего постановленія, исходящія отъ верховной власти, выполненіе которыхъ имѣетъ характеръ обязательный. Они даютъ тонъ и направленіе учебному заведенію, опредѣляютъ конечную цѣль его и ставятъ ему опредѣленныя требованія и задачи. 2) Распоряженія высшихъ органовъ административной власти, которыя въ подробностяхъ развиваютъ поставленныя верховною властью требованія, указываютъ на способы, наиболѣе подходящіе къ тому, чтобъ достигнуть намѣченныхъ результатовъ воспитанія и, вообще, имѣютъ высшій надзоръ за правильнымъ теченіемъ учебно-воспитательнаго дѣла; это—вліяніе на дѣятельность гимназіи со стороны Министра и Окружнаго Начальства. 3) Двумя этими вліяніями далеко еще не исчерпывается жизненный процессъ средняго учебнаго заведенія; многое еще зависитъ отъ личнаго характера, способностей, знаній и нравственнаго склада ближайшихъ исполнителей, а также отъ взаимнаго отношенія ихъ другъ къ другу, т. е. отъ директора, инспектора, педагогическаго персонала и низшаго педагогическаго надзора; отсюда возникаетъ необходимость дать себѣ отчетъ въ томъ, въ какой мѣрѣ эти лица своею дѣятельностью способствовали назначенію гимназіи, указанному свыше. Далѣе, въ 4) хотя учащіеся должны-бы, повидимому, составлять совершенно пассивный элементъ гимназіи, но этого на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ и быть не можетъ, во 1-хъ, потому, что они—живые люди, иногда удивительно разнообразные по темпераменту, на-

клонностямъ и особенностямъ, однимъ словомъ—отличающіеся каждый своею индивидуальностью, на которую нельзя не обращать вниманія, если желательно, чтобы средняя школа лучшимъ образомъ выполнила свою миссію; при томъ эти дѣти несутъ съ собой въ гимназію начала, пріобрѣтенныя ими въ семьѣ, а начала эти, какъ извѣстно, также весьма разнообразны. Въ 5) если съ одной стороны учебное заведеніе имѣетъ значеніе центра, испускающаго лучи образованія въ современное и грядущее поколѣніе людей, то съ другой стороны нельзя отвергать и того, что оно само находится подъ неотразимымъ дѣйствіемъ тѣхъ желаній, стремленій, тѣхъ идей и того нравственнаго склада, которые въ данный моментъ представляетъ общество. Такъ или иначе, но общество зачастую заявляетъ требованія, которыя въ извѣстной мѣрѣ отражаются на жизни школы и, то помогая, то иногда вредя ей, сообщаютъ ей нерѣдко особенный колоритъ. Слѣдя поэтому за теченіемъ полувѣковой жизни Кіевской 2-й гимназіи, мы полагали, что необходимо прежде всего изобразить дѣятельность высшаго правительства и указать въ ней все то, что относится къ постановкѣ учебно-воспитательной части всѣхъ гимназій, въ томъ числѣ и 2-й Кіевской, потомъ представить характеристику ближайшихъ руководителей юношества и ихъ дѣятельность по отношенію ко 2-й гимназіи, за тѣмъ разсмотрѣть всѣ данныя, касающіяся успѣха и поведенія учениковъ, наконецъ указать, какое вліяніе на жизнь гимназіи производили разныя общественныя явленія.

Сообразно съ такою постановкою вопросовъ, мы раздѣлили свой трудъ на три отдѣла, изъ коихъ первый посвященъ обозрѣнію правительственныхъ постановленій и распоряженій, во второмъ—всесторонне разсматривается внутренняя жизнь 2-й гимназіи, а въ третьемъ—взаимное вліяніе другъ на друга гимназіи и общества.

Отдѣлъ I.

Мы сказали уже, что въ основаніе дѣятельности Кіевской 2-й гимназіи легъ Уставъ 8 декабря 1828 г. Каковы же были требованія этого устава.

Первое, что въ немъ бросается въ глаза, это—подчиненіе гимназій непосредственному вѣдѣнію Университетовъ (§ 178, 179, 181 и др.). Ввѣряя судьбу учебныхъ заведеній Университетамъ, законодатель руководствовался тѣмъ для чести высшаго учебнаго заведенія лестнымъ взглядомъ, что никто лучше профессорской корпораціи не можетъ вникнуть въ потребности училищъ, никто не можетъ лучше руководить ими и заботиться объ ихъ преуспѣяніи. Съ другой стороны, учрежденіе лишней административно-хозяйственной инстанціи между гимназіями и Окружнымъ Начальствомъ создавало цѣлый рядъ затрудненій, осложнявшихъ механизмъ управленія учебными заведеніями. Впрочемъ, Кіевской 2-й гимназіи не довелось личнымъ опытомъ убѣдиться въ неудобствахъ университетскаго управленія, потому что незадолго до ея открытія, а именно 25 іюня 1835 г., по Высочайшему указу всѣ дѣла по училищамъ перешли въ вѣдѣніе Учебнаго Округа [1]).

Цѣль учебныхъ заведеній вообще и гимназій въ частности заключается, по выраженію Устава, въ томъ, «чтобы *при нравственномъ образованіи* доставлять юношеству средства къ пріобрѣтенію *нужнѣйшихъ* по состоянію каждаго *познаній*. (§ 1). Учрежденіе губернскихъ гимназій имѣетъ цѣль двоякую: доставить способы приличнаго ихъ званію [2]) воспитаніе тѣхъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены, или не могутъ продолжать ученіе въ Университетахъ, а готовящихся вступить въ оные снабдить

---

[1]) Сбор. Пост. Т. II, отд. 1, стр. 730.

[2]) Въ одномъ изъ слѣд. параграфовъ это выраженіе поясняется такимъ образомъ: «такъ какъ *главнѣйшая* цѣль учрежденія гимназій *есть доставленіе средствъ воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ*, то...» (§ 137).

необходимыми для сего предварительными знаніями» (§ 134). Раздвоеніе цѣли, однако, на самомъ дѣлѣ являлось ни болѣе, ни менѣе, какъ только кажущимся, такъ какъ предметы ученія для всѣхъ учащихся были одни и тѣ же и такъ-какъ по буквальному выраженію Устава, назначеніе учителей «состоитъ въ образованіи ума и сердца ввѣряемыхъ имъ юношей» (§ 158), т. е. въ умственномъ и нравственномъ ихъ развитіи. Для достиженія этой цѣли «учители должны внушать ученикамъ своимъ, что преподаваніе ихъ есть только руководство для достиженія познаній, которыя пріобрѣтаются не иначе, какъ собственными усиліями. Учители и во время преподаванія и внѣ классовъ, особливо въ сношеніи съ учениками, обязаны не забывать важности своего званія, стараясь всегда по возможности дѣйствовать на юныя души воспитанниковъ, служа для нихъ примѣромъ благонравія, трудолюбія, точнаго, ревностнаго исполненія долга и строгаго наблюденія не только правилъ чести, но и необходимыхъ приличій общежитія» (§ 159 и 161).

Извѣстно, что для того, чтобы учащіеся могли получить солидную научную подготовку и настоящій нравственный образъ, кромѣ извѣстнаго круга образовательныхъ предметовъ, нужно еще, чтобы учащіе и воспитывающіе были весьма солидно образованные, свою науку любящіе и знающіе люди; въ противномъ случаѣ выйдетъ не наука, а только мука. Уставъ 1828 г., повидимому, не требуетъ отъ учителей высокаго образовательнаго ценза; онъ говоритъ: «учители опредѣляются Университетомъ, въ вѣдомствѣ коего находятся гимназіи, хотя-бы приготовлялись къ сему званію и въ другомъ Учебномъ Округѣ» (§ 141). Объ одномъ только директорѣ выразительно сказано, хотя и съ прибавкою *усмотрѣнія*, что онъ «избирается предпочтительно изъ имѣющихъ ученыя степени чиновниковъ». Эта невзыскательность къ научнымъ силамъ преподавателей очень хорошо объясняется недостаткомъ, который ощущался тогда въ людяхъ съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ. Чтобы помочь бѣдѣ, правительство между прочимъ еще въ сентябрѣ этого года учредило Главный Педагогическій Институтъ, ближайшею цѣлью котораго была

именно подготовка учителей для гимназій и профессоровъ для Университетовъ [1]).

Курсъ ученія въ гимназіяхъ установленъ семилѣтній изъ слѣд. предметовъ: 1) Законъ Божій, 2) Россійская грамматика, логика и словесность, 3) Латинскій языкъ, 4) Математика, 5) Исторія и Статистика, 6) Географія, 7) Физика, 8) Французскій языкъ, 9) Нѣмецкій языкъ, 10) Чистописаніе, 11) Рисованіе и Черченіе, а во 2-й гимназіи и въ нѣкоторыхъ другихъ еще и 12) Греческій языкъ. Преподаваніе распредѣлялось такъ, что учитель исторіи долженъ былъ преподавать и статистику, учитель физики—высшую математику, а учитель географіи — русскую грамматику. Учители раздѣлялись на старшихъ и младшихъ, различавшихся по образованію, по классамъ, въ которыхъ преподавали, по жалованью и по правамъ. Старшіе были съ университетскимъ образованіемъ, состояли постоянными членами Педагогическаго Совѣта, преподавали въ высшихъ классахъ и получали 1625 р. асс. въ годъ; младшіе—съ среднимъ образованіемъ, считались случайными членами Педагогическаго совѣта, преподавали въ низшихъ классахъ и получали 1200 р. асс. въ годъ [2]). Ежедневно было четыре урока, по $1^1/_2$ часа каждый, утромъ и послѣ обѣда; по средамъ для высшихъ классовъ только утромъ (§ 152). Такимъ образомъ преподаваніе во всѣхъ классахъ гимназій, за исключеніемъ, конечно, воскресныхъ и праздничныхъ дней да еще среды для четырехъ высшихъ классовъ, должно было продолжаться шесть часовъ ежедневно. Относительно количества часовъ для каждаго даннаго предмета нужно замѣтить, что наиболѣе видное въ этомъ отношеніи мѣсто Уставъ отвелъ изученію древнихъ классическихъ языковъ и отечественнаго, такъ какъ на русскій языкъ съ логикою и словесностью онъ отвелъ $34^1/_2$ ч. въ недѣлю, на Греческій языкъ, начиная съ IV кл. 30 ч., а на Латинскій—39 ч., т. е. болѣе, чѣмъ $^1/_2$ всего числа уроковъ, по-

---

[1]) Сбор. пост. Т. II, отд. 1, стр. 113.

[2]) Собственно говоря, младшіе учителя (см. § 148) преподавали рус. грамматику, географію и новые иностранные языки.

ложенныхъ для 12-ти предметовъ гимназическаго курса. Разсматривая этотъ вопросъ еще ближе, найдемъ, что система гимназическаго образованія по Уставу 1828 г. есть строго *классическая*, и такъ какъ она основана на изученіи человѣка по-преимуществу, то имѣетъ полное право на названіе *гуманитарной*.

Опредѣливъ кругъ образовательныхъ предметовъ и количество занятій по каждому изъ нихъ, Уставъ 1828 г. хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить успѣхъ преподаванія. Съ этою цѣлью онъ, во 1-хъ, поставилъ непремѣннымъ условіемъ имѣть библіотеку съ физическимъ и математическимъ кабинетами, и во 2-хъ— указалъ, какого метода обученія обязаны держаться преподаватели. Онъ говоритъ: «соотвѣтственно возрасту учащихся, сіе руководство (т. е. преподаваніе) можетъ быть двухъ родовъ. Въ нижнихъ классахъ учитель долженъ болѣе объяснять и часто повторять свои объясненія, но стараясь и тогда уже посредствомъ вопросовъ и задачъ пріучать дѣтей разсуждать, соображать, однимъ словомъ, *дѣйствовать умомъ своимъ*. Въ классахъ высшихъ сія умственная дѣятельность учениковъ, по указаніямъ учителя, долженствуетъ быть еще усилена. *Простое диктованіе уроковъ*, служащее лишь къ *механическому* затверженію наизустъ, *ни въ какомъ случаѣ не дозволяется*». (§ 160). Параграфъ этотъ глубоко назидателенъ: не механическаго усвоенія предмета требуетъ онъ, а вполнѣ сознательнаго и разумнаго; не одною суммою познаній измѣряетъ успѣшность учащихся, а возможнымъ разностороннимъ развитіемъ умственныхъ силъ ихъ. Вотъ тотъ педагогическій принципъ, который предложенъ былъ въ руководство педагогамъ стараго времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что высокія качества педагога, его методъ и пріемы составляютъ весьма важное условіе успѣшности учащихся; но не менѣе важно также, чтобы и учащіеся относились къ своимъ занятіямъ съ извѣстною, въ этомъ дѣлѣ подобающею, добросовѣстностью. Ограждая учебное дѣло и въ этомъ отношеніи, Уставъ требуетъ, чтобы каждый учитель имѣлъ книгу «для записыванія учениковъ, посѣщающихъ его классъ, и наблюдалъ, чтобы они являлись къ ученію исправно въ назначенные часы.

Предъ началомъ преподаванія онъ дѣлаетъ перекличку ученикамъ и не прибывшихъ въ классъ, или опоздавшихъ означаетъ въ особой статьѣ класснаго журнала, отмѣчая и причины, представляемыя ими въ оправданіе, и требуя, чтобы они приносили отъ родителей своихъ свидѣтельства, что не были точно за болѣзнью или необходимою нуждою. Въ случаѣ частыхъ отлучекъ, онъ доноситъ о семъ инспектору, который самъ, или чрезъ надежныхъ людей, спрашиваетъ у родителей или опекуновъ, для чего дѣти не являются въ классъ; отвѣты ихъ также записываются» (§ 162). Если не взирая на всѣ принятыя мѣры, ученикъ по неспособности или нерадѣнію не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ, онъ исключается изъ гимназіи: казенно-коштный чрезъ два года, содержимый благотворителями—чрезъ три, а своекоштный—чрезъ четыре (§ 217).

Совокупная дѣятельность учащихъ и учащихся подчинена была двойному контролю: а) директора и б) инспектора. «Главная обязанность директора», который, по выраженію Устава, есть хозяинъ гимназіи, «состоитъ въ бдительномъ, неослабномъ надзорѣ за гимназіею и всѣми ввѣренными ему училищами; онъ долженъ стараться, чтобы повсюду были исполняемы постановленія Устава и предписанія начальства. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на учителей, ихъ поведеніе, образъ преподаванія и обращеніе съ учениками» (§ 167 и 168). «Онъ ихъ наставляетъ, поощряетъ и аттестуетъ предъ высшимъ начальствомъ». Немаловажная роль предоставлена была и инспектору. Обязанный ежедневно посѣщать всѣ классы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ, чтобы «учители съ точностью исполняли свои обязанности; въ противномъ случаѣ *онъ дѣлаетъ имъ замѣчанія,* однако не въ присутствіи учениковъ. Онъ наблюдаетъ за порядкомъ въ классахъ какъ во время ученія, такъ и при входѣ и выходѣ учениковъ. *Онъ наблюдаетъ также за постепенностью преподаванія учебныхъ предметовъ и приведеніемъ онаго къ надлежащему окончанію въ опредѣленное время.* Въ случаѣ болѣзни или остутствія учителя, *инспекторъ поручаетъ классъ его другому, или самъ преподаетъ въ оном*ъ. Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы учители не занимались

предпочтительно нѣкоторыми учениками по пристрастію и обращали особенное вниманіе на малоуспѣвающихъ. Инспектору поручается надзоръ за наказаніями. *При семъ онъ долженъ поступать съ отмѣнною осторожностью,* и не иначе, какъ послѣ основательнаго разсмотрѣнія, въ чемъ состоитъ проступокъ» (§ 196, 197, 201, 202).

Ни въ одномъ учрежденіи власть не опирается въ такой степени на умственный и нравственный авторитетъ, нигдѣ она столько не нуждается въ этой опорѣ, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Умственный и нравственный авторитетъ власти создаетъ уваженіе къ ней, а уваженіе есть великая двигательная сила: она одна только способна вызвать въ исполнителяхъ самое усердное отношеніе къ долгу и на педагогической нивѣ произвесть самые блестящіе всходы. Составитель Устава 1828 г. ясно сознавалъ важность этого положенія и потому въ число требованій включилъ параграфъ о томъ, какими качествами должны обладать директоръ и инспекторъ. Первый «избирается предпочтительно изъ имѣющихъ ученыя степени чиновниковъ, исправлявшихъ должность инспекторовъ въ гимназіяхъ. Кромѣ *основательныхъ знаній,* необходимыхъ для сужденія о способностяхъ учителей и образѣ ихъ преподаванія, онъ долженъ имѣть и свойства, нужныя для управленія училищами, *а по нравственности* своей быть достоинъ довѣренности правительства и родителей, коихъ дѣти поручаются его главному смотрѣнію. Для учителей *онъ долженъ быть примѣромъ* усердія, благоразумія и неутомимой дѣятельности» (§ 138, 139 и 168). Такимъ образомъ, по смыслу Устава, директоръ долженъ быть не только образованнымъ и нравственнымъ, но еще и учёнымъ человѣкомъ, который могъ бы во всѣхъ отношеніяхъ служить образцомъ въ учебномъ заведеніи. Хотя относительно инспектора въ разсматриваемомъ Уставѣ мы и не находимъ такихъ требованій, но уже изъ того, что онъ долженъ былъ избираться изъ старшихъ учителей гимназіи, *отличившихся усердіемъ, исправностью и успѣхами въ преподаваніи* (§ 140), что онъ не только помощникъ директора «во всемъ, что касается до надзора за преподаваніемъ и нравственною частью воспитанія

въ гимназіи», но и будущій директоръ, уже изъ того, повторяемъ, видно, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ долженъ былъ представлять изъ себя точное подобіе лучшаго учителя и директора, онъ долженъ быть *facsimile* того и другого. Таковъ принципъ Устава 1828 года.

Какой-бы, однако, принципъ ни красовался на знамени учебныхъ заведеній, въ дѣйствительности всегда возможно уклоненіе отъ него въ обѣихъ сферахъ—и въ руководящей, и въ руководимой. Въ этомъ уклоненіи заключается источникъ разныхъ предупредительныхъ мѣръ, мѣръ исправительныхъ и карательныхъ. Относительно обращенія съ учениками въ Уставѣ 1828 г. сказано: «наблюдая характеръ и расположеніе учениковъ своихъ, учители должны умѣть избирать приличнѣйшее время и средства, чтобы сдѣлать свои наставленія и совѣты истинно дѣйствительными. *Они должны также умѣть иногда быть снисходительными,* особливо къ слабостямъ, къ недостатку способностей и къ неумышленнымъ поступкамъ: *не всякая неисправность, даже не всякая вина заслуживаетъ строгаго взысканія, и строгость наставниковъ, подобно отеческой, не должна имѣть вида запальчивости, или суровости;* равно какъ и снисходительность его, всегда основанная на благоразуміи, не должна быть похожа на пристрастіе, или излишнее мягкосердіе» (§ 162). Таково, именно *родительское,* должно быть отношеніе учителей къ учащимся: взыскивать, но не мучить, наказывать, но не истязать, творить, а не губить будущность молодежи.

Какъ уже выше упомянуто, наказаніе за проступки учениковъ возложено было, главнымъ образомъ, на инспектора. Опредѣляя мѣру взысканія, онъ долженъ былъ поступать «съ отмѣнною осторожностью». Мѣры исправленія и наказанія, допускаемыя Уставомъ 1828 г., слѣд.: «выговоры, пристыженіе, лишеніе высшаго мѣста въ классѣ, выставленіе имени виновнаго ученика на черной доскѣ, наконецъ и заключеніе на нѣсколько часовъ въ запертомъ классѣ, однако-же не иначе, какъ днемъ, съ увѣдомленіемъ родителей или опекуновъ о принятіи сей мѣры и причинахъ того. Первымъ тремъ изъ вышеозначенныхъ наказаній ви-

новные могутъ быть присуждены учителями и инспекторомъ, но къ двумъ послѣднимъ лишь директоромъ» (§ 203 и 204). Конечно, всѣ подобнаго рода наказанія установлены были за незначительные проступки, но возможны и такіе, которые свидѣтельствуютъ о грубости и необузданности природы молодаго человѣка; для такихъ проступковъ нужны и другія, болѣе сильныя мѣры исправленія и наказанія. Уставъ 1828 г. допускаетъ розги и исключеніе изъ заведенія; однако-же никто,—ни учитель, ни инспекторъ, ни директоръ,—не въ правѣ были по своему личному усмотрѣнію назначить ни того, ни другого. Въ случаѣ необходимости одной изъ этихъ мѣръ, слѣдовало обращаться къ рѣшенію Педагогическаго Совѣта. «Учениковъ наказываютъ не иначе, какъ въ присутствіи инспектора и въ особомъ мѣстѣ. Сіе допускается только въ трехъ первыхъ классахъ. Въ высшихъ за проступки, кои могли-бы подвергнуть наказанію сего рода, ученикъ исключается изъ гимназіи» (§ 205). [1])

---

[1]) Впослѣдствіи къ этому параграфу сдѣлано были дополненіе слѣд. содержанія: а) ученикъ, исключаемый изъ гимназіи за проступки, которые не показываютъ еще совершенно испорченной нравственности, не можетъ быть принятъ вновь ни въ ту-же, ни въ другую гимназію прежде истеченія года и безъ достаточнаго удостовѣренія въ его исправленіи; б) если онъ подвергнется подобному исключенію въ другой разъ, или поводомъ въ исключенію и въ первый были проступки, которые обнаруживаютъ прямо дурную нравственность, то воспрещать принятіе его въ гимназію навсегда; в) послѣднему наказанію подвергать не иначе, какъ съ разрѣшенія Попечителя Округа; г) о каждомъ исключенномъ ученикѣ, временно или навсегда, изъ гимназій директоры Округа должны взаимно увѣдомлять другъ друга, а на документахъ, возвращаемыхъ ученику, дѣлать надпись объ исключеніи (см. Сбор. Расп. Т. II; 19 мая 1838 г.). Въ особенныхъ же, исключительныхъ случаяхъ директоры обязаны были поставлять въ извѣстность еще и Генералъ-Губернатора (Дѣло съ Цирк. отъ 11 мая 1839 г.), которому предоставлялось право строго взыскивать съ учащихся «при вся комъ замѣченномъ нарушеніи дисциплины и благопристойности съ ихъ стороны» (тамъ-же отъ 18 мая).

Въ педагогической дѣятельности одиночныя усилія, направляемыя ко благу учебнаго заведенія, не будучи поддержаны цѣлымъ его составомъ, остаются обыкновенно изолированными и даютъ ничтожные результаты; при единодушномъ же напряженіи всѣхъ силъ къ одной общей цѣли всегда можно разсчитывать на извѣстный успѣхъ. Гдѣ въ средѣ личнаго состава гимназіи нѣтъ гармоніи, тамъ обыкновенно выходитъ по баснѣ: Лебедь, щука и ракъ. Дурно, если рознь зарождается сама собою, а еще хуже, если она прививается умышленно: правило—*divide et impera* положительно вредитъ успѣхамъ заведенія. Къ сожалѣнію, Уставъ 1828 г. невольно допустилъ въ гимназіяхъ нежелательный элементъ раздора. Частью по финансовымъ соображеніямъ, частью вслѣдствіе недостатка въ людяхъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, учители гимназіи были раздѣлены *на старшихъ и младшихъ*. По слабости человѣческой природы, между этими двумя лагерями должны были неминуемо установиться натянутыя отношенія. Хотя при подобномъ неравенствѣ положенія никакія въ мірѣ распоряженія не въ состояніи устранить между людьми, которыхъ служеніе не можетъ быть инымъ, какъ только союзнымъ, непріятныхъ столкновеній, тѣмъ не менѣе Уставъ 1828 г. предполагалъ это возможнымъ. Такъ, онъ говоритъ: «Въ сношеніяхъ между собою учители обязаны помогать другъ другу дѣломъ и словомъ. Учители высшихъ классовъ не должны дозволять себѣ пренебрегать учителей классовъ низшихъ, или унижать преподаваемыя другими ихъ товарищами науки, помня, что всѣ учебные предметы суть болѣе или менѣе нужныя части одной цѣпи человѣческихъ познаній. Съ другой стороны, учители низшихъ классовъ обязаны изъявлять должное уваженіе къ тѣмъ, кои превосходятъ ихъ свѣдѣніями» (§ 165).

Индивидуальная дѣятельность каждой входящей въ педагогическій составъ гимназіи личности и доброе согласіе, установившееся между всѣми ими, имѣютъ, конечно, весьма важное значеніе; но для того, чтобы вполнѣ обезпечить успѣшную работу учебнаго заведенія, испоконъ вѣку признано необходимымъ отдѣльныя силы свести къ общему учебно-воспитательному центру и

подчинить ему всѣ важныя дѣла, касающіяся учебнаго заведенія и способствующія его благосостоянію. Такимъ центромъ является Педагогическій Совѣтъ. Хотя по Уставу 1828 года Педагогическій Совѣтъ въ полномъ составѣ собирался только въ томъ случаѣ, когда шелъ вопросъ о переводѣ учениковъ въ высшій классъ (§ 216), а во всѣхъ другихъ выдающихся случаяхъ гимназической жизни онъ составлялся изъ директора, инспектора и однихъ старшихъ учителей (§ 207), тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ средоточіемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіи. Собранія Совѣта раздѣлялись на *обыкновенныя* (въ началѣ каждаго мѣсяца), *чрезвычайныя*, назначавшіяся каждый разъ директоромъ по какому-нибудь экстренному, не терпящему отсрочки, обстоятельству, и *особливые* «два раза въ году для слушанія отчетовъ объ управленіи гимназіи и прочихъ училищъ дирекціи» (§ 210 и 219). Занятія его опредѣляются слѣд. параграфами: «Совѣту гимназіи предоставляются всѣ общія соображенія по разнымъ частямъ учебныхъ заведеній, въ дирекціи гимназіи находящихся, изысканіе средствъ для улучшенія состоянія оныхъ и опредѣленія мѣръ для пресѣченія или предупрежденія злоупотребленій и безпорядковъ (§ 211). Совѣтъ гимназіи занимается также усовершенствованіемъ способовъ преподаванія и, чрезъ лучшее примѣненіе оныхъ къ возрасту и понятіямъ учащихся, старается, облегчая труды ихъ, сдѣлать ихъ успѣшнѣе; всего же болѣе онъ печется о принятіи мѣръ для сохраненія и утвержденія хорошей нравственности между воспитанниками (§ 212). Всѣ подробныя постановленія о порядкѣ внутренняго управленія въ гимназіи и пансіонѣ оной, кои не могутъ быть опредѣлены въ Уставѣ, предоставляются усмотрѣнію Начальства и въ особенности Совѣта (§ 213). Совѣтъ разсматриваетъ ежемѣсячныя вѣдомости, представляемыя учителями, и счеты приходовъ и расходовъ гимназіи (§ 214). Опредѣленіе награжденій, а равно и строжайшихъ мѣръ наказанія, также предоставляется Совѣту (§ 215). Совѣтъ гимназіи назначаетъ учениковъ къ переводу въ высшіе классы (§ 216). Кандидаты на должность учителей уѣздныхъ училищъ подвергаются испытаніямъ въ присутствіи Совѣта гимназіи» (§ 218).

Такимъ образомъ, Педагогическій Совѣтъ собирается не только ради потребностей гимназіи, но и ради дѣлъ, собственно говоря, къ ней не относящихся, каковы дѣла объ училищахъ, подвѣдомственныхъ директору, и испытаніе на званіе учителя уѣзднаго училища.

Кромѣ директора, инспектора и Педагогическаго Совѣта, немаловажное вліяніе на теченіе гимназической жизни предоставлялось Почетному Попечителю и Губернскому Предводителю Дворянства. [1]) Почетный Попечитель 1) присутствуетъ на испытаніяхъ учениковъ и подписываетъ похвальные листы и книги, раздаваемые ученикамъ въ награду, 2) совмѣстно съ директоромъ и архитекторомъ свидѣтельствуетъ зданіе, занимаемое гимназіею, и участвуетъ въ составленіи смѣты на ремонтъ его, 3) засѣдаетъ въ Педагогическомъ Совѣтѣ, когда въ немъ «назначено разсуждать о чемъ-либо, касающемся до учрежденнаго при гимназіи пансіона, о сношеніяхъ начальства гимназіи съ Предводителемъ дворянства, или когда, наконецъ, происходитъ испытаніе на званіе уѣзднаго и приходскаго учителя»; 4) когда онъ принимаетъ участіе въ засѣданіяхъ Педагогическаго Совѣта, то занимаетъ въ нихъ первое мѣсто, «но не именуется предсѣдателемъ», и назначенныя къ слушанію дѣла предлагаются не имъ, а директоромъ; 5) если онъ почему либо не явится въ засѣданіе, то «ему сообщается журналъ засѣданія; при журналѣ онъ можетъ подать особое мнѣніе», которое Совѣтъ обязанъ принять во вниманіе; 6) вообще директоръ долженъ былъ «отъ времени до времени, словесно или письменно, сообщать Почетному Попечителю о ходѣ управленія и преподаванія въ гимназіи и о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ», и Почетный Попечитель въ правѣ сообщать директору свои замѣчанія и даже настаивать на томъ, чтобъ они были приняты во вниманіе; 7) «одна изъ первыхъ обязанностей почетныхъ попечителей есть изысканіе и приготовленіе лучшихъ средствъ для открытія пан-

[1]) Объ Окружномъ начальствѣ не упоминаемъ: оно само собою подразумѣвается.

сіоновъ при гимназіяхъ» и вообще забота объ нихъ (§§ 154, 190, 207, 218, 221, 222, 223, 224, 225 и 244). Что касается губернскаго Предводителя дворянства, то понятіе объ его роли въ гимназіи даютъ §§ 182 и 219. По первому, директоръ входитъ съ нимъ въ сношеніе тогда, когда представляется экономическая надобность, а по второму, директоръ приглашаетъ его въ засѣданіе Педагогическаго Совѣта для слушанія отчета объ управленіи гимназіею и дирекціею училищъ. «Онъ участвуетъ въ разсужденіяхъ и буде изъявитъ желаніе, то ему вмѣстѣ съ отчетами сообщаются и всѣ нужныя для доказательства точности оныхъ свѣдѣнія. Губернскій Предводитель дворянства, какъ чиновникъ, облеченный довѣренностью значительнѣйшихъ жителей, можетъ какъ на сихъ собраніяхъ, такъ и во всякое другое время, дѣлаемыя имъ о состояніи училищъ замѣчанія предлагать Почетному Попечителю и директору. Если онъ найдетъ, что его замѣчанія и совѣты не приняты въ надлежащее соображеніе, то *имѣетъ право отнестись* о томъ къ Попечителю Учебнаго Округа, а въ случаяхъ отмѣнной важности и *прямо къ Министру Народнаго Просвѣщенія*».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ параграфахъ Устава, которыми опредѣляются начало и конецъ учебнаго года, пріемъ учениковъ въ гимназію, переводъ въ высшій классъ и выпускъ изъ гимназіи. Что касается пріема учениковъ, то о немъ въ Уставѣ сказано такъ: «Принятіе учениковъ въ гимназію бываетъ однажды въ году предъ началомъ курса. Поступающіе въ первый классъ должны умѣть читать, писать и знать первыя правила ариѳметики; ученики могутъ поступать прямо во второй, третій и даже четвертый классъ, если на испытаніи предъ инспекторомъ и старшими учителями докажутъ, что уже имѣютъ достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ частяхъ наукъ, кои преподаются въ нижнихъ классахъ. Директоръ наблюдаетъ, чтобы въ первый и второй классъ принимались дѣти не моложе 10 лѣтъ, а въ третій и четвертый не моложе 12» (§ 150).[1]) Когда именно должно

[1]) Пріемъ въ высшіе классы изъ домашняго приготовленія не допускался; не дозволялось также выдавать аттестаты тѣмъ, кои не

было начинать учебный годъ, изъ Устава 1828 г. узнать нельзя; нельзя также узпать и того, когда онъ оканчивался; извѣстно только одно: «ученіе въ гимназіяхъ продолжается во весь годъ, за исключеніемъ лишь обыкновенной лѣтней вакаціи не болѣе одного мѣсяца (§ 151). По окончаніи лѣтней вакаціи, ученики всѣхъ классовъ подвергаются испытанію въ присутствіи инспектора, директора и Почетнаго Попечителя гимназіи. Смотря по успѣхамъ въ наукахъ, они назначаются въ высшіе классы, а отличнѣйшіе по прилежности и благонравію, сверхъ того, награждаются книгами, или похвальными листами за печатью гимназіи и подписаніемъ Почетнаго Попечителя, директора, инспектора и старшихъ учителей. Въ каждомъ классѣ раздается не болѣе двухъ или трехъ награжденій, смотря по числу учащихся; если отличившійся ученикъ бѣденъ, то онъ награждается такими книгами, какія могутъ быть нужны ему впослѣдствіи» (§ 154). Экзаменаторы ставятъ отмѣтки, но не рѣшаютъ вопроса о переводѣ ученика въ слѣдующій классъ или объ оставленіи его въ томъ-же классѣ на второй годъ. Окончательное рѣшеніе принадлежитъ Педагогическому Совѣту, въ которомъ на этотъ разъ принимаютъ участіе и младшіе учители. При опредѣленіи награды Педагогическій Совѣтъ долженъ былъ руководствоваться правиломъ, что «если ученикъ замѣченъ въ дурномъ поведеніи, то, не смотря и на самые отличные успѣхи въ наукахъ, не удостоивается никакой награды до своего совершеннаго исправленія» (§ 216). По вопросу объ удаленіи ученика изъ гимназіи за неуспѣшность было постановлено соблюдать то правило, которое упомянуто нами на стр. 4-й и 5-й. При чтеніи этого правила такъ и напрашивается въ голову слѣд. соображеніе: если въ первый классъ принима-

---

обучались «по крайней мѣрѣ въ четырехъ высшихъ классахъ» гимназіи (§ 236). Это запрещеніе впослѣдствіи было возобновлено строжайшимъ распоряженіемъ Министра (см. Сбор. Расп. Т. II. стр. 253). Если принять въ соображеніе, что въ то же самое время позволено было держать экзаменъ въ Университетъ тѣмъ, кои обучались дома или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ (см. § 238), то становится рѣшительно неразгаданнымъ, какая цѣль упомянутаго запрещенія.

лись мальчики 10-ти лѣтъ, а въ четвертый 12-ти, то, при дозволеніи засиживаться въ каждомъ классѣ по четыре года, какіе великаны должны были сидѣть на одной скамьѣ съ дѣтьми, наприм., четвертаго или пятаго класса?!

«Послѣ испытанія назначается день торжественнаго акта, къ коему въ особенности приглашаются мѣстныя начальства и родители обучающихся въ гимназіи. На семъ актѣ учители и ученики произносятъ приличныя торжеству рѣчи, [1]) или читаютъ одобренныя къ сему сочиненія: потомъ провозглашаются имена удостоенныхъ къ переводу въ высшіе классы и раздаются аттестаты окончившимъ ученіе и награды отличившимся» (§ 155). Какъ должны были отмѣчаться успѣхи учениковъ, изъ устава не видно; надо полагать, что въ этомъ случаѣ Педагогическимъ Совѣтамъ была предоставлена полная свобода. Какъ-бы то ни было, только «тѣ изъ удостоенныхъ при выпускѣ похвальными аттестатами, кои сверхъ прочихъ наукъ обучались и греческому языку, опредѣляются въ гражданскую службу прямо 14-мъ классомъ [2]) и получаютъ соотвѣтствующія оному мѣста. Отличнѣйшіе между ними награждаются золотыми или серебряными медалями, по усмотрѣнію Совѣта гимназіи и съ утвержденія Университета (§ 235); удостоенные только однихъ аттестатовъ получаютъ при поступленіи въ гражданскую службу» извѣстныя привилегіи, состоявшія въ предпочтеніи ихъ при назначеніи на должность тѣмъ, кои не окончили гимназіи, и въ сокращеніи срока службы при производствѣ въ первый чинъ.

Таковы были начала, на которыя опираясь, должна была начать свою дѣятельность Кіевская 2-я гимназія. Болѣе обстоятельная организація учебно-воспитательнаго дѣла была предоставлена указаніямъ педагогическаго опыта и тѣмъ общегосударственнымъ соображеніямъ, которыя могли возникнуть впослѣдствіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) 10 лѣтъ спустя сдѣлано было распоряженіе, чтобы актовыя рѣчи были произносимы только на русскомъ языкѣ (см. Цирк. 1839 г. мая 29).

[2]) См. еще Сборн. Расп. Т. II, стр. 136.

Невесели сильски малюнкы.

(Оповидання батюшкы).

I.

Лики и ликари.

— «На що по фершала йихать?»—казавъ покійный дидъ Семенъ,—и то не ёго власна думка: такъ взагали думають мои парафіяне. Ось прожывъ вже я килькы часу и ледве-ледве деякыхъ прыучывъ не дывытысь вороже на дохторивъ и ихъ ликы. Звычайно не скризь на Украйни такъ дывлятся на ликаривъ, але у насъ, де земство ще тилькы въ непевній надіи, народъ багато темнійшый, якъ десь-инде. И се не тилькы у ликарськыхъ справахъ.

Тужъ саму темноту безпросвитню легко побачыть и у всякыхъ другыхъ справахъ: чы то юрыдычныхъ, чы шкильныхъ. Неможно за се дуже и ремствоваты на народъ. Дуже мало у ёго прыятеливъ по пашыхъ мисцяхъ и винъ не прывыкъ, щобъ до ёго зверталысь, якъ слидъ до чоловика. Скризь ёму трудно здобуты запомогы, скризь винъ незрячый и скризь ёго освичену голову жде якась прытычына, и ридко хто ёму запоможе безъ того, щобъ винъ, стогнучы и зитхаючы, не одкынувъ полу своеи свыты и не дыставъ по спромози килько-небудь грошей тилькы

за те, що ёму покажуть, якъ и куды треба проводыты ёго дило. Тымъ-то и не любыть селянынъ нашъ рушаты зъ своеи берлогы и сыдыть въ ій, якъ ведмидь зимою, ажъ покы ёго не выжене звидтиля якась прыгодонька нещаслыва.

Прывыкъ и я вже за якый-сь тамъ часъ до селянськои темрявы, до горя й мукы, закамьянило и зачорствило вже досыть и мое серце, якъ серце селянына; не спалахнусь я зъ жалю сыплячы землю на чыюсь нову домовыну, чы сповидаючы бабу Палажку, або бабу Параску, котра и слабуючы не втыхомырыться и просыть благае, прюпадаючы до подушкы: «Ой, батюшечко! ой, голубчыку! прочытайте мени довгу молытву, покажить дороженьку моій душеньци!... Не можу я вмерты, не можу! Ой бьется-жъ моя душенька, якъ зозуленька».

Нема, кажу, жалю до бабуси старои,—вона свій викъ прожыла. Далеко бильше горя зазнаешъ, якъ почне поратысь по сели дифтеритъ, або висна; прынесуть тоди до церквы разомъ дви, тры домовыны зъ диткамы, що недавно ще бигалы веселеньки, а теперъ лежать выпростани смертью, въ чыстому убранню, а на ногахъ постолыкы и биля лыця небезпреминно картузыкъ, щобъ на тому свити не була дытына боса й простоволоса.

Жаль тоди, кажу, и дытынкы малои, и матери шкода, що убывается за нею, не диждавшы соби на старисть помочы. Жаль, але и се ще не дуже обходыть селянына, бо ци зразкы щоденни. Баби Палажци, чы то баби Парасци, часомъ дви ложкы касторкы покажуть настоящу путь, а хвороба нагуляется и зныкне. «Абы дружынка, буде и дытынка». «Що ты плачешъ?—кажуть стари люде молодыцямъ, що убываются за дитьмы, хыба ты не чула, що першу дытыну въ бурьянъ кыдають, бо першеньки диткы ридко пидростають. Пожывы зъ мое, та выгодуй двохъ зъ восьмохъ, тоди и вбывайся, якъ помре»... А отъ колы маты ховае едыного сына—едыну надію, або жинка чоловика, котрый вмеръ, покынувшы малыхъ дитокъ, не довившы ихъ до путя-розуму! «Да и куды-жъ я динусь, до кого прыхылюсь зъ сыритською головою?» Пры такій пагоди и стари диды опускають сыви головы, а иноди и плачуть такъ гирко, якъ часомъ плачуть мали диты. Не чутно

тоди жодного жарту ни видъ кого, и довго ниччю повертаешся зъ боку на бикъ, бо не дае заснуты мучене жовто-воскове лыце небижчыка и ти пештуковани прычытання, що выголошуе, на гробъ падаючы и свиту не бачучы, удова.

А роспытай іи... И чого тилькы винъ вмеръ?... «Чы вона жъ ёго не доглядала, чы водыци ёму не подавала, чы знахаривъ та ворожокъ не звала!...

— А може вы, диточкы, якъ самихъ коло слабого покыдáла, водыци ёму не подалы?... И зайдется—заголосыть, а дитей обхопыть рукамы, прыгорне до себе, а воны, и безъ того налякани, почынають крычаты ще дужче...

Пештуковане мужыцьке горе, не покрывается крепомъ, але надрыва серце жалемъ не згиршъ, якъ и усяке дійсне песчастя. Не одынъ десятокъ людей я уже прысыпавъ землею, але и доси не прывыкну овси до того гуку, якый виддается, якъ кынешъ тры разы земли на домовыну. Цей видгукъ такъ мене вражае, якъ и ти тры удары прыстава молоткомъ, що винъ выбывае пры аукціони... Воны свидчать безсуперечне нещастя и кинець...

Не було моею метою у селянському жытти даваты ликарську запомогу, бо це дило потребуе особыстыхъ дiячивъ и особыстого освидчення; але щобъ народъ не дывывся вороже на ликаривъ, та на лики, якъ и на все добре, що иде зъ боку культуры,—це я личывъ завше своимъ справжнимъ дилomъ, такъ якъ и скасування знахоривъ и знахорства.

Никого не було мени такъ жаль, якъ Ивана Шпака. Чоловикъ молодый, веселый, спивучый, але заслабъ и лежыть, якъ пласть, а ни встать ёму, а ни повернуться. «Пойихавъ винъ до пыльни,—росповидала мени ёго жинка,—набравъ у жыда дощокъ везты до города, да якъ вернувся у вечери до-дому, увійшовъ у хату, такъ одразу почервонивъ, та и ой!—якъ ой, такъ и ой!.. А дали полизъ на пичъ, а на печи винъ зъ роду у мене не бувъ, бо давно уже тамъ заняла посаду теща зъ онучятамы. Я до ёго... «А що це тоби?»... А винъ: «Ой! коле мени у грудяхъ... Дыхаты не можно». Зъ переляку я не знала що й почать, та спасыби надійшла сусидка Текля, та вже дала пораду.

— Це, каже, мабудь ёму хтось наврочывъ; бачъ же винъ у тебе до роботы якый гарячый. Ось бижы лышень до Домахы, колысь мени було таке саме, якъ ще я Васылемъ ходыла... Оттакъ самисинько,—и дыхаты не можно, и пидъ серцемъ коле; якъ-бы не Домаха, то може и померла-бъ». Я за Домахою... Спасыби, послухала, поглядила ёго, пошептала, звелила ногы вытырать перчыкивкою, и сама сила и выпыла чарочок зо тры. Та ще наказала достать уксусу и щобъ винъ пывъ по половыни зъ молокомъ—по чарочци. Побигла я на село, достала и уксусу, даю ёму, а ёму не легше. Такъ зробыться у чарци, якъ сыворотка; я даю ёму, ажъ трычи на день, и винъ пье, а все не легша ёму. Излизъ уже винъ другого дня на пилъ, укрыла я ёго рядномъ и кожухомъ, а винъ трусыться, усе ёму холодно... Матинко моя! лежыть винъ, якъ те дерево, а ни пыть ёму, а ни йисты, а ни повернуться... Я сюды, я туды, давай шептунивъ звать, та знахоривъ... Може зъ десять ихъ перебуло. Шепталы уже и одъ витру, и одъ уроку, и одъ дання,—а ни крыхты ёму нема помочы.

— Ой батюшко!—озвався Иванъ зъ полу,—занапастылы мени душу оти шептуны, нема мени видъ ныхъ жаднои помочы.

— Посылай сёгодни жъ за дохторомъ, щобъ безпреминно тутъ бувъ, а знахоривъ щобъ и блызько не було!... Ничого воны тоби не поможуть, горилку тилькы дурно переведешъ...

— И... що вже я тіеи горилкы вытратыла, то и сказать не можно. Ще котрый шептунъ совисный, то выпье чарку-другу та иде до-дому; а другый зроду не вылизе зъ-за столу, покы не кончыть усіеи пляшкы. Винъ тоби и про землю, и про суды, а тутъ свитъ макитрыться. А що жъ!—треба слухаты: не можно прогнивыть такого чоловика... Колы це Иванъ сёгодни до мене каже: «не воды ты мени ихъ бильше, бо я вже смерть передъ собою бачу... Не дожыву я, мабудь, до недили».

— «А, Боже мій, а свите мій!—Якъ стояла, такъ и заголосыла. А дали ухватыла перчыкивку и тру ёму ногы, та слёзы вытыраю, та ще гиршъ воны котятся; а винъ у мене лоскоту боится, що и доторкнутысь до ёго неможно, а то—а-ничогисинько, якъ не жывый. Колы це прыйшла титка Мотря, поздоровкалась, гля-

нула на нёго, та давай ёго лапать за ногы, та за рукы. «Ой матинко моя, холодный! Це-жъ винъ вмре!» А братыкъ мій Мусій стоить биля столу, тай додае: «ёму уже и вмирать нычого».

Стоимо мы, та голосымо. Колы це Мусій каже: «Ось пиду я до попа, бо помре безъ сповиди, матымемъ клопить!» Та то и позвавъ васъ; спасыби, що потрудылысь...

— А давно-жъ винъ слабуе?—спытавъ я.

— Та це-жъ третій день, одъ самисинькои пьятныци... Чы не пораете чого, батюшко?—вы жъ люде пысьмецни. Оце мени люде нараялы зробыть цынтварнои настоянкы,—може у нёго глысты.

— Ни вже, Стехо, ты покынь уже ни настоянкы, або пый ихъ сама, та пошлы за дохторомъ: прыйиде—сповистышъ мене: я буду самъ дывыться за Иваномъ, и безъ мене щобъ нычогисинько ёму не давалы.

— «Та воно-бъ можно послать, якъ-бы знаття, що поможется».

— «Не турбуйся, поможется; не пропадуть твои грошы».

Прыйихавъ дохторъ, и Ивана мы сякъ такъ вырятувалы. И теперъ частенько дохторъ найизжае до насъ на село, дарма що до ёго 18 верстъ и за выйиздъ винъ не бере менше 3-хъ карбованцивъ. О-тожъ и погодыло мени! А вмеръ бы Иванъ,—сказалы бъ громадяне: «Правду кажуть стари люде: ликарямъ такъ, чы поможысь, чы не поможысь, а калыточка розвьяжысь». Отъ усіеи и пользы!—

Теперь же у нашому сели и ликаря вважають за знахоря.

II.

Далы запомогу.

И що воно за чудасія прыключылась! Жывъ соби чоловикъ Иванъ, у всёму справный, не пьяныця, никому пакости не робывъ. Ще учора бувъ веселый. Выпылы зъ сусидою Тымошемъ

сорокивку и навить боролись, бо у насъ молодіи чоловикы якъ выпьють по-чарци, то заразъ сылу пробують. Лигъ спаты ще якъ слидъ, а у-досвита прокынувся и счынывъ гвалтъ: «Рятуйте! дыхаты не можно... Огонь пече мене у грудяхъ!» Кынулась жинка до нёго, думала, що побачыть огонь зъ рота, бо кажуть люде стари: бувае, «спыртъ загорыться у середыни сынимъ вогнемъ». Ни, не выдко полумья, нема чого тушыть, а винъ схопывся обома рукамы за груды, качается та крычыть: «ой, лышенько, хто въ Бога вируе, рятуйте, бо згорю»! До полудня шепталы бабы и водою свяченою пырськалы — ничого... Не зменшается хвороба... Годи вже жинку познавать; дитей не угадуе, а хто прыйде—лается, Боже, якъ погано, а цёго николы не бувало. Дали почавъ бытысь и все крычыть... Тутъ ёго прыкрутылы за рукы и поперекъ рушныкамы прывьязалы до долу,— винъ трохы стыхъ... Колы це прыходыть дядько ёго Крывый-Бень, трохы бувъ выпывшы... «Прощай, каже, небоже, це ты вже помрешъ»,—тай посунувся до ёго, щобъ у останне поцилуватысь. Тилькы ставъ ёго цилуваты, а той хапъ ёго зубамы за губу, откусывъ, пожовавъ-пожовавъ трохы, тай выплюнувъ!..

— Пранци батьку твоёму, каже, якъ пидошва! Изнову сказывся, а то лежавъ тыхо. Оттоди-то прыбигъ до мене громадськый староста, переляканый до смерти.

«Батюшко, идить высповидайте Ивана, та порайте що робыть. Може винъ сказывся, а може бисъ у нёму сыдыть?..

— «А чого бъ той бисъ не бачывъ у мужыцькому нутри голодному? Винъ бы пишовъ до пана, або до купця пузатого.— вговорявъ я старосту дорогою. Такъ заслабъ чоловикъ. У больныцю треба ёго одвезты—до города, та ще й якъ мога скорише. И Беня одправъ зъ губою до миста, бо може и Бень умерты.

Хоча Иванъ бувъ прышьятый рушныкамы добре, але я почувавъ себе ніяково, увійшовшы до хаты. Якось морозъ пишовъ по-за спыною; колы винъ, познавшы мене, не своимъ голосомъ закрычавъ! «Батюшко! батюшко! шаровары сыни!..»—Я ставъ голосно чытать молытвы, хочъ и занадто тремтячымъ голосомъ. Винъ почавъ прыслухатысь, а дали и соби зачытавъ, заспивавъ

усяки молытвы и литанiи, яки ёму прыгадувалысь, ще голоснише и выразнише за мене. Не безъ жаху я поблагословывъ ёго срiбнымъ хрестомъ и, скоро скинчывшы одправу, выйшовъ зъ хаты. Другого ранку жинка, братъ и другый дядько одвезлы ёгс до города,—певне звьязаного. Дорогою заходылы до прыстава. Прыставъ выйшовъ, подывывся и видъ себе написавъ бомагу до больнычного начальства.

Черезъ тыждень зъявылась до мене плачуча жинка Иванова: «Померъ, батюшко, Иванъ мiй. Прыйшла я третёго дни у больныцю, а винъ лежыть на доливци у одтiй сорочци и не прывьязаный. Тыхенько лежыть, та тилькы хлыпае, а мене не пизнавъ. «Що це, пытаю я одного слабого, чы не легше ёму, що такъ ёго одпущено на волю?»—«Скоро, каже, буде легше. Туть не довго буде воюваты. Былы, каже ёго служкы, докы не утыхомырывся!..

Другого дня и померъ. Такъ и не прощалась зъ нымъ, забралы ёго, поризалы на шматкы и мистыны цилои не залышылы.

—

Черезъ мисяць прыйихавъ прыставъ прямисинько до мене у господу робыть дослiдъ по дилу небижчыка Ивана Бондаря, бо «на трупи ёго, пры вскрытiи тѣла, оказался переломъ двухъ ребер'ъ и другiя увѣчья».

— Боже спасы, щобъ мы ёго былы! Доказувалы свидкы. Свои жъ ёго возылы до города и до вашого благородiя зайиздылы—вы жъ сами бачылы, що винъ слабко бувъ прывьязанный до драбыны, тай не бунтувався. И дома нихто ёго не бывъ».

— А можу й я посвидчыты?—озвався я до прыстава!

«Будьте ласкави!»

Я сивъ и допысавъ на протоколи:

«Ридня зверталась до ёго ласково, якъ слидъ до слабого. Изъ села рушывъ винъ не бытый и не каличеный. Жинка жъ ёго доказуе, що це у больныци ёго такъ мучено».

Стратылы чоловика, стратився и протоколъ, а на сели ще довго будуть згадувать... «дило Ивана» и жахатымутся ликаривъ и ихъ ликъ чудовыхъ.

III.

За землю.

Конячка бижыть помаленьку—тюпкы. Погонять не хочется, бо здорожылась. Тай дорога полиська невирна: пройдешъ лисокъ—тутъ тоби стрився перелисокъ, тамъ выбои, тутъ коринця, а зараз же почынается писчаный горбокъ, та уже не такъ, якъ-бы треба по людськы...

А зъ болота тягне холодомъ и вохкистю... Боже, якъ холодно и не гарно... И чомъ бы було не одягнутысь теплише?.. Колы-жъ зранку здавалось такъ гарно: сонечко сяе, витру не мае.

Ну, та нычого,—до-дому не дуже далеко... Прыйиду, выпью чарку, повечеряю, тай спать... Оцій казци буде край!..

На столи самоваръ паруе. Уродылась разомъ и вечеря... Выпывъ я чарку, та ще й не маленьку—косарську...

— «Мо ще молока унесты?—пытае жинка».

— «Ни, спасыби—очи злыпаются, такъ спать хочу!»

Ледве дочвалавъ до постели, усылу роздягся и тую жъ мыть заснувъ, якъ убытый...

Тилькы спавъ не-довго... Скилькы, того—не докажу, а знаю, що не-довго...

— «Батюшко, а батюшко!.. Батюшко говъ!»...

— Та, що?!.. Я схопывся самъ не свій... хтось голосовавъ на вулыци, бо у хвиртку его не пускалы собаки.

— Хто тутъ?.. Я выскочывъ на ганокъ, накынувшы на себе кожуха.

— Це я, Кырыло; скоришe, батюшко, зодягайтесь, брата мого скололы... Сповидать треба...

Сонъ у мене пройшовъ видъ разу, тилькы зробылось холодно и непрыемно.

— Стрывай!—я заразъ одягнусь... Нагукай сторожа, хай пиде зо мною. Хвылынъ за пьять я бувъ зовсимъ споряженый. Кырыло зъ старостою чекалы на мене биля хвиртки. Черезъ цей гоминъ на вулыци собакы ажъ плыгалы на тынъ... Десь ище

обизвалась на сели собака, друга завыла, и пиднявся галасъ, ниби воны зачулы вовка...

Треба було поспишаты, щобъ застать жывого, а ногы не слухалысь, тило тремтило, и мене усёго нибы была лыхоманка...

— «Хто ёго тамъ покаличывъ?»

— Савка, Ничныцынъ зять... Воны уже давно промижъ собою не мырять... Судъ у ихъ иде за землю... Межи ніякъ не розберуть... А до того ще выпылы трохы... Отожъ у мене третёго дни булы хрезбыны, братъ и за кума бувъ... А сёгодни зайшовъ у вечери—зъ дровамы збиралысь мы до города... Зайшовъ винъ... «Оцебъ я, каже, пидкрыпывся, бо голова болыть; а ще зъ ранку у лисъ йиздылы мы по дрова... Перемерзлы»...— «Можно, кажу я ёму, у мене зосталась пляшка»... Доставъ я пляшку зъ коморы... Выпылы по чарци,—колы це й Савка—рыпъ дверыма... Зазырнув, тай назадъ,—бо угледивъ брата... А я ёму кажу: проходь, гостемъ будешъ. Увійшовъ винъ ото у хату... Силы мы, выпылы ту пляшку гарнесенько соби... Колы це давай воны спорытысь... Савка брату, а братъ ёму не спускае... Сперечалысь, сперечалысь, а дали и за чубы побралысь: бачъ, паша мужыцька вдача така,—абы що, заразъ за чубы... Тутъ уже я, правда, умишався, давай ихъ розводыть, тай выпхавъ Савку за двери у сины... Бо жинка жъ у мене слаба—на печи лежыть зъ дытыною, стогне. Прычынывъ я двери... Посидалы зъ братомъ—балакаемъ... Колы и винъ сбирается до-дому. Тилькы що. выйшовъ за двери, а той гаспидъ засивъ у синяхъ за полубочкомъ, тай жде ёго... Чую, крыкъ счынывся у синяхъ... Я туды, ажъ братъ у хату.

«Боже мій, рятуйте, мене Савка заризавъ!»

Оце сказавъ, дійшовъ до полу, упавъ тай зубы сципывъ...

— «Винъ давно на себе хворобы шукае, отой Савка»,— озвався сторожъ. «Ото такый чоловикъ, що якъ выпье, то никому не уважыть».

Я тоди ще недавно прыбувъ на парафію и Савку мало знавъ. Якось розмова зъ нымъ не вьязалась, бо винъ мене завше стричавъ не ласково. Мени прыгадалось ёго похмуре лыце и недобрый

поглядъ сирыхъ очей. Винъ ходывъ трохы зигнувшысь и ридко дывывся на чоловика просто, а усе бигавъ очыма по доливци, нибы шукаючы чого-сь.

Проспивалы уже други пивни, и потомленый людъ на сели скризь спавъ. Тилькы у Кырыловій хати блыщавъ каганець. Колы мы дисталыся туды, то у хати бувъ соцькый, килько чоловикъ и бабивъ. Уси воны тиснылыся биля дверей. На печи стогнала породилля... А на полу—я глянувъ и тую жъ мыть повернувся до сторожа за епатрахылемъ, бо годи було довго дывыться... Тамъ лежавъ чоловикъ молодый и дебелый... Не було ще двохъ рокивъ, якъ винъ повернувся зъ москаливъ... Лыце у нёго посынило, очи заплющени, винъ лежавъ до-горы, а рукы роскыдавъ... Лывшою, десь, мабуть, боронывся и вхопывъ жменею нижъ,—такъ и перетявъ ій мало не по половыни... Пучкы на другій руци зводыть судорга и воны тремтять... Жывитъ роспоротый по середыни... Трунокъ вывернутый и лежыть зверху, биля нёго и кышкы жъ. Кышкы здорового молодого чоловика, ажъ сызи ныры свитли, облыти саломъ и залыти ёго-жъ власною кровью... На грудяхъ друга пожова чорна ураза запеклась кровью, запыршкы пальцивъ у тры, а зъ боку третя. Заскорузла видъ крови сорочка закачана ёму пидъ горло... Я ставъ чытать молытвы, але не вытрымавъ и звернувся до соцького: «Дохтора и прыстава»...

— «Якъ, батюшко, заразъ у-ночи?»

— «Заразъ верхомъ».

Соцькый якось оглянувся на людей,—нибы пытаючы: «чы можно-жъ у-ночи безпокоить таке начальство», але десяцького послявъ.

«Господь всемылостывый, да ущедрыть тя... Всякая прошенія благая и радости духовныя да подасть тебѣ»...—чытавъ я молытву. Запомогты я не мигъ ничымъ...

Прыставъ зъ фершаломъ прыйихалы у 5-й годыни, а у мостій люде хрестылысь за упокой, бо почулы жалибный звинъ по души...

Лисакъ Таморенко

Письма графини Антонины Дмитріевны Блудовой къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Графиня А. Д. Блудова въ 1865 г. открыла въ г. Острогѣ, волынской губ., братство, членомъ учредителемъ котораго и старшимъ братчикомъ состоялъ П. Г. Лебединцевъ. Въ 1867 г. 8 октября въ Острогѣ освящена и церковь Братская во имя св. Кирилла и Меѳодія, первая въ Россіи во имя св. просвѣтителей нашихъ. По дѣламъ братства графиня часто посѣщала Петра Гавриловича и вела съ нимъ переписку. Въ Кіевѣ учрежденъ отдѣлъ братства, дѣла котораго находились у Петра Гавриловича, а за выѣздомъ его изъ Кіева, передавались старшему братчику Михаилу Андреевичу Тулову. Дѣятельными членами и старшими братчиками были и Николай Аркадіевичъ Ригельманъ, и Григорій Павловичъ Галаганъ, какъ видно это изъ переписки ихъ съ Петромъ Гавриловичемъ. Въ письмѣ отъ 24 февраля 1882 г. къ Ригельману, переданномъ имъ Петру Гавриловичу, графиня пишетъ: «Вы одинъ съ Лебединцевымъ вѣрный братчикъ среди спящаго сонма кіевскаго: постарайтесь разбудить остальныхъ».

Острожское братство, какъ и вообще всѣ братства Юго-Западнаго края, старалось оказать свое содѣйствіе дѣлу православія и русской народности; въ видахъ наибольшаго расширенія своей дѣятельности по открытію школъ, изданію и распространенію полезныхъ для народа книгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по устроенію храмовъ, оно ходатайствовало въ 1867 г. предъ святѣйшимъ

Синодомъ о дозволеніи имѣть двухъ сборщиковъ для собиранія доброхотныхъ приношеній. По вниманію къ благой цѣли братства и истинно-христіанской, живой дѣятельности учредительницы онаго камеръ-фрейлины графини Блудовой, св. Синодъ далъ испрашиваемое разрѣшеніе. Независимо отъ сего, сама графиня при свиданіяхъ съ ревнителями православія дѣлала предложеніе записаться въ члены братства, какъ это было съ Ѳеофаномъ Гавриловичемъ Лебединцевымъ, состоявшимъ виднымъ членомъ Холмскаго братства, въ случайный пріѣздъ его въ Петербургъ. Съ своей стороны и Петръ Гавриловичъ дѣлалъ тоже: по царству Польскому онъ имѣлъ дѣятельнаго себѣ помощника въ лицѣ директора Варшавской учебной дирекціи, Василія Вилуева. Не мало хлопотъ стоило Петру Гавриловичу, по порученію графини, заказывать въ Кіевѣ для Братскаго Острожскаго училища мебель, входить по такому неважному дѣлу въ переписку съ Волынскимъ губернаторомъ, разновременно высылать мебель и сводить денежные счеты по отправкѣ ея въ Острогъ, на покупку которой получено имъ изъ Петербурга въ 1867 г. 1338 р.

На ряду съ почтеннымъ графомъ и членомъ государственнаго совѣта Димитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ, который въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни былъ особенно озабоченъ дѣломъ народнаго образованія, именно первоначальными училищами по всей Россіи и женскимъ воспитаніемъ въ Юго-Западномъ краѣ, можно поставить и имя графини А. Д. Блудовой,—поэтому и письма ея, не считая телеграммъ, къ Петру Гавриловичу, дѣятельность котораго не ограничивалась узкими предѣлами Кіевской епархіи, вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы быть опубликованными.

Священникъ **Іоаннъ Гордіевскій**.

1.

Милостивый Государь, почтеннѣйшій отецъ Петръ!

Письмо Ваше, а потомъ и копію съ условія на мебель получила я уже здѣсь, въ Острогѣ, куда пріѣхала ровно недѣлю на-

задъ. Потрясающее извѣстіе изъ Парижа [1]) пришло черезъ день послѣ нашего пріѣзда и весьма взволновало насъ всѣ эти дни. Вы сами въ Кіевѣ, вѣрно, были не менѣе насъ взволнованы. и потому, конечно, простите меня, что не отвѣчала раньше. Мы надѣемся, что мебель будетъ самая отличная и прочная, смотря по цѣнамъ, но цѣна приводитъ насъ въ смущеніе. Она сама по себѣ такъ много денегъ потребуетъ, да еще укупорка, отправленіе и здѣшняя помощь двумъ мастеровымъ, да матерія для покрышки,—матерія, которую тоже нужно привезти, ибо здѣсь ея нѣтъ. Откуда же намъ взять такую сумму? Она вѣрно дойдетъ до трехъ тысячъ рублей. Одна надежда на кіевскій отдѣлъ братства. который, конечно, позаботится въ эти четыре мѣсяца собраніемъ средствъ для уплаты большей части этихъ издержекъ, ибо мы рѣшительно не имѣемъ болѣе одной тысячи въ запасѣ, а въ Острогѣ мы не получаемъ, а расходуемъ только деньги. Живемъ мы. Марія Ивановна Бурцева и я, въ углахъ на разныхъ квартирахъ. а черезъ недѣли три и отсюда надобно перейти. Куда?—трудно сказать. Школа тоже кочуетъ. Пять комнатъ, наскоро оконченныхъ въ Братскомъ зданіи, такъ сыры, что въ нихъ нѣтъ возможности жить, и даже вещи и книги отсырѣли и надобно ихъ провѣтривать и сушить. Однако, все-таки приходится ихъ поставить куда нибудь. А такъ какъ до октября нельзя же ждать мебели, то мы были принуждены купить нѣсколько шкаповъ и комодовъ—берестовыхъ и самыхъ дорогихъ. Посуду и желѣзныя простыя кровати мы должны были выписать, а отчасти привезти съ собою изъ Варшавы. И все это обошлось весьма дорого, а между тѣмъ, когда въ концѣ іюля пріѣдетъ наша начальница, ей и намъ не на чемъ будетъ сидѣть, не на чемъ ѣсть и писать, какъ развѣ, когда кончатся классы, употреблять скамейки и столы школки нашей. Вотъ какое печальное положеніе наше! Зданіе еще не достроено до половины, церковь не тронута, одинъ флигель возводится, а другой не тронутъ,—и все это это благодаря прошлогоднимъ помѣхамъ на высылку денегъ и архитектора. Теперь генералъ Галлеръ, дай ему Богъ здоровья, прислалъ намъ

[1]) Покушеніе на жизнь Имп. Александра II.

постояннаго архитектора, былъ самъ здѣсь и по возможности помогаетъ намъ. Но въ такомъ первобытномъ кочующемъ положеніи, разумѣется, нѣтъ возможности организовать и вести правильно никакое ученіе. Въ этой крайности мы еще находимся вдобавокъ въ неизвѣстности, кто заступитъ мѣсто князя Шихматова. Если Михаилъ Андреевичъ Туловъ въ Кіевѣ, просимъ Кіевскій отдѣлъ походатайствовать за насъ о помощи, хотя временной покуда, пансіоносодержательницамъ православнымъ здѣсь. Двѣ вдовы—одна учителя, другая священника—хотятъ помѣстить на своей квартирѣ, такъ сказать на хлѣбахъ, нѣсколько бѣдныхъ дѣвочекъ, присланныхъ изъ уѣзда, которыя ходятъ въ наше училище. Но онѣ сами бѣдны и должны нанимать квартиру, топить ее и кормить дѣтей, которыя платятъ не деньгами, а крупой или мукой. Если бы Михаилъ Андреевичъ Туловъ могъ отпустить рублей хоть двѣсти имъ на этотъ годъ, онъ бы сдѣлалъ истинно доброе и полезное дѣло. Охота и желаніе отдавать къ намъ своихъ дѣтей распространяется дальше нашего уѣзда, и это весьма естественно, такъ какъ всѣ бывшіе пансіоны закрыты. Помогите, помогите, помогите, братчики честные! мы бѣдствуемъ и въ потѣ лица своего ѣдимъ весьма невкусный хлѣбъ жидовскій. Не смотря на такое жалостное положеніе наше, здѣшнее братство рѣшилось начать сборъ на вкладъ для воспитанія одной дѣвушки постоянно на будущее время въ училищѣ, въ память и благодареніе за сохраненіе жизни Государя въ день, когда празднуется Вознесеніе Господне и воспоминаются Его послѣднія слова: «идите, научите вся языки».

Простите, многопочитаемый о. Петръ, искренность и незатѣйливость моего посланія. Я уже нѣсколько одичала здѣсь и начинаю юродствовать. Усердный поклонъ всѣмъ братчикамъ нашимъ кіевскимъ и прошу переслать это письмо на прочтеніе Григорію Павловичу Галагану и Николаю Аркадіевичу Ригельману, которыхъ, кажется, нѣтъ въ Кіевѣ. Прошу заочно Вашего благословенія и поручаю себя и наше братство святымъ молитвамъ Вашимъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 3 іюня.

2.

Милостивый Государь, многоуважаемый о. Петръ!

Письмо Ваше отъ 10 іюня получила я вчера и оно меня много успокоило. Мы поняли было, что контрактъ заключенъ на мебель и уже нельзя измѣнить ничего въ немъ, и это испугало меня порядочно. Теперь же, конечно, надобно пріостановить высылку всей этой мебели, которой некуда и дѣвать. Посылаю списокъ нужнаго нынѣ, т. е. къ концу лѣта, въ августѣ, а для начальницы, для ея помощницы и для надзирательницы нужно по мѣрѣ возможности доставить въ іюлѣ мѣсяцѣ, равно какъ и шкапа два-три для библіотеки. Книги лежатъ въ ящикахъ или грудами на полу, за неимѣніемъ для нихъ помѣщенія. Когда мы просили заказать дубовую мебель, это было въ убѣжденіи, что въ этихъ краяхъ такъ много дуба, что онъ недорогъ, а между тѣмъ прочепъ; но по его дороговизнѣ лучше ясенную сдѣлать мебель, ибо увѣряютъ, что ольховая непрочна, а я знаю по опыту, что иная дешевизна выходитъ разорительна, если требуетъ частой передѣлки или возобновленія. Итакъ, просимъ Васъ по прилагаемому списку заказать ясенную мебель и, буде возможно, выслать ее сюда къ концу іюля мѣсяца,—а означеніе цѣнъ прислать мнѣ какъ можно скорѣе. Я не отвѣчала вчера же на Ваше письмо, потому что получила его въ ту самую минуту, когда насъ окончательно изгоняли изъ послѣдняго нашего пристанища, и мы собираемся, по прибытіи здѣшняго хозяина, поѣхать на нѣсколько дней въ Почаевъ въ надеждѣ, что до тѣхъ поръ высохнетъ хоть одна комната довольно, чтобы ночевать въ ней. Та часть письма Вашего, въ которомъ Вы говорите о намѣреніяхъ М. А. Тулова доставить намъ вспомоществованіе, очень обрадовала насъ, хотя мы привыкли видѣть разрушеніе такихъ надеждъ. Боюсь, что Государственный Совѣтъ, привыкшій къ своего рода экономіи и забывающій поговорку о томъ, что дешево бываетъ гнило, захочетъ и дешевое воспитаніе (т. е. дешевое для начальства) и дешевую борьбу противъ всѣхъ соблазновъ богатой противной партіи.

Во всякомъ случаѣ я поняла, что по крайней мѣрѣ можно вѣрно разсчитывать на рублей 900 въ пособіе пансіоносодержательницамъ здѣсь. Думаю, что ихъ будетъ двѣ: одна изъ нихъ вдова учителя, Гиревская, уже есть у насъ въ виду и во всѣхъ отношеніяхъ хорошая достойная женщина и съ нѣкоторымъ образованіемъ. Братство вступило въ переговоры для найма дома, который уже отъ себя будетъ отдавать въ наемъ для пансіона, по близости нашего зданія. Теплое сочувствіе Михаила Андреевича для насъ истинно моральная поддержка. Спасибо ему, спасибо и Вамъ, и тѣмъ братчикамъ кіевскаго отдѣла, которые способствовали къ его расположенію. Теперь у меня къ отдѣлу и къ Михаилу Андреевичу убѣдительнѣйшая просьба. Надобно быть и жить на мѣстѣ, и имѣть сношеніе хоть чрезъ своихъ служителей съ разными классами людей, чтобы вполнѣ оцѣнить постоянство интриги во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ. Вопросъ о землевладѣніи разумѣется играетъ тутъ важную роль; вопросъ о новомъ судопроизводствѣ, т. е. о мѣстности, гдѣ будетъ назначено, идетъ естественно рядомъ съ нимъ. Нашъ Острогъ теперь подвергается правильной осадѣ по обѣимъ статьямъ. Любомирскіе оттягиваютъ въ Дубно окружной судъ для окончательнаго разоренія Острога, а вокругъ города стараются удержать земли въ своихъ рукахъ поляки и жиды, или вызывать нѣмецкую колонизацію, которая, полезная между сельскимъ населеніемъ, чуждымъ намъ въ Польшѣ, здѣсь, разбивая сплошное русское населеніе, вредитъ намъ раздробленіемъ нашихъ селъ, и сама, какъ мы знаемъ по всемѣстному опыту, никогда не обрусится и остается status in statu, работая только для своего собственнаго Drang nach Osten. Она уже, какъ говоритъ Самаринъ, не безмозглая Варшава, не комтрометируетъ себя, а самымъ законнымъ roialiste—скимъ образомъ дѣйствуетъ противъ русскихъ интересовъ. Такимъ образомъ, готовятся облѣпить насъ, по выраженію одного крестьянина, инородными, иновѣрнымъ, землевладѣніемъ и задушить нашъ древній еле переводящій духъ и теперь разсадникъ русской умственной жизни и гражданской вольности. Между тѣмъ, есть скромные, честные дѣятели, которыхъ бы нужно и поддер-

жать, и поощрить и наградить. и такъ сказать, привязать къ здѣшнему краю. Позвольте мнѣ и по собственному наблюденію, и общему голосу (могу отозваться о немъ и по письму Александра Ѳеодосіевича Воронина) рекомендовать Вамъ и особенно Михаилу Андреевичу Тулову здѣшняго штатнаго смотрителя училища Петра Васильевича Лысенка и убѣдительно просить о ходатайствѣ для него земли здѣсь, въ самой близости города. и въ возможно достаточномъ размѣрѣ, въ награду за его добросовѣстное, разумное и неутомимое стараніе, на сколько возможно въ его положеніи. Это честная, достойная и дѣятельная личность, которую грѣшно было-бы забыть. Самъ о себѣ онъ не станетъ напоминать. Это безконечное письмо, но отъ избытка сердца уста глаголятъ, и больно видѣть, какъ дѣятельны противники, а мы какъ вялы, какъ не умѣемъ ни поддержать, ни поощрить никого, кто не шарлатанитъ. Простите несвязность письма,—вотъ уже три недѣли, что живу съ уложенными еще вещами на походѣ, а со вчерашняго только вечера на квартирѣ, и весь день то въ будущемъ училищѣ, пока не разболится голова до тошноты отъ запаха краски и ноги не онѣмѣютъ отъ сырости,—то у единственной нашей знакомой, почтмейстерши, у которой мужъ боленъ тифомъ, къ великому нашему безпокойству и сожалѣнію. А между тѣмъ уходитъ время золотое. Поклонитесь всему честному братству нашему и помяните насъ: Марію, Антонину, Агаѳію, Александра, Ѳеодора, Николая и Георгія въ Вашихъ молитвахъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 15 іюня. Острогъ.

3.

Ваше Высокопреподобіе!

Я уже отвѣтила на нѣкоторые запросы, сдѣланные Вами въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ черезъ Марію Ивановну Бурцеву; теперь остается только сказать Вамъ: 1) о скамейкахъ. Подъ

именемъ скамеекъ и столовъ подразумѣваются общепринятые во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ столы съ пюпитрами, въ родѣ конторокъ, съ прикрѣпленными къ нимъ скамейками. Моделью необходимыхъ намъ столовъ могутъ служить столы классные въ любомъ учебномъ заведеніи. 2) Препровождаю Вамъ рисунокъ кіота и надписи, которыя желательно было имѣть надъ образами, благодаря усердію жертвователей. Кіотъ долженъ быть орѣховаго дерева. Если найдете слишкомъ дорогими мѣдныя буквы, то можно написать ихъ въ два колера—зеленый и желтый. Буквы непремѣнно должны быть славянскія, хотя подписи русскія.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 1 іюля. Острогъ.

4.

Ваше Высокопреподобіе!

Спѣшу увѣдомить Васъ о результатѣ свиданія моего съ преосвященнымъ Агафангеломъ, архіереемъ житомирскимъ; вчера только воротились мы изъ Почаевской Лавры, гдѣ и видѣлись съ нимъ. Онъ назначаетъ намъ особый причтъ, и священникомъ къ намъ переходитъ многоуважаемый нами законоучитель нашъ о. Игнатій Вилетинкевичъ. Теперь предстоятъ намъ новые хлопоты, новые расходы: во 1-хъ, надо священнику и причту построить домъ или, какъ мы рѣшили, выдать ему извѣстную сумму денегъ для производства построекъ, что для насъ покойнѣе; 2) надо похлопотать и о прибавкѣ ему жалованья, такъ какъ прихода у него не будетъ, а отъ казны онъ будетъ получать окладъ жалованья сельскаго священника. 1 іюля мы заключили окончательный контрактъ съ нашимъ подрядчикомъ, по которому онъ обязался церковь окончить къ сентябрю, такъ, чтобы одинъ придѣлъ освятить въ первыхъ числахъ сентября и въ первый разъ

отслужить обѣдню въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Остальное зданіе кончить все къ 1 ноября. Но всею мебелью прошу Васъ не торопиться, а выслать только ту, о которой мы просили Васъ, потому что хотя зданіе и будетъ готово, но жить въ немъ нельзя будетъ, кромѣ въ той части, которая теперь готова. За то означенную на 1338 р., умоляю Васъ выслать по мѣрѣ изготовленія. Начальница наша не можетъ откладывать далѣе своего пріѣзда, и къ 25 іюля мы должны помѣстить ее, а нѣтъ ни шкапа, ни комода, ни стула, ни дивана. Христа ради поспѣшите! Да прибавьте къ отправляемой мебели три кровати желѣзныя, какъ бываютъ въ училищахъ и больницахъ, для трехъ живущихъ у насъ дѣвочекъ къ тому же числу. Мы рѣшительно погибаемъ. Сборъ на царскую воспитанницу можно прекратить, и если что получено, выслать намъ сюда. Мы прибавимъ къ собраннымъ 2455 р., на которые думаемъ купить недвижимость, потому что страшно какъ деньги падаютъ. Я получила письмо отъ Обрескова, который увѣдомляетъ, что Любовь Ивановна Безакъ собрала до 350 р., можетъ быть мы доберемъ, такимъ образомъ, до 3000 р., и тогда воспитаніе дѣвочки будетъ вполнѣ обезпечено.

Антонина Блудова.

1867 г. 7 іюля. Острогъ.

5.

Милостивый государь, почтеннѣйшій о. Петръ!

Благодарю Васъ за нетерпѣливо ожидаемое письмо Ваше и надѣюсь, что все-таки найдете возможнымъ что нибудь прислать изъ мебели для надзирательницы (2 комнаты съ передней), для помощницы (1 комната), для надзирательницы школки (1 комната). И необходимые, почти готовые, какъ Вы намъ писали, шкапы для библіотеки къ намъ дойдутъ вмѣстѣ съ желѣзными кроватями не ранѣе 2-го августа. Подумайте, что начальница ѣдетъ изъ Москвы съ племянницей своей,—и нѣтъ у насъ ни

кровати, ни шкапа, ни стула. Прошу Васъ убѣдительно поторопить потому столяра и по возможности снабдить насъ поскорѣе. Что же касается до аптечнаго шкапа, то мнѣ кажется, что для нашей аптеки очень довольно сдѣлать шкапъ, какъ Вы предлагаете, съ ящиками по 7 вершковъ вышины и 14 глубины. Что же касается до причта, то для насъ было бъ также дорого имѣть старичка священника, которому бы платили жалованье и должны бы давать помѣщеніе только за службу въ церкви, плата сверхъ того законоучителю. Намъ желательно имѣть такого священника, какъ о. Игнатій, который уже душею отдался дѣлу братства и училища, и которому жалованье и земля будетъ отъ казны современемъ, а покуда мы имѣемъ въ виду пріобрѣсть за 500 р. домъ, и я покупаю, если Богъ дастъ поле, которымъ онъ будетъ пользоваться до отвода ему земли. Полутора года близкихъ сношеній съ о. Игнатіемъ скрѣпили крѣпко узы духовныя между нимъ и дѣтьми, и членами братскаго совѣта,—такія сношенія несомнѣнно дороги и ихъ нужно еще болѣе скрѣпить. Какое училище Вы думаете открыть въ Умани—духовное или общее? И не назовете ли его Кирилло-Меѳодіевскимъ? Распространяйте, умоляю Васъ, мысль о покровительствѣ нашихъ первоучителей въ нашемъ воспитаніи. Посылаю на Ваше имя съ просьбою поднести митрополиту и членамъ Кіевскаго Отдѣла образки св. Кирилла и Меѳодія и житіе сихъ святыхъ угодниковъ для дѣтскихъ школъ. Не найдете ли полезнымъ скопировать эти образки и продавать въ Лаврѣ и Михайловскомъ монастырѣ? Это ознакомило бы съ нимъ народъ по всей Россіи. Поклонъ всѣмъ Вамъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 22 іюля. Острогъ.

6.

Многоуважаемый о. Петръ!

Я не знаю, въ Кіевѣ ли Шульцъ; сдѣлайте мнѣ братскую услугу: узнайте у Михаила Владиміровича Юзефовича, гдѣ онъ,

и доставьте ему это весьма нужное письмо. Минутами находитъ на меня что-то въ родѣ отчаянія, когда вижу, какъ пропадаютъ и люди и дѣла, изъ которыхъ можно и должно бы извлечь столько пользы для дорогой нашей Россіи. Такъ наболѣло сердце въ здѣшнемъ краѣ, что хотѣлось бы уйти прямо въ монастырь и схиму принять, если бы Почаевъ не былъ мужской монастырь. Извините это глупое отчаяніе. Христа ради пришлите мебель.

Антонина Блудова.

1867 г. 9 августа.

7.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Не знаю еще, воротилась ли Варвара Михайловна Урюпина и видѣли ли Вы ее? Говорили ли, согласна ли она? Но во всякомъ случаѣ, чтобы не встрѣтились денежныя затрудненія, посылаю при семъ 100 р., изъ которыхъ прошу Васъ выдать 75 р. Параскевѣ Викторовнѣ Должанской на подъемъ. Изъ Ровно пусть телеграфируетъ въ Острогъ на имя братства, въ какой день должно выслать повозку за ней. Въ Ровно во всякомъ случаѣ пускай со станціи почтовой пошлетъ за священникомъ собора о. Андреемъ Барановскимъ или, если хорошая погода, зайдетъ къ нему сама. Онъ живетъ противъ собора. Это относится точно такъ и къ Варварѣ Михайловнѣ, если намъ удастся пріобрѣсти ее. Что же касается до П. В. Должанской, пожалуйста обратитесь къ Гогоцкой, которая ее рекомендовала, и попросите, чтобы непремѣнно была нѣсколько дней, хоть два дня, раньше 1 сентября, т. е. не позже 30 августа. Погода у насъ такая сырая, холодная, осенняя, что я не могу даже долго и перо держать въ рукахъ. Благословите заочно, отецъ Петръ, и помолитесь о мнѣ и о всѣхъ насъ, да внушитъ намъ Господь миръ и любовь!

Антонина Блудова.

12 августа, годъ не обозначенъ. Острогъ.

8.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Благодарю Васъ усердно за вашу телеграмму о преосвященномъ Михаилѣ сербскомъ. Прошу, если онъ еще въ Кіевѣ, передать ему, что я еще долго не буду въ Петербургѣ, такъ что тамъ не имѣю надежды видѣть его. Но онъ бы истинно обрадовалъ меня и, какъ славянинъ, даже и долженъ бы пріѣхать къ намъ въ Острогъ, гдѣ единственная православная церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія. Маршрута два изъ Петербурга: одинъ черезъ Варшаву, Тересполь на Острогъ, а потомъ Почаевъ и Броды въ Львовъ, Прагу и Вѣну; другой—черезъ Варшаву, Тересполь на Острогъ, а потомъ на Житомиръ, назадъ въ Кіевъ и Одессу. По тому или другому будетъ наша карета въ Тересполѣ, только бы телеграфировалъ мнѣ въ Острогъ, когда будетъ выѣзжать въ Варшаву. Теперь у меня другое кровное дѣло до Васъ. Урюнина занемогла и не будетъ; Должанская здорова, обѣщаетъ быть—и до сихъ поръ ея нѣтъ. Вдругъ является безъ письма, безъ рекомендаціи молодая особа, Жаворонкова, которая объявляетъ, что ее прислала Гогоцкая, и что она будетъ учить только читать и писать до двухъ съ половиною часовъ, а потомъ будетъ свободна весь день. Что это значитъ? Безъ моего вѣдома, безъ согласія, безъ письма даже, какая то личность пріѣзжаетъ на должность, которой у насъ нѣтъ, ибо у насъ никто не свободенъ отъ 3-го часа, а всѣ работаютъ весь день, да еще черезъ день дежурятъ на ночь! Она объявила сверхъ того, что не была нигдѣ на мѣстѣ, кромѣ полъ-года въ гувернанткахъ, и оставила потому, что не выноситъ шуму дѣтей, а у насъ ихъ сорокъ живущихъ и шумящихъ. Рѣшительно не понятно, и я телеграфировала Гогоцкой, что буду держать мадамъ, пока не получу отвѣта и свѣдѣній отъ Васъ. Умоляю Васъ, поспѣшите отвѣтомъ и помолитесь за насъ. Все какъ то выходитъ странно и дурно.

Антонина Блудова.

1869 г. 30 сентября. Почаевъ.

9.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Меня задержала болѣзнь, и теперь мнѣ бы очень нужно было повидаться съ Вами. Я бы очень желала заѣхать завтра въ Софіевскій соборъ предъ отъѣздомъ и зайти къ Вамъ по дѣлу, относящемуся до нашего училища. Застану ли Васъ дома въ 11-ть часовъ утра?

Глубокопочитающая Васъ Антонина Блудова

Кіевъ.

10.

Искреннопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Сіе письмо даю, на случай нужды, моей горничной Глафирѣ Семеновнѣ, спѣшащей къ умирающему отцу. Обращаюсь къ Вашему доброму христіанскому чувству для помощи и содѣйствія ей, если понадобится. Она должна ѣхать по желѣзной дорогѣ изъ Кіева на Орелъ въ Смоленскъ. Поручаю себя молитвамъ Вашимъ и прошу заочнаго благословенія.

Антонина Блудова.

1869 г. 19 октября. Острогъ.

11.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Виновата я предъ Вами моимъ молчаніемъ. Благодарю Урюпину, Должанскую и Жаворонкову, но должна помогать и сама и дежурить черезъ два дня. Силъ не хватаетъ писать. И теперь

у меня новая просьба къ Вамъ. Это письмо съ двумя фотографіями нашей церкви передастъ Вамъ Митрофанъ Леонтіевичъ Нельговскій, служащій въ Кіевѣ. Онъ вручилъ Вамъ икону св. Великомученицы Варвары, съ маленькими золотыми отворками и съ вдѣланнымъ кусочкомъ мозаики. Внутренняя рамка нѣсколько ослабла. Будьте такъ добры, дайте ее исправить вѣрному мастеру, который не испортилъ бы самое изображеніе. Положите икону св. великомученицы въ Михайловскомъ монастырѣ, освятите ее и пришлите мнѣ обратно сюда вѣрнымъ способомъ, хоть по почтѣ. Очень и очень буду Вамъ благодарна. Очень рекомендую Вамъ М. Л. Нельговскаго, хотя мало его знаю; но онъ пришелся намъ по сердцу, и прошу Васъ рекемендовать его нашимъ общимъ кіевскимъ—Юзефовичу, Ригельману, Галагану и Воронину. Мнѣ кажется, что онъ охотно вступитъ въ этотъ кружокъ. Но некогда писать болѣе. Благословите заочно и помолитесь за меня.

Антонина Блудова.

1869 г. 20 октября. Острогъ.

12.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Искренно благодарю за икону, которую Вы привезли изъ Кіева, и которую я получила только пріѣхавъ въ городъ на такое короткое время, что некогда повидаться съ Вами. Я еще живу въ Царскомъ селѣ, потому что переправляютъ квартиру мою,—а погода такая страшная, что звать къ себѣ въ Царское не смѣю. Приходится дождаться, пока Богъ дастъ переѣхать въ городъ. Прошу переслать кому нибудь для вѣрнаго доставленія Чашникову и сказать, сколько будетъ стоить отправленіе посылки съ фотографіями и книжкой по почтѣ. До свиданія. Не забывайте въ молитвахъ Вашихъ.

Васъ Глубокоуважающую Антонину Блудову.

Годъ не обозначенъ.

13.

Многоуважаемый, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Виновата я предъ Вами премного, но я все хвораю и силы меня оставляютъ. Икона нерушимой стѣны Божіей Матери давно получена и прекрасно удалась,—спасибо Вамъ отъ души. При семъ 25 р., которые, какъ Вы говорили мнѣ въ Петербургѣ, я Вамъ должна за нее. Еще очень прошу Васъ купить для меня въ Лаврѣ икону въ серебряномъ, золоченномъ окладѣ св. Архистратига Михаила и св. Варвары мученицы, около 5 вершковой, какъ я покупала тамъ лѣтомъ за 20 р., которые тоже прилагаю, и освятить ее на мощахъ св. Варвары мученицы, отправить по первой же почтѣ въ Петербургъ на мое имя, въ зимній дворецъ. Очень и очень меня обяжете; прилагаю и на посылку оной 5 р. а всего 50 руб. Простите за безпокойство и лаконическое письмо. Мнѣ все не здоровится. Получите и нашъ отчетъ при семъ, а Григорій Павловичъ Вамъ изустно передастъ многое. Благословите меня заочно и помолитесь за меня. Мнѣ трудно и тяжело.

Антонина Блудова.

1870 г. 5 сентября. Острогъ.

14.

Многопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я къ Вамъ съ просьбою: прочитать и написать мнѣ, нѣтъ ли какихъ грубыхъ историческихъ ошибокъ въ этомъ сказаніи о св. Ѳеодорѣ Острожскомъ, которое прилагаю здѣсь. Я не назвала житіемъ, потому что тутъ скорѣе историческое возстановленіе его личности для поученія нашимъ старшимъ дѣвочкамъ и нашимъ неразвитымъ братчикамъ сельскимъ и городскимъ, нежели строгое описаніе его жизни. Поэтому многое постороннее, осо-

бенно чешское, входитъ сюда ради самыхъ переселенцевъ чеховъ. Надѣюсь на Ваше доброе расположеніе къ намъ для извиненія за эту новую скуку. Сказаніе готовится для журнала «Странникъ» и въ отдѣльныхъ оттискахъ для нашихъ школъ, а потомъ должно войти въ составъ второй книги для чтенія русской исторіи нашего изданія. Если Вы будете такъ добры и возьмете этотъ трудъ на себя, то я бы просила не слишкомъ задерживать рукопись. Я все хвораю, но говѣю однако. Помолитесь за меня и благословите заочно.

Антонина Блудова.

1871 г. 10 февраля.

15.

Многопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я посылаю Вамъ эту записку съ г-жею Краевскою, которая намѣрена принять православное вѣроисповѣданіе. Ее сама лично я не знаю, но она покажетъ Вамъ свои аттестаты. Будьте такъ добры, примите ее и подумайте, нельзя ли что сдѣлать въ ея пользу. Благословите и не забывайте въ святыхъ молитвахъ Вашихъ меня грѣшную.

Антонина Блудова.

20 іюля 1872 года.

16.

Глубокоуважаемый Братчикъ Петръ Гавриловичъ!

Надѣюсь, что Вы уже давно получили выраженіе моей искренней благодарности за Вашу истинно братскую помощь нашему повѣренному и казначею Петру Левицкому по дѣламъ мельницы, вновь купленной мною, въ надеждѣ оставить доходъ съ нея

братству, и которая требуетъ столько расходовъ сначала, что разоритъ меня. Не знаю, почему мои письма очень невѣрно доходятъ до Москвы и до Кіева, а въ другія мѣста—ничего. На этотъ разъ пишу заказнымъ и опять съ просьбою къ Вамъ. Примите по-братски, по-русски, по-христіански сего Осипа Ивановича Добрянскаго, землевладѣльца крупнаго, венгро-росса, т. е. изъ Угорской Руси, гдѣ населеніе чисто русское, православное; хотя по епархіальной росписи оно считается уже нѣсколько столѣтій уніатскимъ, но до сихъ поръ паства не только не признавала, но игнорировала папу. Теперь же графъ Андраши взялся серьезно искоренять православіе. Добрянскій разскажетъ Вамъ многое интересное. Будьте такъ добры, покажите ему все историческое подъ Вашимъ вѣдомствомъ и укажите на остальное. Добрянскій—человѣкъ съ большимъ и добрымъ вліяніемъ въ своемъ народѣ и очень извѣстенъ въ Венгріи, какъ патріотъ и любимецъ своего народа. Познакомьте его пожалуйста съ Ѳаворовымъ и съ членами славянскаго комитета. Это не отецъ Терлецкій [1]). Буду Вамъ искренно благодарна за все, что для него сдѣлаете пріятнаго и полезнаго. Не забывайте меня въ молитвахъ Вашихъ и благословите заочно.

Глубокоуважающая Васъ Антонина Блудова.

1875 г. 14 марта. Петербургъ.

17.

Почитаемый и глубокоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Позвольте обратиться къ Вамъ съ братскою просьбою. Письмо это долженъ Вамъ вручить нашъ братскій сборщикъ Андрей Ивановичъ Жоголевъ, крестьянинъ-собственникъ нижегородской губерніи, ходившій на богомолье въ Іерусалимъ, и весьма усердный къ церкви, особенно св. Кирилловской-Меѳодіевской, на которую въ теченіе 9 лѣтъ собралъ до 3700 руб. Пріютите его

---

[1]) Владиміръ Терлецкій. переселившійся изъ Галиціи въ началѣ 70-хъ годовъ и принявшій монашество въ Михайловскомъ монастырѣ.

въ Лаврской гостиницѣ или около Вашего Собора, прошу Васъ, и когда, помолившись, онъ соберется въ путь, прикажите кому нибудь взять ему билетъ и отправить по желѣзной дорогѣ а въ Острогъ телеграфируйте начальницѣ училища, когда долженъ доѣхать, чтобы распорядилась о доставленіи его съ желѣзной дороги къ намъ въ братство. Очень и очень буду Вамъ благодарна, а старикъ заслужилъ эту братскую заботливость. Такъ какъ не знаю, когда это письмо дойдетъ до Васъ, то не остается ничего другого и писать. Нынѣшній разъ я ѣду прямо черезъ Вильну, Минскъ и Брестъ. Получили ли Вы отчеты за 1874—75 и 76 годы? Не забывайте меня въ молитвахъ Вашихъ и благословите заочно.

Антонина Блудова.

1877 г. 29 апрѣля. Петербургъ.

18.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Благодарю Васъ усердно еще разъ за Ваше попеченіе о нашемъ старичкѣ сборщикѣ. Опять обращаюсь къ Вамъ съ просьбою: отправьте его обратно до Москвы, а тамъ ужъ онъ найдетъ дорогу. Я Вамъ тогда не доставила денегъ на его проѣздъ сюда, потому что не знала, что онъ ѣдетъ; теперь прилагаю 30 руб. на издержки. Простите все это безпокойство. Старикъ—заслуженный братчикъ, и потому прошу для него Вашего братскаго содѣйствія о немъ. Онъ Вамъ глубоко благодаренъ, и я тоже. Мы теперь очень заняты устройствомъ нашего помѣщенія для выздоравливающихъ больныхъ, которое мы стараемся сдѣлать какъ можно менѣе похожимъ на лазаретъ. Помолитесь, многоуважаемый Петръ Гавриловичъ, чтобы Господь помогъ намъ. У насъ такъ мало русскихъ и всѣ они люди, живущіе своими трудами, и неоткуда взять денегъ и должны жить со дня на день. Но надѣюсь на Бога, и чего не ожидала, и что удивительно, безъ всякой посторонней помощи, мы успѣли устроить до 20 кроватей; только главное теперь продовольствіе, на которое нужна ежемѣсячная

трата, и на вино, котораго здѣсь чистаго нельзя достать, развѣ выписывать изъ Ливадіи, и крымскаго изъ Кіева, но безъ водяныхъ сообщеній, Богъ знаетъ, когда изъ Ливадіи придетъ. Если Вы можете, найдите средство, помимо собственныхъ мѣстныхъ нуждъ, оказать хоть малую помощь нашему бѣдному братству, напримѣръ: сахаромъ, вареньемъ или деньгами,—всякое даяніе будетъ благое. Благословите заочно, почитаемый Петръ Гавриловичъ, и черкните мнѣ словечко въ отвѣтъ.

Антонина Блудова.

1877 г. 2 іюля. Острогъ.

19.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Стыдно мнѣ, что я такъ долго не писала Вамъ. Примите мою искреннюю, глубокую благодарность за нашего старичка сборщика, котораго Вы такъ христіански и братски приняли и проводили къ намъ. Задушевное глубокое спасибо! Меня не было въ Острогѣ, когда онъ прибылъ,—я была нѣсколько времени въ имѣніи покойной Евгеніи Сергѣевны Шеменко, чтобы помолиться въ ея церкви, посмотрѣть ея школу, побывать вездѣ, гдѣ мы вмѣстѣ бывали, и пожить въ ея домѣ,—это долгъ дружбы и благодарности, который я не могла до сихъ поръ исполнить. Вотъ я и не была въ Острогѣ, когда нашъ Андрей Ивановичъ Жоголевъ привезъ отъ Васъ письмо. Потомъ время хлопотливое. Ольга Николаевна вѣрно сообщила Вамъ наши совѣщанія, соображенія и постановленіе братскаго совѣта объ устройствѣ для выздоравливающихъ больныхъ Краснаго креста 20 кроватей у насъ. Все это отняло у меня возможность взяться за перо, а потомъ телеграммы съ Дуная меня привели въ такую тревогу, что я неспособна была ни на что, кромѣ безпрестанной молитвы. Простите же меня, что такъ поздно благодарю Васъ, но тѣмъ не менѣе со всею горячностію сердца за Ваше попеченіе и доброту къ братскому сбор-

щику. Вотъ и теперь отзываетъ меня докторъ,—кучеръ нашъ тяжело боленъ, а письмо надобно скорѣе отправить по оказіи, которая рѣдка у насъ въ деревнѣ. Благословите заочно, глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ, и помолитесь за меня, чтобы Господь помогъ побѣдить тревогу чрезмѣрную сердца и съ крѣпкою вѣрою въ Него ожидать событій, которыя въ Его рукѣ. Прошу доставить прилагаемое письмо Николаю Аркадіевичу.

Антонина Блудова.

1877 г. 16 іюля. Село Брыково, около Острога.

20.

Искренно почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Это письмецо со вложеніемъ еще 30 руб. передастъ Вамъ уже извѣстный Вамъ сборщикъ нашъ Андрей Ивановичъ Жоголевъ, котораго прошу Васъ, по братской и христіанской добротѣ Вашей, отправить обратно въ Москву, т. е. кому нибудь поручить отвезти его до желѣзной дороги, взять ему билетъ или книжечку на проѣздъ чрезъ Курскъ до Москвы, и вручить ему кормовыя деньги на первое время въ Москвѣ. Я намедни послала Вамъ по почтѣ 30 р. въ уплату издержекъ на билетъ отъ Кіева до Острога и не знаю, получили ли Вы. Теперь прошу, если изъ нихъ нѣтъ остатка, то прибавить изъ своихъ, сколько сочтете нужнымъ, и мнѣ написать въ Острогъ, чтобы я могла Вамъ выслать. У насъ новаго ничего нѣтъ. Мы все живемъ на Дунаѣ и въ Балканахъ, а не на Волыни. Благословите и помолитесь за меня! Въ старости не сладишь съ своими нервами и я въ такомъ волненіи безпрестанномъ, что и спать не могу. а если и засну, страшные сны будятъ. Помоги намъ всѣмъ Христосъ!

Антонина Блудова.

1877 г. 23 іюля. Близъ Острога.

21.

Искренно почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я сегодня же посылаю Вамъ письмо къ одной изъ нашихъ бывшихъ воспитанницъ ихъ чеховъ, присоединенной къ православію, и настоящаго адреса которой не знаю. Прошу тоже приголубить и поддержать ее. При семъ же краткій отчетъ по нашей больницѣ, дайте прочитать Николаю Аркадіевичу и Григорію Павловичу, и прошу Васъ, если сочтете полезнымъ, напечатать въ «Кіевлянинѣ». Это отъ Васъ зависитъ. Сколько я Вамъ должна за маленькія Евангелія? Вѣдь я все у Васъ въ долгу. Благословите заочно и не забывайте въ молитвахъ Вашихъ.

Антонина Блудова.

1877 г. 19 октября. Острогъ.

22.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Позвольте мнѣ Вамъ, вѣрному и неизмѣнному братчику нашему, поднести этотъ запоздалый отчетъ за 1877 годъ—запоздалый, впрочемъ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. За 1878 годъ, кончившійся въ нынѣшнемъ маѣ 1879 г., я совсѣмъ не могу подать, потому что будетъ напечатанъ вмѣстѣ за два года; а если, Богъ дастъ, свидимся въ Кіевѣ, то прочту Вамъ краткій отчетъ по рукописи. Нынѣшнее лѣто я все хвораю и во всемъ неудача. Помолитесь за меня и благословите заочно.

Антонина Блудова.

1879 г. 21 сентября. Близъ Острога.

23.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я говѣю и должна просить прощенія, но, право, мое молчаніе не было намѣреннымъ грѣхомъ, а недоразумѣніемъ. Не зная, сколько стоютъ иконы, я ожидала отъ Васъ свѣдѣній, но теперь рѣшаюсь выслать за молебенъ въ Михайловскомъ монастырѣ и освященіе иконы на мощахъ 4 рубля, которые обыкновенно даю тамъ, и 10 руб. выставленные на посылкѣ съ двумя иконами, хотя не можетъ быть, чтобъ онѣ стоили такъ мало. Икона св. Варвары мученицы такая красивая, что я просила Государя дозволить повѣсить ее на стѣнѣ его внутреннихъ компатъ, и онъ приказалъ поставить ее на стѣнѣ своего кабинета, принялъ благоговѣйно благословеніе это, за которое благодарилъ. Я увѣрена, что Ваша молитва была теплая и искренняя, и благословеніе Ваше іерейское вѣрующее и сердечное при посылкѣ этой иконы и, конечно, Господь услышитъ. Нерушимую стѣну Божіей Матери я повѣсила у себя на той стѣнѣ, которая по Божіей милости не разрушилась и не задавила меня, хотя дверь была вырвана изъ нея и у самой ея сдѣлался глубокій провалъ. Молитесь, почитаемый Петръ Гавриловичъ, молитвою неустанною о всѣхъ насъ, особенно о Государѣ и о выздоровленіи нашего ангела Императрицы, выздоровленіе которой можно ожидать только отъ всемогушей силы и всеобъемлющей милости Господней, ибо доктора истощили всѣ средства своего искусства, а силы не возвращаются. Одинъ Богъ есть врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ, къ нему будемъ взывать и Онъ услышитъ молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ. Благословите меня заочно на говѣніе и скажите Николаю Аркадіевичу, что усердно благодарю за письмо и за передачу денегъ, и за книжки, и прошу прощенія, что не въ силахъ была писать. А теперь нѣтъ времени рѣшительно; у меня былъ еще пожаръ въ деревнѣ, и приходится дѣлать распоряженія и писать

въ разныя стороны. Если Галаганъ въ Кіевѣ, доставьте эту записку. Еще разъ сердечно благодарю.

Антонина Блудова.

1880 г. 4 марта. Петербургъ.

24.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Это письмо передастъ Вамъ Андрей Грищукъ, воспитанникъ крестьянскаго пансіона при Острожской прогимназіи, который хочетъ непремѣнно пройти чрезъ тяжелую и трудную жизнь неимущаго человѣка изъ крестьянъ въ борьбѣ за возможность перебиваться своимъ трудомъ ради Университета въ Кіевѣ. Онъ до сихъ поръ былъ хорошій, честный, хорошо учащійся малый, вѣрующій и вѣрноподданный. Покойная императрица подарила ему свою фотографическую карточку за усердный, безкорыстный и умѣлый уходъ за ранеными 1877 и 78 годовъ, когда онъ былъ еще ученикомъ здѣсь. У него большія способности для церковнаго пѣнія и ноты онъ хорошо знаетъ. Но что онъ будетъ дѣлать? какъ повернетъ нужда и искушенія большого города, и дрянное товарищество? Протяните ему руку помощи духовной и укажите средства бороться съ дороговизной и искушеніями. Позвольте ему обратиться къ Вамъ и научите его, что дѣлать и какъ охранять себя отъ злыхъ вѣяній современныхъ. Надѣюсь скоро увидѣться съ Вами, хотя здоровье мое хуже, нежели было въ Кіевѣ. Да будетъ воля Божія!

Антонина Блудова.

1880 г. 6 августа. Острогъ.

25.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я пріѣхала такая больная сюда, что еле-еле стала оправляться немножко, но все же трудно писать. Итакъ, не входя

ни въ какія подробности, скажу только, что прилагаю при семъ три экземпляра перваго опыта новой острожской типографіи въ видѣ нашего отчета и исторической статьи о типографіи князя Острожскаго 1580 года. Будьте такъ добры, передайте Николаю Аркадіевичу или перешлите въ Андреевку, и передайте преосвященному Михаилу, разсказавъ ему, почему я не была у него въ Академіи во время бытности моей въ Кіевѣ. Вы видѣли и знаете, какъ я была больна и слаба, и до братскаго монастыря мнѣ нельзя было доѣхать. Помолитесь за меня почитаемый Петръ Гавриловичъ, да подастъ мнѣ Господь силъ для моихъ обязанностей здѣсь. Благодарю Васъ еще за ваше неизмѣнное доброе расположеніе къ намъ и братству. Благодарю и отъ имени братскаго совѣта. Помоги Вамъ и намъ всѣмъ Господь.

Антонина Блудова.

1881 г. 17 іюня. Острогъ.

26.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Примите благосклонно и незнакомаго съ Кіевомъ подателя этого письма, болгарина Афанасія Димитріевича Щопова, студента здѣшней медико-хирургической Академіи, но не причастнаго нисколько глупостямъ русскихъ (увы!) студентовъ. Его горячо рекомендуетъ графъ Владиміръ Николаевичъ Ламсдорфъ, женатый на Комаровской, при которомъ (въ кавалерійскомъ отрядѣ) онъ былъ переводчикомъ и проводникомъ черезъ Балканы въ зимнюю кампанію. Онъ учился сперва медицинѣ въ Константинополѣ, а послѣ войны здѣсь. Онъ ѣздилъ во время каникулъ на окраины Россіи и писалъ о ней въ Болгарскую газету. Вотъ крѣпкая болгарская натура. Надѣюсь, что Вы будете такъ добры, какъ всегда, и познакомите его съ людьми и памятниками достопримѣчательными. Не знаю, застанетъ ли онъ Ѳаворова, но прошу Васъ ре-

комендовать ему Щопова. Благословите заочно и помолитесь за меня.

Антонина Блудова.

Годъ не обозначенъ.

27.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Помолитесь о душѣ новопреставленной Лидіи. Сестра моя скончалась здѣсь, нынче утромъ, отъ паралича легкихъ. Она была святая женщина, но больно, что ея семьи нѣтъ здѣсь. Здѣсь нельзя ничего достать: ни гроба, ни такого ящика или второго гроба, кажется свинцоваго, въ которомъ перевозятъ по желѣзной ной дорогѣ. Будьте столь добры, закажите поскорѣе гробъ, обитый бѣлымъ глазетомъ, весь бѣлый, какъ ея чистая душа и чистая жизнь. И этотъ свинцовый гробъ, въ который положите и первый, отправьте какъ можно скорѣе по желѣзной дорогѣ, сговорите человѣка, хоть гробовщика, который умѣлъ бы вложить одинъ гробъ въ другой,—здѣсь ничего не знаютъ и не умѣютъ. Или какъ дѣлается, не кладутъ ли прямо въ свинцовый? Нужно, чтобы можно было въ Петербургъ послать. Помолитесь о мнѣ грѣшной, чтобы Господь научилъ, какъ нести этотъ крестъ.

Антонина Блудова.

1882 г. 2 октября. Острогъ.

28.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Благодарю Васъ сердечно, задушевно за участіе въ горестномъ порученіи моемъ и прошу Вашихъ молитвъ и Вашего заочнаго благословенія на мою попытку возвратнаго пути на Кіевъ,

съ больной ногой, если Богу угодно, въ четвергъ или пятницу. Помолитесь за меня въ моемъ глубокомъ горѣ.

Антонина Блудова.

1882 г. 18 октября. Острогъ.

29.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я пріѣхала вчера вечеромъ прямо къ мощамъ Варвары мученицы и такъ слаба, что не могла войти въ Софійскій Соборъ, мой любимый, какъ Вы знаете, и сегодня двинуться не могу. Если будете въ нашихъ странахъ нынче, завтра вечеромъ, не заглянете ли ко мнѣ, какъ добрый братчикъ?

Антонина Блудова.

Годъ не обозначенъ.

30.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Извините великодушно, что безпокою Васъ порученіемъ скучнымъ,—всѣ наши братчики въ разъѣздѣ, а Софія Сергѣевна Аксакова перемѣнила квартиру и я даже не знаю, въ Кіевѣ ли она. Сама же очень больна—вотъ уже вторая недѣля—и чрезъ силу пишу. Прилагаю письмо неизвѣстнаго мнѣ странника, оставшагося за штатомъ, такъ какъ этотъ современный модный способъ экономіи проникъ уже въ древнюю Лавру. Прилагаю тоже 10 р., ибо больше не въ состояніи дать, и усердно прошу Васъ поручить кому нибудь разузнать про этого просителя и передать ему эти деньги, предупредивъ, чтобы больше отъ меня не ожидалъ. Можетъ быть лучше ему и не заразъ дать ихъ, а по 2—3 руб.

въ два или три раза. Предоставляю Вашему рѣшенію. Если Вы видаете Софію Сергѣевну Аксакову, она, конечно, можетъ Вамъ сказать про этого Симеона Р. Нефедова, какой онъ по дѣлу есть. Я же не имѣю понятія о немъ, слышала только, что отецъ Агапитъ (лаврскій игуменъ) считался слишкомъ добрымъ и не довольно соблюдалъ экономію въ отношеніи къ бѣднымъ богомольцамъ. Еще разъ прошу простить великодушно и въ молитвахъ Вашихъ помяните меня, чтобы Господь сподобилъ меня доѣхать живой до Кіева. Благословите заочно.

Антонина Блудова.

1883 г. 31 августа. Острогъ.

31.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Поздравляю Васъ съ праздникомъ кіевскимъ и я; не имѣя адреса Ѳаворова, очень прошу Васъ поздравить его отъ меня. И вотъ еще просьба: передать это письмо нужное Константину Петровичу Побѣдоносцеву, котораго адресъ тоже мнѣ неизвѣстенъ. Онъ писалъ ко мнѣ, что будетъ въ Кіевѣ къ 8 сентября. Благословите меня заочно и помолитесь за меня дряхлую и болящую.

Антонина Блудова.

1884 г. 3 сентября. Острогъ.

32.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Отъ души благодарю за письмо. Прилагаю циркуляръ о засѣданіи главнаго управленія Братства и прошу доставить его Юзефовичу, Ригельману, Ѳаворову и прочимъ, и, если есть, чу-

жимъ братчикамъ, помнящимъ насъ. Благословите заочно. Я очень слаба и больна.

Антонина Блудова.

1885 г. 11 декабря. Петербургъ.

33.

Глубокопочитаемый, вѣрный братчикъ нашъ Петръ Гавриловичъ!

Вамъ пришлютъ изъ Острога прилагаемую рукопись нашего отчета въ цензуру. Будьте столь добры попросите г. цензора (не знаю, кто теперь) милостиво и скоро просмотрѣть, и возвратить въ Острогъ Ѳеодору Порфиріевичу Кутневичу, братскому казначею и преподавателю эту рукопись для напечатанія въ Острогѣ, съ его разрѣшенія. А Вы благословите меня заочно и помолитесь за меня грѣшную, слабую, больную.

Антонина Блудова.

29 мая, годъ не обозначенъ.

34.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Собралась съ силами, наконецъ, чтобы благодарить Васъ, нашъ постоянный, сочувствующій и благодѣющій братчикъ, за Вашу присылку въ Острогъ 25 руб. на странно-пріимный домъ нашъ и Вашу любвеобильную память о насъ. Я все болѣю и очень слаба—и вотъ уже второй годъ Господь не допускаетъ меня къ Кіевской святынѣ и къ нашему Острожскому дѣлу. Ничего не знаю про Кіевъ. Будьте добры, если Ольга Николаевна Гольманъ тамъ, скажите ей, какъ я благодарна за ея прелестное письмо изъ Ялты, но слабость здоровья и самыя грустныя, неотложныя

дѣла помѣшали мнѣ отвѣчать лѣтомъ, а теперь не знаю, гдѣ она. Не знаю тоже, гдѣ митрополитъ сербскій Михаилъ. Если онъ въ Кіевѣ, передайте ему, а если выѣхалъ, перешлите ему прилагаемое письмецо съ поздравленіемъ съ его именинами 30 сего сентября. При случаѣ скажите великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, что я постоянно думаю о ней и мысленно съ нею молюсь. Николаю Аркадіевичу, Михаилу Владиміровичу, Маріи Александровнѣ Дрентельнъ, отцу Ѳаворову и всѣмъ, кто не совсѣмъ забылъ меня, передайте искренній поклонъ. Если митрополитъ Платонъ у Васъ, попросите его благословенія. Гдѣ Галаганы? Какъ здоровье Бѣры Арсеніевны? Но вотъ уже нѣтъ силъ продолжать. Прошу Вашего заочнаго благословенія и поручаю себя и братство наше Вашимъ святымъ молитвамъ.

Антонина Блудова.

1886 г. 23 сентября. Царское село.

35.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я еще здѣсь, не оправилась еще и не могу надѣяться имѣть возможность пріѣхать еще разъ въ соборъ. Поэтому прошу Васъ, будьте такъ добры, дайте освятить въ соборѣ прилагаемую икону нерушимой стѣны Божіей Матери, которую хочу увезти съ собою завтра, если Богъ дастъ, и если разрѣшитъ мнѣ докторъ Мерингъ. И поэтому мнѣ нужно эту икону уложить сегодня. Благословите меня въ путь и не забывайте, какъ никогда меня не забывали, въ Вашихъ молитвахъ.

Антонина Блудова.

Кіевъ. Годъ не обозначенъ.

36.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я на нѣсколько часовъ въ Кіевѣ и надѣюсь на Вашу дружбу и братство, что зайдете ко мнѣ, буде можно, въ 4 или 5 часовъ вечера. Правда ли, что въ Софійскомъ соборѣ можно весь день молиться и онъ не бываетъ запертымъ? Я никакъ не могу назначить часъ, потому что не завишу вполнѣ отъ себя. Прикажите сказать моему посланцу, можно ли цѣлый день найти соборъ открытымъ.

Антонина Блудова.

Понедѣльникъ.

ДОРОГОЮ ЦИНОЮ.

(Оповидання).

Діялось це въ трыдцятыхъ рокахъ мынулого сторичча. Украинське поспильство, поборене у клясовій боротьби, зъ ярмомъ панщызняной неволи на шыи, тягло свою долю зъ глухымъ ремствомъ. То не вилъ бувъ у ярми, звычайный господарській вилъ, якого паша й спочынокъ моглы зробыты щаслывымъ: ярмо було накладено на шыю дыкому турови, загнаному, знесыленому, але овіяному ще степовымъ витромъ, зъ невтраченымъ ще смакомъ воли, шырокыхъ просторивъ. Винъ йшовъ у ярми, скорывшысь сыли, хочъ часомъ зъ гниву очи ёму налывалысь кровью, и тоди винъ хвыцявъ ногамы и наставлявъ рогы...

Вильный духъ народу ще тливъ пидъ пошелюмъ неволи. Свижи традиціи воли, таки свижи, що часомъ трудно було одризныты сёгодня одъ вчора, пидтрымувалы жевріючу пидъ пошеломъ искру. Старше поколинння, свидокъ иншого жыття, показувало ще на долоняхъ мозоли видъ шабли, пидпятои въ оборону народныхъ и людськыхъ правъ. Писня воли, споэтызованои може въ дни лыхолиття, чаруючымъ акордомъ лунала въ серцяхъ молоди, порывала іи туды, де ще не чуть кайданивъ, скованыхъ на людей людьмы. На шыроки бессарабськи степы, вильни, безъ пана й панщыны, рвалась гаряча уява й тягла за собою соткы й тысячы...

Отъ хочъ бы тамъ за Дунаемъ, гей тамъ за Дунаемъ!.. Недобыткы сичовои руины, хоробрійши, завзятійши, звылы соби гниздо въ Турещыни и возылы звидты на Вкраину, мовъ контрабанду, палкй заклыкы у кишъ на волю, до сичового братерства.

Ярамы, корытамы высхлыхъ ричокъ, лисовымы нетрямы, прыкрываючысь пичною темрявою, ховаючысь мовъ одъ дыкого звиря, тикало одъ папа й панщыны все, що не втратыло ще жывои душы, тикало, щобъ здобуты соби те, за що предкы выймалы шабли зъ пиховъ, або ставалы до бою зъ киллямы та выламы...

Власныкы душъ, повернеыхъ у робуче быдло, запысаныхъ въ господарськый инвентаръ дидыча разомъ зъ воламы й киньмы, найбильшъ боялысь того неспокійного, вильполюбного духа народнёго, бо ёго піякъ не можна було прыпасуваты до панськихъ интересивъ, погодыты зъ незмиряымы скарбамы, яки давала панови оброблена хлопомъ украинська земля. Виковичня боротьба двохъ станивъ—панського й мужычого, боротьба хронична, що часомъ прыймала гострі формы и бурею проносылась надъ нещаснымъ краемъ—николы не кинчалась, ба й не могла скинчытыся, хочъ панъ перемигъ. Ще недавно вмывшысь въ Умани власною кровью и накыдавшы въ Кодни стижокъ гайдамацькыхъ голивъ, панъ почувавъ себе теперъ сылою й пыльно оборонявъ свои права на жывый робочый инвентаръ—хлопа.

Хлопъ протестувавъ, хлопъ тикавъ на вильни земли, рятуючысь якъ мигъ одъ панщыны, лышаючы на ридній земли все дороге, все мыле ёго серцю.

Але й тамъ, далеко видъ ридныхъ осель, настыгала ёго панська рука. На вильныхъ земляхъ зъорганизовани булы на втикачивъ ловы, справжни облавы, якъ на вовка або ведмедя. По всій Бессарабіи ганялы дозорци, выстежуючы скризь по ровахъ, стогахъ сина, комышахъ болотяныхъ ричокъ—збидженыхъ, змордованыхъ людей. На пивдни Бессарабіи, одъ быстрого Прута, по ливимъ боци Дунаю ажъ генъ до моря стояло на чатахъ військо

и заслоняло волю, що тамъ, за шырокымъ Дунаемъ, за зеленымы прыбережнымы вербамы, сынила десь у чужій краини...

Голову втикача оцинено. За кожного спійманого прыбережни козакы диставалы плату. Соткы, тысячи нещасныхъ попадалыся до рукъ козакамъ—и мусылы выпыты гирку до краю. Лыха доля чекала втикача: ёго оддавано въ некруты, засылано на Сибиръ, катовано канчукамы, тавровано мовъ худобу, або зъ оголеною на-пивъ головою, збытого, збасаманеного одсылано въ кайданахъ назадъ до пана, зновъ у неволю, на панщыну...

Чого винъ мигъ сподиватыся вдома видъ пана?

А проте, мовъ талыи воды пидъ теплымъ подыхомъ весны, ричкою текло вкраинське селянство туды де хочъ дорогою ціною можна здобуты бажанну волю, а ни, то полягты кисткамы на вичный спочынокъ...

I.

— То ты, Остапе?

— Я, Соломіе...

— Що жъ воно буде?

— А що жъ буде?.. Хай воно загорытся безъ вогню й дыму... Втичу... пиду за Дунай, може ще тамъ люде не пособачылысь... Отъ бачышъ—саквы... Бувай здорова, Соломіе...

— Тикаешъ... покыдаешъ мене... И оце я лышуся сама зъ тымъ осоружнымъ чоловикомъ... Ни, тикай, тикай, Остапе... Колы-бъ ты знавъ, що робытся у горныцяхъ: панъ бига по хати, мовъ скаженый. «Бунтаръ, крычыть, гайдамака. Винъ мени людей баламутыть»... Поклыкавъ осавулу: «веды мени заразъ Остапа Мандрыку»...

— Такъ...

— «Зъ жывого шкуру здеру, чысто оббилую... Я жъ ёму прыгадаю, гайдамаци, Кодню»...

— Такъ...

— «Въ некруты, каже, оддамъ»... А паня била, била, трясця трясе іи, а вона рукы заломыла та: «Ромцю, каже, тикаймо звидцы,

бо ти хлопы забъють насъ, якъ мого дидуся въ Умани»... Тикай, Остапе, тикай, серце... Спіймають, катуватымуть нелюды, живого не пустять...

— Врагъ ёго беры... Не такъ мени страшно ляха, якъ злисть бере на нашыхъ людей: застромывъ винъ шыю въ ярмо тай байдуже ёму, тягне, хочъ ты що... Эхъ, пиду де воля, де инчи люде... Бувай здорова, Соломіе...

— Перелазь, хочъ попрощаемося.

Остапъ перекынувъ черезъ тынъ, за якымъ стояла Соломія, саквы и спъявся на тынъ. На ничному зоряному неби выткнулась ставна парубоча постать й зныкла по хвыли въ густыхъ бурьянахъ по той бикъ тыну.

— Ну, тай кропыва жъ тутъ, чысто попикся. Де ты, Соломіе? Поночи й невыдко.

— Ось я...—и передъ Остапомъ зачорнила велыка, якъ на доброго мужыка, постать.—Ходимъ до ставка, посыдымо пидъ вербамы.

Плутаючысь у высокыхъ бурьянахъ, пролазячы по-пидъ кущамы, що тисно посплиталысь у цій занедбанній частыни панського гаю, воны долизлы врешти до воды. Тутъ було парно. Пры повній тыши въ повитри, густый гай латво затрымавъ зибране за день тепло и теперъ звидты пашыло, якъ зъ печы. По скляному поверху ставка, зъ глыбыны якого вызырало темне зоряне небо, тыхо плывъ билою хмарою туманъ и мовъ намиткою загортавъ блымаючи въ таемній глыбыни зори. Нична задуха насычена була сыльнымы пахощамы татарського зилля, куширу, зогритои воды. Край човна, въ невелычкому плеси, оточеному осокою й лапатымы лопухамы, жабы ляцалы такъ завзято, що заглушалы всякый згукъ въ далекій околыци.

Остапъ зъ Соломіею силы пидъ вербою, але имъ не говорылось. Подіи, що несподивано прывелы ихъ до розлукы, ба й невидома будущына, яка кынула вже свою тинь на душу, збиглысь у цей ментъ до купы и мовъ затулылы глыбыну сердечну. Говорыты мало—що скажешъ килькома словамы?... Говорыты шырше—

на вищо? Не полегша на серци, не одминыться доля... Тай николы вже... пора рушаты.

— Ты жъ кудою подасыся, Остапе?

— Та мени абы на чорный шляхъ, а тамъ уже якось воно буде... тамъ напутять уже...

— Ну, то не йды, голубе, селомъ, щобъ не побачывъ хто... Я тебе духомъ перехоплю човномъ на той бикъ, а тамъ чагарныкомъ, полемъ—тай выйдешъ на шляхъ. Такъ безпечнище буде.

Соломія пидійшла до ставка, скочыла въ човенъ и почала шарыты на днищи.

— Капосный дидъ, однисъ весло у катрягу... Ну, та дарма—обійдемось.

Однымъ зручнымъ скокомъ Соломія опынылась на берези и зъ такою латвистью вытягла зъ тыну коляку, мовъ бы то була застромлена дытыною ломачка.

Остапъ сивъ у човенъ, и Соломія одпихнулась одъ берега. Човенъ плавко загойдався на воли, а дали тыхо й ривно посунувъ по води надъ зорямы, що тремтилы на дни блакитнои безодни. Соломія зъ тыхымъ смуткомъ дывылась на Остапа й чула, якъ по іи выду котылась слёза за слёзою. Воны мовчалы. Було-бъ зовсимъ тыхо, колыбъ не пекельный хоръ, въ якому жабы, здавалось, намагалысь перекрычаты одна-одну.

Чорный панськый гай потыху одсувався назадъ, закутуючысь волокнуватымы пасмамы билого туману.

Човенъ стукнувсь о берегъ. Остапъ пиднявъ свои саквы и поцилувався зъ Соломіею.

— Бувай здорова... Гляды-жъ, не забувай мого дидуся... Перекажы, хай воны не журятся. Вже я якось дамъ соби раду...

— Добре, Остапе, перекажу... Ну, хай тебе боронить и хова одъ лыхого Маты Божа... Прощавай!

Остапъ скочывъ на берегъ, легкымъ рухомъ закынувъ на плечы саквы и незабаромъ зныкъ у чагарныку, а на човни, якъ велытенська чавунна постать, ще довго стояла Соломія, спершысь

на килъ та вдывляючысь у чагарныкъ, де разомъ зъ Остапомъ зныкало іи щастя.

Остапъ йшовъ навпростець, мынаючы вузьки, крыви стежкы, протоптани товаромъ и пастухамы. Ёму бувъ добре знаёмый и цей чагарныкъ зъ обгрызенымы худобою та выродливо покрученымы корчамы й далека околыця, що росплывалась невыразнымы контурамы середъ ничнои темрявы. Одійшовшы килька гонивъ, Остапъ зупынывся й озырнувся. Невыразною чорною плямою лежало сонне село у выдолынку, и тилькы въ коршми ясно свитылось одыноке виконце й прыковувало до себе Остапивъ поглядъ. Це одыноке свитло середъ сонного села було немовъ останнимъ «прощавай» ридного закутка, ныткою, що вьязала ёго зъ батькивщыною, зъ усимъ блызькымъ. Але за хвылыну виконце згасло, и Остапъ почувъ, якъ разомъ изъ зныклымъ свитломъ въ ёго серци щось урвалось, й село геть одсунулось одъ ёго. Остапъ непомитно для себе зитхнувъ и рушывъ дали.

Чы то пидъ вплывомъ прощання й Соломіиныхъ слизъ, чы въ наслидокъ реакціи по пережытыхъ турботахъ, ёго обгорнувъ жаль. Чого саме було жаль, винъ не мигъ бы сказаты, тай не думавъ про те. Такъ, просто жаль стысъ за серце, пидступывъ до горла. Якась струнка сердешна бренькнула, зачеплена тымъ жалемъ, а зъ чагаривъ та зъ нывъ, такыхъ ридныхъ и мылыхъ,— винъ це почувъ зразу,—потовпомъ знялысь давни згадкы дытыньства, неясни, невыразни, але вымагаючи частыны серця для земли, яку винъ покыдавъ теперъ на вікы може.

Коженъ кущыкъ, горбокъ, долынка, кожна стежечка—все це було ёму знаёме, промовляло до ёго. Тутъ, въ товарыстви однолиткивъ пастушкивъ, заводывъ винъ безконечни грыща. Тутъ винъ пасъ панську худобу. Панську!—Тимъ то й ба, що панську! Тай хыба винъ самъ, за весь свій двадцятылитній викъ не бувъ лышень панською худобою? Хыба ёго батько, маты, Соломія, навить дидусь ёго, що ходывъ у Сичъ, а потимъ ризавъ панивъ въ Умани—хыба-жъ вопы не сталы такою худобою?... Колы бъ воны не булы панськымъ товаромъ, то не мигъ бы панъ розлучыты ёго зъ Соломіею та сылою оддаты іи за свого хурмана, не мигъ

бы сывого дидуся катуваты на стайни нагаямы... не похвалявся-бъ оббилуваты Остапа за смилыве слово.

— Оббилуешъ...—злорадо осмихнувся Остапъ до себе... —Шукай витра въ поли...

И ёму ясно уявылося, якъ лютоватыме панъ, дизнавшысь завтра, що Остапъ утикъ.

Колы бъ хочъ дидусеви ничого не сталося черезъ ёго... Та що ёму станется? Винъ вже старый, не сёгодня-завтра покладуть у яму... На згадку про дида Остапъ почувъ щось тепле у грудяхъ. Ти былыци-казкы про Сичъ, козацтво, про боротьбу зъ панамы за волю, якыхъ винъ слухавъ затаившы духъ й не зводячы розжеврилого ока зъ устъ дидовыхъ, будылы въ дытячій голови хымерни мріи, вояцькый запалъ. Не разъ телята й вивци, спокійно пощипуючы травыцю въ чагарныку, булы свидкамы козацькыхъ нападивъ або Уманськои ризни, выкопанои пидпасачамы пидъ проводомъ Остаповымъ. Воля, воля и воля! Це чаривне слово, споэтызоване столитнимъ дидомъ, роспалювало кровъ у хлопця, а де-дали, зъ литамы, пидъ вплывомъ вытвореныхъ панцыною умовъ, прыбирало бильшъ конкретну форму, глыбше значиння. Наридъ стогнавъ въ неволи, але стогнавъ потай, непротестуючы, и колы Остапъ, выхованый дидомъ въ давнихъ традиціяхъ, здіймавъ ричъ про те, що пора вже высунуты шыю зъ панського ярма, люде спочувалы ёму, але дали спочуття дило не йшло. Знайшлысь навить таки, що вклалы панови въ уха бунтивнычи речи молодыка—и отъ теперъ Остапъ, скрывдженый и цькованый, мусывъ кынуты ридный край. Ёму було литъ десять, якъ зъ-за Дунаю, зъ Сичи, прыйиздылы до ныхъ въ село эмисары. Винъ ихъ добре памятае. Лежачы на печи и удаючы, що спыть, винъ чувъ, якъ воны довго гомонилы зъ дидомъ, оповидалы про Турецьку землю, про тамошни порядкы, казалы що пидъ Туркомъ добре жыты й заклыкалы людей на вильни земли. Дидъ лышывся, бо хотивъ умерты на своій сторони, а дядько Панасъ якъ пишовъ, такъ и по сей день...

Остапъ ишовъ вже зъ годыну. Винъ не помитывъ, якъ мынувъ чагарныкъ и выйшовъ у поле. Безкраи лану зеленого

збижжя, що саме красувалось въ той часъ, дрималы середъ тыхои ночи. Було такъ тыхо, що Остапови крокы луналы въ поли, мовъ гупання ципа на току. Але винъ того не помичавъ, якъ не помичавъ велычнёи литнёи ночи, що розлягалась по безкраихъ просторахъ, такыхъ свижыхъ, зеленыхъ, запашныхъ. Видъ прудкои ходы Остапови зробылось душно. Винъ сивъ на межи и роззувся. Прыемный холодъ пройшовъ по ёго тилу и прынись ёму полегкисть...

Тымъ часомъ темна блакить ничного неба почала потроху блиднуты. Зи сходу дыхнувъ витрець и овіявъ Остапа. И вразъ Остапови зробылось весело и легко. Винъ почувся на воли. Молода невытрачена сыла хвылею вдарыла въ груды, розлылась по всихъ жылахъ, запрохалась на волю... Остапъ зирвався на ривни ногы и не пишовъ, а побигъ дали. Ёму хотилось гукнуты на вси легени словамы писни, або хочъ крыкнуты, взять отакъ щось въ рукы—велыке, мицне и зламаты ёго. Але винъ здержався.

Винъ йшовъ теперъ прудко, сыльно вымахуючы ципкомъ, мовъ усю сылу свою молодечу вкладавъ и въ ту ходу, и въ рухы, а думкы, одна за одною, якъ на крылахъ, летилы все наперед. Не такъ думкы, якъ уява. Уявляется ёму Дунай, шырокый-шырокый—ну, якъ Дунай шырокый. За Дунаемъ—Сичъ. Басують пидъ козацтвомъ кони, мовъ зміи ти, повыгыналы шыи... Козацтво—якъ макъ... Жупанъ червоный, вусъ чорный, довгый, пры боци шаблюка. Попереду... попереду—Остапъ. Кинь пидъ нымъ гарячый, вороный, той що у пана лышывсь на стани; одижъ зъ щырого сриблазлота, шабля довжезна. Винъ оповида козакамъ, за вищо панъ хотивъ ёго оббилуваты, яка повелась теперъ у ныхъ неволя въ Уманьщыни, що треба пійты и вызволыты народъ зъ неволи, потишыты на старисть дидуся и одняты Соломію видъ ій чоловика, бо вона не хурмана панового, а ёго, Остапа, кохае... Козакы вклоняются ёму, пускають зъ копыта кони, кыдаются у Дунай, переплывають ёго, а дали мчатся—Остапъ попереду—черезъ лукы й поля до ныхъ у село, въ Уманьщыну... Чы бачышъ, Соломіе?..

Раптомъ—пурхъ! щось важке якъ куля зъ пыскомъ выскочыло зъ пидъ нигъ Остаповыхъ и черкнулось крыломъ объ ёго груды... Остапъ такъ и одплыгнувъ, мовъ хвысьнутый зненацька батогомъ по жыжкахъ. Серце затрипалось у грудяхъ и стало. По плечахъ полизла вгору мурашня.

— Тьху! пекъ тоби—цуръ!... одитхнувъ винъ врешти: якъ налякало...—и пишовъ дали.

Але мріи вже счезлы, мовъ птахъ розвіявъ ихъ крыламы. Остапъ зновъ побачывъ себе середъ поля, почувся втикачемъ, недалеко видъ пана и всякои небезпечносты.

Свитало. На блидому неби ясно горила зирныця. Колосысте море сынило пидъ росою въ тмяному свитли. Одъ свижого подыху ранку злегка тремтилы жыта, зъ румяного сходу лынуло свитло и мягкымы хвылямы розплывалось помижъ небомъ и землею. Надъ полемъ, у высокости, співалы вже жайворонкы.

Остапъ выйшовъ на шляхъ и озырнувся. Оддаликы щось манячило на шляху, немовъ якый подорожній, зъ клункамы на плечахъ, плентавсь шляхомъ одъ села. На шляху було небезпечно. Остапъ змиркувавъ, що панъ, дизнавшысь про ёго втикы, мигъ послаты за нымъ на здогинъ. Краще було звернуты зъ дорогы у якый ярокъ чы выдолынокъ. Тамъ навить можна переспаты спеку, а смеркомъ зновъ у путь. Але тилькы Остапъ звернувъ зъ дорогы, якъ ёму прычулося, що щось немовъ гукае. Винъ озырнуся: прыскорюючы ходу, подорожній махавъ на нёго рукою, бажаючы, очевыдячкы, спынаты ёго. Що за мара? Першою думкою въ Остапа було тикаты. Але зважывшы, що покы винъ одынъ на одынъ—жахатыся ничого. Остапъ зупынывся, очыкуючы й вдывляючысь у подорожнёго. Тому очевыдячкы було пыльно, бо не вдовольняючысь прудкою ходою, винъ инколы пускався бигты, прыдержуючы свои клукны на плечахъ, и вже за чверть годыны Остапъ мигъ розглядиты ёго струнку постать.

Бувъ то молодый, безвусый парубокъ, мицно збудованый, у высокій сывій кучмы, короткій чугаинци и зъ довгымъ цыпкомъ. Остапови було чудно, що парубокъ немовъ осмихався, але колы

той наблызывся и прывитався до нёго, Остапъ зъ несподиванкы скрыкнувъ:

— Соломіе!... Чы ты здурила?

— Може й здурила...—сміялась Соломія.

— Пекъ тоби, маро... Чыстый парубокъ... Куды ты й по що?

— За Дунай, у Сичъ зъ тобою... Прыймаешъ товарыша, чы не прыймаешъ?

— Чы ты знависнила, молодыце, чы тебе ныни жартъ узявся?...

— Яки тамъ жарты... Скоро ты пишовъ, я якъ стала на човни, такъ и задубила. Холодна, холодна, мовъ завмерла!.. Дали прокынулась и чую, що все мини протывне, все гыдке: и чоловикъ, и панщына, й жыття мое безщасне... Пропадай воно все пропадомъ... Пиду и я свитъ за очи... Вже жъ за тобою хочъ серцеви легше буде... Та чымъ дужчъ до дому, за торбыну: вкынула що треба на дорогу. Тилькы, думаю, панъ ловытыме насъ. Але й я не дурна. Дидька зъисть, що спіймае... Метнулась до коморы—чоловика нема дома, повизъ паню въ гости; зняла зъ жердкы сорочку й штаны... Тоди спидныцю зъ себе, штаны на ногы, накынула на плечи чугаинку, а на голову шапку—и козакъ козакомъ... Шукай теперъ, пане, парубка зъ молодыцею... нихто не бачывъ, лышъ двохъ парубкивъ стричалы... Що-жъ мени зъ тымъ, що скынула, діяты? Покынуты боюся, догадаются ще... Узяла свое пидъ паху, побигла до ставка, прывязала каминь и—шубовсть у воду... Вичпая память. А тоди селомъ, та на шляхъ та бижу-бижу, щобъ догнаты. Ху, якъ ухекалась... Що-жъ, прыймаешъ парубка у товарыши, чы ни?

— А що жъ я робытыму зъ тобою у Сичи, гей!..

Оце сказавъ! Звисно, вона не пійде до Сичи у братчыкы. Тай навищо, колы навкругы Сичи скризь слободы, а въ тыхъ слободахъ жывуть наши люде зъ жинкамы, зъ дитьмы. Турокъ дае землю, займай, скилькы твоя сыла. Вона про це довидне знае одъ людей. Воны оселятся въ слободи, вона хазяйнуватыме, а винъ зъ Сичи найиздытыме до дому, а то й зовсимъ облышыться на господарстви... А тымъ часомъ у дорози вона хустя выпере

ёму, догляне, голову змые. Пры своій небози добре и въ дорози... Хыба не знае прыказкы?.. Ну, хай же винъ не супытся, мовъ сычъ на гылли, й веселище гляне на свою Соломію, що за-для нёго вбралась у штаны та ладна мандруваты хочъ на край свита...

Остапъ осмихнувся. Винъ властыво радый бувъ Соломіи, лыше ота несподиванка збыла ёго зъ пантелыку.

— А щобъ-же тебе муха вбрыкнула, що ты выгадала!—повеселишавъ Остапъ...—Та чого мы тутъ стоимо?—схаменувся винъ уразъ:—день якъ быкъ и вже онъ курыть щось шляхомъ...

Справди, сонце встало й оглядало свитъ палаючымъ окомъ, а на степовому горизонти немовъ справди завысла хмарка курявы.

Остапъ зъ Соломіею звернулы зъ шляху на поле и незабаромъ знайшлы те, чого имъ було треба. Тутъ, у корыти высхлого бурчака, облямованого по высокыхъ берегахъ червонымъ полёвымъ макомъ, було безпечнище, ба навить и де-яки выгоды трапылысь имъ: воны надыбалы степову крынычку, джерело, що ледве слёзыло й выповняло прыродню западынку, оброслу травою, а дали течійкою шылось по закрутахъ ривчака. Тутъ воны поришылы спочыты. Спильный сниданокъ и можлывисть перекынутысь щырымъ словомъ зъ блызькою людыною—до решты помырылы Остапа зъ несподиванымъ выпадкомъ; ёго значно заспокоилы Соломіины доводы, и обыдва товарыши, вже безъ зайвыхъ турботъ, натомлени нишныцямы, твердо поснулы сномъ молодости.

Сонце було нызько, такъ у два чоловикы видъ земли, колы Остапъ прокынувся. Винъ хотивъ збудыты Соломію, але лышъ глянувъ на неи, якъ схопывся за бокы видъ шаленого реготу.

— Ха-ха-ха!... Отъ козакъ—разъ козакъ!... реготався Остапъ. Ха-ха-ха!...

Той регитъ збудывъ Соломію. Вона схопылась и протыраючы очи здывовано зыркала на Остапа.

— Ты чого?...

— Продеры, продеры очи... Ха-ха-ха!...

— Бачу вже... Та чого ты?

— Ну, теперъ ходимъ.

Остапъ пидвивъ Соломію й потягъ іи до крынычкы.

— Стань на колина и дывысь у воду...

Соломія нагнулась и зазырнула до крынычкы. Звидты глянуло на неи свиже, повне облыччя зъ карымы очыма, що такъ выразно билило пры карматому очипку й пасмахъ чорного волосся, що пидчасъ сну повысмыкувалось зъ пидъ очипка.

— Теперъ глянь на свои ногы.

Соломія глянула и вразъ заллялася дзвинкымъ смихомъ.

— Ха-ха-ха!... не вгававъ Остапъ: голова молодыцына, а ногы парубочи...

Воны реготалысь мовъ диты: вона—тонко и дзвинко, якъ молода дивчына, винъ—грубше, передчаснымъ баскомъ двадцятылитнёго парубка.

— Що-жъ воно буде? Спытавъ перегодомъ Остапъ.—Тажъ якъ хто пидгледыть твій очипокъ, не мыне насъ халепа.

— А ось що буде, ришуче промовыла Соломія и зъ цимы словамы здерла зъ головы очипокъ. Чорни буйни косы впалы іи на плечи й вкрылы ихъ нызче пояса.—На, рижъ...

— Що ты кажешъ?—жахнувся Остапъ.

— Рижъ, кажу....

— И тоби не жаль, Соломіе?

— А ни крихты... Рижъ, уперто намагалась молодыця й сила доли.

— Та въ мене й ножыць чортъ-ма.

— Рижъ ножемъ....

Остапъ стоявъ вагаючысь, але бачучы молодыцыну упертисть, выйнявъ нижъ, поточывъ ёго объ каминь и почавъ обтынаты кружка Соломіине волосся.

Довги пасма чорныхъ кисъ, мовъ мертви гадюкы, тыхо зсувалысь по плечахъ до долу и лягалы на земли дывнымы покосамы.

Однакъ Соломія дурыла себе, запевняючы, що іи не жаль кисъ. Якъ тилькы нижъ шурнувъ по волоссю и до нигъ Соломіиныхъ впало перше пасмо кисъ, вона почула якійсь биль у грудяхъ, щось стысло за серце и на очи набиглы слёзы.

Робота була скинчена. Остапъ одступывсь одъ Соломіи, щобъ здалека краще прыдывытысь до своеи роботы, а Соломія, мовчазна й замыслена, сыдила доли середъ обтятого волосся и вдывлялась кудысь у просторинь.

Заходяче сонце червонымъ свитломъ осявало цю картыну: ёго, струнκого й мицного, зъ чорнымы очыма, орлячымъ носомъ и темнымъ молодымъ вусомъ на засмаленому облыччю, и іи, що въ образи билолыцёго, чорнявого хлопця дывылась у простору засмученымы карымы очыма.

— Ну, пора намъ рушаты.... Гей, ты, парубче, якъ тебе зваты:—Семеномъ, чы якъ?—

— Про мене й Семене...—зитхнула Соломія и знялась зъ мисця.

II.

Була темна, осиння ничъ. Густа мряка чорнымъ запыналомъ еднала зъ небомъ спалену сонцемъ полоныну. У долыни, на выднокрузи, сирило щось шырокою смугою и росплывалось у питьми.

То бувъ Дунай.

Ще густійшый морокъ выповнявъ глыбоки чорторыи, що збигалы въ долыну по схылу прыбережного узгиря. Въ одній зъ такыхъ яругъ, глыбокыхъ та покрученыхъ по всихъ напрямкахъ веснянымы водамы, на самому дни ворушылысь люде. То булы втикачи. Два дни и дви ночи сыдилы воны тутъ у вохкости й питьми, ховаючысь видъ козачыхъ пыкётивъ, розкыданыхъ по ливому берези Дунаю. Якъ разъ сёгодня, зъ опивночы, мусылы воны прокрастыся у прыбережни комышы и тамъ чекаты перевозчыкивъ зъ-за Дунаю.

Було ихъ тамъ чоловика зъ трыдцять, зъ дитьмы, зъ усякымъ хатнимъ збижжямъ, зъ слабымы навить, якыхъ не можно було кынуты у чужій сторони.

По дни яругы неслось глухе, прыдушене мемрання. Не то осинни воды шумилы, збигаючы у Дунай, не то витеръ бывся

въ заломахъ провалля. Люде говорылы потыху, слыве пошепкы. Якыйсь молодый, зъ ноткою сердечности голосъ, оповидавъ звычайну исторію втикача... «и попавсь я до грека и зазнавъ я неволи ще гиршои, якъ въ дома. Гнавъ мене на роботу и въ день и въ ночи, а годувавъ гиршъ за собаку.... Сорочка на мени чорна, заношена, нужа мене напала, йисть... И ходывъ я, якъ звиръ той лисовый, та не смивъ и словомъ перечыты хазяинови, бо винъ нахвалявся наслаты на мене посипакъ»....

— Охъ-хо!—вырвалось зъ чыихъ-сь грудей и тыхою скаргою загынуло въ темному провалли.

Десь здалеку бренила, якъ муха по весни, прытышена писня.

— Отче нашъ... да будеть воля твоя...—молывся хтось зъ прытыскомъ, зъ чуттямъ.

Хвора жинка важко дыхала и стыха постогнувала.

Межы втикачамы булы й Остапъ зъ Соломіею. Зазнавшы всякыхъ прыгодъ, вопы врешти добылысь до Дунаю и вкупи зъ иншымы чекалы перевозу.

— Ты ще не заснула, Соломіе?—стыха обизвався Остапъ.

— Та мало що.... Такъ сонъ налигъ на мене, такъ палигъ... Колыбъ уже швыдче рушаты звидсы....

— Ще рано, до пивночи далеко.... Ну й холодъ!—чысто змерзъ... Иване!—обернувся Остапъ у другый бикъ—якъ думаешъ, не завадывъ бы намъ оберемокъ бадилля на вогныще? га?

— Падку мій! Тажъ то ажъ на верхъ лизты, гей!—жахнулось щось у темряви пысклывымъ бабьячымъ голосомъ и килько разивъ видсапнуло, немовъ корова у хливу.

— И куды ёго посылаешъ? адже винъ на своихъ короткыхъ ногахъ не злизе на гору,—кынула Соломія.

— Овва... овва... бо-зна що выгадалы... я й не на таке лазывъ...—образывся Иванъ, и зъ цымы словамы стало чутно, якъ винъ подряпавсь на стримку стину урвыща, важко й часто видсапуючы.

— Бачъ, старается, котыгорошокъ...—промовывъ хтось зъ темрявы: абы молодыця слово сказала—въ пекло полизе.

За килько хвылынъ оберемокъ бадиллля прудко летивъ въ провалля, а за нымъ, обвалюючы глыну и запорошуючы усимъ очы, скотывся до долу тріумфуючый Иванъ.

— Отъ и не вылизъ... отъ и коротки ногы... ге! якъ бы не коротки ногы—ходывъ бы одынъ зъ другымъ попочи... а теперъ у насъ вогонь буде... хе-хе-хе.... Крысало йе?... йе!... а губка йе?... Ну, выкрышемо... ге!...—торохтивъ винъ, мовъ горохомъ сыпавъ.

Иванъ метушывся, бигавъ безъ потребы зъ одного мисця на друге, шелестивъ сухымъ бадиллямъ, трощывъ ёго и складавъ на купу.

Врешти черкнулась крыця о кременъ... спалахнула на ментъ искра, и стины урвыща немовъ двыгнулысь.

Иванъ прыпавъ до земли и дувъ. Червону цятку, до якои винъ мало не торкавсь устамы, розбыравъ гнивъ: вона росла, червонила, пырскала, мовъ сердытый китъ, и врешти, не вытрымавшы, схопылась полумямъ, бухнула сывымъ дымомъ и залляла свитломъ дно чорторыи.

Неривне свитло осявало коротку, грубу фыгуру зъ круглымъ ласкавымъ облыччямъ, зарослымъ, мовъ куделею, пасмамы полового волосся, блымало по накыданыхъ безладно клункахъ та по втикачахъ, що сыдилы й лежалы купкамы по земли. Крути глынясти стины урвыща жовтилы и лышь вгори, въ глыбокыхъ заломахъ, бывся крыламы сполохапый морокъ.

Остапъ та Соломія прысунулысь до вогню.

Раптомъ здалека, зъ берега ричкы, почувся кинськый тупитъ. Уси насторожылысь.

— Гасы вогонь!—обизвавсь хтось пошепкы й зъ тривогою: крый Боже ще помитять...

Остапъ знехотя почавъ затоптуваты вогонь, хочъ це ёму и не вдавалося. Жевріюче бадилля розновзалось скризь, мовъ огняни хробакы, сычало й курылось.

Тымъ часомъ кинськый тупитъ завмиравъ у далыни и врешти зовсимъ затыхъ.

Въ провалли зновъ стало темно. Уси мовчалы.

— Иване, перервавъ хтось врешти тышу: розскажы-но, якъ тебе жинка была, та якъ ты одъ неи забигъ ажъ сюды....

— Оце выгадавъ! щобъ жинка та чоловика была—та це жъ беззаконъ, безпардонъ!... Зроду такого не було... хе-хе-хе...—неневно якось сміявся Иванъ, немовъ хотивъ пидбадёрыты себе.

Иванъ прыставъ до Остапа десь у дорози. Воны булы зъ одного повиту, навить села ихъ булы блызько. Це ихъ зъеднало, и зъ того часу Иванъ не розлучався зъ землякамы. Весела и добродушна вдача Иванова не разъ ставала имъ у прыгоди пры довгій и важкій блуканыни по чужыхъ краяхъ. Иванъ охоче оповидавъ про свое жыття домашне; зъ оповидання того можно було зрозумиты, що втикъ винъ не такъ одъ панщыны, якъ видъ лютои жинкы, яка мала западто велыки кулакы для малого на зристъ Ивана. Отъ тою то лютою жинкою й дратувалы разъ-у-разъ Ивана, та винъ не сердывся и добродушно выкручувався жартамы.

Та хочъ сыте тило Иванове спочыло трохы видъ жинчыныхъ кулакивъ, душа ёго шукала знаёмыхъ вражинь покоры. Винъ прывьязавсь до Соломіи, що огрядною постатью нагадувала ёму жинку, и за кожнымъ іи словомъ ладенъ бувъ скочыты хочъ въ пекло. Цю особлыву прыхыльнисть до Соломіи помичавъ не тилькы Остапъ, а вси, и лышъ высміювалы бидного коротконогого лыцаря.

— Говоры,—дратувавъ Ивана той самый голосъ: певно молотыла, якъ ципомъ. Колыбъ не втикъ, то пишовъ бы доси на смухъ.

— Ну то що?—жваво пидхопывъ Иванъ,—хыба я боюся смерты? Сохраны Боже!... Пошлы, Господы, й завтра. Разъ вмираты—не двичы. Вмеръ—и край, бильшъ не встанешъ.

— Ни, краще не здыхай, Иване, тутъ, бо будуть шкуры дешеви....

— Хе-хе-хе!... О, бодай тебе, що выгадавъ, хехекавъ Иванъ, мовъ булькавъ зъ повнои пляшкы. На смихъ ёго однакъ нихто не обизвався. Люде булы поважни, похмури навить. Тилькы дытына часомъ заквылыть й сповныть жалемъ провалля.

— Чы не часъ намъ въ дорогу?—поспытала Соломія.

— Про те вже дидъ Овсій знае, винъ тутъ порядкуе,—обизвався Остапъ.

Очевыдячкы це пытання усихъ цикавыло, бо по провалли пройшовъ шепитъ: пора, пора... и почалося збирання.

— Потыхо, потыхо, не вси разомъ, шамкавъ дидъ Овсій и все лазывъ помижъ люде, усе толочывъ имъ ногы.

Рушылы.

Выбратыся однакъ зъ темнои, покрученои та вузькои чорторыи було не легко. Разъ-у-разъ доводылось спотыкатыся, намацуваты дорогу, падаты, чыплятысь за клунки, вставаты и зновъ спотыкатыся. Ця плутанына зайняла коло годыны. Врешти вйнувъ витрець—передъ втикачамы була наддунайська нызына. Уси зитхнулы вильнище, хочъ небезпечнисть саме тутъ и почыналася. Треба було перейты ривне, незаросле й незакрыте ничымъ мисце, щобъ опынытыся въ комышахъ. Дидъ Овсій выстроивъ усихъ въ одну лынію, а самъ пишовъ попереду. Ничъ була темна, ажъ чорна, въ килькохъ ступеняхъ нычого не можно було розибраты. Лёгкый туманъ встававъ надъ Дунаемъ, повзъ берегамы, окутувавъ втикачивъ. Воны потыху посувалыся.

— А я вже васъ держуся, якъ слипый плота,—шопотивъ Иванъ до Соломіи, йдучи за нею. Куды вы—туды й я.... Щобъ буты разомъ... А може вамъ важко, то дайте мени клунокъ, я понесу, жебонивъ винъ важко видсапуючы.

— Та не сопить такъ, мовъ ковальськйй михъ,—напучувала его Соломія.—А клунка свого не дамъ, бо я ще й васъ могла-бъ узяты на горгоши зъ вашою торбою разомъ...

— Колы жъ ногы грузнуть, ажъ въ постолахъ хлющыть, та ще щось, не тутъ згадуючы, немовъ чыпляется до нигъ, не пускае...

Почынався мочаръ, порослый комышомъ. Чутно було, якъ шелестыть комышъ своимъ лыстомъ та иноди хрусне пидъ ногою суха очеретына.

Йшлы недовго. Дидъ провидныкъ зупынывся, наказавъ усимъ залазыты въ комышы, скласты свои клунки й буты на поготови, а самъ десь зныкъ.

Блызько, заразъ, отутъ дыхала холодною вохкистью ричка, хочъ ій не выдко було у питьми. Зверху почало щось сіятысь, чы то дощъ, чы мряка. Втикачи росташувалыся на мочари, пидъ ногамы у ныхъ плющало. Воны сыдилы нерухомо, корячкы, боячысь поворухнутысь та зачепыты шамкый комышъ. Воны дывылысь передъ себе, у густый вохкый морокъ. Ногы терплы, мряка покрывала одежу холодною росою, вода затикала въ обувъ. Очыкування помочы, що мала прыбуты зъ невидомыхъ, вильныхъ краивъ та вызволыты зъ неволи—напружувало нервы, ростягувало безъ краю часъ. Почуття дійсности втрачалося, усе прыймало незвычайный, казковый характеръ. Напружене око вбачало у питьми якись тини, що снуются въ тумани, наблыжаются, віддаляются, прыймають незвычайни розмиры. Часомъ блымне здали вогонь и зныкне, щобъ зъявытысь у другому мисци. И зновъ темно. На ричци щось прюснуло... разъ, другый.... Прысягъ бы, що то весла одбывають по води такъ, що човны рижуть хвылю и ось-ось стукнуть носамы въ берегъ.... Однакъ скризь тыхо.... Шырока ричка спокійно дримае въ легкому тумани, чорне небо безперестанку сіе росу.... Здается, що ця довга осиння ничъ николы не скинчытся... марни надіи, даремни сподивання... нихто не прыбуде, нихто й не думае про те, що тутъ сыдять холодни, стурбованп люде й якъ Бога зъ неба чекають рятунку.... Усе намарне.... Але око зновъ ваблять блукаючи вогни й рухливи тини, вухо зновъ ловыть непевни згукы, що родять надію, будять увагу...

Тило терпне, тило деревеніе, кудысь подилысь ногы, що моклы въ води, не чуть ихъ, на-пивъ солодка втома обхоплюе людыну, байдужнисть закрадается въ серце.... Все такъ якъ слидъ, якъ мае буты, и чы не однаково гынуты тутъ, середъ цёго багна, чы въ дома въ неволи....

Уразъ—що се? Сонъ снытся, чы чудо діется? Далеко за ричкою блыснуло щось, немовъ зъ неба вогонь впавъ на землю и спалахнувъ, якъ свичка. Порядъ сяйнуло зновъ, а за нымъ у третёму мисци сыльно бухнувъ полуминь. Тры вогни горилы, якъ свичкы въ церкви—и неможно було розибраты, чы воно на земли, чы на неби діется. Немовъ холодный витрець повіявъ и

торкнувсь облыччя. Уси стрепенулись. Та не встыглы воны спамьятатыся, якъ вогни згаслы и одночасно, десь недалеко въ комышахъ, жалибно завывъ голодный вовкъ. Та сумна скарга покотылыся по ричци и вразыла втикачивъ.

— Бачъ, зголоднивъ!—зъ спивчуттямъ обизвалась Соломія.

— А я?... а я?... ще й не такои заспиваешъ, якъ жывитъ прысохне до спины... А може то винъ васъ почувъ, та плаче, що ніякъ взяты... хе-хе!...

— Ну, ты ёго тилькы торкны, котыгорошка, то винъ заразъ и розсыплется,—невдоволено промовывъ Остапъ.

— А, яки-жъ бо вы!... Хыба-жъ я що? хыба-жъ я якъ?...

— Поснулы? га?—пропамкавъ раптомъ дидъ Овсій, вернувшысь зъ берега.—А заразъ перевизъ буде....

Люде ворухнулысь. Ажъ ось воно—перевизъ.... Груды вильно зитхнулы.... Десь раптомъ знайшлыся ногы, мокри, холодни, задубили, зомлиле тило забажало рухивъ, дійсность розвіяла чары, розбудыла мозокъ.

— А що—вовкъ добре заскиглывъ?—шепнувъ дидокъ на вухо Йванови и засміявся.

— А щобъ же васъ ведмидь загрызъ... бороны Боже!—здывувався той.—А я жъ не казавъ, а я жъ не мовывъ....

И въ ёго шепоти чулося таке здывования передъ хытрощамы дида й така наивна вира въ те, що винъ зразу одгадавъ ти хытрощи, що Остапъ и Соломія мымохить осмихнулыся.

Потыху й обережно уси посунулысь до берега. Зъ нетерплячкою вдывлялыся воны у темряву, та ничого не бачылы й не чулы. Ричка спала. На заходи трохы выяснылось и на мутному неби выризалыся контуры чорныхъ, мовъ важки хмары, гиръ. За ричкою шумилы плавни.

Не вважаючы на дидову обицянку—перевизъ не прыбувавъ. Люде нетерпелывылысь. Диты змерзлы, пыщалы, и трудно було заспокоиты ихъ. Мисце було небезпечне—тутъ разъ-у-разъ вештался кордонна сторожа и кожнои хвылыны могла заскочыты. Це дратувало. Нарикання сыпалысь на дида Овсія, усихъ брала хить скорійшъ покынуты небезпечный беригъ та зновъ забытыся

въ яку нору. Тамъ прынаймни можно розкласты вогонь й зогрытыся. Нихто й не дывывсь на ричку.

Колы се—на самому берези щось плюснуло. Два човны мягко шурхнулы по прыбережному писку и тыхый голосъ поспытавъ:

— Вы уси тутъ?

На берези зробывся заколотъ. Вси товпылысь коло човнивъ, кожный хотивъ скорійшъ зайняты мисце, прымостыты свои клунки. Дидови Овсіеви не легко давалося зробыты ладъ и спокій. Котыгорошокъ однымъ зъ першыхъ скочывъ у човенъ и завзято намагавсь втягты за собою якыйсь Соломіинъ клунокъ.

— Соломіе... Остапе... сюды... до мене!—клыкавъ винъ пошепкы и сопивъ, и кректавъ, и крутывъ головою, вовтузячысь зъ непокирлывымъ клункомъ.

Раптомъ зовсимъ зблызька форкнула коняка. Уси оторопилы.

— Сидай швыдче—сыкнувъ перевозчыкъ.

Та було пизно.

— Хто тамъ?—гукнувъ зъ темрявы сердытый голосъ.

У тужъ хвылыну кинська голова наткнулась на купку людей, а надъ нею звисывся козакъ, немовъ шукавъ чого-сь на земли.

— Эге—э! протягъ винъ наче до себе, скынувъ зъ плечъ рушныцю и бахнувъ надъ головамы прынышклыхъ втикачивъ.

Люде опамьяталыся. Адже винъ одынъ, а ихъ багато. Смилывищи кынулысь на козака, та голоручъ не легко було ёго взяты.

Тымъ часомъ стрилъ певно почулы, бо зъ темрявы неслась уже на втикачивъ кинська тупотнява, брязкъ зброи и груби людськи голосы.

— Ловы ихъ! вьяжы! гукалы козаьы, впадаючы на тыхъ, що не встыглы систы у човенъ. Воны зскакувалы зъ коней и кыдалысь на втикачивъ. Усе змишалося.

Якыйсь здоровенный москаль вхопывъ Соломію впоперекъ и поволикъ, але Остапъ насивъ на нёго зъ-заду и вызволывъ Соломію.

— Матинко! рятуйте! верещавъ пропызуватый жиночый голосъ, покрываючы шумъ боротьбы.

А човны тымъ часомъ тикалы. Вода кыпила пидъ весламы. човны тремтилы й скакалы на води, якъ жыви.

— Стій!—неслось зъ берега,—будемо стриляты. Грымнуло килько стреливъ и сколыхнуло повитря.

Кули свысталы надъ головамы втикачивъ, але Иванови було не до куль: винъ все ще махавъ рукамы и благаючымъ, роспучлывымъ голосомъ клыкавъ.

— Остапе... Соломіе... А яки жъ бо вы... сидайте швыдче... сюды, до мене... и не помичавъ, що видъ берега оддиляла ёго шырока смуга воды, а галасъ на берези покрывавъ ёго слабый, высклывый голосъ....

—

Що дали було—ни Остапъ, ни Соломія не моглы добре прыгадаты. Воны лышь памьяталы, що биглы на-одчай, черезъ комыши, черезъ воду, въ безпросвитній темряви, зъ почуттямъ звирыны, за якою женуть собакы. Килько разивъ Остапъ вскакувавъ у воду мало не по поясъ, часто Соломія зъ розгону натыкалась на кущъ верболозу, але коженъ разъ воны давалы соби раду и зновъ мчалы впередъ, добуваючы останни сылы. Врешти щось перепыныло имъ дорогу, и воны попадалы. Ця прыгода була имъ навить на руку. Лежачы на чомусь твердому й холодному, воны моглы трохы одсапнуты. Ногы въ ныхъ тремтилы, груды важко дыхалы. Воны лежалы и слухалы. Навколо було тыхо, одъ берега не долитавъ сюды жаденъ згукъ, очевыдячкы тамъ уже все скинчылося. Сіявъ дрибненькый дощыкъ, темрява зновъ стала густишою. Не почуваючы за собою погони, Остапъ и Соломія помалу опамьяталыся. Остапъ обережно обмацавъ те, на чому лежавъ: то горбъ, поросшый травою. Ага! подумавъ винъ: мы выдно наткнулыся на высокый берегъ. Воны спочылы трохы, осмилели тышою, звелыся и обережно побрелы вздовжъ гиръ, въ надіи натрапыты на яругу, де можно бъ було захыстытыся видъ дощу й холоду. И справди—незабаромъ почулы пидъ ногамы розмыту глыну и увійшлы у чорну пащу провалля.

Тутъ воны намацалы сухе, затышне мисце и тилькы тоди почулы, що страшенно втомлени й зогрити шаленымъ бигомъ

Утома була така сильна, що брала верхъ надъ усимъ: воны просто впалы. Безъ розмовъ, безъ думокъ—воны поснулы твердымъ, здоровымъ сномъ.

Прокынулысь воны нерано: сонце мабуть було высоко, бо жовтый промінь ёго повзъ по стини урвыща. Вгори сыпила смужечка погидного неба.

Першою думкою въ Остапа було довидатысь, де воны. Винъ подався на розвидкы и скоро вернувся, щобъ заспокоиты Соломію: скризь тыхо, спокійно, днына тепла й ясна. Почалы радытысь.

Обое згадалы, що одынъ мырошныкъ зъ надъ Прута, одноокый Якымъ, такый забиглый, якъ и воны, тилькы зъ Подилля, хвалывся, що знае спосибъ переправыты ихъ въ Турещыну, и воны певне бъ звернулыся до ёго, колыбъ котыгорошокъ та дидъ Овсій не пидбылы ихъ тикаты разомъ зъ нымы черезъ Дунай.

Теперъ ничого инчого не лышалося, якъ звернутыся до того мырошныка, бо переховуваться дали на свому боци було не безпешно: ихъ моглы спійматы, одислаты до пана, або запроторыты въ тюрму.

Воны ледве вылизлы зъ глыбокого провалля и опынылыся на спаленій сонцемъ сирій полоныни. Нызына, що прыймала въ ночи фантастычни, непевни формы, выдавалась у день дуже гарною. Шырокый и тыхый Дунай блыщавъ проты сонця, мовъ крыця, а зъ-за прыбережныхъ, зеленыхъ ще вербъ здіймалысь у небо блакитни шпыли далекихъ гиръ.

Розглянувшысь уважно. Остапъ змиркувавъ, що звидсы до Кышныци, де стоявъ витрякъ Якымивъ, буде верстовъ зъ трыдцять. Колы поспишытыся, то до вечора можно бъ ще постыгнуты туды.

И воны, почыстывшы трохы свою молдаванську, заболочену вчора, одежу, не гаючысь подалысь у дорогу. Воны йшлы то шляхомъ, то стежкамы навпростець, намагаючысь не звертаты на себе увагы.

— Десь теперъ нашъ котыгорошокъ зъ туркомъ бесидуе,— обизвалась Соломія.

— Якъ не годуе ракивъ дунайськыхъ,—кынувъ Остапъ. И имъ уявылыся нични прыгоды.

Воны обигнулы зъ правого боку Реки и подалысь по надъ Прутомъ. Зъ дороги выдно було, якъ вывся у нызыни крывулькамы глыбокый та каламутный Прутъ, а за нымъ скилько око сягало, рудилы стыглымъ комышомъ плавни и хвылювалысь, якъ нива. Край неба щось курылось, дымъ нызько слався надъ очеретамы. Инколы надъ берегомъ Прута проскакувавъ вершныкъ и зныкавъ за крутымъ поворотомъ ричкы.

За Прутомъ була Турецына.

Вже була ничъ, колы воны пидходылы до Кышныцькыхъ витрякивъ, що линыво помахувалы крыламы. На радисть имъ у Якымовому витряку свитылось. Воны одхылылы дверы и увійшлы. Тамъ никого не було—и Остапъ зъ Соломіею прысилы на мишкахъ. У млыни стоявъ теплый, прыемно-солодкуватый духъ свижои кукурудзянои мукы. Борошняный пылъ высивъ у повитри, а стины, банты и поставъ булы обсыпани имъ, якъ снигомъ. Биле павутыння фестонамы высило вгори, гойдалось одъ найменчого руху повитря и кыдало дывовыжни тини пры жовтому свитли одынокои лыхтарни. Жорна мягко шамотилы по зерни; кишъ трясся, якъ у пропасныци; вгори щось жалобно скрыпило. За стинамы витряка, въ сели, валувалы собакы....

Незабаромъ зъявывся заборошеный мельныкъ. Прыдывывшысь своимъ однымъ окомъ, винъ впизнавъ Остапа.

Остапъ заразъ такы розсказавъ ёму, по що прыйшовъ.

— Добре, коротко одмовывъ Якымъ.... Трохы упораюсь и пійдемо.

Остапъ и Соломія булы стомлени дорогою, однакъ змовчалы про те.

Воны трохы спочылы й перекусылы, поки мельныкъ засыпавъ зерно та переносывъ мишкы.

Такъ коло пивночи Якымъ ихъ поклыкавъ:

— Ходимъ.

Воны выйшлы.

Надъ селомъ стоявъ звычайный въ осинню пору туманъ. Винъ йшовъ очевыдячкы зъ ричкы, зъ плавнивъ, бо чымъ быжче воны спускалыся, тымъ туманъ стававъ густійшымъ. Село вы-

глядало, якъ зъ пидъ воды, блиде свитло лышъ де-не-де блымало кризь млу. Дыхалось важко. Вси трое мовчкы спускалысь у нызъ, а дали звернулы у бикъ одъ села и йшлы такъ верствы зо дви, то спускаючысь, то дряпаючысь по горбахъ. Врешти мельныкъ казавъ имъ зупынытыся, а самъ пишовъ напередъ. Остапъ зъ Соломіею вдывлялысь у темряву и ничого не бачылы; мельныкова постать раптомъ зныкла зъ-передъ очей, мовъ розпустылась у мли. За кильки хвылынъ винъ вырнувъ и повивъ ихъ за собою у нызъ, по крутому й слызькому схылу. Колы воны обережно спускалыся зъ горы, недалеко видъ ныхъ блымнулы два вогныкы и въ ту-жъ мыть зныклы.

— То лисъ,—пояснывъ мельныкъ.

Врешти воны зупынылысь. Мельныкъ выкресавъ вогню и освитывъ вузьку, якъ лысяча нора, печеру.

Тутъ выдно недавно булы люде, бо лежала купа сухого лысту та кильки грубыхъ вербовыхъ полинъ.

Мельныкивъ планъ бувъ дуже простый: звязаты невелычкый плитъ, абы мигъ здержать двое людей—и въ темну ничъ, ховаючысь одъ козакивъ, переплысты у плавни. А тамъ уже безпечно. Колыбъ не стало прыхованого тутъ матерьялу, можно роздобуты на берези ричкы. Абы обережно.

И одноокый Якымъ подавъ Остапови жмутъ мотуза та пальяныцю, попрощавсь и зныкъ у мли.

Соломіи дуже сподобався мельныкивъ планъ.

Вона мала охоту заразъ такы вязаты плитъ.

Ирысвитли восковои свичкы, що воны роздобулы въ млыни, воны взялыся до роботы и такъ захопылыся, що забулы про втому та сонъ. Та матерьялу було недоволи для плота, и треба було одкласты роботу.

Другои днины Остапъ пустывсь на розвидкы. Показалося, що ихній сховокъ бувъ у макитри, але доволи було злизты на гору, якъ саме тутъ, мало не пидъ ногамы, нисъ быстри воды Прутъ, вгынаючысь у берегъ колиномъ и ховаючы обыдва кинцы за высокымы береговымы выступамы. Мисце справди було вы-

гидне для переправы, бо доволи було кордонному козакови загнуты за выступъ—и колино ричкы зныкало ёму зъ очей.

На берези валялысь галузкы, уламкы дощокъ и навить цили вербы зъ кориннямъ, выкынути на берегъ повинью. Надъ плавнямы чорнымы пасмамы повзъ дымъ.

Тилькы въ-ночи Остапъ зъ Соломіею зважылысь податыся на берегъ. Вылазячы зъ макитры на гору, воны побачылы червоне крайнебо, наче сходывъ мисяць.

— Що за мара, обизвався Остапъ, адже теперъ не мисяшни ночи.

Та Соломія, що встыгла вже злизты—рантомъ одхылылась и мало не скрыкнула:

— А дывысь!.. дывысь!..

Остапъ глянувъ и остовпивъ.

Передъ нымъ, на крайнеби, стоялы высоки вогняни горы. Та ни, воны не стоялы. Воны рушалысь, якъ жыви, хыталысь, тремтилы, осидалы въ одному мисци и выросталы въ другому. Воны тыхо жеврилы, якъ купа искрыстого золота, або выбухалы червонымъ снопомъ полумья. Видтакъ знесыловалысь, вьялы и гнулысь одъ витру, и знову рослы, зновъ палалы. Колы одна зъ ныхъ падала, друга пидхоплювала ии, здіймалась до горы и быстро ламала лынію блыскучыхъ вызубнивъ. Одъ ныхъ займалась на неби хмара и палала вкупи зъ далекымъ небомъ.

То горилы плавни.

Зъ жахомъ вдывлялысь Остапъ зъ Соломіею у цю картыну.

— Ни, не до насъ йде, а въ бикъ, за витромъ, зъ легкымъ сердцемъ зитхнула врешти Соломія.

Здавалося, розбурхане море вогню кыпило, ревло, брызькало вогняною пиною, разъ червоною, якъ грань, разъ билою, якъ свитло блыскавкы, и йшло сердытымы хвылямы на чорни безборонни плавни, що прычаилысь и тремтилы у пичній питьми.

Однакъ, николы було любоватыся. Оглядаючысь и прыслухаючысь, воны зійшлы на беригъ. Не було никого. Одъ далекого свитла внызу здавалось ще темнище. Зъ плавнивъ устававъ туманъ.

Воны знайшлы, що имъ було потрибне, и зъ велыкою обережнистью, памятаючы, що кожну хвылыну може выткнутысь зъ-за выступу козакъ, потяглы на гору оберемкы вербового гылля.

Зъ опивночи плитъ лежавъ готовый, ажъ просывсь на воду.

Винъ бувъ важкый, кострубатый и ёго треба було нести такъ, щобъ не ослабъ мотузъ.

Остапъ и Соломія кректалы, зупынялысь, спочывалы, облывалысь потомъ и зновъ тяглы ёго на гору.

Навколо—ни душечкы. Ни, имъ такы везло ныни! Туманъ стоявъ густый, мовъ кисиль; до свита було далеко, а кордонна сторожа або поснула, або выгынула.

— Закымъ сонце зійде—го-го! де мы будемо...—радисно шептавъ Остапъ.

— Тоди кажы гопъ, якъ перескочышъ...

На берези було тежъ тыхо и безлюдно. Каламутный Прутъ дыхавъ вохкымъ холодомъ. Сири, ледве помитни въ тумани плавни непрывитно шумилы.

Остапъ зъ Соломіею потыху спустылы плитъ на ричку. Винъ хлюпнувъ и глыбоко осивъ у воду. Колы Соломія прымостылася на плоти, Остапъ одпхнувъ одъ берега и тоди скочывъ. Плитъ захытався и пропустывъ воду. Прудка течія крутнула нымъ и понесла внызъ. Остапъ опиравсь быстрыни зъ усіеи сылы, але ёго килъ мало що помагавъ: плитъ несло середыною ричкы. Якыйсь часъ плылы воны въ тумани, помижъ берегами, одирвани одъ земли й безпомичны. На превелыку сылу вдалося врешти выбытыся зъ стрыжня та наблызытысь до берега. Але й тутъ вода зносыла плитъ и нелегко було прыстаты до берега. Остапови пощастыло однакъ зачепытысь якось за прыбережну вербу. Соломія вхопыла за гыллячкы, Остапъ прыдержавъ плитъ— и обое выскочылы на берегъ, втомлени й мокри. Вода заразъ пидхопыла плитъ, поволи обернула ёго и понесла внызъ укупи зъ харчамы, забутымы на плоту. Та це була дурныця: воны булы за кордономъ.

Дывне почуття обхопыло Остапови груды: замисть радости— сыльне обурення стрепенуло ёго истоту. Въ одынъ ментъ

видчувъ винъ уси крывды й знущання, яки зазнавъ у покынутому край, и, твердо упыраючысь ногамы въ нову, не напщызняну землю, винъ затысъ кулакъ и погрозывъ на той бикъ ричкы.

— Бодай ты запалася, треклята краина, зъ твоими порядкамы!..—заклявъ винъ на голосъ.

Одночасово на тому берези почулася киньска ступа́.

— Хто тамъ!.. кынувъ у нитьму кордонный козакъ и не дочекавшысь одповиди, бахнувъ на ослинъ зъ рушныци.

— Ой!—скрыкнувъ Остапъ, вхопывсь за груды и захытався.

— Ничаво-о!.. Колы не влучывъ, тикай собы зъ Богомъ!—добродушно промовывъ козакъ и ступою подався дали...

III.

— Що тобы? прыскочыла Соломія до Остапа и пиддержала ёго.

Вона вся похолола и тремтила одъ жаху.

— Ой, тыхо стогнавъ Остапъ: поцилывъ мене отуть, пидъ серце...

Соломія немовъ не розумила того, що сталося. Вона торсала Остапа за одежу, тягла ёго зъ собою и зъ жахомъ повторяла:

— Тикаймо... тикаймо... винъ ще стрылятыме, винъ вбье тебе...

Помитывшы, що Остапъ не рушыться зъ мисця, вона вхопыла ёго пидъ руку и слыве поволокла за собою. Вона вскочыла у комыши и бигла прудко, на скилькы позволявъ це Остапъ та густый очеретъ. Тряскый грунтъ плавнывъ вгынався пидъ нею, якъ на пружынахъ. Ногы грузлы часомъ по колино въ цмоковыни, цупкый комышъ ламався, трищавъ та бывъ ии по лыци, плутався пидъ ногамы, а вона бигла усе впередъ, понята жахомъ, ничого не помичаючы, бажаючы тилькы забигты якъ мога дали, укрытыся вид наглои смерти.

Остапъ несвидомо пиддававсь ій. Винъ бигъ за нею, хочъ зъ кожнымъ виддыхомъ и рухомъ кололо ёму въ грудяхъ и на-

падалы часомъ млосты, а зъ-пидъ рукы, якою винъ затулявъ рану, стикало щось тепле й мокре.

— Абы лышъ перебигты оце мисце... абы лышъ перебигты... и все мынется... и ничого лыхого не буде...—блукалы думкы въ ёго голови, и винъ бигъ, напружуючы останни сылы, абы не видстаты видъ Соломіи.

Врешти винъ почувъ, що мліе.

— Стій... не можу...—шепнувъ винъ, опускаючысь до долу.

— Що тоби?—опрытомнила молодыця, схылывшысь надъ нымъ.

Крови багато вытекло...—насылу промовывъ Остапъ.

— Тебе зранено? де?—скрыкнула Соломія, опускаючысь передъ нымъ на колина та намагаючысь розглянуты рану.

Але було темно, якъ у лёху. Невыдно було навить комыша, що стырчавъ густо, мовъ жыто на ныви, кругъ ныхъ.

— Де тебе зранено?

— Отутъ, пидъ серцемъ.

Соломія провела рукою по ёго грудяхъ и намацала мокру й лыпку сорочку. Остапъ сыкнувъ одъ того дотыку.

Въ голови у Соломіи развыднилось. Жахъ ій счезъ безъ слиду. Вона знала, що робыты.

Обережно разщибнула ёму сорочку и одкрыла груды. Цёго було мало. Вона роздерла пазуху, одлипыла скривавлену сорочку; потимъ одшматувала довгый пасъ зъ своеи пидтычкы и зъ помичью Остапа тисно завьязала ёму рану.

— Воды!..—попрохавъ раненый.

Воды! це легко було сказаты! У цій питьми, у цій чорній невидомій пустыни, де доволи було зробыты килькы ступенивъ, щобъ заблудытысь, трудно було шукаты воду. Серце Соломіине рвала та просьба Остапова, а голова шукала способу. Ба! адже воны на води! про се свидчыть трясовына, що вгынается пидъ ногамы. Соломія спробувала выкопаты рукою ямку и справди докопалась до воды. Була це густа, гныла й тягуча ридына, зъ протывнымъ духомъ аеру. Соломія зачерпнула ій у прыгорщы и подала Остапови. Той змочывъ уста, але пыты ій не мигъ. Со-

ломія змочыла ёму чоло, скынула зъ себе верхню одежыну и пидмостыла ёму пидъ голову. Про те, щобъ пускатысь въ дорогу у таку питьму въ невидомій сторони, не було й гадкы.

Треба було дочекатыся свиту.

Остапъ лежавъ на очерети и почувавсь ослабленымъ. Въ грудяхъ у нёго хрыпило и було боляче дыхаты. Не то сонъ, не то забуття склепляло повикы.

— Ты тутъ, Соломіе?—пытавъ винъ и дримавъ дали.

— Тутъ, тутъ... осьде...

Серце ныло въ Соломіи одъ жалю й тривогы. Ій легше було бъ, колыбъ куля потрапыла въ неи.

Та ще колыбъ вона хочъ могла бачыты ёго рану, ёго облыччя—ій, здается, не такъ бы важко було. А то ця питьма, цей чорный, клятый морокъ. Винъ оточавъ іи зъ усихъ сторонъ, слався передъ очыма, высивъ надъ головою, заповзавъ пидъ шкуру, выповнявъ іи всю та гнитывъ серце... Надаремне вытрищала вона очи— вона не могла навить одрижныты пальцивъ на власній руци. Винъ жывъ той морокъ, рушався, дыхавъ, шептавъ щось тысячнымы устамы, безперестанно, уперто, зъ посвыстомъ, якъ стара баба. Соломія сыдила перестрашена та прыслухалася, про що шепче морокъ.

Шу... шу... шу...—почынавъ винъ здалека:—шу... шу... шу...—одзывалось тутъ коло неи:—шу... шу... шу...—шепотило все разомъ:—а по що було клясты... шу... шу... а теперъ вмре... побачышъ—вмре... шу... шу... шу...

Соломіи ставало моторошно: «брешешъ, брешешъ...—хотила вона кынуты въ лыце злому морокови:—винъ мій... винъ буде жыты... ёго не дуже поранено... адже винъ скилькы пробигъ»...

Але морокъ уперто шумивъ свое:—винъ вмре... шу... шу... шу... винъ вмре... шу... шу... шу...

И немовъ въ одповидь ёму важко дыхавъ Остапъ, тыхо постогнуючы кризь сонъ.

Соломія затулыла вуха й заплющыла очи. Ця питьма, бильшъ знаёма, бильшъ свійська, не такъ мучыла іи. За те вона почула вохкый холодъ, що проймавъ іи наскризь. Та вона не хотила

выйматы зъ-пидъ головы въ Остапа своеи одежыны и тилькы скорчылась, щобъ хочъ трохы зогритысь. Вона не чула вже зловищого шептання мороку и оддалась надіямъ на краще.—«Винъ выгоится, винъ жытыме... вона не дасть ёму загынуты... Отъ колыбъ лышъ свитало уже... колыбъ свитало...»

Утома взяла свое: Соломія насыдячкы задримала.

Колы вона прокынулась, сире свитло падало зъ хмарного неба. Туманъ ще плутався у комышахъ и по воли здіймався догоры. Плавни немовъ курылысь.

Остапъ лежавъ тутъ-же зъ росплющеныымы очыма; ёго молоде облыччя немовъ прывьяло, на уста впала смага.

— Ну, якъ тоби?—прыпала до нёго Соломія.

— Та ничого... тилькы дыхаты важко... згага мене палыть... воды...

Треба було щось радыты.

— Ты можешъ йты?

— Не знаю, зведы мене...

За помичью Соломіиною Остапъ звився. Винъ затыскавъ зубы та крипывся, щобъ не стогнаты,—такъ ёго болило за кожнымъ рухомъ десь нидъ лопаткою. Соломія пидтрымувала ёго, и такъ воны звильна йшлы по-мижъ высокымы стинамы жовтого комышу.

Недовго имъ довелось шукаты воду. Незабаромъ заблыщало кризь комышъ спокійне зеркало озерця.

Соломія напоила Остапа, оглянула и обмыла ёго рану. Вона прыклала до раны мокру холодну ганчирку—и Остапови стало легше.

Почалы радытысь, якъ имъ выбратыся зъ плавнивъ, куды йты. Остапъ миркувавъ.

— Де сонце?—поспытавъ винъ.

Соломія глянула на небо. Помижъ очеретяною купою, що тыхо гойдалась вгори, выдпився клапоть сирыхъ, олывяныхъ хмаръ. Зъ-за высокого та густого, якъ щитка, комышу не можна було ничого розибраты.

— Звидкы витеръ?—допытувався Остапъ.

Але й це не легко було змиркуваты. Въ плавняхъ було тыхо, якъ у лиси, лышъ горою шелестила куня, разъ въ той бикъ схыляючысь, разъ въ иншый.

Остапови здавалося, що воны мусять держатыся правои рукы; Соломія жъ навпакы доводыла, що имъ слидъ йты въ ливоручъ, проты витру, бо, здается, направо гнется комышъ. Соломіине перечення дратувало раненаго, и вона мусыла згодытыся зъ нымъ. Воны рушылы въ дорогу. Дорога була трудна. Навить здоровому важко було плутатыся въ густыхъ комышахъ, зарослыхъ павутыцею, перескакуваты зъ купыны на купыну, щобъ не попасты въ багнысту безодню. Часто доводылось обходыты ерыки й озерця, де Остапъ освижавсь холодною водою та змочувавъ роспалене гарячкою чоло. Соломія слыве песла Остапа, а проте имъ доводылось часто зупынятыся, бо слабый утомлювався и потребувавъ спочынку... Та воны зновъ воликлысь, одыноки, загублени середъ безбережного моря очерету, що маявъ надъ нымы пухнатымы кытыцями та наводывъ сумъ одноманитнымъ шелестиннямъ. Воны йшлы такъ довго, не видаючы поры дня, бо надъ нымы все высивъ клапоть олывянои хмары, а кругъ ныхъ усе ижывся высоченный, цупкый жовтый комышъ, немовъ сунувся разомъ зъ пымы, якъ зачарованый. Часомъ имъ здавалося, що помижъ очеретомъ щось шмыгнуло, немовъ песъ або вовкъ, инколы воны зъ огыдженнямъ обмыналы сонныхъ, млявыхъ одъ холоду гадюкъ, що купамы лежалы на купынахъ, або линыво пересувалыся помижъ очеретомъ.

Разъ имъ почувся згоры шумъ, одминный одъ шуму плавнивъ, и воны домиркувалысь, що то пролетило надъ нымы стадо якыхъ-сь птахивъ, може дыкыхъ гусей. Здавалось—плавнямъ нема кинця краю; навкругы було усе те саме тай те саме, немовъ воны стоялы на мисци.

Справа почынала буты поганою. Остапъ знемигся и зовсимъ росхорився: ёго налыла гарячка. Соломія поклала ёго край озерця и задумалась. Адже воны моглы пропасты отутъ, безъ людськои помочи, безъ харчивъ, посуваючысь такъ поволи! Голодъ уже й такъ ссавъ пидъ грудьмы. Выдно воны заблудылысь и те-

перъ плутаются у плавняхъ—и хто зна, якъ довго ще можуть блукаты у цій глушыни. Чы не краще-бъ лышыты тутъ Остапа—вона жъ ёму однаково ничымъ не годна запомогты—та самій метнутысь й пошукаты выходу? Такъ було-бъ певнище й скорище.

— Прымосты мени коло озерця; абы я мигъ воду дистаты, а сама йды, розглянь...—згоджувався Остапъ.

— Ты певно зголоднивъ, йисты хочешъ?

— Ни, не хочется... тилькы пыты.

Соломія нагнула комышъ и зробыла хворому ложе. Не зводячысь, винъ мигъ зачерпнуты прыгоршнею воды.

— Отакъ добре буде...

Соломія озырнулась и стала миркуваты...

Вона пійде проты витру... здается у право бильшъ гнется куня... Вона ничого не казатыме Остапови, бо винъ почне сперечатыся, дратуватыся.

— Не сумуй же тутъ безъ мене, я швыдко повернуся, обернулась вона до нёго и зныкла въ комышахъ.

Вона йшла и старалася нагадаты соби плавни, якъ бачыла ихъ згоры, до переправы.

У право—горило... такъ, у право горило—и туды гнавъ витеръ вогонь; у ливу руку выднилысь горы й вербы. Значыть, треба йты туды проты витру. Вона стрибала зъ купыны на купыну слыве бадёра. Зъ кожнымъ ступинемъ надія росла у ій серци, хочъ картына не минялася. Часомъ ій доводылось продыратыся черезъ таку гущыну, що вона ледве пролазыла помижъ жовтымы стинамы. Посковзнувшысь, Соломія вскочыла выще колинъ въ холодну тванюку.

Пидъ ногамы була безодня, та на счастя вона вхопылася за кущъ очерету и вылизла. Вона роззулася, повылывала зъ чобитъ воду и пишла дали. Кризь комыши блыщалы подекуды озерця. Водяный макъ выгидно спочывавъ на ныхъ круглымъ лыстомъ, высуваръ зъ воды зелени збаночкы. Соломія зупынялась на мыть, щобъ подывытысь здалеку, якъ дыкый гусакъ старанно укладавъ пирьячко на голови самычкы, а вона млила, плямкала дзёбомъ и росправляла крыла. Гадюка часомъ переплывала ерыкъ

хвылястымы рухамы, здіймала голову, повадно хытала ею зъ боку на бикъ, якъ значна дама, и роздывлялась навкругы круглымы очыма. По цыхъ непролазныхъ пущахъ певно николы не ступала людська нога. Тутъ було безличъ таемныхъ закуткивъ, скризь стричалысь берлогы дыкыхъ звиривъ, выслани кунею та сухымъ мохомъ. На старыхъ очеретынахъ гойдалысь покынути гнизда, по рудыхъ, ажъ червоныхъ, ослызлыхъ одъ туману купынахъ валялысь пирья й гадючы лынóвыца. Вуживъ було такъ багато, що Соломія скоро перестала звертаты на ныхъ увагу. Часомъ очеретяный початокъ, зачепленный Соломіею, лопався и обсыпавъ ій билымъ пухомъ, мовъ снигомъ. Соломія йшла, якъ на дни моря, а вгори, надъ ій головою, шумила купя, немовъ котыла кудысь руди й каламутни хвыли. Соломія миркувала, що колы браты у ливу руку, плавни мусятъ швыдко скинчытыся, бо въ той бикъ воны простягалысь недалеко. Абы йты проты витру. Раптомъ Соломія зупынылась и мало не зомлила одъ страшной думкы. Ій прыйшло до головы, що вона може не знайты Остапа, бо нычымъ не значыла своеи дорогы. Треба було ламаты комышъ, або що. Треба заразъ вертатыся, покы вона не далеко одійшла й не забула дорогы. Серце ій неспокійно калатало, колы вона бигла назадъ, одшукуючы свои слиды. Вона не мала часу на обережність—комышъ бывъ ій по лыци и навить скаличывъ ногу. Та то булы дрибныци. Колы-бъ швыдче знайты Остапа, вона тоди зновъ подастся на розвидкы, тилькы не буде такою дурною, не забуде значыты дорогу. Спочатку все йшло добре, вона знаходыла свои слиды и по ныхъ верталась. Та скоро слиды счезлы. Соломіи здалося, що вона дуже одхылылась у ливоручъ. Вона взяла трохы у праву руку и несподивано наскочыла на чымале довгасте озерце. Тутъ вона не була, це вона твердо памьятала. Вона муснла вернутысь трохы назадъ, щобъ обійты перешкоду. Теперъ Соломія вагалась, въ якому напрямку йты. Найкраще керуватысь витромъ: треба, щобъ винъ теперъ дувъ у спыну и йты за витромъ. Соломія глянула вгору. Куня гойдалась то въ той, то въ инчый бикъ. Ришыты було трудно. Однакъ Соломіи здалося, ще ій треба йты просто передъ

себе. Вона пишла. Пройшовшы зо двое гонивъ. Соломія заневнылася, що йшла проты витру. Невже вертатысь назадъ? Вона зупынылася. Очевыдячкы, вона збылася зъ дорогы, заблудылася. Що робыты? Ногы въ неи тремтилы одъ трудноі ходни, въ голови бродылы безладни думкы й миркування. Що робыты?—немовъ пытавъ у комышивъ іи блукаючый поглядъ. Комыши оточалы іи ворожою юрмою и шепталысь. Соломія подумала, що вона мусыть буты недалеко одъ Остапа, що винъ почуе іи, и крыкнула:

— Остапе-е!.. Оста-апе-е!..

Голосъ іи прогучавъ глухо, стина ворожого очерету не пустыла ёго далеко; забрала въ себе, ковтнула.

Соломія ще разъ гукнула—тежъ саме.

Серце въ Соломіи упало, рукы звыслы безладно. Та не на довго. Новый прыплывъ энергіи, шалена видвага понялы іи волю, и вона кынулась впередъ, росхыляючы й ламаючы очеретъ зъ слипою завзятистью зараненого оленя. Одъ часу до часу вона клыкала Остапа. Одповиди не було. Вона почала крычаты на всю миць легкыхъ, въ надіи, що колы не Остапъ, то хтось инчый почуе іи. Не могло жъ буты, щобъ вона такъ далеко видбылася одъ берега, де проходылы часомъ люде. Шумъ комышу перемагавъ іи. Налякани чужымъ голосомъ птахы зъ тривожнымъ пыскомъ крутылысь надъ головою въ Соломіи. Комышъ шумивъ. Винъ ижывся передъ нею, тиснывъ зъ бокивъ, настыгавъ зъ-заду, ловывъ кориннямъ за ногы, коловъ и ризавъ шерсткымъ лыстомъ. Жовтый, гладкый, высокій—винъ глузувавъ зъ неи, помахуючы надъ іи головою рудымъ чубомъ. Соломія чула до ёго зненависть, якъ до жывои истоты. Винъ дратувавъ іи. Колыбъ у неи бувъ серпъ, або нижъ, вона ризала бъ ёго доты, покы бъ винъ не полигъ увесь, або вона сама не впала трупомъ. Соломія накыпулась на нёго и почала трощыты зъ злистью, зъ озвиреннямъ, якъ свого ворога.

Вона рвала ёго, ламала, крутыла и была ногамы, а винъ згынався, упирався, счипловався вгори кытыцямы, ранывъ іи рукы и тилькы коринням тремтивъ, немовъ одъ скрытого реготу.

Соломія знесылылась и впала. Ій стало душно. Питъ краплямы стикавъ по выду, груды важко дыхалы и очи блыщалы, якъ у звиря, що попавсь у лабеты. Значыть, нема выходу; вона мусыть тутъ погыбаты, а Остапъ черезъ неи десь у другому мисци. Соломіи не такъ жалко було себе, якъ Остапа, вона уявляла соби, якъ винъ теперъ лежыть хворый и самотный у пущи, и выгляда іи зъ очеретивъ. Ій жаль стало молодого, змарнованого жыття—и вона заплакала.

Тымъ часомъ короткый осинный день гасъ, зъ плавнивъ вставала ничъ. Спочатку морокъ полизъ зъ-помижъ очеретивъ, а за нымъ дыхнулы озерця й купыны билымъ туманомъ.

Ставало вохко й холодно. Пóночи ничого було рушатысь. Соломія сыдила, обнявшы голову рукамы и думала. Ни, вона не хоче гынуты отутъ! Якъ тилькы на свитъ займется и можно буде йты, вона пійде просто, просто и буде йты, ажъ поки дійде до краю. Вона знайде тамъ людей, оддасть имъ уси свои гроши, що высять зашыти въ торбынци на шыи, и зъ нымы обшукае плавни та знайде Остапа. Колыбъ лышъ переждаты ничъ.

Чымъ бильшъ темнило, тымъ витеръ, здавалось, дужчавъ, прынаймни очеретъ шумивъ такъ, що заглушавъ навить думкы. Ничого не було чуты, тилькы безперестанне, одноманитне, вичне шу... шу... шу... шу... шу... шу... Правда, часомъ вона помичала, що нызомъ, помижъ комышамы, щось проскакувало, а шамкый сухый лыстъ очерету тоди трищавъ. Птахы булы неспокійни, метушылыся, былысь крыламы помижъ очеретомъ и здймалы голосъ мовъ передъ бурею.

Соломія сыдила такъ ажъ покы не заснула. Вона не знала, якъ и колы це сталося,—втома и шумъ комышу прыспалы іи.

Вона не могла бъ сказаты прокынувшысь, чы було пизно, чы рано. Надъ комышамы ще ныжче, нижъ вчора, спускалось олывяне небо. Все тило у Соломіи болило, якъ побыте. Важки повикы мымохить спускалысь на очи, голова була не свижа. Однакъ Соломія не могла гаятысь и хвылыны. Вона пишла просто передъ себе, такъ якъ стояла, и зважылась йты, докы стане снагы й сылы. Вона бигла, хочъ ногы въ неи булы слабищи,

нижъ вчора, а повитря було якесь густе и трудно було дыхаты имъ. Опричъ того Соломіи докучавъ голодъ. Уже другу добу вона ничого не йила, пидъ серцемъ іи млоило, въ жыводи корчыло. На ходи Соломія высмыкувала стебло або коринь водороста и жувала протывну, зъ болотнимъ духомъ, рослыну. Чымъ дали вона йшла, тымъ бильше дывувалась, що сёгодня попадалось ій такъ багато жывыхъ истотъ. Трычы вона помитыла кризь комыши сирый вовчый хребетъ, разъ лысыця майнула коло неи хвостомъ, а то здалеку чулося немовъ кабаняче рохкання. Вужи й гадюкы набралыся сёгодня особлывои рухлывосты, бо все повзлы й повзлы въ тому напрямку, якъ йшла Соломія, и ій треба було особлыво уважаты, щобъ не наступыты на слызьке й холодне гадюче тило. Птахы кружлялы надъ плавнямы цилымы хмарамы и такъ верещалы, що заглушалы павить шумъ плавнивъ. Соломія все йшла. Вона зибрала свою энергію, всю сылу воли, всю миць тила и йшла уперто и завзято, зъ вирою, що іи шыроки й высоки груды зламають уси перешкоды. Однакъ краю плавнямъ не було. Комыши, озерця, ерыкы... И зновъ комыши, и зновъ вода, и зновъ той самый згукъ розмиреного, однотонного прыбою морськои хвыли. Надъ вечиръ ій почувся дымъ, и вона зрадила—значыть блызько люде. Та чымъ дали вона йшла и чымъ бильше смеркалось, тымъ бильше дымъ стававъ помитнымъ. Птахы сыльнище непокоилысь. Въ повитри стало теплище. Те тепло йшло зъ-заду и зъ бокивъ, немовъ одъ печи. Соломіи робылось душно. Іи дуже дывувалы и навить непокоилы ти змины въ плавняхъ. Що це таке робыться навкруты?

Обернувшысь назадъ и глянувшы на небо, вона побачыла червони, якъ грань, хмары—и зразу сталы зрозумилымы ій и той дымъ, що вона чула, и тепло, и неспокій птахивъ, и тыкання звиривъ. Плавни горилы, вогняни горы наступалы на ныхъ, неслы усёму смерть. Але вогонь ще десь далеко. Колы швыдче побигты—можно ще втикты. Тилькы такъ душно, такъ важко... наче хто женется зъ-заду и дыхае, налягае на плечы. Соломіине вухо ловыть вже далекый лускитъ сухого комышу, невыразне гудиння, наче звиръ-велетъ трощыть щось, жвакуе и важко со-

пыть. Це жъ выдыма смертъ здоганяе ii!.. Тутъ нема вже рятунку. Нихто й нищо не поможе. Несказанный жахъ обнявъ Соломію. Зъ крыкомъ «охъ, Боже мій!.. охъ Боже!..» вона шарпнулась зъ останнихъ сылъ и на-ослинъ кынулась въ очерети, слидкомъ за гадюкамы, звирыною й усимъ жывымъ, що рятуючысь одъ паглои смерты, мчало въ перестраху передъ наступаючымы бурунамы вогняного моря...

А воно йшло. Воно котылось за нымы невпынымы, непереможнымы, веселымы хвылямы, золотомъ розсыпалось по плавняхъ, жерло очеретъ, выпывало воду, пидпалювало небо...

—

По видходи Соломіи Остапъ почувъ себе одризанымъ одъ свита, одъ людей. Гарячка палыла ёго въ середыни,винъ що хвылыны мочывъ руку въ води та охолоджувавъ чоло, очи, голову. Ему докучыло дывытысь на жовти стины комышу—и винъ заплющывъ очи. Винъ думавъ. Згадувалысь ёму давни замиры, винъ думавъ про те, чого йшовъ сюды, у Турецыну, черезъ вищо покынувъ ридне село й дидуся. Якъ то теперъ жывуть дидусь, чы жыви й здорови? Чы згадують Остапа? Отъ колы-бъ воны прыйшлы й подывылысь на свого внука, пидстреленого, знесыленого, покынутого въ комышахъ на обидъ вовкамъ та воронамъ.

Ёму все щось верзлося и въ маячни винъ клыкавъ дидуся.

Дидусь прыходывъ. Тыхо й непомитно вылазывъ винъ зъ комышивъ и стававъ надъ Остапомъ, згорнувшы рукы.

— Тебе зранено, сынку, чы не зъ ляхамы бывся?

— Ни, дидусю, то мене москаль встрелывъ, якъ я кордонъ переходывъ.

— А дежъ твои братчыкы, сичовыки дунайськы, що ты самъ лежышъ помижъ очеретомъ?

— Э, дидусю, вы думаете, що ще й доси тамъ Сичъ йе? Ни, нема, дидусю, вже Сичи... Була, та загула... Вывивъ Гладкый—може чулы—товарыство на озивськи степы, покынувъ Турка...

— Що жъ ты робытымешъ, сынку, на чужій сторони?

— Якъ жывый буду, землю оратыму, рыбальствомъ жытыму... все жъ краще на воли, нижъ пидъ паномъ... Тамъ ще лышылысь наши люде, дидусю... пидъ Туркомъ...

Остапъ вивъ бесиду зъ дидусемъ—и дидусь потишавъ ёго. дававъ рады, розсказувавъ про колышне й про те, що дiется у сели теперъ...

Якъ тилькы Остапъ росплющувавъ очи, дидусь ховавсь у комыши, але доволи було заплющыты ихъ, якъ дидусь зновъ зъявлявсь и слухавъ прыгоды Остапови, або оповидавъ про себе.

Надъ вечиръ Остапъ почавъ турбоватыся: де дилася Соломія, що ии нема доси? Чомъ вона не прыходыть? Адже вона знае, що ёму трудно й поворохнутыся, що винъ не годенъ самъ выдобутыся зъ цыхъ нетривъ.

А може вона ёго покынула?.. Соломіе... Соломіе...—стогнавъ хорый, то стогинъ ёго заглушався шумомъ плавнивъ.

Въ ночи стало ёму гирше. Пропасныця типала имъ, гарячка палыла вогнемъ, а въ грудяхъ такъ кололо, що винъ на превелыку сылу дыстававъ соби воду. Винъ хотивъ кашляты и не мигъ одъ болю. А Соломія не прыходыла. Остапъ не спавъ, а лышъ часомъ, на килькы хвылынъ, западавъ у нетяму. Ничъ тяглась довго, безконечно, якъ смерть... А Соломіи не було... Дежъ вона, що зъ нею?—Остапъ нудывсь.

У-досвита Остапъ почувъ, що коло нёго жыва истота.

— Ты, Соломіе?—поспытавъ винъ и одкрывъ очи.

— Чы вона жартуе, що перекынулась собакою?—подумавъ винъ и трохы опрытомнивъ.

Проты нёго стоявъ не песъ, а вовкъ. Велыкый, спрый, забовтаный, зъ гарячымы й голоднымы очыма. Винъ насторошывъ вуха й простягъ до Остапа морду, миркуючы, чы безпешно ёму нападаты, чы ни. Остапъ лежавъ безборонный и дывывсь на вовка. Винъ добре бачывъ трохы крывый, глыбокый й заслыненый ротъ вовка, закруткы шерсти на ёго грудяхъ й мицни замочени лабы.

Звиръ стоявъ нерухомо, врешти переставывъ одну лабу, дали другу и трошкы прысунувсь до Остапа.

Остапъ зачерпнувъ прыгоршнею воды и брызнувъ на вовка. Брызькы долетилы до ёго морды, килькы зъ ныхъ впало на неи. Вовкъ выскалывъ зубы и осивъ на задни лабы, але не одходывъ.

Остапъ зновъ покропывъ ёго водою. Вовкъ клацнувъ зубамы и блымнувъ очыма. Винъ бувъ невдоволеный. Посыдившы трохы й не зводячы очей зъ Остапа, винъ раптомъ вытягъ шыю, подався наперед и такъ жалибно завывъ, що Остапови ажъ морозъ пишовъ по-за шкуру. Вывъ винъ довго, на килькы нотъ, зъ велыкымъ смакомъ, зъ заплющенымы очыма. Врешти замовкъ, посыдивъ трохы и наблызывсь до Остапа. Едынымъ оружжемъ Остаповымъ була вода, и винъ одъ часу до часу облывавъ ею вовка, недопускаючы до себе. Вовкъ врешти скучывъ. Винъ килькы разъ сердыто, зъ запеклистью, клацнувъ на Остапа зубамы, крутнувсь и счезъ у комышахъ.

По цыхъ одвидынахъ Остапъ почавъ думаты про смерть. Прыйшла пора вмираты.

Чы жывого, чы мертвого, а такы зъисть вовкъ, або сточать хробакы у цыхъ петряхъ. Чы не однаково?

Остапови згадавсь котыгорошокъ. «Хыба я боюсь смерти?»— чувъ винъ ёго цапыный голосъ: «зроду—звику... Пошлы, Господы, хочъ заразъ. Разъ вмираты—не двычи... Умеръ—и край, бильшъ не встанешъ»...

Остапъ тежъ не боявсь смерти. Ёму тилькы хотилось передъ смертью побачыты Соломію. Дидуся винъ бачывъ, той прыходывъ до нёго, а Соломіи якъ нема, такъ нема... Десь заблудылась у плавняхъ, або вовкы роздерлы ій. И Остапови стало жалко Соломію, страхъ якъ жалко. Вона така добра, такъ кохала ёго, вона пишла за нымъ въ далеку дорогу, не пожалувала кисъ своихъ за-для нёго, вона доглядала ёго, якъ рыдна маты, була вирна, якъ товарышъ. И саме теперъ, колы воны здобулы соби волю и малы въ счасти й радости початы нове жыття, прыходыть погыбель и, якъ щенятъ у ричци, топыть ихъ обохъ... Топыть... топыть... топыть...—спивають ёму видхидну комыши зъ правого боку.—Погыбель... гыбель... гыбель...—пидхоплюе ливе крыло.

Остапъ лежывъ довго, безъ кынця. Осинній день сунется поволи, сире небо цидыть блыде свитло.

Остапови нудно. Винъ мае таке вражиння, наче чекае перевозу... Ось-ось мае переправытысь... ось-ось переправится... и не може, щось не пускае... «Тыхо, будьте люде, не хапайтеся»...— шепче дидъ Овсій, и палають на неби вогни. Вогни палають, розростаются, одъ ныхъ йде тепло и зогривае Остапа, роспалюе ёму кровъ. Гаряча хвыля бье до серця, въ голови прояснюется. Винъ не хоче вмираты. Винъ хоче жыты. Свитъ такый красный... Остапъ ще молодый, винъ не жывъ ще, не зазнавъ усёго... Ёму ще хочется глянуты на сонце, побачыты свитъ Божый, людей, обняты Соломію... Винъ ще жывый, винъ не лежатыме тутъ колодою, не ждатыме, якъ прыйде смерть...

Остапъ зсувается зъ свого ложа и повзе.

Ёму боляче. Ну, та ничого, терпы козаче... Винъ буде плазуваты, чыплятымется не тилькы рукамы й ногамы, а й зубамы навить, а такы вылизе зъ цыхъ мочаривъ.

Остапъ повзе. Ёму трудно, кожну купыну доводыться браты зъ бою, въ грудяхъ коле й спирае духъ, ногы важки, якъ колодкы. Винъ спочывае, омливае часомъ, прокыдается и зновъ повзе на дни комышового моря. До серця бье гаряча хвыля, дыка, непереможна згага жыття палыть въ середыни, сповняе усю ёго истоту...

Раптомъ винъ чуе надъ собою:

— Остапе! Остапе! це ты? жывый?

Винъ знае, чый то голосъ: то вирна ёго жинка, то Соломія злынула зъ неба, щобъ взяты ёго до себе.

— То я, то я, серце мое...—обзывается винъ до неи и чуе якъ вона зводыть ёго, бере на рукы, якъ малу дытыну, и воны летять обое у высокости, генъ-генъ до зоряного неба... Ёму такъ радисно, такъ добре...

IV.

Край бытого шляху, якымъ селяне наддупайськыхъ селъ йиздять у Галацъ, заховався середъ купкы вербъ та помижъ оче-

ретамы цыганськый выселокъ. Винъ складався всёго на всёго зъ трёхъ халупокъ, властыво курнькивъ, нызенькыхъ, крывыхъ, злипленыхъ зъ глыны, якъ ластивчани гнизда.

У двохъ изъ ныхъ очевыдно нихто не жывъ, бо викна булы повыдырани, комышови стрихы обсыпалысь, и кинци латъ стырчалы зъ ныхъ, якъ ребра кистяка. Тилькы въ одній липлянци свитылысь два виконця и вывся дымокъ зъ вербового дымаря.

Тамъ жыла одынока у выселку цыганська симья.

Найбильше мисця въ халупци займала пичъ зъ велыкымъ, мало не до земли, коминомъ. Прыпичокъ бувъ такъ нызько, що вогонь горивъ слыве на земли. Сыва рострипана цыганка грила коло вогню свои лахманы, пидкладала въ огонь очеретъ и курыла зъ короткои люлькы. На лави, въ выгидній и малёвнычій пози розкынувся молодый цыганъ. Ёго чорни кучери вылазылы кризь подертый брыль, а блыскучи очи й веселе, подзёбане виспою бородате облыччя осмихалось до молодыци, що, зигнута, сылкувалась стягты зъ ногы свого чоловика чобитъ. Ии струнка фыгура зигнулась одъ напругы, якъ тугый лукъ, а фантастычный сыній плащъ и червона спидныця не моглы скрыты мицныхъ формъ молодого тила.

На порози стоявъ старый высокый цыганъ, немовъ роздумувавъ, чы увійты до хаты. Врешти винъ переступывъ поригъ, пидійшовъ до печи и прысунувся до вогню, такъ що ёго суворе обголене облыччя заблыщало мидью. Тоди обизвався до молодшого:

— Ты загнавъ, Раду, шкапыну? Щобъ часомъ не забрела въ плавни та не згорила.

Раду збирався одповисты, колы въ той ментъ щось сыльно стукнуло въ викно.

Уси здригнулыся. Молода цыганка выскочыла зъ хаты.

Скоро писля того зъ надвору почувся ии ризкій горловый голосъ:

— Раду, аб́рде! [1]).

---

[1]) Раду, йды сюды!

Раду липыво звився зъ лавы и выйшовъ на двиръ; за нымъ подався старый.

Нидъ викномъ, въ благаючій пози, стояла передъ цыганкою якась страшна жинка, блида, простоволоса, въ подертій заболоченій одежи и намагалась щось вымовыты. Іи вуста ворушылыся та голосъ не добувався. Це іи мучыло—и вона говорыла очыма—червонымы, наляканымы, страшнымы. Врешти ій удалося прохрыпиты:

— Люде... добри... добри... рятуйте... рятуйте!.. Остапъ лежыть тамъ, недалеко... ходимъ... рятуйте!...

Цыганы ничого не розумилы.

— Содéсь дýша? [1])—пытавъ старый цыганъ.

Соломія однакъ не слухала ёго—вона зверталась до Раду, хапала за плащъ цыганку, благала старого. Вона стогнала и тягла ихъ за собою.

Цыганы не хапалыся. Воны радылысь, сперечалысь, крычалы. Врешти зважылысь—Соломія це помитыла. Вопа ухопыла за руку цыганку, наче боялась втратыты іи и побигла въ той бикъ, де горилы плавни. Цыганы ледве встыгалы за нею. Перейшовшы дорогу, вона подалась вздовжъ плавнивъ.

— Кай жа? [2])—тривожно крычавъ Раду на Соломію.

Але вона не одповидала та все бигла напередъ. Врешти зупынылась, нагнулась до земли и промовыла:

— Остапе!..

Одповиди не було.

Цыгане тежъ нагнулыся, прыдывляючысь. Лежавъ якыйсь чоловикъ. Старый цыганъ выкресавъ вогню, запалывъ очеретыну и наблызывъ іи до Остапыного облыччя. Очи въ Остапа булы заплющени, а на билому выду выразно зачорнилы молоди вуса й густи бровы.

— Сапшукáръ... [3])—шепнула молода цыганка, нагынаючысь надъ Остапомъ.

---

[1]) Що кажешъ?

[2]) Куды йдешъ?

[3]) Гарный.

Ця похвала выдымо роздратувала Раду, бо винъ грымнувъ на жинку горловымъ, дыкымъ голосомъ и одтрутывъ одъ Остапа.

— Люде добри...—благала Соломія, стоячы на колинахъ:— змылуйтеся, прыймить насъ до хаты... Вы-жъ бачыте—пропадаемо... Чоловика мого пострелено, винъ ледве жывый, мало не загынулы мы въ плавняхъ... Я вамъ оддячу, я вамъ одроблю... Визьмить все, що маю... все... та не кыдайте насъ... Ось на-те...

Зъ цымы словамы Соломія зирвала зъ шыи торбынку и высыпала зъ неи на руку старому цыганови кильки срибныхъ монетъ.

Старый побрязькавъ грошыма на долони, пидкынувъ ихъ и сховавъ у кышеню.

— Мишто́! [4])—сказавъ винъ коротко.

По паради зъ молодымъ воны взялы Остапа—одынъ пидъ пахы, другый за ногы и тыхо посунулысь до хаты.

Стара цыганка виджыла, колы прынесено раненого. Ии страшне, жовте, видёмське облыччя зразу стало добрищымъ, а сыви пасма кисъ, що выбывалысь зъ-пидъ чорнои хустынкы, спокійно лягалы на Остапови груды, мовъ на груды сына, колы вона обмывала та перевьязувала ёму рану. Напоеный незабаромъ зиллямъ, съ перевязанною раною, зогритый тепломъ, Остапъ росплющывъ очи. Це такъ врадувало стару цыганку, що вона забелькотала щось жваво, сыльно зачадила зъ люлькы и радисно потрипала Соломію по плечахъ.

Стара цыганка взяла Остапа пидъ свою опику. Вона ходыла коло нёго, варыла ёму зилля, обдывлялась рану, попла козячымъ молокомъ, особлыво колы Гица та Раду выходылы зъ дому.

Молода Маріуца пры мущынахъ не звертала увагы на Остапа, ба навить показувала, що ии сердыть вся ця исторія: вона часто выкрыкувала щось лыхе ризкымъ, якъ у вороны голосомъ и блымала непрывитнымъ окомъ въ кутокъ, де лежавъ раненый, та Соломія помичала, що все це робытся

---

[4]) Добре!

більшъ для Раду. бо сердячысь, цыганка позырала скоса на чоловика. выдымо цикавлючысь, яке це вражиння робыть на нёго.

Проте доволи було мущынамъ выйты за поригъ, якъ Маріуца оберталась у добру, сердечну жинку и помагала Соломіи та старій матери ходыты коло Остапа. Вона укрывала ёго найтеплищымы изъ своихъ лахманивъ, одгортала волосся зъ чола, одганяла осиннихъ мухъ и все це робыла такъ охоче, зъ такымы жвавымы та гарнымы рухамы, що здавалась гнучкою рослыною на витри. Зыркаючы своимы чорнымы блыскучымы очыма то на Остапа, то на Соломію, вона пытала въ Соломіи:

— Манýшъ? Манýшъ? [1]).

И колы Соломія, не розумiючы, чого та хоче, кывала наугадъ головою, вона допытувалась:

— Сáрбу шось? [2]).

Часомъ черезъ Остапа цыганкы опизнялыся зъ мандривкою на жебры. Що ранку воны запрягалы у свою двохколесу гарбу маленьку, худу й облизлу шкапыну, забиралы зъ собою полотняни саквы и залазылы у збыту зъ старыхъ дощокъ деревьяну скрыню, що служыла замисть васага у гарби. Скрыня була така высока, що стара цыганка цилкомъ зныкала у нiй, и тильки iи страшна голова зъ билымы патламы та червоною люлькою въ зубахъ выглядала звидты. Маріуца ставала у скрыни на колина и смыкала за вижкы. Мала, облизла шкапына сумно схыляла голову и не рушалась зъ мисця. Маріуца цмокала, была iи вижкамы, обертала батигъ то однымъ, то другымъ кинцемъ, пидбадёрувала горловымы згукамы. Шкапына ни зъ мисця. Тоди стара цыганка выпускала зъ сухыхъ грудей дыкый, нелюдськый крыкъ, пидiймала догоры кулакъ зъ дымучою люлькою, трясла имъ и кляла такъ страшно и завзято, що комыши схылялысь навколо одъ страху и сорому. Колы траплялысь мущыны, воны помагалы жинкамъ крыкомъ и рукамы. Середъ несказанного гвалту шкапына врешти надумувалась, вытягала хребетъ, выпынала ребра и

---

[1]) Чоловикъ? Чоловикъ?

[2]) Якъ звуть?

ледве переступаючы тремтячымы ногамы, тягла чудный визокъ по курній дорози.

Воны йиздылы по селахъ, жебралы, збиралы де ячко, де жменю муки або кукурузы, выкопувалы зъ смитныкивъ брудни й подерти ганчиркы и выладновувалы у вечери зъ гарбы таку сылу рижнородныхъ ричей, що трудно було вирыты, абы вси воны дисталысь имъ зъ доброи воли мылосердныхъ людей.

Гица зъ Раду пидъ вечиръ прокыдалыся—воны малы звычку спаты у день и счезаты на ничъ—и въ задымленій халупци ставало весело й гамирно. На прыпичку палавъ вогонь, жинкы варылы якесь варево и якъ сорокы сповнялы хату горловымы выгукамы, оповидалы свои прыгоды. За вечерею зъявлялась горилка, выно, вси пылы, крычалы, вымахувалы рукамы, гнулысь якъ комышына, блымалы чорнымы очыма та пидсыненымы, билкамы, свитылы розхрыстанымы чорнымы грудьмы. Часомъ заходылы на вечерю сусидни цыганы, похмури й непевни фыгуры, и тежъ пылы, крычалы, стукалы кулакамы у стилъ.

Чорни тини одъ чорныхъ цыганъ хыталысь по стинахъ, у хати здавалось людно, якъ на базари.

Остапъ не мигъ спаты одъ того галасу: винъ лежавъ зъ росплющеннымы очыма, въ гарячци, и уявлявъ, що попавъ у пекло.

Весела кумпанія заклыкала Соломію, частувала выномъ, та Соломія, не розуміючы цыганськои мовы, ухылялась одъ запросынъ—врешти ій було не до того.

Къ ночи все те стыхало. Гица, Раду и гости выбиралысь кудысь у дорогу, а цыганкы залазылы на ничъ. Другого дня було тежъ саме.

Лышаючысь у хати сама, покы жинкы йиздылы по жебрахъ, а мущыны хроплы пидъ стинамы на лавахъ, або счезалы кудысь, Соломія ставыла биля Остапа холодну воду и бралась до роботы. Вона пидмазувала чорни, задымлени стины халупчыны, що нагадувалы дыку печеру, мела доливку, стырала пылъ зъ Гицынои скрыпкы, мыла стилъ и навить занехаяни шыбкы, кризь яки выдко було море рудого комышу та билу, блукаючу коло хаты козу.

Соломія усе старалася оддячыты цыганамъ за рятунокъ и захыстъ; однакъ те, що вона робыла, не вдовольняло старого цыгана—вона це помичала зъ ёго лыхыхъ поглядивъ, зъ ёго бурчання. Та що мала чыныты? Нійты найнятысь у городъ, або въ село, лышыты хорого на самоти, безъ помочи, вона не могла, бо Остапъ разъ-у-разъ ій потребувавъ. Навить колы вона чепурыла хату, винъ часто клыкавъ ій слабымъ голосомъ:

— Соломіе!.

— Чого, Остапе?—кыдала вона роботу.

— Сядь коло мене....

Вона сидала на лави, а винъ мовчкы дывывся на неи червонымы зъ гарячкы очыма, або пливъ писенитныци.

Однакъ Соломія не тратыла надіи и навить не дуже журылась. Молодисть брала свое. Колы воны не загынулы въ плавняхъ, колы не пропалы доси, то вже теперъ не загынуть,—абы Остапъ швыдче выгоився.

И Остапъ поправлявся. Гарячка згодомъ спала, рана швыдко затягувалась, сылы пиджывалы. За два тыжни винъ уже зводывся зъ лавы, доволикався до викна и сумно поводывъ очыма по хвыли рудыхъ, ажъ червоныхъ комышывъ.

Соломія теперъ могла залышаты Остапа на день самого. Вона радылась зъ нымъ: чы не пійты ій разомъ зъ цыганкамы по селахъ, може хто найме на поденне. А то стрынутся де свои люде, напутять, поможуть, не те, що чужи.

— Що жъ, иды, згодывся Остапъ—може й мени що напытаешъ, якъ очуняю....

Другои днины, якъ тилькы цыганкы вырушылы на жебры, Соломія пишла у слидъ за ихъ гарбою. Ти помитылы ій и здывувалысь.

— Кай жа?[1])—крыкнула Маріуца, обертаючысь.

Соломія махнула тилькы рукою, показуючы, що вона пійде туды, куды й воны. Цыганкы покгергалы трохы тай заспокоилысь.

---

[1]) Куды йдешъ?

Соломія йшла повзъ плавни. Збоку, у день, воны выдавалысь не страшнымы и навить гарнымы: цупки й высоки очеретыны блыщалы на сонци, якъ золоти, куня стелылась за витромъ та прывитно шумила, якъ ланъ стыглои, высокои пшеныци. Хочъ погода була соняшна й суха, та дувъ холодный осинній витеръ и такы добре продувавъ кризь лыху Соломіину одежу. «Зима ось-ось потысне»—думала вона:—«а ни я, ни Остапъ не маемо чымъ загорнутысь,—треба заробляты»....

Соломіи пощастыло. Цыганкы певно домиркувалыся, чого вона пишла за нымы, бо въ першому жъ такы сели воны одвелы ій до заможнёго булгарына, якый найнявъ Соломію перемываты вовну. Зъ того дня Соломія прыносыла зъ собою трохы грошей та куповала Остапови кращу страву.

Однакъ старый Гица розибравъ, де ракы зимують. Помитывшы, що Соломія прыносыть грошы, винъ якось прыступывъ до неи, простягъ руку, закрутывъ гризно банькамы и крыкнувъ.

— Давай грошы! Чы я дурно тебе годуватыму?...

Соломія не розумила мовы, та догадалась, чого винъ хоче.

Однакъ Гица для бильшои ясности выйнявъ зъ кышени монету, поклавъ ій на долоню и тыкаючы въ неи чорнымъ пальцемъ другои рукы, уперто й сердыто провадывъ свое:

— Пара́! пара́....

Соломія оддала ёму що мала.

Надали такъ було зъ кожнымъ ій заробиткомъ:винъ счезавъ у глыбокій Гицыній кышени.

Зъ кожнымъ днемъ жыття въ цыганській халупци робылось тяжчымъ та тяжчымъ.

Разъ сталася така прыгода. Остапови зсунулась повязка зъ раны, и винъ ніякъ не мигъ даты соби рады зъ нею, ёму ніякъ не вдавалося завьязаты ій. Маріуца на той часъ була у хати. Вона намитыла це и помогла Остапови завьязаты хустку. Саме въ той ментъ, якъ Маріуца схылылась надъ Остапомъ, Раду ввійшовъ до хаты. Цыганъ зразу збиливъ, а ёго борода й волосся зъ чорныхъ сталы сынимы.

— Аóрде!

Винъ грымнувъ на жинку злымъ, здушеным, хрыплымъ голосомъ. Рукы самохить стыснулысь въ кулакы.

Маріуца не хапаючысь завьязала хустку и стала передъ Раду проста, высока, вытягнена, якъ струна, зъ спокійнымъ але гризнымъ облыччямъ. Іи очи незмыгаючы дывылысь въ ёго очи, немовъ говорылы: «зачепы». Зъ хвылыну воны стоялы такъ одно проты одного, якъ статуи. Раду ожывъ першый: винъ пиднявъ руку и важко спустывъ на іи плече. Потимъ рука ростулылась и шарпнула за косы. Маріуца зигнулась, наче вклюпылась Раду та заразъ пидскочыла и всима десятьма пазурямы повела по ёго блидому выду. Винъ рыкнувъ зъ болю й прытягъ іи до себе, обнявъ. Вона забылась й закрутылась въ ёго обіймахъ, якъ въюнъ, а іи сыній плащъ тримався на одному плечи, якъ перебыте крыло. Бійка роспалювала ихъ. Воны налиталы одно на одного, былысь грудьмы, якъ розъюшени пивни, кусалысь и дряпалысь, якъ коты, рычалы зъ злости и теребылы одынъ одного такъ завзято, що волосся въ ныхъ наижылось и стырчало, якъ вата зъ ихъ диравыхъ лахманивъ. Врешти воны розскочылысь, зъ чудово-блискучымы очыма, зъ схвылёванымы грудьмы, зъ дыхаючымы вогнемъ низдрямы на блидыхъ гордыхъ облыччяхъ....

Остапъ тремтивъ зъ досады, що немае сылъ побыты цыгана.

— Я бъ тоби утеръ маку, думавъ винъ, колыбъ москаль не выточывъ зъ мене кровы.

Кровы тои вытекло чы мало, бо здоровья повертало до Остапа поволи, сылы прыбувалы по краплыни, а били уста довго не хотилы рожевиты.

До того винъ бувъ у неволи. Море комышу звидусюды котылось на нёго рудымы хвылямы й не пускало, мовъ свого бранця.

Лышаючысь по цилыхъ дняхъ на самоти, Остапъ пробувавъ свои тремтячи ногы, якъ мала пташына крыла, и нудывся, и сумувавъ, що не почувавъ у соби ще сылы покынуты скоро цыганську оселю. Прыдывляючысь до жыття тои осели, Остапъ помичавъ багато незвычайного, тривожного навить. Гица зъ Раду по цилыхъ дняхъ спалы, а на ничъ кудысь счезалы. Часто середъ ночи, перерываючы спокійный сонъ халупкы, розлягався раптовный

грюкить у виконце, и хату сповняла цила банда якогось непевного люду, що пывъ, крычавъ, блыскавъ жадными очыма и сварывся, якъ вовча тичка. Разъ якось Остапови не спалося. Винъ одхылывъ надворни дверы, щобъ дыхнуты свижымъ повитрямъ и побачывъ, якъ Раду прыгнавъ чыись кони, сплутавъ ихъ и одвивъ у комышы.

— Эге, подумавъ Остапъ:—дакъ ось воно що!.

И чымъ бильшъ Остапъ прыдывлявся, тымъ бильшъ помичавъ и все бильше запевнявся, що попавъ у злодійське гниздо.

Плавни булы добрымъ мисцемъ до схованкы краденого, а старый и молодый цыганы жылы зъ нымы душа въ душу та смилыво звирялысь имъ зъ усихъ таемныць небезпечного ремества.

— Треба тикаты звидцы!—говорывъ Остапъ Соломіи, оповидаючы ій свои спостереженія:—а то ще вскочышъ выще халявъ. Раду на мене пекломъ дыше за свою—цуръ ій!—носату цыганку, та голомшыть молодыцю ни за що, ни про що.

Однакъ Раду не завжды сварывся зъ жинкою.

Траплялысь таки дни, колы вся симья, мовъ змовывшысь, лышалась вдома, спочывала. Вси разомъ обидалы, пылы выно и булы весели. Колы часомъ, выбухъ гниву або лыховистный полыскъ пидсыпеного билка каламутывъ спокій, то лышъ на хвылыну. Заразъ писля того зновъ розлягався смихъ, и радость була такою-жъ дыкою, якъ и сварка.

По обиди Гица знимавъ зъ стины свою скрыпку. Вся симья знала вже, чого мае сподиватыся и росташовувалась пидъ хатою. Стара цыганка накладала червону люльку свижымъ тютюномъ и выгодно мостылася на прызьби. Гица насувавъ на чоло подертый брыль, стававъ у позыцыю коло дверей и почынавъ. Спочатку Маріуца тилькы свитыла на Раду билкамы, а винъ злегка пидморгувавъ ій гарячымъ окомъ та чорнымъ вусомъ, але колы скрыпка почынала пидсыпаты жару и лоскотаты танцюрысти жылы, молодыця не вытрымувала, зрывалась зъ прызьбы, якъ чорный птахъ, икыдалась въ танець такъ прудко, що сыній плащъ ій надувався и лопотивъ на витри. Раду бувъ напоготови. Вси рухы ёго, важкувати звычайно, ставалы у танци легкымы й по-

вабнымы, ногы ледве торкалысь земли, рукы гнулысь, якъ гумови, вся фыгура его нагадувала тонку й гнучку лозыну. Спочатку танцювалы повильно, плавко, мовъ хыталысь одъ витру. Та ось Гица зигнувся и налигъ на скрыпку. Винъ пиднявъ одну ноту и все выкочувавъ и выкочувавъ ии на гору, все выще, тай выще, ажъ млоило, ажъ духъ захопловало въ грудяхъ. Врешти нота зирвалась зъ высокости и покотылась внызъ. Спочатку вона котылась одна, пидскакуючы й розганяючысь, та ось нэпарокомъ зачепыла другу, третю. Брепыкнулы ти ноты и покотылысь разомъ внызъ, якъ каминци зъ горы, все швыдче и швыдче, все бильшъ разганяючысь, все бильше захоплюючы нотъ, зростаючы въ лявыну згукивъ, у гризный музыкальный водоспадъ, въ якому чулась дыка энергія руху.

Той водоспадъ цилкомъ захопывъ танцюючыхъ, стрепенувъ уси ихъ жылкы. Воны усе прыскорювалы темпъ, вабылы одынъ одного рукамы й очыма, прыплывалы й одплывалы, солодко омливалы, зручнымъ рухомъ ухылялысь зъ обіймивъ и зновъ гойдалысь у танци, якъ чорни лебеди на хвыляхъ. Навить въ ти моменты, колы воны, здавалось, стоялы, коженъ мускулъ ихъ чорного тила тремтивъ пидъ одежою, перса важко здіймалыся, били зубы блыщалы кризь росхылени уста и зъ грудей вылитавъ короткый рыкъ жагы.

Стара цыганка, ледве помитна зъ-за дыму одъ люлькы, плескала зъ прызьбы въ долони, а зъ другого боку стояла била коза и прыдывлялась не змыгаючы до хазяивъ, немовъ зачарована мелодіею цыганського танцю.

Остапъ тежъ вылазывъ зъ хаты подывытысь на танци.

— Чортъ-зна якъ гуляють, немовъ пьяни,—думавъ винъ та згадувавъ музыкы у своимъ сели, що наймавъ колысь Соломіи.

—

Несподивано трапылась прыгода, що сколошкала усе цыганське кодло. Якось передъ свитомъ Раду унисъ у хату побытого, скривавленого Гицу. Старый цыганъ стыха постогнувавъ и лышывъ за собою, одъ порога до лавы, криваву стежку. Жинкы сполохалысь. Стара кляла и сыкалась до Раду, а той, похмурый и стурбованый, пояснявъ ій щось пошепкы, немовъ боявся, щобъ

сторонни люде не почулы того. Стара цыганка збыла бучу, розворушыла всихъ. Соломія мусила затопыты въ печи, Маріуца зъ матирью обдывлялысь побытого, а Раду поспишывсь вкынуты у вогонь скривавлену Гицыну одежу та зострyгаты зъ доливкы слиды кровы. Винъ бувъ неспокійный, усе то выходывъ, то входывъ у хату, кудысь счезавъ и зновъ зъявлявся, щобъ таемно порадытысь зъ жинкамы. Жинкы не пойихалы на жебры. Облизла шкапына блукала цилый день коло дому, пидставляла сухи ребра витрови та скубла останню, пожовклу й посохлу травыцю. Стара цыганка выдымо журылась, крычала, плакала и не одходыла одъ Гицы. Маріуца була спокійна, але задумана. Гица мовчкы лежавъ у кутку, але часомъ склыкавъ усихъ, и тоди надъ нымъ навысалы тры чорни головы и велысь таемни порады. Щось мусило статыся незвычайне. Що саме, Остапъ не знавъ, хочъ догадувався. Прыгода зъ Гицею турбовала и ёго и Соломію, и вопы наважылысь покынуты небезпечне мисце, не вважаючы на те, що Остапови трудно було пускатысь пишкы въ дорогу. Завтра Соломія мала попрохаты свого булгарына прытулыты покы що Остапа и колы винъ згодытся, заразъ же выбратысь зъ плавнивъ.

Та сталось инакше. На другый день, коло полудня, набиглы на цыганську халупу турецьки жовниры, зробылы трусъ, познаходылы въ плавняхъ якесь манаття и повьязалы всихъ, хто бувъ у хати, навить слабого Гицу. Надаремне Остапъ запевнявъ, що винъ чужый тутъ, надаремне оповидавъ, якъ винъ опынывся у плавняхъ, ёго не слухалы, якъ не слухалы лементу жинокъ, проклёпывъ Раду.

Вопы поклалы Гицу на визокъ, запряженый облизлою шкапыною, пидперлы дверы килкомъ, и аллахкаючы та лаючысь погналы брацивъ по дорози въ Галацъ.

Середъ плавнивъ коло хаткы лышылась на хазяйстви лыше коза и жалибно мекала, колы осинній витеръ куёвдывъ ій билу шерсть...

V.

Соломіи сёгодня счастыло. Въ булгарына не робылы, бо було якесь мисцеве свято, и вона пишла въ горныци до хазяина прохаты за Остапа. Булгарынъ бувъ за-для свята трохы на пидпытку, веселый. Винъ охоче дозволывъ Остапови ночуваты вкупи зъ ёго челядныкамы и навить давъ Соломіи наперед трохы грошей. Соломія ришыла покорыстуватысь вильнымъ днемъ та грошыма и забигты въ Галацъ—купыты Остапови теплу одежынку. Ій було якось особлыво весело и легко сёгодня на души, такъ здорово дыхалось морознымъ повитрямъ, все погане, що було въ жытти, одсувалось назадъ, блидло. Зростала певнисть, що все скинчыться добре,—и вона зазнае ще счаслывого жыття. Соломія не помитыла якъ опынылась на базари. Очи въ неи розбигалысь помижъ довгымы рядамы ятокъ и рундукивъ зъ купамы рижнои одежы, зъ горамы билыхъ та рудыхъ «качулъ», що лежалы на рундукахъ, немовъ, на ныхъ спочывала отара, зъ цилымы стосамы козловыхъ черевыкивъ, легкыхъ и запашныхъ на весь базаръ. Вона не знала, куды перше поткнутыся и довго може стояла-бъ, колыбъ хтось не смыкнувъ ій зъ заду за рукавъ.

— Соломіе!—обизвався ривночасно козячый голосъ—чы це вы, чы ваша тинь?.. хе-хе-хе....

Соломія озырнулась: передъ нею стоявъ котыгорошокъ.

— Иване! А вы звидкы тутъ узялыся?—скрыкнула вона, зрадившы ёму, якъ ридному.

— А що? вы думалы-пропавъ?... Дежъ Остапъ?

— Остапъ... та ходимъ краще звидсы, сядемо де, я вже потимъ куплю, що треба... И Соломія вывела зъ юрмы зрадилого такою ласкою Ивана.

— Хе-хе-хе!... Гора зъ горою не зійдутся, а мы—сміявся винъ, ледве постыгаючы короткымы ногамы за Соломіею, и ёго сыте тило гойдалось одъ смиху.

Иванъ за цей часъ погладшавъ, выподнивъ наче, и выглядавъ не наймытомъ, а скорійшъ хазяиномъ. Коротку суконну

чугайнку винъ широко пидперезавъ зеленымъ поясомъ, широченни шаровары пустивъ поверхъ халявъ, видъ чого ставъ ще коротшымъ, а цапыну боридку запустивъ и вона поважно лежала на ёго грудяхъ, мовъ у статечнои, грошовытои людыны. Воны прымостылысь на сходахъ пидъ крамныцею.

— Оце але?—дывувався Иванъ: наче мени сонъ спыться, що васъ бачу.... Розскажить хочъ, якымъ чудомъ вы тутъ опынылыся?

Соломія почала оповидаты, та Иванъ разъ-у-разъ перебывавъ ii.

— Хе-хе!.. я гукаю—Остапе! Соломіе!—ажъ колы гляну, а навкругы вода... тилькы буль-буль пидъ весламы, буль-буль... а берегъ такъ и пропавъ у темряви....

— Охъ лышко!—охкавъ Иванъ наче баба: пидъ саме серце влучывъ, бачъ....

Иванъ вытрищавъ на Соломію очы и крутывъ здывованый цапыною боридкою.

... А якже, а якже, таже обсмалылы-бъ, якъ кабана... пропала-бъ душа хрыстыянська ни за понюшку табакы... хе-хе!...

... Вы думаете—точнисенько такъ и мени було: ото прысталы мы до берега....

... Оце але! Ну й бисова цыганка!... винъ ii лупцюе, а вона ёму очы зъ лоба дере, такъ якъ....

Иванъ перебывавъ Соломiине оповидання та все порывався росповисты про свои прыгоды. Врешти винъ такы дипъявъ свого.

— Вылизлы мы зъ човныва, сталы на турецьку землю, а мени й свитъ не мылый, ii Богу!... Де! чоловикъ думавъ пры купи, зъ гарнымы людьмы, а тутъ... тилькы клупокъ вашъ у рукахъ.... Йдемо на другый день у конакъ запысуватысь, а мени все вы на думци зъ Остапомъ, мало не плачу зъ жалю... Запысалы насъ—кажуть вильни... Ну, жывый жыве й гадае—хе-хе-хе!.. Одни зъ нашои валкы подалысь на Тульчу, на Исакчу, до родычивъ, а я бачу, щой тутъ наши люде—тай лышывсь. Може, думаю, яку звистку про васъ почую—ii Богу!... Та чекайте-жъ бо не перебывайте... Отъ выйшовъ я на базаръ—ставъ коло нашыхъ... оглядаю тыхъ, що наймають... Проходять туркы—галь-

галъ-галъ! якъ жыды наши... Чорни грекы такъ и шпаютъ, такъ и шпаютъ... Пидійшовъ до мене одынъ чоловикъ, румунамы ихъ тутъ звуть—«йды, каже до мене за «аргáта»... Аргатъ це по ихнёму, а по нашому наймытъ... А я й не знавъ, про що винъ... Чого хочешъ, пытаю? А винъ аргáтъ, аргáтъ... Насылу ростолкувалы люде... Чому ни?—кажу, тай пишовъ за нымъ. Людяный чоловикъ, спасыби ёму харчи добри... Оце якъ молодыця ёго почне на мене грыматы, то винъ и пиддобрюється, щобъ я не покынувъ: «бунъ аргáтъ, каже, бунъ», ще й по плечу плеще... Та що винъ соби мыслыть, що я до вику буду молотыты ёму на гармани!... А якъ-же, сподивайся, хе-хе-хе!... Отъ Савка—памьятаете Савку—такый высокый, сухый... Э, яки-жъ бо вы, отой Савка, що... що такый сухый, высокый, верстою дражнылы... такъ винъ клыче пидъ Тульчу... Йды, каже, туды, тамъ земли не миряни, беры, займай, скилькы сылы твои, рубай лисъ, ставъ хату, хазяиномъ будешъ.... Знаете що, Соломіе... ой знáете що: рушаймо уси туды—ій Богу!... И Остапъ зъ намы... Отъ буде добре!... Ходимъ заразъ до васъ, порадымося ще зъ Остапомъ... однакъ сёгодня свято... Ну, це але! Ну, це такъ!... И не гадавъ, и не снывъ навить... Правду кажуть: гора зъ горою... хе-хе-хе!...

Иванъ крутывъ головою; одъ счаслывои гадкы сытый выдъ ёго и кругли очи блыщалы, мовъ помазани масломъ. Винъ не вгаваючы жебонивъ своимъ козячымъ голоскомъ, хвалывъ, сподивався, божывся и прохавъ.

Соломія й сама думала про ти стороны, куды заклыкавъ Иванъ. Роблючы у булгарына, вона чула про селытьби втикачивъ и тилькы ждала, щобъ Остапъ трохы очунявъ. Теперъ, разомъ зъ Иваномъ и зъ отымъ Савкою—якый це Савка?—охитнище буде вырушаты у нови мисця.

— Ну, добре. Вы вже тилькы заждить, покы я зроблю покупкы...

— И я зъ вамы пійду... я вже буду трыматыся васъ, якъ слипый плота, а то зновъ загублю де... хе-хе-хе...

Незабаромъ Соломія зъ Иваномъ простувалы повзъ плавни до цыганськои осели. Иванъ бувъ радисный, веселый, дробцювавъ

короткымы ногамы и все говорывъ тай говорывъ, мовъ горохомъ сыпавъ.

Насамперед воны побачылы билу козу. Вона терлась объ стовбуръ сухои вербы и жалибно мекала. Наближаючысь до хаты, Соломія почувала невыразну тривогу. Чого, черезъ вищо—вона не знала, хочъ та тривога отруила ій кровъ. Соломія, не слухаючы вже Иваповои бесиды, побигла до дверей. Дверы булы пидперти килкомъ зъ надвору. Що сталося. На що зачынылы Остапа? Вона шарпнула килокъ и вбигла до хаты. Тамъ бувъ неладъ: перекынути ослоны лежалы догоры ногамы, лахманы валялысь доли, въ хати було чорно и пусто. Никого. Дежъ уси подилыся? Куды подився Остапъ? Може вона помылылась и попала не въ ту хату? Соломія выскочыла на двиръ. Ни, та сама хата, онъ и росколына на стини, и ти жъ вербы и коза... Може Остапъ выйшовъ зъ хаты та пидперъ дверы?

Соломія гукнула Остапа.

Нихто не обизвався. Та чого-жъ въ хати такый неладъ, все перекынуто, лежыть жужмомъ... Дежъ слабый Гица? Винъ не мигъ рушытыся, якъ вона выходыла зъ дому, винъ ледве дыхавъ. Щожъ сталося?

Соломія оббигла навкругы хату, заглянула въ повитку—коня й воза нема. Вона побигла до другыхъ хатъ, заглянула въ повыбывани викна—никого й ничого. Ногы въ неи тремтилы. Все тило тремтило. Тривога душыла груды и горло. Де Остапъ?

— Оце але!—дывувався Иванъ, бигавъ за Соломіею, чудно вытрищавъ на неи очи та докучавъ усякымы дурнымы радамы.

— Куды ёго подилы?—пытала сама въ себе молодыця, дывлячысь на Ивана и не бачучы ёго. Вона ничого не могла зрозумиты: думкы й гадкы скакалы у неи въ голови и роскочувалысь, якъ намысто.

— Га! хто-жъ ёго знае!... Ходимъ у копáкъ,— радывъ Иванъ,— такъ и такъ, розскажемо, бувъ чоловикъ та пропавъ... Побачыте, воны вже знайдуть ёго....

Соломія ладна була за що небудь учепыться, абы напасты на Остапови слиды. Тай ничого инчого не лышалося, якъ послу-

хаты Йвановои рады. Для певности вона ще разъ обдывылась коженъ закамарокъ у хати, гукнула килько разивъ Остапа у плавняхъ. Иванъ допомогавъ ій своимъ пысклывымъ голоскомъ. Все було надаремно. Тоди воны чымъ-дужъ поспишылы назадъ у Галацъ, бо вже почало смеркаты.

Ничъ стояла на двори, колы воны добылысь до конаку. Тутъ имъ довелось чекаты, бо старшый пишовъ до мечету и довго не вертався, а турецьки жовниры не розумилы ихъ. Врешти ихъ поклыкано. Товстый, добродушный турокъ зъ горбатымъ носомъ та зъ чорнымы блыскучымы вусамы на свижому выду спокійно выслухавъ ихъ черезъ драгомана. Винъ перекынувся кильком словамы зъ другымъ туркомъ и зновъ черезъ драгомана спокійно вивъ ричъ:

Нема чого шукаты далеко, винъ тутъ, у насъ, у доброму сховку. Попалась пташка... Давно вже наставлялы сильце на горобцивъ, та ось піймалыся... Циле гниздо накрылы. Чужу душу послалы у рай, а сами опынылысь у пекли. Скажы намъ, молодыце, колы твій чоловикъ дыставъ кульку мижъ ребра? Адже не тоди якъ Гица, мабудь пры другій оказіи, бо рана гоится вже... Одъ москаля, кажешъ, на перевози... я такъ и знавъ, що винъ русъ, втикачъ... Отъ мы й одишлемо ёго назадъ, у насъ и своихъ шыбеныкивъ доволи, хай тамъ погладять ёго по спыни... И не прохай и не благай, ничого не поможу... Ну, чого стоишъ? Айда!..

— А ты що за одынъ?—помитывъ турокъ Ивана: тежъ выдно зъ цыганського табору?

— Я... я ничого... я такъ... Оце выгадалы—я тутъ служу, у градинаря, Тодораки прозывается—хиба не знаете?.. Оце але!..

Соломія ажъ похолола, колы почула про таку напасть на Остапа. Вона зъ обуреннямъ видкыдала ти обвынуваченія, росповидала всю свою исторію, благала, мало не плакала. Турокъ не схотивъ слухаты, обернувся и забалакавъ зъ инчымъ. Драгоманъ замахавъ на неи рукамы и мало не выпхавъ за дверы.

Вона выйшла зъ конаку.

Що було робыты, де шукаты рятунку?

Воны мовчкы йшлы темною вулыцею незнаёмого города. Передъ нымы высивъ туманъ, а въ ёму выразно выднилысь лышъ жовти, мокри гилячкы деревъ, осяяни викнамы зъ верхнихъ поверхивъ камьяныць. Прохожи стричалысь ридко, за те пидъ воритьмы, по лавкахъ, сыдилы рядамы, якъ горобци на плоти, весели й гоминки румуны. Все це було таке чуже, таке байдуже до Соломіиного горя, ще байдужище, нижъ плавни. И чого воны зъ Остапомъ забылысь сюды? На що воны стилькы терпилы, стилькы набидувалыся на Бессарабіи, мало не пожылы смерти у плавняхъ? Чы не краще було-бъ зогныты у панськiй неволи середъ своихъ людей?

— Не журиться,—потишавъ ін Иванъ,—таже тамъ, у копаци розсудять... Не йила душа часныку, не буде й смердиты... Побачыте, що ёго пустять... А мы завтра порадымось зъ людьмы... Я пиду до хазяина свого, винъ тутешнiй, знае порядкы... Не журиться, журъ не поможе... Гей, смутку мiй, дебъ мени васъ переночуваты?... Чы не знае Савка?.. Пiйдемо до Савкы, въ нёго добряча хазяйка...

По довгiй блуканыни брудными й темнымы вулыцямы, воны добылысь врешти до Савкы. Ёго не було вдома, та хазяйка Савчына пустыла Соломію на ничъ.

— Забижу до васъ завтра, такъ зъ полудня... може выпрошусь у хазяина...—попрощався зъ нею котыгорошокъ.

Соломія цилу ничъ проплакала и вранци не пишла на роботу. Вона нетерпляче чекала Ивана.

И справди, Иванъ зъявывся, якъ обицявъ, зъ полудня.

— Ну, що?—накынулась на нёго Соломія.

— Бакшишъ треба даты... вы не знаете, що то бакшишъ? Куку—въ руку... хабаръ... якъ не дамо, одвезуть раба Божого у Рени, до москаливъ... А ти не погладять по головци, ой ни... Розсказувавъ Савка—вы жъ памятаете Савку?—що якъ ёго одвезлы звидсы за Дунай, то тамъ ёму москали такъ спысалы спыну канчукамы, що й доси сыни басаманы знаты... та ще обголылы половыну головы, выпеклы на лоби тавро—вы не бачылы, бо винъ чупрыною закрывае—и одислалы до пана... Вже скилькы по

тюрмахъ поволочылы, то винъ и ликъ тому загубывъ, а що панъ награвся зъ нымъ, то, каже, й згадуваты не хочется. Та що—втикъ зновъ сюды, у Тульчу, каже, пійду... завзятый хлопець... хе-хе!.. Треба бакшишъ готуваты та вызволяты Остана, а де грошей взяты? де? кажить? Ажъ дуръ головы берется...

Невважаючы на вси розсказани Иваномъ страхы, Соломіи трохы розвыднилось. Колы тилькы ричъ у грошахъ—вона заставыть себе, а роздобуде ихъ. Вона одъ рота одрываты коженъ шматокъ, коженъ шелягъ складатыме на выкупъ. Може й Иванъ запоможе.

— Ось вамъ усе, що склавъ, хай и мое до купы...—наче вгадавъ ій думку Иванъ, розвываючы зъ хустынкы купку срибла. Винъ засоромывся и клипавъ очыма.—Та ще тамъ у вашому клунку щось йе... може продасте шуплаття...

Соломія взяла грошы. Въ ій клунокови булы корали та деяка одежына. Вона те все позбувала—ій помогла Савчына хазяйка—та грошей було мало. Однакъ Соломія на другый день у-ранци побигла въ конакъ. Тамъ ій не допустылы до старшого, драгомана вона не бачыла, а жовниры скалылы до неи зубы и зачыналы.

Соломія горила одъ сорому и злости.

—И-и, бусурмены... такъ бы й поризала васъ, такъ бы й поскручувала головы, якъ галченятамъ... Взялы безвынного—та ще й знущаются...—мало не плакала Соломія и показувала своимы дужымы рукамы, якъ бы вона поскручувала жовнирамъ головы.

— Проте не було инчого способу, якъ ходыты въ конакъ, де можно було побачыты драгомана, а на нёго Соломія покладала надію. Драгоманъ, однакъ, не багато обицявъ.

— Не пустять твого чоловика, и не сподивайся. Утикъ до насъ, сыды тыхо, а робышъ шкоду—айда назадъ... Не клопочысь дурно, й не побачышъ ёго теперъ...

— Змылуйтесь, вызволяйте, безвынно чоловикъ погыбае. Соломія ткнула драгомановы грошы.

Драгоманъ узявъ, поличывъ и покрутывъ головою.

— Мало...

— Бильшъ нема... Отутъ все, що роздобула...

— Ну, добре... прыходь за тры дни... ни, краще за тыждень... може що скажу...

Соломія що дня блукала коло конаку—лыха, роздратована, мовъ голодна вовчыця. Вона не знала, чого вона туды ходыть, але щось несвидомо тягло іи у той бикъ. Вона ходыла до втомы и мерзла. Мокрый снигъ, легко падаючы, якъ цвить вышни одъ витру, лягавъ на землю и засыпавъ Соломію, але вона не звертала на те увагы. Соломія була певна, що не дозволять перевезты Остапа за Дунай. Якъ це станется, що вона зробыть, вона не знала, але певнисть у тому зростала въ ній зъ кожнымъ днемъ. Вона ладна пійты на выдыму смерть, колы цёго треба. Соломія вирыла, що станется якась незвычайна подія, якась невидома сыла прыйде у потреби на помичъ, и та вира була у неи такою мицною, що Соломія кынула роботу, не хотила заробляты та складаты грошы, якъ поклала спочатку. На вищо? И безъ того обійдется. Абы дочекатыся, що скаже драгоманъ.

Спокійною, гризно-спокійною прыйшла вона въ конакъ у выznаченый драгоманомъ день.

Винъ выйшовъ до неи байдужый.

— Ничого не буде... Одвезуть... А що я дурно не хочу твоихъ грошей, то скажу тоби, що повезуть ёго позавтру вранци... Якъ тилькы свине, прыходь на берегъ—побачышъ чоловика... Отъ!...

Така-жъ спокійна, ничого не одповившы навить, немовъ вона давно погодылась зъ цымъ, покынула Соломія конакъ.

«Одвезуть... одвезуть... одвезуть»...—стукало щось молоткомъ въ іи голови за кожнымъ крокомъ, колы вона поспишалася до Ивана. Вона забрала Ивана зъ гармана и одвела на бикъ.

— Одвезуть...—промовыла вона, дывлячысь на нёго сухымы очыма.

— Що одвезуть?

— Остапа.

— Ну? колы?

— Позавтра... Мы ёго одибьемо...

— Хто—мы?

— Вы и я.

— Оце але! оце сказалы! Якъ же мы ёго одибьемо, таже ёго туркы везтымуть, гей!—налякався котыгорошокъ.

Що туркы!.. Вона мае цилый плянъ. Дуже простый плянъ. Винъ дистане соби и ій рушныци—коженъ румунъ ихъ мае въ хати—воны выйдуть на берегъ вранци, одвяжуть чужый човенъ и выплывуть на ричку. Тамъ воны чекатымуть, ажъ везтымуть Остапа, и нападуть на туркивъ. Остапъ допоможе, колы побачыть ихъ... Що, винъ боится? Винъ не хоче вызволыты товарыша, що разомъ зъ нымъ одбувъ далеку дорогу, разомъ йивъ и пывъ?... Вона такъ и знала, що у цёго пухыря зъ здоромъ тилькы й стало смилывости, щобъ утекты одъ жинкы... Ось колы вона знайшла ёму цину, зрозумила ёго пидлещуванъя. Обійдемся безъ нёго, вона сама потрапыть загынуты, рятуючы Остапа... Та на прощанъя вона нагадае ёму ёго жинку и отутъ пры людяхъ, на соромъ ёму, одлупцюе ёго якъ жыды Гамана...

— А що жъ бо вы... а якижъ-бо вы... нехай Богъ сохраныть...—оборонявся наляканый Иванъ одъ наступаючои на нёго Соломіи.—Та я зъ вамы хочъ у пекло... Що мени страшно вмираты чы що!.. Колы кажете позавтра, про мене й позавтра... я готовый, абы вы...—Иванъ бувъ червоный, клипавъ очыма и боязко поглядавъ на Соломію.

Соломія одійшла, опамьяталася. Воны помырылысь и вже тыхо, безъ сваркы, умовылысь якъ и що. По тому розійшлысь.

На другый день, тилькы почало розвыднюватысь, Соломія була вже на берези. Повна у щерть ричка лежала передъ нею помижъ вкрытымы снигомъ берегамы, якъ чорна и тыха безодня. Туманъ вже пиднявся—и небо стало сирымъ. Въ тыхому й теплому повитри чорнилы прыбережни вербы и лягалы чорнымы тинямы на чорному зеркали ричкы; набубнявилы мокри гыллячкы вербъ, злегка курылысь, немовъ дыхалы на холоди.

Соломія дывылась на городъ. Вона чекала Ивана. Невже винъ не прыйде?

Народу ще було мало. Лышъ де-не-де перебиралысь черезъ грязьку вулыцю зигнути пишоходы. Та ось показалась коротка и сыта фыгура. Иванъ нисъ на плечахъ весла и скыдався на рыбалку, що спокійно почынае робочу дныну. Иванъ скынувъ весла у першый зъ краю човенъ, вытягъ зъ-за пазухы старый турецькый пыстоль и подавъ Соломіи. Оце все, що винъ мигъ роздобуты.

— Набытый?—поспытала Соломія, сидаючы въ човенъ.

— Набытый,—стыха обизвався Иванъ, одпыхаючысь одъ берега. Винъ бувъ не говиркый и поважный, наче жалоба зимового ляншафту зминыла ёму настрій. Воны одплылы на середыну ричкы. Прудка течія зносыла ихъ внызъ, и выдко було, якъ тикалы одъ ныхъ били берегы зъ чорнымы вербамы.

Соломія не одрывала очей одъ берега. Тамъ надъ водою купка людей лагодылась сидаты въ човенъ. Чы ихъ трое, чы четверо?—мучыло Соломію пытання, и вона ніякъ не могла порахуваты. Вона бачыла, якъ воны сидалы и якъ човенъ загойдався на води, оддиляючысь одъ берега. Обыдва човны сунулысь по чорному зеркали и лышалы за собою городъ. Турецькый човенъ тежъ выплывъ на середыну, певно хотивъ покорыстуватыся сылою течіи. Такъ воны плылы далеко одынъ одъ одного, не наблыжаючысь до себе. Швыдко городъ зовсимъ закрывся за прыбережнымы вербамы. Иванъ налигъ тоди на весла, и ёго човенъ почавъ наганяты передній. Вже можно було розибраты, що тамъ сыдило четверо,—двое на веслахъ, а двое—одынъ проты одного. Соломія впизнала Остапа.

Треба ёго сповистыты.

— Оста-а-пе-е!..—выгукнула вона на голосъ писни, и той музыкальный выгукъ покотывся помижъ билымы берегамы, долынувъ до людыны на переднёму човни и стрепенувъ его.

— Оста-а-пе! спивала Соломія: мы идемо тебе-е вызволяты!.. Иванъ бье одного-о... я стриляю другого, а ты возьмы соби третёго...

Гарный сыльный голосъ спивавъ на води, все наблыжаючысь, все змицнюючысь, и туркы заслухалысь. Воны не поми-

тылы навить, що просто на ныхъ летыть човенъ и ось-ось стукнется зъ ихнимъ.

Соломіинъ човенъ повернувъ бокомъ и бувъ усёго на аршынъ одъ турецького, колы туркы загалакалы. Та було пизно: човны черкнулыся, загойдалысь, и саме тоди, якъ туркы зъ лайкою нагнулыся, щобъ одпихнутысь, Иванъ пиднявъ весло и зъ усіеи сылы спустывъ ёго на червоный фезъ.

У той же ментъ мижъ ныхъ блыснувъ пóстрилъ и звылась хмарка дыму.

— Алла!—скрыкнулы туркы зъ несподиванкы.

Одного душывъ Остапъ.

Той ментъ бувъ такымъ блыскавычнымъ, що выдався хвылыною сону. Иванъ, спустывшы весло на голову туркови, пиднявъ ёго зновъ и на хвылыну заклякъ, дывлячысь на розгойданный, стрыбаючый по води човенъ зъ переляканымы людьмы. Соломію кризь серпанокъ дыму опикъ лютый поглядъ чорныхъ очей, и ій здавалося, що вона стриляе безперестанку, хочъ могла выстрелыты лыше разъ.

Раптомъ Иванъ почувъ, що ёго впекло щось у жывитъ. Винъ машынально спустывъ весло на турка, але весло сковзнуло и выпало ёму зъ рукъ; червоный фезъ турка якось вытягся передъ очыма, немовъ вырисъ, видтакъ счезъ; Иванъ роскынувъ рукы, похытнувся, въ голови мыгнула свидомисть, що ёму щось недобре.

— Ой Боже жъ мій!—скрыкнувъ винъ раптомъ и полетивъ навзнакы въ воду. Хибкый човенъ нагнувсь пидъ вагою ёго тила и выкынувъ Соломію. Лёдова вода голкамы пройшлась по Соломіиному тилу, сонъ счезъ и свидомисть освижыла мозокъ. Намагаючысь вхопытысь за перекынутый човенъ, Соломія побачыла, що Остапъ бьется въ рукахъ двохъ туркивъ, а третій, той самый, що бувъ пидъ Ивановымъ весломъ, держыть въ рукахъ дымучу ще рушныцю. Довгый човенъ трипавсь передъ ій очыма на води, якъ велыка рыба.

Значыть ни вона, ни Иванъ никого не забылы... Значыть—все пропало... Але ій не до того... Вона чуе, що могутня течія бере ій въ свои обіймы, а чорна глыбинь тягне за ногы. Іры-

ходыть смерть. Але вона не дается. Вона мае сыльни рукы, а до берега недалеко. Вона чуе за собою якись крыки, Остапивъ голосъ, та ій не до ныхъ. Вона мусыть поспишатыся, покы не змерзло тило... Дыки, невгамовни сылы жыття встають и прутся, и роспирають груды, зростають у лютисть... Вси сылы добуты... всю теплу кровъ... всю волю... Ось блыжче до берега... Ось берегъ выдко.... а тамъ такъ гарно, тамъ сонце сяе, тамъ зелено, тамъ небо сыне, тамъ радисть, жыття... Душа рвется до сонця, а тило тягне до себе чорна безодня. Вона оковуе ёго зализомъ, обвишуе каминнямъ, обхоплюе холоднымы рукамы... Все тяжчымъ и тяжчымъ стае воно, все глыбше и глыбше пирнае у воду...

— Остапе!..—зъ роспукою волае душа.

— Соломіе-е!..—доносыться до неи крыкъ серця.

— Соломіе!..—чуе вона кризь холодну хвылю, що бье ій въ очи, торкается чола, росплутуе косы...

Жовте, каламутне свитло потыху лыне до горы... згадкы жыття займаются якъ искры и гаснуть, попеліють, якъ искры...

По чорній ричци помижъ билымы берегамы прудко плыве човенъ, тане въ далыни и обертается въ цятку... за нымъ несе вода другый, порожній, хлюпае въ ёго били бокы и фарбуе ихъ въ червоный колиръ...

Тыхо въ повитри...

—

Чымало воды утекло въ Дунаи зъ того часу.

На высокій бессарабській полоныни, де у день котыться брудна хвыля овечои отары, а по ночахъ сумно гуде витеръ, стоить одыноко высокый памятныкъ, поставленый на згадку розлыву людськои кровы. Тамъ колысь былысь турецьки янычары зъ московськымъ військомъ.

Тьмяно свитятся викна у маленькій халупци, де сторожъ варыть соби убогу вечерю. Весело, зъ трискомъ, палае въ печи сухый комышъ и гуготыть у комини. Въ печи щось булькае.

Сывый дидъ гріе свою бороду биля вогню и слухае розмову витру.

Що не кажить, а винъ жывый той витеръ. Винъ летыть здалеку, по-надъ тыхымы селамы и забирае по дорози, всычуе въ себе и тышу села, и клекитъ миста, шемрання темного лису, дзюрчання водъ и дзвинъ стыглого колоса. Винъ несе въ соби весь гоминъ земли, одъ тыхого бреніння мушкы до гуркоту грому, одъ скрытого зитхання серця до крыку смертельнои роспукы.

Треба тилькы умиты слухаты. А дидъ навчывся. Довги рокы самотнёго жыття середъ розлогыхъ просторивъ, у цёму царстви витру, навчылы ёго розумиты таемну розмову. Ось и теперъ прыносыть ёму той вирный товарышъ усяки звисткы свита и кыдае, мовъ цинный дарунокъ, у коминъ халупкы.

Дидъ пиднимае кудлати бровы и слухае. Ёго мутни очи дывлятся въ просторинь, а усмишка розсовуе зморшкы.

— Чую, чую...—шепче винъ и выходыть зъ хаты.

Темрява и пустка обгортають ёго.

Винъ повертается у той бикъ, де далеко, за селамы й ланамы плыве Дунай—и шепче:

— Зновъ мене, клычешъ, Соломіе? Почекай, швыдко прыйду, не забарюся вже...

А витеръ гуде, розвивае дидови бороду и прыносыть ёму тыхый, ледве чутный, мовъ зъ дна Дунаю, поклыкъ:

— Оста-а-пее!...

— Отакъ вона мене часто клыче,—оповидае дидъ людямъ, що инколы заходять въ сторожку.—Якъ тилькы витеръ загуде—такъ и клыче до себе... то въ коминъ гукне, то на двори поклыче... а часомъ середъ ночи збудыть. А не прыходыть, ни... Тай хвала Богу, бо засмутылась бы небижка, колыбъ прочытала мое жыття, якъ воно спысане на спыни...

И Остапъ охоче пиднимае сорочку и показуе збасаманеный сынiй хребетъ, де спысаный, якъ винъ каже, ёго жытепысъ.

— Оце ззаду памятка одъ пана, а спереду, мижъ ребрамы, маю дарунокъ одъ москаля... кругомъ латаный... зъ тымъ и до Бога пійду... Дорого заплатывъ я за волю, гирку цину давъ... Половына мене лежыть на дни Дунаю, а друга чекае й не дочекается, колы злучыться зъ нею...

М. Коцюбинськый.

Николай Ильичъ Стороженко—на родинѣ.

30-ти лѣтній юбилей Николая Ильича Стороженка вызвалъ въ печати много отзывовъ о его профессорской и литературной дѣятельности; но эта довольно обширная характеристика Николая Ильича была бы, однако, не полною, еслибы не было сказано ничего о заслугахъ Н. И. для своего родного края. Въ предыдущей книжкѣ Кіевской Старины говорено было объ очень цѣнномъ сотрудничествѣ Н. И. въ этомъ изданіи, о разработкѣ имъ мѣстныхъ историко-литературныхъ темъ, къ которымъ Н. И. обнаружилъ большой интересъ еще въ ранней молодости и сохраняетъ его до сихъ поръ. Но мнѣ хотѣлось бы сказать кое-что относительно общественной дѣятельности Николая Ильича, направленной ко благу его родного уголка,—дѣятельности выдающейся, вполнѣ заслуживающей того, чтобы и ей подведенъ былъ итогъ въ торжественную юбилейную годовщину общей широкой дѣятельности Николая Ильича; хочется сказать о томъ, чѣмъ былъ всегда Н. И. по отношенію къ своимъ землякамъ.

Неудивительно, что эта сторона дѣятельности Николая Ильича мало извѣстна, или даже вовсе неизвѣстна многимъ: Н. И. обладаетъ рѣдкой способностью поступать такъ, «чтобы лѣвая рука не знала о томъ, что́ даетъ правая»... Лишь попавши на родину Николая Ильича, узнаете вы о всемъ томъ добрѣ, которое онъ до сихъ поръ для нея сдѣлалъ.

Вотъ въ этотъ то родной полтавскій уголокъ Николая Ильича, г. Лохвицу, привелось мнѣ попасть этимъ лѣтомъ.

Но прежде я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о моемъ первомъ знакомствѣ съ Ник. Ильичемъ. Знакомство это произошло на далекой «чужинѣ», очень давно, но я упомяну о немъ, такъ какъ оно тоже въ нѣкоторомъ отношеніи характерно для Н. И. Это было въ 1881 году; я возвращалась изъ Петербурга черезъ Москву, и мнѣ захотѣлось познакомиться съ знаменитымъ землякомъ, Н. И., имя котораго, какъ профессора и писателя, было и тогда уже очень извѣстно. У меня не было никакого дѣла къ Николаю Ильичу,—я являлась къ нему просто въ качествѣ его ближайшей полтавской землячки, съ земляцкимъ поклономъ. Однако, добравшись на Арбатъ и стоя уже передъ профессорской дверью, я начала сильно сомнѣваться въ моихъ правахъ тревожить Н. И. среди работы, или его, быть можетъ, рѣдкаго досуга; въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, какъ-то приметъ меня знаменитый землякъ?... имя мое, б. м., ему совсѣмъ неизвѣстно, а у меня нѣтъ даже никакого рекомендательнаго письма... Но мой робкій звонокъ былъ уже услышанъ, мнѣ сказали: «Николай Ильичъ дома,—пожалуйте!». Проходя мимо кабинета, я увидала, что профессоръ сидѣлъ у письменнаго стола за работой. Но Н. И. тотчасъ вышелъ ко мнѣ—и черезъ нѣсколько минутъ мнѣ показалось, что я уже давно была знакома съ нимъ,—такъ просто-привѣтлива, искренне радушна была бесѣда Николая Ильича! Онъ распрашивалъ о Кіевѣ, о Полтавщинѣ, о малорусскихъ литературныхъ начинаніяхъ. Когда я собралась уходить, Ник. Ильичъ приглашалъ меня къ себѣ вечеромъ того же дня, говоря что въ этотъ день у нихъ въ домѣ собираются близкіе знакомые и что мнѣ, вѣрно, будетъ интересно видѣть представителей московской интеллигенціи. Но я не могла воспользоваться этимъ приглашеніемъ, Н-ая И-ча: мнѣ непремѣнно надо было спѣшить домой; при томъ, если хочешь больше видѣть и слышать хозяевъ, то jour fixe—плохое время для этого, такъ какъ вниманіе ихъ бываетъ раздроблено на многія части... И мнѣ пріятно было сохранить въ своей памяти ту сердечную, именно земляцкую бесѣду,

которая была удѣлена лично мнѣ. Долгіе годы хранилось въ моей душѣ отразившееся въ этой единственной, но памятной встрѣчѣ—какое то особенное обаяніе необычайно симпатичной натуры Николая Ильича!.

И вотъ, черезъ 20 лѣтъ, мы встрѣтились съ Н. И. опять,—уже въ его родномъ уголкѣ, въ г. Лохвицѣ, на большомъ торжествѣ ея и Николая Ильича.

Въ началѣ іюля минувшаго лѣта, въ сосѣднемъ уголкѣ Полтавщины, г. Гадячѣ,—гдѣ я проводила лѣто,—прошелъ слухъ, что въ Лохвицѣ предстоитъ открытіе Народнаго дома. Мы, гадячане, какъ ближайшіе сосѣди лохвичанъ, посчитали, что это до нѣкоторой степени нашъ общій полтавскій праздникъ, а потому нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я съ братомъ, докторомъ А. П. Драгомановымъ, отправились ко времени торжества въ Лохвицу. Не смотря на трудность попасть на праздникъ, на что намъ указывали скептики,—въ виду большого числа лохвицкой и пріѣзжей уѣздной публики, близко интересующейся торжествомъ,—мы рѣшили, что намъ удастся, во всякомъ случаѣ, присутствовать на той части торжества, которая (какъ освященіе зданія и платный спектакль въ немъ), можетъ быть доступна для «посторонней публики».

Добравшись до Лохвицы (двѣ станціи по желѣзной дорогѣ, и 12 верстъ лошадьми), мы съ братомъ подъѣхали къ квартирѣ своего стараго знакомаго, члена суда, разсчитывая на его помощь; но, оказалось, что онъ былъ уже на торжествѣ. Тогда мы, какъ заправскіе туристы, никому неизвѣстные и никого больше не знавшіе, отправились разыскивать въ Лохвицѣ новую достопримѣчательность,—«Народный домъ». Мы нашли его, конечно, безъ труда. На ступеняхъ зданія была толпа, двери его были широко открыты; къ счастью, онѣ были открыты для всѣхъ и въ переносномъ смыслѣ:—никакихъ билетовъ для входа не требовалось, и мы вошли въ домъ. Большой, свѣтлый театральный залъ его былъ полонъ публикой всякаго рода; молебствіе уже кончилось, на эстрадѣ дочитывался докладъ,—исторія постройки Народнаго дома. Намъ не пришлось слушать съ неудобствами: другой знакомый

лохвичанинъ сейчасъ-же предоставилъ намъ прекрасныя мѣста. Послѣ дѣлового отчета, прочтенъ былъ г-номъ Русиновымъ рефератъ о значеніи театра вообще и въ частности народнаго театра національнаго, вслѣдъ за чѣмъ референтъ подробно остановился на исторіи театра малорусскаго,—отъ первыхъ драматическихъ пробъ до настоящаго времени,—при чемъ дана была характеристика современнаго малорусскаго драматическаго репертуара въ его лучшихъ образцахъ.

Я не знала ничего о программѣ чтеній—и то, что я услышала, пріятно удивило меня. Дѣйствительно, такое чтеніе было какъ нельзя болѣе кстати, когда открывался народный театръ въ полтавскомъ уголкѣ.

Послѣ этого на эстраду взошелъ Николай Ильичъ Стороженко, предложивши чтеніе—о народномъ украинскомъ поэтѣ Шевченкѣ. Признаюсь, мнѣ на моемъ вѣку приходилось слышать, на литературныхъ вечерахъ въ память Шевченка, такъ много рефератовъ о Кобзарѣ, что самая тема чтенія Н. И.—не обѣщала для меня особаго интереса; но я скоро нашла, что Н. И. умѣетъ быть такимъ же обаятельнымъ лекторомъ, какъ и собесѣдникомъ: не смотря на болѣе или менѣе извѣстную тему, Н. И. внесъ въ свое чтеніе столько интереснаго матеріала, такъ цѣльно сгруппировалъ біографическія данныя о поэтѣ и литературные факты его времени, что рефератъ представилъ большой интересъ не только для не знакомыхъ съ предметомъ,—(при открытіи *народного* дома, вѣроятно, такая публика имѣлась въ виду по преимуществу),—но и для другой части слушателей. Также хорошо было чтеніе Н. И. и съ внѣшней стороны: совершенно простое изложеніе и какой-то особенно задушевный тонъ,—казалось, въ самой дикціи лектора было нѣчто рѣдко симпатичное и располагающее къ слушанію. Прибавьте къ этому, что нѣсколько вставленныхъ въ чтеніе малорусскихъ отрывковъ и цѣлое стихотвореніе г-жи Псіолъ, (современницы Шевченка) были прочитаны Н. И-чемъ замѣчательно хорошимъ, чисто полтавскимъ мягкимъ выговоромъ,—очевидно, настолько органически присущимъ Николаю Ильичу, пол-

тавцу «зъ дида прадида», что и долгіе годы, проведенные въ Москвѣ, не могли испортить этого выговора.

Удивительно-ли, послѣ всего этого, что Николаю Ильичу аплодировали много и горячо. Дѣйствительно, онъ блистательно дополнилъ, какъ выборомъ темы своей первой лекціи въ лохвицкомъ Народномъ домѣ, о народномъ Кобзарѣ,—такъ и самымъ чтеніемъ, тотъ характеръ торжества, который хотѣли ему придать устроители его, какъ это видно было изъ читаннаго раньше. Для оффиціальнаго торжества все это было такъ, если хотите, ново, било такой пріятной, свѣжей струей.... И общее впечатлѣніе торжества получалось полное, прекрасное!

Послѣ перерыва въ нѣсколько часовъ, было вечернее продолженіе торжества: спектакль въ томъ же новооткрытомъ Народномъ театрѣ. Еще утромъ, по окончаніи чтенія Николая Ильича,—которымъ была закончена утренняя программа торжества,—мы встрѣтились тамъ же, въ Народномъ домѣ, съ тѣмъ членомъ суда, Гр. П. Карташевскимъ, котораго искали вначалѣ пріѣзда. Этотъ нашъ старый пріятель встрѣтилъ насъ чрезвычайно привѣтливо, забралъ послѣ утренняго торжества къ себѣ и озаботился тѣмъ, чтобы достать намъ билеты на вечеръ, на спектакль,—что́ было не легко!...

Спектакль былъ въ томъ же духѣ, что и утреннее отдѣленіе торжества, т. е. въ народномъ малорусскомъ: поставлена была Наталка-Полтавка, Котляревскаго. Въ то-же время спектакль былъ очень парадный: масса публики и выдающіеся исполнители. Роль Наталки исполняла г-жа Русинова, сестра предводителя дворянства, роль Выборного—Кропивницкій, нарочито для этого спектакля приглашенный устроителями, изъ Харькова. Въ домъ нашего гостепріимнаго хозяина, Г. П. Карташевскаго, Кропивницкій и пріѣхалъ, подъ вечеръ, вмѣстѣ съ женой, артистомъ Панькивськимъ (игравшимъ Мыколу) и артистомъ Нѣмчиновымъ, игравшимъ Петра. Послѣ обѣда артисты отправились въ театръ, чтобы прорепетировать номера пѣшія, мы же бесѣдовали съ Г. П. Карташевскимъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ многое о Николаѣ Ильичѣ; но объ этомъ я скажу ниже.

Когда мы явились въ театръ, онъ былъ уже переполненъ самой разнообразной публикой. Здѣсь мы встрѣтились и съ своею компаніей гадячанъ. Въ первомъ ряду креселъ сидѣлъ Николай Ильичъ съ дочерью. Въ первомъ же антрактѣ мы съ нимъ бесѣдовали,—снова, черезъ 20 лѣтъ.... Николай Ильичъ указалъ мнѣ на свою дочь, сказавши: «она очень любитъ стихи вашей дочери, съ такимъ удовольствіемъ читаетъ ихъ!» Вслѣдъ за этимъ онъ подозвалъ молодую дѣвушку и сказалъ: «вотъ познакомься,—это мать Леси Украинки». Потомъ у насъ съ Н. И. нашлось такъ много о чемъ говорить, что и слѣдующій антрактъ прошелъ въ разговорахъ. Н. И. весь въ своихъ литературныхъ работахъ—и такъ охотно, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ интересно говоритъ о нихъ!

Въ концѣ второго антракта я прошла за кулисы, чтобы повидаться съ О. Ф. Русиновой, съ которой я познакомилась на утреннемъ торжествѣ. «Наталку» припаряжали для послѣдней сцены сватанья двѣ сельскія дѣвушки въ малорусскихъ нарядахъ.—Это мои первыя артистки,—сказала Ольга Фед. Я еще раньше слыхала, что въ имѣніи Русиновыхъ, селѣ Позникахъ лохвицкаго уѣзда, устраиваются простонародные спектакли, при чемъ актерами и актрисами является крестьянская молодежь, разучивающая свои роли подъ руководствомъ Русиновыхъ; при словахъ О. Ф. я съ любопытствомъ взглянула на суетившихся подлѣ нея дивчатъ. Собственно говоря, онѣ давали костюмировкѣ послѣдній coup de main,—прикалывали вѣнокъ, надѣвали намыста, расправляли ленты, кончики плахты,—но эти «первыя артистки» изъ народа дѣлали все это съ такимъ усердіемъ и такою нѣжною заботливостью, что у меня невольно явилась мысль: среди «первыхъ артистокъ» заправскихъ труппъ интеллигенціи такого не увидишь!...

Спектакль кончился при шумныхъ овацiяхъ. Поднесены были вѣнки О. Ф. Русиновой и Кропивницкому,—котораго вообще принимали восторженно. Ольга Фед. была очень типичной и милой Наталкой, на сценѣ держалась свободно, безъ обычной для любительницъ робости, какъ хорошо знакомая со сценой.

Вообще спектакль прошелъ очень хорошо и оживленно, не смотря на то, что не было ни одной совмѣстной репетиціи съ пріѣзжими артистами, съ которыми успѣли прорепетировать лишь музыкальные номера. Очевидно, все было хорошо подготовлено заранѣе.

Спектаклемъ еще не кончилось торжество знаменательнаго дня. Послѣ спектакля былъ еще ужинъ по подпискѣ. Предлагая, не пожелаемъ-ли и мы съ братомъ участвовать въ ужинѣ, Г. П. Карт. пояснилъ, что ужинъ устраивается отчасти для ознаменованія торжества открытія народнаго театра, главнымъ же образомъ съ цѣлью при съѣздѣ многихъ лицъ изъ уѣзда и гостей-сосѣдей, почтить Николая Ильича Стороженка, котораго юбилей долженъ былъ праздноваться въ скоромъ времени въ Москвѣ. Разумѣется мы были очень благодарны Гр. Петр. за сообщеніе о томъ, чего мы, какъ пріѣзжіе, могли не знать, и съ удовольствіемъ приняли участіе въ торжествѣ, имѣвшемъ вдвойнѣ привлекшее насъ значеніе.

Среди собравшихся, между которыми былъ уже и Николай Ильичъ, шли оживленные разговоры, какъ бываетъ вообще въ собраніяхъ, гдѣ многіе хорошо знакомы другъ съ другомъ. Насъ тоже познакомили съ разными представителями лохвицкаго общества. Предсѣдатель земской лохвицкой управы, А. Н. Ходолей, оказался очень любезнымъ и внимательнымъ къ намъ, пріѣзжимъ, а въ лицѣ В. Ф. Русинова мой братъ нашелъ своего давняго товарища. А. Н. Ходолей разсказывалъ мнѣ о разныхъ явленіяхъ мѣстной жизни и земской практики,—между прочимъ сообщилъ интересные факты относительно сельскихъ артелей, которымъ оказывало помощь лохвицкое земство.— Такъ шло время до ужина. За ужиномъ было произнесено много рѣчей. Говорили о значеніи торжества, указывали на заслуги потрудившихся для созданія народнаго дома, указывали и на должный малорусскій характеръ самого открытія, его программы. Необыкновенной теплотой отличались нѣсколько рѣчей, обращенныхъ къ Николаю Ильичу: въ нихъ, кромѣ перечисленія заслугъ

-го, какъ ученаго и профессора, земляки говорили о его заслугахъ, какъ мѣстнаго общественнаго дѣятеля.

Всѣ поднимались съ мѣстъ и шли привѣтствовать съ бокаломъ славнаго земляка. Николай Ильичъ отвѣчалъ со свойственной ему задушевностью на рѣчи и въ свою очередь предлагалъ тосты.

Пили за малорусскій театръ и его дѣятелей, предложенъ былъ А. Н. Ходолеемъ тостъ за малорусскую литературу и ея представителей. Было уже очень поздно, когда разошлись участники этого знаменательнаго торжества, о которомъ, вѣроятно, у всѣхъ останутся найлучшія воспоминанія. Пріятно обозначить тотъ фактъ, что въ числѣ привѣтовъ, высказанныхъ по адресу Николая Ильича въ его юбилейный годъ, устно и печатно, *первыя* юбилейныя привѣтствія, обращенныя къ нему,—раздались *въ его родномъ уголкѣ*, отъ лица его ближайшихъ земляковъ и товарищей по общественной дѣятельности. Это, повидимому, натурально,—однако, бываетъ очень рѣдко!..

На другой день, до отхода поѣзда, я попросила Г. П. Карт-го показать мнѣ многое, заинтересовавшее меня въ Лохвицѣ. Можетъ показаться страннымъ, какія такія «достопримѣчательности» могутъ быть въ маленькой уѣздной Лохвицѣ! А вотъ же онѣ есть. Григорій Петровичъ охотно показалъ мнѣ Сельскохозяйственное Общество, общественную библіотеку, (въ которой я нашла много малорусскихъ книгъ,—явленіе не совсѣмъ обычное даже и въ коренной Малороссіи), потомъ мы видѣли складъ медикаментовъ при Земской Управѣ и складъ мѣстныхъ кустарныхъ издѣлій, очень поддержанныхъ лохвицкимъ земствомъ. Тамъ же, при Управѣ, помѣщается значительный складъ книжный, котораго дѣла идутъ также очень хорошо. Во всѣхъ этихъ своего рода «учрежденіяхъ» завѣдующими и конторщицами состоятъ женщины, очень занятыя своимъ дѣломъ, но въ то-же время очень любезно дававшія мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія.

Въ складахъ при Земской Управѣ мы снова встрѣтились съ Николаемъ Ильичемъ Стороженкомъ. Онъ, съ дочерью, пришелъ, передъ отъѣздомъ изъ Лохвицы въ свою деревню, купить въ зем-

скомъ складѣ книгъ. Онъ вошелъ съ того входа, гдѣ мы разсматривали гончарныя издѣлія, и тоже присоединился къ намъ. Какъ теперь вижу его наклоненную голову и любовно-внимательно устремленный взглядъ на полки съ хорошо извѣстными тыковками, мисками и другими гончарными издѣліями лохвицкихъ «майстривъ».

Въ этомъ «Земскомъ домѣ», гдѣ можно видѣть и образцы труда народнаго, и то, что предлагаетъ народу земская интеллигенція, мы простились съ Николаемъ Ильичемъ: онъ уѣхалъ въ лохвицкое село, я въ гадячскій хуторъ. Гдѣ встрѣтимся снова?..

Но въ продолженіе тѣхъ нѣсколькихъ часовъ, которые я провела въ Лохвицѣ до отъѣзда, мнѣ еще много привелось слышать о Николаѣ Ильичѣ и я многое поняла въ томъ, можно сказать нѣжномъ вниманіи, которое, какъ я видѣла, оказываютъ Николаю Ильичу на родинѣ. Да, Н. И. является для ближнихъ земляковъ не тѣмъ «нашимъ знаменитымъ №№», о которомъ «пишутъ въ газетахъ», на котораго земляки смотрятъ какъ на блестящую, но далёкую звѣзду,—нѣтъ, онъ и здѣсь участвуетъ своими трудами, въ мѣстной жизни и ближайшей общественной дѣятельности. Мнѣ разсказали, что Н. И. уже много разъ выступалъ со своими чтеніями въ Лохвицѣ, на литературныхъ вечерахъ, сборъ съ которыхъ шелъ на какую нибудь благую цѣль, для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ; чтенія же всегда привлекали много публики, такъ какъ Н. И. избиралъ интересную тему, изъ своихъ ученолитературныхъ работъ, или являлся прекраснымъ чтецомъ лучшихъ образцовъ малорусской и русской беллетристики.

Кромѣ этого Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ родного уѣзда, по земскому самоуправленію, суду и сельскохозяйственному обществу, въ качествѣ гласнаго, почетнаго мирового судьи и почетнаго члена лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. Земская и вся вмѣстѣ взятая общественная дѣятельность Н. И-ча въ родномъ уѣздѣ, говоря словами Г. П. Карташевской, «характеризуется высокою гуманностью, нѣжною отзывчивостью къ чужой нуждѣ и тою несравненною цѣльностью души, которая въ особенности свойственна Н. И-чу».

Хотя Н. И. проживаетъ въ лохвицкомъ уѣздѣ только каникулярное время и не всегда имѣетъ возможность участвовать въ земскихъ и иныхъ собраніяхъ, но, интересуясь дѣлами уѣзда и поддерживая переписку, онъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ общественной дѣятельности въ уѣздѣ—и можно сказать, что всѣ лучшія начинанія въ уѣздѣ совершались при участіи и содѣйствіи Николая Ильича.

Въ особенности велики заслуги Николая Ильича въ дѣлѣ народнаго образованія и въ частности въ основаніи и устройствѣ въ Лохвицѣ общественной библіотеки. Онъ лично снабжалъ библіотеку книгами, а также, благодаря его ходатайству, присылали для нея много книгъ покойный Солдатенковъ, профессоръ М. М. Ковалевскій и другіе. Въ своемъ родовомъ имѣніи, при селѣ Мармизовкѣ, гдѣ обыкновенно Н. И. проводитъ лѣто, онъ основалъ народную школу, для которой пожертвовалъ кусокъ земли и лѣсной матеріалъ на постройку зданія.

Принявши званіе почетнаго мирового судьи и отправляя связанныя съ этимъ обязанности, Н. И. показалъ, что не чуждается и той дѣятельности, которая стоитъ внѣ его спеціальности какъ ученаго и литератора; въ качествѣ же судьи онъ проявлялъ все ту-же свойственную ему сердечность и гуманность. Свидѣтельство въ этомъ случаѣ Г. П. Карт-го, какъ члена суда, являющагося товарищемъ Н. И-ча, близко знающимъ дѣло, имѣетъ особенное значеніе.

Еще дальше стоитъ отъ спеціальности Н. И-ча медицина, но и къ положенію ея въ уѣздѣ онъ относился всегда съ особеннымъ интересомъ; въ свою же Мармизовку не разъ привозилъ на лѣто врачей для леченія селянъ, при чемъ онъ и самъ лечилъ болящихъ, давая общеизвѣстныя лекарства и даже собственноручно дѣлая перевязки. Эту помощь онъ оказывалъ такъ усердно, что многіе принимали его за врача. Вотъ чѣмъ можетъ быть и кабинетный писатель,—если пожелаетъ!...

Вообще изъ всего этого видно, что нѣжная любовь къ родинѣ-Малороссіи,—любовь, которая такъ сквозитъ въ его бесѣдахъ съ земляками на близкія темы,—живетъ въ Н. И-чѣ не въ

видѣ абстрактной идеи: онъ любитъ свой родной уголъ дѣятельною любовью, любитъ и простой людъ свой, заботится о его нуждахъ, умѣетъ быть доступнымъ и общительнымъ по отношенію къ нему. При этомъ намъ остается повторить, что все перечисленное дѣлается тихо, безъ шуму, безъ крику.... Обо всемъ можно узнать лишь случайно, попавши въ самую ближайшую околицу Н. И-ча. Но тамъ, на мѣстѣ, все это знаютъ—и цѣнятъ: цѣнитъ не только мѣстная интеллигенція, но, какъ удостовѣряетъ она, цѣнитъ и тотъ простой людъ, съ которымъ входитъ въ соприкосновеніе Н. И-чъ.

Вотъ чѣмъ былъ долгіе годы, есть и теперь Н. И. для роднаго мѣста. Какъ далеко это отъ обычнаго бѣгства лучшихъ людей навсегда изъ «родныхъ палестинъ!». Какъ далеко это и отъ обычной «дачной» жизни въ деревнѣ,—если случается навѣстить ее,—отъ обычнаго запиранія дверей рабочаго кабинета, чтобы мелкая проза окружающей жизни «уѣзднаго муравейника» не мѣшала кабинетной работѣ...

Правда, тотъ «уѣздный муравейникъ», въ который судьба помѣстила Н. И-ча, тоже не совсѣмъ обыкновенный, а принадлежитъ къ числу выдающихся: лохвицкое земство извѣстно своимъ передовымъ направленіемъ, своею интенсивною дѣятельностью; о фактическихъ проявленіяхъ лохвицкой общественной дѣятельности и о характерѣ ея можно отчасти судить изъ того, что проникло даже въ настоящую, бѣглую замѣтку, посвященную собственно Н-ю Ильичу, но въ которой какъ бы фономъ явились—и народный домъ, и различные склады для народа, и С. Х. общество съ общественной библіотекой, и артели. Но всѣ эти благіе результаты явились не вдругъ и ко всему этому «житейскому волненію» можно было относиться различно... Между тѣмъ были и тяжелые моменты въ жизни этого передового уѣзднаго земства, когда передовымъ дѣятелямъ приходилось завоевывать себѣ положеніе, бороться съ элементами, не сочувствовавшими ихъ демократическимъ начинаніямъ. Въ такіе-то моменты поддержка со стороны людей авторитетныхъ, людей представляю-

щихъ собою «соль земли» своей, поддержка сочувствіемъ и помощь дѣломъ—особенно много значатъ.

Именно о такомъ взаимодѣйствіи между лучшими силами уѣзда и Николаемъ Ильичемъ Стороженкомъ я и заключаю изъ всего видѣннаго и слышаннаго на его родинѣ.

Товарищи же Н. И. по общественной дѣятельности преисполнены самой теплой признательности за его сотрудничество въ ихъ общей работѣ на пользу родного уголка; въ ознаменованіе же всѣхъ заслугъ Н. И., какъ ученаго, писателя и общественнаго дѣятеля, лохвицкіе земляки его, по почину предводителя дворянства, А. Ф. Русинова, послали Н. И-чу адресъ ко времени его юбилейнаго чествованія въ Москвѣ, и кромѣ того сложили значительную сумму для постановки портрета Н. И. въ лохвицкой общественной библіотекѣ.

Дай Богъ, чтобы Николай Ильичъ еще долго, долго подавалъ въ лицѣ своемъ примѣръ многосторонней дѣятельности на пользу родины, чтобы, сохраняя на многія лѣта бодрость духа и тѣла, участвовалъ въ открытіи еще не одного благого учрежденія въ своемъ родномъ уголкѣ! Сегодня въ Москвѣ празднуется его юбилей, но отъ снѣговъ и морозовъ далекой Москвы мысль невольно возвращается къ Украинѣ, гдѣ, въ прекрасный іюльскій вечеръ, послѣ только что звучавшихъ словъ Кобзаря и украинскихъ пѣсенъ, раздались первыя искреннѣйшія привѣтствія Николаю Ильичу земляковъ его; невольно въ заключеніе пайлучшихъ пожеланій нашихъ хочется послать ему привѣтъ на родномъ языкѣ:—Чоломъ тоби, нашъ славный, щырый земляче!

О. Пчилка.

Кіевъ, 16-го дек., 1901 г.

Документы. Извѣстія и замѣтки.

Петиція Львовскаго ученаго общества имени Шевченка австрійскому рейхсрату объ учрежденіи самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ. 21 ноября (4 декабря) 1901 г. представители общества Шевченка (проф. С. Громницкій, проф. С. Днистряньскій, проф. А. Колесса и д-ръ Е. Озаркевичъ) подали нижеслѣдующую петицію на нѣмецкомъ языкѣ въ австрійскій рейхсратъ.

«Принимая во вниманіе повсемѣстно обнаруженную и неустранимую живѣйшую потребность, а равно глубоко чувствуемую необходимость; будучи проникнуты идеей равноправности всѣхъ народовъ и племенъ; исходя изъ глубокаго убѣжденія, что развитіе и процвѣтаніе національной культуры представляютъ одно изъ важнѣйшихъ жизненныхъ условій для нашего народа, — мы, въ качествѣ представителей малорусской науки, ходатайствуемъ объ учрежденіи самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ.

«Въ пользу этой мѣры говорятъ историческія, законодательныя, національныя и культурныя основанія.

1) Нынѣшній Львовскій университетъ, въ противоположность краковскому, предоставленному полякамъ, былъ предназначенъ первоначально для просвѣтительныхъ нуждъ малорусскаго народа; затѣмъ, съ устраненіемъ преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ, онъ получилъ утраквистское устройство, т. е. былъ предоставленъ какъ полякамъ, такъ и малороссамъ для развитія ихъ мѣстной науки. Такое правовое положеніе университета санкціонировано импер. указомъ 4 іюля 1871 г., постановленія котораго остались въ существенныхъ частяхъ своихъ безъ измѣненія, несмотря на нѣсколько несогласованные съ ними имп.

указъ 27 апрѣля 1879 г. и распоряженіе министра исповѣданій и просвѣщенія 3 апрѣля 1882 г. Тѣмъ не менѣе, при дѣйствіи автономіи, университетъ получилъ польскій отпечатокъ, вслѣдствіе чего лекціи на малорусскомъ языкѣ пользуются лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ крайне незначительной поддержкой».

2) Согласно ст. 19 основного государственнаго закона объ общихъ правахъ всѣхъ гражданъ, «всѣ народности государства равноправны и каждая народность имѣетъ неотъемлемое право на заботы и развитіе своей національности и языка. Равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школѣ, государственной службѣ и общественной жизни признается государствомъ». Но насколько призрачнымъ звучитъ этотъ принципъ, если взвѣсить, что малорусскій народъ, обнимающій въ Австріи до 4 милліоновъ и малымъ уступающій по численности полякамъ, не имѣетъ собственнаго университета, что съ каѳедръ лишь въ исключительныхъ случаяхъ слышится малорусская рѣчь, въ то время, какъ полякамъ не только предоставлено это право, но въ одной Галичинѣ въ ихъ распоряженіи находится два университета.

«Затѣмъ, согласно той же 19 ст., публичныя образовательныя учрежденія должны быть устроены такъ, чтобы каждая народность имѣла надлежащія средства для образованія на своемъ языкѣ, безъ принужденія къ изученію второго областного языка. Между тѣмъ по отношенію къ малороссамъ примѣняется прямое понужденіе пользоваться высшимъ образованіемъ на чужомъ языкѣ. Наши студенты вынуждены слушать въ Вѣнѣ, Грацѣ, Прагѣ, Черновцахъ, Краковѣ и Львовѣ лекціи нѣмецкія или польскія, чѣмъ наносится существенный ущербъ развитію національной культуры.

«Такое положеніе вещей тѣмъ опаснѣе, что въ Галичинѣ уже нынѣ свыше 50% народныхъ школъ и 4 полныя гимназіи пользуются въ преподаваніи малорусскимъ языкомъ, почему постоянно возрастаетъ контингентъ такихъ оканчивающихъ школы, которые невполнѣ владѣютъ польскимъ языкомъ. Хотя ихъ прямо и не принуждаютъ къ изученію второго областного языка, но они поставлены въ необходимость усвоить польскій языкъ, чтобы имѣть возможность слушать университетскія лекціи и держать испытанія на этомъ языкѣ. Эта аномалія имѣетъ особенное значеніе для студентовъ философскаго факультета, которые по окончаніи курса посвящаютъ себя педагогіи и обыкновенно получаютъ мѣста въ малорусскихъ гимназіяхъ, гдѣ уже не употребляютъ польской терминологіи, усвоенной ими въ универси-

тетѣ, большею частью противъ воли, и должны возвратиться къ малорусской рѣчи. Поэтому, учрежденіе отдѣльнаго малорусскаго университета является не только средствомъ для устраненія противозаконнаго безправія, но и необходимымъ послѣдствіемъ уже фактически существующаго положенія вещей.

3) Созданіе малорусскаго университета во Львовѣ представляется, далѣе, неизбѣжнымъ результатомъ окрѣпшей національной идеи. Законъ первоначально давалъ намъ, правда, возможность воспользоваться Львовскимъ университетомъ въ нашихъ національныхъ цѣляхъ, но, къ сожалѣнію, въ ту пору слабо еще было національное самосознаніе, чтобы осуществить задачу. Нынѣ, однако, повсемѣстно чувствуется въ этомъ глубокая потребность, всюду слышится: «Дайте намъ самостоятельный малорусскій университетъ!» Народъ, обнимающій въ общемъ до 30 милліоновъ, для котораго стремленіе къ развитію и процвѣтанію своей культуры сдѣлалось національной святыней, въ полномъ сознаніи своей культурной зрѣлости, повинуясь лишь потребности въ самосохраненіи, стремится нынѣ къ осуществленію своихъ идеаловъ и потому по справедливости и праву можетъ требовать, чтобы конституціонное государство, признавшее своимъ основнымъ началомъ равноправность всѣхъ народностей и языковъ, обезпечило за нимъ право пользоваться высшимъ образованіемъ въ собственномъ университетѣ на родномъ языкѣ.

«Такъ какъ высшія школы обыкновенно существуютъ въ средоточіяхъ національной культуры, то отсюда вытекаетъ, что малорусскій университетъ можетъ быть учрежденъ только во Львовѣ, ибо Львовъ именно и представляетъ собою центральный пунктъ всего малорусскаго народа въ Австріи.

Поэтому перенесеніе университета, напримѣръ, въ Черновцы не соотвѣтствовало бы нашимъ стремленіямъ, такъ какъ нельзя по произволу отодвигать столь далеко къ юго-востоку центръ тяжести нашего культурнаго развитія.

4) Наконецъ, въ пользу созданія самостоятельнаго малорусскаго университета говорятъ весьма важныя культурныя основанія. Число обучающихся въ австрійскихъ университетахъ галичанъ превышаетъ 800 и изъ нихъ свыше 600 человѣкъ числится во Львовскомъ университетѣ. Это послѣднее число постоянно возрастаетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается та несправедливость, которая вытекаетъ изъ дѣй-

ствующаго нынѣ порядка и ненормальность которой все болѣе и глубже чувствуется учащимися малороссами.

«Далѣе, недостатка въ кандидатахъ на университетскія каѳедры нѣтъ. Не только въ университетѣ Львовскомъ, но и въ другихъ австрійскихъ и даже русскихъ университетахъ имѣются малорусскіе профессора и доценты, которые доказали свою подготовку къ университетскому преподаванію; кромѣ того, и нынѣ есть достаточное число молодыхъ ученыхъ, которые или сейчасъ, или послѣ непродолжительнаго усовершенствованія въ заграничныхъ университетахъ, были-бы въ состояніи вступить въ ученое университетское сословіе, если-бы только имъ была предоставлена возможность посвятить свои силы на служеніе самостоятельной, національной высшей школѣ.

«Равнымъ образомъ, нынѣ уже нельзя намъ поставить въ упрекъ, что мы выступаемъ съ нашимъ требованіемъ безъ достаточной научной и языковой подготовки: мы уже обладаемъ научно разработанной терминологіей во всѣхъ отрасляхъ знанія, и наше Общество по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія содѣйствовало тому, что за послѣднее десятилѣтіе мы можемъ гордиться оживленною научною дѣятельностью, которая встрѣтила общее признаніе и въ другихъ краяхъ.

«Мы готовы къ разрѣшенію задачи, которая связана съ существованіемъ университета, мы не боимся никакихъ трудностей и требуемъ лишь того, что̀ давно составляетъ глубоко чувствуемую потребность нашего народа».

Львовъ, 4 декабря 1901 г.

Письмо П. А. Кулиша къ Г. П. Галагану Помѣщаемое ниже письмо, писанное въ самый расцвѣтъ духовныхъ силъ и способностей автора, отличается замѣчательною искренностью тона и силою убѣжденія. Въ этомъ отношеніи оно очень характерно и можетъ послужить немаловажнымъ вкладомъ въ жизнеописаніе покойнаго П. А., наглядно раскрывая одну изъ особенностей его души, столь богато одаренной отъ природы. Подлинникъ письма хранится въ архивѣ коллегіи Павла Галагана среди бумагъ покойнаго Г. П. Галагана.

Страсбургъ. 1858 г. Мая 1. н. с. Здравствуйте, любезнѣйшій, другъ Григорій Павловичъ! Неудалось мнѣ повидаться съ Вами въ Москвѣ, которая до того мнѣ опротивѣла своими глупостями, что я, не заѣзжая въ гостинницу, прямо съ желѣзной дороги—на почтовую

станцію, и поскакалъ въ Малороссію. Въ Москвѣ есть, однакожъ, и умѣренная партія литераторовъ, съ которыми я остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ это, можетъ быть, Вы видите по «Русскому Вѣстнику». Я говорю *можетъ быть,* потому что не знаю, усидѣлъ-ли Крузе на своемъ мѣстѣ, т. е. не повернула-ли цензура назадъ. У Крузе лежали три мои статьи, которыя онъ не рѣшался подписать, пока не пройдетъ мимо скопившаяся надъ нимъ туча обвиненій со стороны людей, которые на то и родятся, чтобъ носить звѣзды и не давать умнымъ людямъ дѣлать свое дѣло. Нѣсколько такихъ пряничныхъ фигуръ возвысило свой голосъ и противъ меня за послѣднія мои изданія, какъ это и Вы, безъ сомнѣнія, знаете, побывавши въ Петербургѣ, Вы мнѣ совѣтовали достигать своей цѣли путемъ мирнымъ. Это невозможное дѣло. Всякое новое убѣжденіе принималось обществомъ не иначе, какъ произведя сперва бурю споровъ, а часто и ожесточенную борьбу. Случалось, что начинатели провозглашенія дѣлались жертвами людскихъ предубѣжденій. Я самъ много страдалъ и страдаю отъ своихъ противниковъ. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы истину высказывать въ полъ-слова? За нашимъ показаніемъ идетъ другое. Оно чуждо вбитыхъ въ наши головы понятій, мѣшающихъ намъ прійти къ ясному самосознанію. Оно ведется духомъ иного вѣка; оно оправдаетъ или окончательно опровергнетъ новую мысль о литературѣ и народности. Дѣло еще только начинается, и какъ ни малозначительны наши начинанія, но идея самобытности нашей въ области чувства и мысли можетъ принять размѣры широкіе и воплотиться въ самую жизнь. На основаніи этой идеи могутъ возникнуть новыя гражданскіе отношенія, и это произойдетъ мимо вѣдома людей, посѣдѣвшихъ въ постоянномъ чтеніи политическихъ газетъ. Я вѣрую въ будущность нашего края и въ невозможность остановить рождающееся самосознаніе въ свѣжихъ умахъ малороссійскихъ. Что даетъ намъ великорусская жизнь и великорусская словесность, того слишкомъ для насъ недостаточно. Этимъ могутъ довольствоваться только люди, получившіе иноземное воспитаніе и не сжившіеся съ нашимъ народомъ. Сами Великороссіяне, знающіе жизнь своихъ простолюдиновъ, чего-то отъ насъ ожидаютъ, чуя душою, что богата здѣсь человѣческая природа. Одни мы, прибитые долговременными неудачами, притѣсненіями, нахальствомъ сильныхъ и удачниковыхъ, сомнѣваемся въ себѣ, не довѣряемъ ни своему слову, ни своему чувству и вѣруемъ въ ученіе людей, которые у

насъ не жили и насъ не знаютъ. Я съ глубокою горестью и презрѣніемъ смотрю на современное малороссійское общество и успокаиваюсь душою только въ будущихъ поколѣніяхъ, которыя призваны къ самосознанію и къ самодѣятельности на родной своей почвѣ, какъ это показываетъ уже и теперь слѣпое пристрастіе ко всему родному многихъ молодыхъ людей. Все это пишу къ Вамъ изъ единственнаго побужденія говорить съ Вами, что мнѣ удавалось рѣдко, такъ какъ Вы живете посреди людей, которыхъ я не знаю. Тяжело жить на свѣтѣ молчаливымъ странникомъ, который многое видитъ, чувствуетъ и подразумѣваетъ, но ограничивается бесѣдою о прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ и тому подобныхъ пустякахъ. И то сказать, что жизнь, самая удобная для дружеской, откровенной бесѣды, рѣдко располагаетъ насъ къ откровенности. Иногда молчишь именно потому, что въ это время душа полна чувствъ, а выраженіе для нихъ еще не настало. Вспомните полушутливый стихъ Пушкина: *Но я любя былъ глупъ и нѣмъ;* и далѣе; *Прошла любовь—явилась муза...* Это почти всегда такъ бываетъ у людей, одаренныхъ болѣе или менѣе способностью выражать словомъ то, что дѣлается въ душѣ. А такъ какъ я провелъ всю жизнь затворникомъ, то и привыкъ думать и чувствовать втихомолку. Вотъ почему въ письмѣ иногда больше скажется, нежели сказалось-бы на словахъ. Но какъ-бы то ни было, примите это мое посланіе вмѣсто дружескаго пожатія руки и отвѣчайте мнѣ нѣсколькими строками въ Женеву, на мое имя, poste restante, только немедленно. Увѣдомьте меня, получили-ли Вы «Граматку» и каково она принята. Если и худо, все равно удѣдомьте; ибо «Граматка» не послѣднее мое дѣло и не послѣдняя жертва. Василій Васильевичъ, какъ я вижу, совершенно охладѣлъ ко мнѣ и оставилъ меня. Это очень грустно, тѣмъ болѣе, что я ему много обязанъ и до сихъ поръ неуспѣлъ возблагодарить его. Мнѣ таки въ жизни много приходится испытывать разочарованій и ошибаться жесточайшимъ образомъ. Иногда мнѣ кажется, что я ужъ совершенно уничтожился и ни на что больше не годенъ. Но невидимая сила подкрѣпляетъ и обновляетъ мою душу во время величайшихъ ея огорченій, такъ что на самыя огорченія я началъ смотрѣть, какъ на необходимый элементъ моей жизни. Но довольно. До свиданья. Александра Михайловна вмѣстѣ со мною кланяется Вамъ Вашимъ почтеннымъ дамамъ.

Сообщилъ **А. Степовичъ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *О поселеніи малороссіянъ въ Крыму, близъ Ѳеодосіи.* Въ іюнѣ 1805 года, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. П. Кочубей увѣдомилъ кн. Куракина о томъ, что Ѳеодосійскій военный губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи Феньшъ пріобрѣлъ въ казну у помѣщицы Сеферъ Казы-Мурзы Ширинской три тысячи десятинъ земли, близъ Ѳеодосіи, съ цѣлью поселить здѣсь малороссіянъ для «приведенія въ цвѣтущее состояніе Ѳеодосію, посредствомъ сухопутной перевозки продуктовъ отъ Азовскаго моря черезъ Арабатъ». Почему выборъ палъ на малороссіянъ, видно изъ того же отношенія министра: «они (т. е. малороссіяне) по трудолюбію своему и по удобности ихъ поселенія, въ разсужденіе дороги отъ Ѳеодосіи до Арабата, современемъ могутъ быть очень полезны для перевозки разныхъ продуктовъ изъ одного въ другое мѣсто и что сіе самое много послужило бы къ выгодѣ Ѳеодосіи». Министръ, отнесясь сочувственно къ поселенію малороссіянъ, указываетъ, что это желательно еще въ виду того, что и въ то время не мало жителей Малороссійскихъ губерній отправились на работы въ екатеринославскую, херсонскую и таврическую губерніи. Кн. Куракинъ, получивъ это отношеніе министра, тотчасъ же предписалъ губернаторамъ черниговской и полтавской губерній оповѣстить черезъ городничихъ и нижніе земскіе суды всѣхъ жителей этихъ губерній и предложить желающимъ переселиться въ Крымъ. Конечно, это могло касаться, при существованіи въ то время крѣпостного права, только козаковъ и казенныхъ крестьянъ. Почти одновременно съ увѣдомленіемъ министра, кн. Куракинъ получилъ донесеніе отъ херсонскаго губернатора, извѣстнаго Дюкъ-де-Ришелье. Послѣдній увѣдомлялъ князя, что пріобрѣтена земля, очень хорошая, не мало есть лѣсныхъ дачъ, изъ которыхъ возможно будетъ надѣлить крестьянъ лѣсомъ для необходимыхъ построекъ. Помимо этого, Ришелье обѣщалъ, «смотря по обстоятельствамъ, испросить переселенцамъ и льготу на нѣкоторое время». Льгота эта впослѣдствіи была дана: крестьяне были освобождены отъ уплаты податей въ теченіе пяти лѣтъ. Предполагалось поселить 500 душъ, но вскорѣ это предположеніе было отмѣнено. Прежде чѣмъ совершить купчую, генералъ-губернаторъ отправилъ землемѣра для измѣренія этого имѣнія, при чемъ оказалось, что возможно было купить только двѣ тысячи десятинъ, а остальная тысяча десятинъ въ нѣсколькихъ участкахъ оспаривалась другими, и потому, вмѣсто 500 душъ, рѣшено было поселить только 250 душъ. Всѣхъ поселенцевъ собрано было за время съ 1805 года по 1808 годъ 181 душа муже-

скаго пола и 110 женскаго. Большинство было изъ черниговской губерніи и по преимуществу изъ уѣздовъ мглинскаго и кролевецкаго; изъ полтавской же губерніи—изъ уѣздовъ гадячскаго, константиноградскаго и переяславскаго. Какъ устроились поселенцы въ Крыму—не знаемъ, такъ какъ такого дѣла и быть не можетъ въ архивѣ въ Полтавѣ. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, по описи № 256).

И. Фр. Павловскій.

Списокъ „студентовъ и учениковъ" кіевской академіи, 1779 года. Настоящій списокъ явился при приводѣ «студентовъ и учениковъ» къ присягѣ въ 1779 г., по особому о томъ распоряженію.[1]) Намъ неизвѣстно, сохраняются ли подобные списки въ архивѣ кіевской академіи, но обнародованъ изъ нихъ, сколько намъ извѣстно,

---

[1]) Распоряженіе это видно изъ слѣдующаго рапорта „караулного капитана нижняго города Киево-подола."

„Въ Кіевскую губернскую канцелярію. Нижняго города Киево-подола отъ караулного капитана Иконникова. В силе оной киевской губернской канцеляріи ея императорского величества указу, писанного прошлого 1765 году, іюня 15 д., подъ № 1890-мъ, въ которомъ предложено, что по писменному сообщению во оную киевскую губернскую канцелярию Киевобратскаго училищнаго монастыря бывшаго архимандрита и ректора Самуила и префектора (sic) Никодима, просили о преведеніи академіи киевской студентовъ и учениковъ, по приложенному регистру и указной присяге, в церкве оного монастыря Богоявления Господня, и при ономъ указе состоявшаяся о верной ея императорского величества службе присяги пять печатныхъ экземпляровъ, да и впредь, ежели случитца таковыхъ же студентовъ к присяге приводить, репортовать. И во исполненіе ея императорскаго величества з вышеписанного указу именующихся при киевской академии, по писменному сообщению ныне и притомъ именному списку киевобратского училищнаго монастыря префектора Иоана Островскаго у прися..... просилъ, чтобъ техъ студентовъ и учениковъ, всего 243 человѣка.... ея и. величества службе к при.... привести Киевобратского училищнаго монастыря в церкве Богоявления Гдня, которые и приведены сего 1779 году, маия 31 д., к присяге, с подписаниемъ ихъ именъ и рукъ..... присяжнымъ листомъ при семъ въ киевскую губернскую канцелярию представляю. Капитанъ Андрей Иконниковъ.

Іюня 2 дня 1779 году".

лишь одинъ,—Аскоченскимъ, въ его книгѣ «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею.» Здѣсь (II, 261) напечатана «Вѣдомость школы піитики съ 1769 по 1770 годъ», заключающая въ себѣ перечень учениковъ исключительно духовнаго званія, т. е. сыновей священниковъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей. Всѣхъ ихъ въ вѣдомости значится 47 человѣкъ, причемъ тутъ же прибавлено, что въ школѣ піитики—«прочіихъ малороссійскихъ и заграничныхъ (т. е. уроженцевъ принадлежавшихъ Польшѣ русскихъ окраинъ) разночинцовъ—69. Отсюда мы видимъ, что въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII в., въ кіевской академіи, училось не менѣе половины «разночинцовъ», т. е. сыновей отцовъ *свѣтскаго* состоянія. Всесословностью своихъ учениковъ кіевская академія пріобрѣла себѣ то значеніе въ исторіи просвѣщенія южнорусскаго края, которое до настоящаго времени быть можетъ еще недостаточно оцѣнено. Всесословность учившихся въ академіи обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что контингентъ южнорусскаго духовенства тоже былъ почти всесословный. Всесословность учившихся въ кіево-братскомъ училищѣ давала возможность козацкой старшинѣ получать уже и въ XVII в. такое образованіе, которое едвали было доступно для высшаго свѣтскаго общества въ московской Руси. Гордонъ, въ своемъ дневникѣ (Tagebuch), въ 1684 г., отмѣчаетъ (20 октября), что у него обѣдали дѣти знатныхъ козаковъ, прибывшіе въ кіевское училище; ихъ было, вмѣстѣ съ «гофмейстеромъ», 20 человѣкъ. Дѣти извѣстнаго наперсника Мазепы, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка «учились въ Брацкомъ монастырѣ, въ латинскихъ школахъ...[1]) Всесослов-

---

[1]) См. также подписи на поданной въ 1699 г. отъ кіевской академіи митрополиту челобитной, приведенной С. Т. Голубевымъ въ его только что появившемся очеркѣ—*Кіевская академія въ к. XVII и нач. стол.* (Оттискъ изъ „Трудовъ“ К. Акад. 1901 г.). Челобитная подписана между прочими, слѣдующими лицами: „Во академіи кіевской учащійся *Григорій Новицкій*, префектъ конгрегаціи. *Семенъ Мировичъ*, вицепрефектъ, намѣстникъ префекту, полковниченко переяславскій. *Семенъ Лизогубъ*, полковниченко черниговскій. *Семенъ, Василій, Павелъ*, полковниченки прилуцкіе. *Павелъ Павловскій. Яковъ Лисица. Григорій Голубъ* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во академіи кіевской.“ (Точки и запятыя мы размѣстили здѣсь иначе, чѣмъ у С. Т. Голубева, такъ какъ несомнѣнно, что *Семенъ* (Ефимовичъ) *Лизогубъ* былъ „полковниченкомъ“ черниговскимъ, а не переяславскимъ). Вся перечисленная здѣсь молодежь были дѣти тогдашней старшинской аристократіи. Приводя эту выписку, очень сомнѣваемся въ правильности прочтенія слова „прилуцкіе“

ность учениковъ кіевской академіи продолжалась до к. XVIII в., какъ это видно и изъ печатаемаго ихъ здѣсь списка, въ которомъ мы видимъ нѣсколько «студентовъ и учениковъ» изъ завѣдомыхъ тогдашнихъ «панскихъ» фамилій, напр., Туманскихъ, Мазаракіевъ, Раковичей, Шликевичей, Лагодъ, Максимовичей, Разнатовскихъ, Тарновскихъ, Катеринчей, Чарнышей и т. д. Указанный въ этомъ спискѣ Василій Чарнышъ есть несомнѣнно будущій полтавскій губернскій предводитель дворянства... Потомки перечисленныхъ здѣсь учениковъ конечно угадаютъ — во многихъ изъ нихъ — своихъ предковъ и помогутъ отдѣлить впослѣдствіи «разночинцовъ» отъ духовнаго элемента.

Печатая списокъ «студентовъ и учениковъ», мы расположили фамиліи послѣднихъ въ азбучномъ порядкѣ, для большого удобства при пользованіи имъ.

Студенты богословія.

Богословскій Михайло, Кириловскій Николай, Михновскій Петръ, Прохоровичъ Степанъ, Шѣскорскій Василь.

Студенты философіи.

Деревецкій Дмитро, Марковскій Іванъ, Садоцкій Іванъ, Севастіановъ Савва.

Студенты риторики.

Андреевскій Кодратъ, Григоровичъ Яковъ, Давидовскій Лаврентій, Деревецкій Григорій, Килбѣнскій Іванъ, Туманскій Андрей.

Студенты поэзіи.

Мазаракій Григорій, Юрчевскій Іванъ.

Высшаго класса грамматики.

Андриевскій Никифоръ, Гербанскій Никита, Доброволскій Тимофей, Жолобовскій Іванъ, Кадяновъ Василь, Коробка Андрей, Ко-

(полковничепки). У тогдашняго прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка мы знаемъ только двухъ сыновей: Андрея и монаха *Пахомія*; если предположить, что Пахомій есть бывшій *Павелъ*, то о Семенѣ и Василіи нигдѣ упоминаній не встрѣчалось. См. Кіевск. Стар. 1886 г., № 6.

робка Іосифъ, Палмовскій Андрей, Раковичъ Василь, Самойловичъ Іванъ, Самойловичъ Максимъ, Шликевичъ Николай, Ясновскій Данило.

Средняго класса грамматики.

Аренскій Григорій, Барщевскій Григорій, Благодаровъ Яковъ, Виниский Семенъ, Волѣнскій Василь, Волницкій Василь, Волошиновъ Данило, Висоцкій Григорій, Ганжа Левъ, Гиртовъ Федоръ, Гербановскій Яковъ, Гриневскій Григорій, Гроднѣцкій Павелъ, Гродницкій Яковъ, Данировскій Мойсей, Димитріевъ Трофимъ, Дробязка Корнѣй, Забережный Іванъ, Загоровскій Евсевій, Зѣнченковъ Яковъ, Іллѣкевичъ Пантелеймонъ, Квѣтнѣцкій Федоръ, Келембетъ Михайло, Киричевскій Назаръ, Козловскій Іванъ, Краснолѣскій Киръ, Лагода Антонъ, Логиновскій Антонъ, Максимовичъ Григорій, Максимовичъ Петръ, Малиновскій Варлаамъ, Малцовъ Іванъ, Масловскій Мартинъ, Медведевъ Степанъ, Медведевъ Феодоръ, Миленко Григорій, Мигай Ѳеодоръ, Морашка Яковъ, Мошка Федоръ, Мошка Яковъ, Нарожнѣцкій Климъ, Несходовскій Іванъ, Павловскій Василь, Павловскій Григорій, Пасенко Власъ, Петровскій Евстафій, Плютовскій Антонъ, Раковичъ Федоръ, Рильскій Іванъ, Рознатовскій Іванъ, Рибалскій Петро, Садовскій Федоръ, Самарскій Силвестръ, Самойловичъ Антонъ, Саскій Василь, Сварика Матѳей, Свѣтилскій Федоръ, Скифтовъ Потапъ, Скрибѣцкій Никифоръ, Смаковскій Корнѣй, Смаковскій Михайло, Стрилецкій Іванъ, Суходолскій Павелъ, Тарнавскій Яковъ, Тополскій Стефанъ, Трояновскій Петръ, Филиновъ Павелъ, Цариградскій Іванъ, Чарнишъ Василь, Шаринскій Данило, Яблуновскій Алексѣй, Яхневичъ Іванъ.

Нижняго класса грамматики.

Андрѣевскій Степанъ, Антоновскій Кирило, Антенскій Федоръ, Артовскій Василь, Байкарабъ Илия, Бойковскій Василь, Барановскій Василь, Барановскій Гаврило, Барановскій Григорій, Барицпольскій Николай, Барщевскій Онуфрій, Богдановскій Прокопъ, Боровскій Александеръ, Бохановскій Марко, Бурдиневскій Василь, Бутко Василь, Вакуловскій Иванъ, Василковскій Данило, Велентѣй Василь, Вѣнтроцѣнскій Ігнатъ, Вилковскій Іванъ, Виноградскій Василь, Вислоцкій Степанъ, Вуяхевичъ Алексѣй, Галицкій Федоръ, Гиренковъ Григорій, Глобѣнскій Александеръ, Глобѣнскій Алексѣй, Голованскій Григорій,

Гранатовичъ Онуфрій, Григоровичъ Іванъ, Гудима Василь, Gиginовъ Іванъ, Данилевскій Василь, Дворниковъ Федоръ, Дивилковскій Іаковъ, Дидковскій Сава, Дроздовскій Василь, Дурдуковскій Федоръ, Жованковъ Іванъ, Зайкевичъ Романъ, Зотцъ Іванъ, Зотцъ Петръ, Зотцъ Стефанъ, Зеленскій Петръ, Зѣнковскій Александеръ, Италѣнскій (?) Матвѣй, Іваницкій Никита, Калницкій Василь, Калницкій Іванъ, Катериничъ Петро, Квѣтницкій Варѳоломей, Кленовскій Петро, Ковалевскій Іванъ, Ковалевскій Романъ, Козловскій Александеръ, Козловскій Василь, Козлинскій Павелъ, Колпаковъ Іванъ, Кондратовскій Николай, Кореневичъ Петро, Коржевскій Григорій, Коржевскій Іосифъ, Кориѳскій Григорій, Корнѣевскій Корнѣй, Корнѣевскій Якимъ, Короленко Илия, Коропчевскій Максимъ, Космицкій Захарій, Костенковъ Никифоръ, Красовскій Илия, Красовскій Стефанъ, Кудрицкій Сергій, Купчинскій Іванъ, Кушакевичъ Стефанъ, Лагода Евфимъ, Лелянскій Петръ, Леонтовичъ Павелъ, Лелючевскій Петро, Логвиновскій Василь, Логвиновскій Иванъ, Логвиновскій Яковъ, Лѣвицкій Іванъ, Лѣвицкій Петро, Марсовъ Силвестеръ, Масловичъ Данило, Мензиховскій Лука, Мискевичъ Иванъ, Митковскій Назаръ, Москаленковъ Даніилъ, Налягака Иванъ, Невадовскій Федоръ, Нѣжинцовъ Димитро, Острогорскій Іосифъ, Островскій Петро, Павловскій Алексѣй, Павловскій Семенъ, Павловскій Стефанъ, Плискій Александеръ, Плискій Іванъ, Плотницкій Феофанъ, Плотницкій Филиппъ, Полскій Ігнатъ, Похилченко Кирило, Пригара Іванъ, Пригара Михайло, Романовскій Павелъ, Романовскій Яковъ, Рубанъ Максимъ, Рубановскій Евфимъ, Рудановскій Василь, Рудецкій Семенъ, Савицкій Михаилъ, Самаровскій Кузма, Самборскій Семенъ, Севастіановъ Федотъ, Сіяницкій Симеонъ, Скоревскій Яковъ, Соломка Костантинъ, Соломка Яковъ, Спорниковъ Евстратъ, Стеселскій Григорій, Стефановскій Данило, Сѣчкаревъ Николай, Таранецкій Тимофей, Тернавскій Тимофей, Тихоновичъ Іванъ, Тихоновичъ Трофимъ, Триполскій Іванъ, Травянскій Семенъ, Туманскій Илия, Усовскій Григорій, Федоровскій Федоръ, Филиповичъ Василь, Фтомѣцкій Данило, Цесарскій Емеліянъ, Чайчевскій Давидъ, Чигринскій Василь, Яновскій Дмитро, Яновскій Іванъ, Якубовскій Андрей.»

—

Въ концѣ списка значится: «При сей присяги присудствовалъ академіи кіевскія префектъ іеромонахъ Іоаннъ.»

«Сего 1779 года, мѣсяца маія 31 дня, къ сей присягѣ вышеписанныхъ студентовъ приводилъ въ церквѣ Богоявленія Господня

Кіево-братского училищного монастыря іеромонахъ отецъ Ѳома духовникъ.»

«Къ сей присягѣ вышепрописанныхъ студентовъ приводилъ капитанъ Иконниковъ» [1]).

Извѣстіе о Мглинѣ 1455 года. Великій кн. литовскій Александръ, жалуя, въ 1499 г., князю Михайлу Жеславскому (Заславскому) Мстиславль и Мглинъ, въ грамотѣ своей приэтомъ добавляетъ: «а которымъ бояромъ мстиславскимъ и мглинскимъ подавали имѣнья: князь Лыкгвеней и князь Юрей, сынъ его, и князь Иванъ, князя Юрьевъ сынъ, и листы своими то имъ будутъ потвердили, тыи маютъ имѣнья свои дерьжати и съ тыхъ имѣней ему (Жеславскому) маютъ служити»... (Акты Зап. Россіи, I, № 172). Упоминаемый здѣсь князь «Лыкгвеней» (Симонъ Лингвенъ) былъ одинъ изъ сыновей Ольгерда и родоначальникъ князей Мстиславскихъ. Недавно напечатана грамота, данная въ 1455 г. сыномъ Лингвена—Юріемъ—своему боярину Воронцу,[2]) заключающая въ себѣ нѣкоторыя неизвѣстныя данныя относительно сѣверо-западнаго угла теперешней Черниговщины. Въ грамотѣ Юрія Лингвеновича читаемъ: «узревшо есмо знаменитую службу к намъ, никды неомешканую, нашего вѣрнаго слуги, боярина нашего Воронца, *и мы дорадивши с нашею радою,* дали есмо ему во мстиславскомъ повѣте село Гридково, *а во Мглине дали есмо боярину нашему Воронцу Манюкову землю;* а тыи села дали есмо и записали бояpину нашему Воронцу с людми и з бортники, и с собоичы (слободичы?) и с пашными землями и з бортными землями, и с сеножатми, с медовыми данми, и съ серебряными (?) з бобровыми и с куничными и со всими уходы и приходы»... Изъ этой любопытной грамоты видно, что Мглинъ, повидимому, былъ центромъ особой округи, входившей въ составъ мстиславскаго удѣла одного изъ Ольгердовичей, при чемъ эта округа должна была заключать въ себѣ примѣрно весь сѣверо-западный уголъ настоя-

---

[1]) Списокъ этотъ имѣется у насъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ—съ подлинными подписями присягавшихъ, а другой—тогдяшняя копія. Получили мы этотъ списокъ отъ покойнаго А. А. Федотова-Чеховскаго.

[2]) Въ приложеніи къ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи за 1900 годъ“ (Спб. 1901). Грамота напечатана съ подлинника, фототипный снимокъ съ котораго тутъ же приложенъ.

щей черниговской губерніи, потому что къ Мглину принадлежала «*Манюкова земля*». Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что «Манюкова земля» находилась тамъ, гдѣ теперь находится село новозыбковскаго уѣзда *Манюки*, расположенное на одномъ изъ притоковъ Ипути. (Опис. Ст. Малор., I, 412). Манюки отстоятъ отъ Мглина примѣрно верстъ на сто, и это разстояніе указываетъ, что къ Мглину должно было тянуть значительное пространство по-Ипутья, громадные лѣса котораго заключали въ себѣ доходные «бобровые и куничные уходы и приходы», прибыльное бортевое пчеловодство, но малое населеніе: эта мѣстность, еще и въ нач. XVII в. была почти сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ жили только *будники, гутники и рудники*...

„Листъ“ князя Александра Вишневецкаго подданнымъ лоевскаго староства, на бортную землю, около теперешняго Замглая, 1587 года. Этотъ любопытный «листъ» мы нашли въ одномъ судебномъ «дѣлѣ», въ копіи XVIII в., и приводимъ тутъ его полностью. «Александръ князь Вышневецкій, староста черкасскій, каневскій, любецкій и корсунскій. Ознаймую тымъ листомъ моимъ, кому то вѣдати потреба будетъ, ижъ были ми челомъ Васко Головчичъ, Васко Товстичъ, Яцко Свиридовичъ, Костухъ Коменскій, Демидъ Кошкаровичъ и Дмитръ Несторовичъ, подданные государскіе староства моего лоевскаго, и просили мене о землю бортную, прозываемую Матѣевъ Рогъ, который лежитъ межъ грунтомъ бояръ государскихъ Даничъ [1]) и мѣщанъ любецкихъ Копичъ, на рубежи московскомъ, тоесть по рѣчку Синецъ [2]) и по Городнецню (sic), которая Городнецня упала у рѣчку Смячь, Смячою уверхъ по самый островъ Ивана Копичовъ, Турищовъ, з Турищева у Сухій Виръ, [3]) з Сухого Виру межи Пустее и Фойниковъ у Дорогое болото, тымъ болотомъ у Синецъ, въ чомъ я бачачи быть прозбу слушную и хотячи, абися пожитокъ скарбовый его королевской милости примножалъ, то на прозбу и челобите ихъ учинивши, звышъ

---

[1]) О Даничахъ въ 1636 г. См. Źródła Dz., V. 208.

[2]) Рѣчка Синецъ уже и въ к. XVIII в. была здѣсь неизвѣстна. Зап. Черниг. Стат. Комит., II. Опис. рѣкъ Черниг. Намѣстнич.

[3]) Сухой Виръ—притокъ того нѣкогда громаднаго днѣпровскаго залива, который теперь обратился въ болото, носящее названіе Замглая.

описанную отчину имъ даю, съ которой отчины маютъ они спокойне вживати, пожитокъ себе привлащати, до волѣ и ласки моей, а съ того дарбу (?) его королевской милости маютъ и повинны будутъ въ каждый рокъ платити по пяти копъ грошей литовскихъ, на што давши мы звышпомененнимъ подданнымъ государскимъ сей мой листъ, подъ моею печатью и з подписомъ власной руки моей. Писанъ въ Брагиню. Року 1587, мѣсяца февраля 8 дня.

Ксіонже Александръ Вишневецкій».

Описанная въ этомъ «листѣ» мѣстность заключаетъ въ себѣ, судя по упоминанію р. р. Смячи и Сухого Вира и «грунта» Даничъ, окружность теперешняго болота Замглая, о которомъ однакожъ никакого упоминанія здѣсь нѣтъ. Этотъ документъ очень важенъ для указанія того «рубежа», который въ к. XVI в., въ предѣлахъ Черниговщины, раздѣлялъ московское государство отъ польскаго.

Письмо „старшаго канцелириста“ Андрея Безбородка къ бунчук. товарищу Григорію Скорупѣ, 1736 г. «Милостиведознанный и надежднымъ добродѣю мой. Наставшимъ новымъ годомъ, вцѣ мцѣ пна, добродѣя моего, поздравляю. Желаю, вм. добродѣевѣ, такъ наставшый новый годъ, якъ и предидущіе множайшіе лѣта, начинавъ радостно и благополучно кончить. Что же из симъ моимъ должнимъ привѣтствіемъ умедлилъ и то, какъ можетъ быть и самому вцѣ добродѣевѣ не безизвѣстно, за многодѣліемъ канцелярскимъ. При семъ же донесть, вцѣ добродѣевѣ, не оставляю, что хочай о бытіи к походу в поготовности, какъ и к протчіимъ пнамъ бунчуковимъ товарищамъ, к вцѣ добродѣевѣ указъ посланъ, однакъ самъ его высококняжеское сіятелство Алексѣй Ивановичъ Шаховскій, при щасливомъ своемъ из Глухова на время в С. Питербурхъ отездѣ, изъ числа пновъ бунчуловихъ товарищей в походъ ассигнованихъ, двадцять человѣкъ, для отправленія внутрь Малороссіи приключаючихся дѣлъ, бунчуковихъ же товарищей знатнѣйшихъ, между которыми и вм. добродѣя и вселюбезного вм. м. пна пна зятя, пна Искрицкого, оставилъ, и самъ его жъ сіятелство рукою своею изволилъ поотмѣчивать, в томъ на дежурство же, с перемѣною, росписаны всѣ пнове пнове бунчуковіе товарищи, по якому росписанію и вм. добродѣевѣ и милому пну зятю вцѣ

м. пна, пну Іскрицкому, черга на дежурствѣ в Глуховѣ быть — приидетъ и надлежитъ, сего году, в октовріи и ноевріи, вѣрно доношу и себе неотмѣнной вцѣ добродѣя благосклонной милости вовѣряя, навсегда пребываю и пребуду, вцѣ мцѣ пна моего милостиводознанного и надеждного добродѣя, вѣрный, всепокорный слуга Андрѣй Безбородко.

Глуховъ. 1736 году, генваря 26». *(Съ подлинника).*

Приведенное письмо писано тогдашнимъ «старшимъ канцеляристомъ» (т. е. помощникомъ генер. писаря, постаринному «регентомъ») Андреемъ Безбородкомъ, который будучи назначенъ на эту должность гетм. Апостоломъ, въ сентябрѣ 1733 г., очень скоро, послѣ смерти послѣдняго, сдѣлался вліятельнымъ человѣкомъ у «генераловъ», управлявшихъ Малороссіею. Первымъ приблизилъ Безбородка къ себѣ кн. Шаховской, которому поручена была гетманщина вслѣдъ за смертью Апостола. Пользуясь своимъ положеніемъ, Безбородко, какъ практическій человѣкъ, сообщаетъ тогдашней старшинѣ канцелярскія новости, конечно, съ цѣлію заискать благорасположеніе у людей, если не вліятельныхъ, то богатыхъ. Однимъ изъ такихъ людей былъ и Григорій Скорупа, настолько богатый, что гетманша Апостолова женила на его дочери своего родного племянника Искрицкаго. Дальнѣйшія объясненія къ этому письму см. въ Русск. Архивѣ 1875 г., I, 312, и Зап. Як. Марк., II, 2 и слѣд.

Распоряженіе генеральной канцеляріи о нарядѣ работниковъ и плотниковъ на постройку козелецкаго дома графа Алексѣя Разумовскаго, 1749 г. «Высокоблагородніе и высокопочтенніе господа малороссійскіе депутаты, наши особливіе благодѣтелы!

Представленіе въ генералную канцелярію вашыхъ высокоблагородій, которымъ изволите обявлять, что его высокорейхсъграѳского сіятелства, лейбъ компаніи капитана поручика, государственного оберъ-ягермейстера, конной гвардіи подполковника и ея императорского величества дѣйствителного первого камергера и многихъ орденовъ кавалера Алексѣя Григорьевича господина Разумовского, желаніе вамъ объявлено — о вспоможеніи отъ Малороссіи, для работъ при домѣ его высокорейхсъграѳского сіятелства козелецкомъ, работникамы до трехсотъ человѣкъ да плотниками пятьдесять, получено. И по оному требованію отъ генералной войсковой канцеляріи тремъстамъ чело-

вѣкамъ работникамъ да пятьдесяти человѣкамъ плотникамъ нарядъ учиненъ изъ четирехъ ближайшихъ полковъ, нѣжинского, чернѣговского, переяславского и кіевского, и посланімы въ тѣ полки указамы, чрезъ нарочныхъ, накрѣпко предложено онихъ работниковъ и плотниковъ собрать в самой скорости, и отправить, при добрихъ нарочнихъ. въ Козелецъ, и быть имъ тамо у работъ чрезъ тры неделѣ, *ибо имъ нынѣ слѣдуетъ быть въ домахъ для наступающихъ домашнихъ работъ къ упрятанію сѣна и снятію хлѣба.* И о томъ отъ генералной к-ріи малороссійской домовой его высокорейхсъграѳского сіятелства конторе знать дано, о чемъ и вашимъ высокоблагородіемъ симъ сообщаемъ, пребывая вашихъ высокоблагородій, нашихъ особливихъ благодѣтелей, всегдашніе слуги Алексѣй Изволскій. Иванъ Челищевъ. Ѳедоръ Лисенко. Михайло Скоропадскій. Петръ Валкевичъ.

1749 году, юня 20 д. Глуховъ». *(Съ подлинника).*

Въ поясненіе этого интереснаго документа слѣдуетъ сказать, что вслѣдъ за посѣщеніемъ императрицею Елисаветою Малороссіи (1744 года), здѣсь явилась надежда на возобновленіе гетманства, для осуществленія которой въ Петербургъ были отправлены, въ 1745 г., «депутаты» (Лизогубъ, Ханенко, Гудовичъ) «для поднесенія государинѣ просьбы отъ всѣхъ сословій относительно избранія новаго гетмана.» Просьба принята была «милостиво,» но́ разрѣшеніе на избраніе гетмана надолго затянулось; хотя въ маѣ 1747 г. и данъ былъ указъ сенату объ этомъ разрѣшеніи, но и послѣ этого дѣло подвигалось очень туго. Одинъ изъ «депутатовъ», Ханенко, подробно описываетъ въ своемъ дневникѣ ка́къ они—депутаты—чуть не пять лѣтъ обивали пороги у разного рода властей, а въ томъ числѣ и у «графа», т. е. Алексѣя Разумовскаго. Послѣдній въ это время былъ всесильнымъ фаворитомъ и на него украинскіе ходатаи возлагали наибольшую надежду въ успѣхѣ своихъ исканій. Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ, «депутаты» всѣми возможными способами заискивали у «графа» и его пріятелей (напр., у Коченевскаго.) 11-іюня 1749 г. Ханенко записалъ въ своемъ дневникѣ, что написано «представленіе въ генер. к-рію, въ Глуховъ, о нарядѣ изъ ближнихъ отъ Козелця полковъ, въ дворъ графскій, тамошнихъ работныхъ 300 да плотниковъ 50 человѣкъ и оное отправлено чрезъ Статіева, бывшого писаря іждукторского»... Изъ дневника не видно, чтобы кто просилъ депутатовъ объ этой любезности, а потому слѣдуетъ думать, что они сами

догадались.... Какъ видно изъ распоряженія глуховскихъ властей, работники отправлены были въ Козелецъ въ самый разгаръ рабочаго времени....

Пріятельское письмо переяславскаго полковника Иваненка къ погарскому земскому судьѣ Лашкевичу, 1797 г. «М. г. мой и другъ Степанъ Ивановичъ. Будучи я боленъ и не ездя в канцелярію, и позабилъ било о вашемъ поварѣ, что бежалъ отъ васъ, а нынѣ вспомнѣвъ об немъ, охотно приступаю к оказанію вамъ благоучинности моей взнакъ благодарности за оказанную и отъ васъ. Посилаю его и дѣвку с нимъ к вамъ. Онъ теперъ, думаю, не станетъ утѣкать, висидѣвши в острозѣ близко полгода. Хотя же отъ моей жени сказана и претенсія к нему на 15 р., но я ону по дружбѣ вашей оставляю.

Извинѣте мене за нескору присылку; истинно виновна тому болѣзнь моя и забвеніе о семъ, о чемъ я сердечно сожалѣю, пребивая отъ вѣрна сердца вашего високоблагородія, мил. государя моего, покорной слуга Григорий Иваненко.

777 году, декабря 1 д. С Ковалювки»... [1]) *(Съ подлинника).*

Объ Иваненкѣ (Григорій Григорьевичъ) см. Русск. Арх. 1875 г., III, 297), а о Степанѣ Ивановичѣ Лашкевичѣ (р. 1734 † 1782) см. Кіевск. Стар. 1887 г., декабрь, 699—701).

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Самосудъ старообрядцевъ.* Осенью 1839 года, въ Филиповъ постъ, засѣдатель Винницкаго земскаго суда, проѣзжая чрезъ м. Ворошиловку, узналъ, что тамъ скрывается старообрядческій попъ, изъ бѣглыхъ православныхъ священниковъ—инокъ Маркъ.

Съ помощью старообрядца Абрама Жупанова инока удалось схватить, но затѣмъ онъ все-таки скрылся.

По выѣздѣ засѣдателя, старѣйшины с. Борскова, откуда Жупановъ былъ родомъ, собрались на домашній судъ. Сотскій и четверо

[1]) Обозначенная здѣсь Ковалевка составляла одно изъ имѣній Иваненка; повидимому, это было теперешнее село Ирятинскаго уѣзда (при рч. Чумгакѣ).

стариковъ, призвавъ виновнаго, заковали его въ кандалы (желѣзныя) чрезъ десятскаго наказали палками въ «пяты», а засимъ отвели въ особую избу и заперли на замокъ, босого, въ одной свитѣ, не давая, ни пищи, ни питья.

Прошло три дня—Жупановъ умеръ и тѣло его отвезено на Бугъ, куда и брошено.

—

2) *Происшествіе на Шполянской экономической «коверной» фабрикѣ.* Звенигородскій земскій судъ донесъ генералъ-губернатору, что 23 августа 1845 г. «смотрительница фабрики ковровъ въ м. Шполѣ, нѣкто Ордова, [1]) жестоко наказала крестьянскую дѣвку генеральши Скородули [2]) Прасковію Крылову такъ, что грудь ея, или соска одна пересѣчена, уши порваты и задные части со спины до ногъ весьма въ синебагровости и что Крылова, войдя въ комнату Ордовой, и нанося ей грубости, бросилась бить ее и душила Ордову за горло. Для опроизведенія о семъ изслѣдованія наряжено временное Отдѣленіе Суда».....

Оказалось, что Крылова заподозрила смотрительницу по поводу пропажи вещей изъ сундука, сданнаго первою на храненіе, во время ея болѣзни.

Кіевская Палата, разсмотрѣвъ дѣло въ подробностяхъ и признавъ драку «обопольною», тѣмъ не менѣе, оштрафовала Ордову двадцатью рублями серебромъ, какъ виновную въ томъ, что въ собственномъ дѣлѣ не постѣснялась быть судьею.

—

3) *Легкомысленный всадникъ съ сигарою.* 11 апрѣля 1847 года командиръ квартировавшаго въ г. Кременцѣ Камчатскаго егерскаго полка, въ видахъ огражденія полковыхъ складовъ и заведеній отъ пожаровъ, просилъ полиціймейстера запретить куреніе трубокъ и сигаръ на улицѣ.

Но не прошло и двухъ недѣль, какъ генералъ К., выйдя изъ квартиры, усмотрѣлъ человѣка въ бѣлой фуражкѣ и въ цивильномъ платьи, ѣхавшаго верхомъ съ сигарою въ зубахъ.

---

[1]) Ротмистерша.

[2]) Генералъ-маіорша, шполянская помѣщица.

День былъ сухой и вѣтренный. «Я», говоритъ генералъ, «напомнилъ ему, что неприлично въ городѣ курить сигаро, а тѣмъ болѣе при встрѣчѣ съ хозяиномъ дома, каковъ-бы онъ ни былъ, проѣзжая мимо его двора, что показываетъ явное пренебреженіе къ лицу и къ общественному порядку» . . . . . но, чиновникъ С. «не только не исполнилъ моего приказанія, но съ грубостію и надмѣнностію отвѣчалъ: «а Вамъ какое дѣло? Вы не полиціймейстеръ, я Васъ знать не хочу»—и, отворотясь, поскакалъ.

Желая узнать, къ какому вѣдомству принадлежитъ чиновникъ, который показалъ столь сильное неуваженіе къ законному порядку и власти «и неужели столь сильно вліяніе его здѣсь въ городѣ, что позволяетъ себѣ безвозбранно дѣлать подобные безпорядки, недозволяетъ сдѣлать справедливое замѣчаніе на неумѣстность и опасность курить въ городѣ сигаро, что сдѣлано мною по прямой моей обязанности. во первыхъ какъ командиръ полка, принимающій непосредственное участіе въ благополучіи города, какъ хозяинъ квартиры, на отвѣтственности коего лежитъ сохраненіе оной, и какъ старшій въ отношеніи къ чиновнику С . . . . », генералъ приказалъ стоявшему во дворѣ фурштату остановить лошадь, послѣ чего брошенные всадникомъ хлыстикъ и «сигаро» препровождены, при отзывѣ, полиціймейстеру, а конь сведенъ во дворъ къ хозяину.

О происшедшемъ доведено до свѣдѣнія главнаго начальника края.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Текущія извѣстія.

Десятилѣтіе смерти профессора А. А. Потебни. 29 ноября 1901 г. исполнилось десять лѣтъ со дня смерти извѣстнаго ученаго, профессора А. А. Потебни. Въ этотъ день въ Харьковѣ была отслужена панихида, и харьковскій университетъ, въ которомъ протекла ученая и преподавательская дѣятельность А. А. Потебни, почтилъ его память торжественными засѣданіями. Заимствуемъ изъ мѣстныхъ харьковскихъ газетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ чествованіи. 29 ноября въ университетѣ состоялось засѣданіе историко-филологическаго общества, котораго предсѣдателемъ долгое время былъ когда-то Потебня.

Г. Кашменскимъ прочитаны были воспоминанія о Потебнѣ, посвященныя характеристикѣ его, какъ профессора; профессоромъ Халанскимъ сообщены письма Потебни къ Бѣликову, относящіяся къ началу 60-хъ годовъ и представляющія крупный общественный интересъ выраженными въ нихъ взглядами покойнаго ученаго. Въ письмахъ ярко отражается оригинальная личность ихъ автора, его горячая любовь къ изученію народности вообще, и украинской въ особенности. «Наши дѣды и отцы,—говоритъ между прочимъ Потебня въ одномъ изъ писемъ,—были крѣпки въ своей народности невольно, сами того не сознавая; они могли еще оставаться украинцами; мы уже *можемъ быть крѣпки только сознаніемъ своей особенности*. Предстоитъ опасность, искавши свою народную особность, находить не то, что есть, а то, что хотимъ; но чистое, правдивое стремленіе всегда выведетъ на вѣрный путь». Вообще письма Потебни представляютъ особый интересъ для историка украинскихъ симпатій и настроеній лучшихъ людей харьковскаго общества стараго времени, и слѣдуетъ желать скорѣйшаго опубликованія какъ ихъ, такъ и вообще свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго ученаго и человѣка.

30 ноября состоялось засѣданіе педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества; оно было открыто рѣчью проф. Сумцова, посвященной характеристикѣ педагогическихъ и научныхъ заслугъ Потебни. Тому же былъ посвященъ и докладъ г. Маслова.

Въ заключеніе не можемъ не присоединиться къ тѣмъ пожеланіямъ, которыя высказывались на обоихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ памяти Потебни,—пожеланіямъ, чтобы изданы были еще не появившіеся труды его, а также и всѣ матеріалы, относящіеся къ его жизни, и возможно полная его біографія. Это долгъ харьковскаго университета, которому покойный ученый посвятилъ свою преподавательскую и научную дѣятельность, составляющую и въ исторіи самого университета одну изъ блестящихъ страницъ.

—

Дѣятельность Петербургскаго Общества имени Т. Г. Шевченка. 29 ноября закончилась третья годовщина существованія въ Петербургѣ общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществованія нуждающимся урожденцамъ южной Россіи, учащимся въ Петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ настоящее время число членовъ этого общества доходитъ до 300, всего же учащихся въ Петербургѣ южно-руссовъ до 1,500 чел. Въ текущемъ году обществомъ

выдано было уже свыше 20 пособій нуждающейся молодежи. Между прочимъ Общество рѣшило устроить въ Петербургѣ общежитіе для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ женщинъ, уроженокъ юга Россіи. Особая коммиссія изъ членовъ названнаго общества въ настоящее время дѣятельно подыскиваетъ подходящее для этой цѣли помѣщеніе. («С.-Петербургск. Вѣдомости,» № 330).

—

Украинскій вечеръ въ Петербургѣ. 26 ноября въ залѣ Благороднаго собранія артистомъ Морскимъ былъ устроенъ украинскій вечеръ. Поставленная украинская опера Артемовскаго «Запорожець за Дунаемъ» имѣла крупный успѣхъ, но наибольшее впечатлѣніе произвелъ хоръ въ украинскихъ національныхъ костюмахъ, исполнившій нѣсколько народныхъ пѣсенъ («Биржевыя Вѣдомости», № 324).

—

Картины кисти Т. Г. Шевченка. «Биржевыя Вѣдомости» (№ 315) сообщаютъ, что у Д. Л. Мордовцева хранится около двадцати акварелей и сепій кисти Т. Г. Шевченка.

—

Народные спектакли въ домѣ Квитки. Какъ раньше уже сообщалось у насъ, въ домѣ Квитки на Основѣ устроена новая сцена и сдѣланы декораціи. 18 числа данъ былъ первый спектакль. Шло «Дай сердцю волю, заведе у неволю» и «Предложеніе» Чехова. Основянскіе жители и сосѣднихъ окрестностей, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе открытія спектаклей, быстро разобрали всѣ билеты, такъ что многимъ желавшимъ не пришлось попасть на первое представленіе. («Харьк. Губ. Вѣдомости», № 311).

—

Предки Н. В. Гоголя. Въ засѣданіи общества Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ А. М. Лазаревскимъ было сдѣлано сообщеніе о предкахъ Н. В. Гоголя. Основнымъ положеніемъ сообщенія является отрицаніе католичества и шляхетства предковъ Гоголя. Самымъ отдаленнымъ предкомъ писателя, насколько возможно прослѣдить, является могилевскій полковникъ Евстафій Гоголь (17 вѣка), получившій отъ польскаго короля с. Ольховецъ. Позднѣйшіе предки были священниками с. Кононовки, Миргородскаго уѣзда. У одного изъ нихъ, священника Демьяна Ивановича Гоголя, было два сына: Кириллъ, оставшійся священникомъ на приходѣ отца, и Афанасій, поступившій на гражданскую службу. Румянцевъ наградилъ Афанасія Демьяновича чи-

номъ полкового писаря, а впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ маіоры. Женился Афанасій Демьяновичъ на дочери Семена Семеновича Лизогуба, родного внука гетмана Скоропадскаго, человѣка богатаго. Сынъ Афанасія Демьяновича и отецъ великаго писателя Василій Афанасьевичъ поселился на хуторѣ, полученномъ его отцомъ въ приданое за Лизогубъ, построилъ тамъ церковь и назвалъ тотъ хуторъ с. Васильевкой. Послѣдняя существуетъ до нынѣ.

—

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Полтавская городская дума никакъ не можетъ покончить съ выборомъ мѣста для памятника Котляревскому. Послѣ того какъ городская дума не разъ уже рѣшала и перерѣшала этотъ вопросъ, предстоитъ новое перерѣшеніе. Мѣстныя «Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что нѣкоторыми изъ представителей мѣстнаго городского управленія вновь поднятъ вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. «Признавая Протопоповскій бульваръ крайне неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для постановки тамъ памятника, лица эти предлагаютъ мѣсто для памятника въ одномъ изъ двухъ скверовъ, устраиваемыхъ противъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей, а именно въ томъ, который находится посреди квартала, нѣсколько правѣй отъ зданія для театральныхъ представленій. Поднятый вопросъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе думы въ предстоящей на дняхъ сессіи. Что же касается второго сквера, уже огороженнаго и даже насаженнаго, то здѣсь предполагается поставить бюстъ «Н. В. Гоголя» («Южный Край», № 7199). Когда же наконецъ состоится открытіе этого многострадальнаго памятника?

—

Къ 40-лѣтнему юбилею К. М. Станюковича. Въ 1901 году исполнилось 40-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго русскаго писателя К. М. Станюковича. Напоминаемъ, что свою литературную дѣятельность почтенный писатель началъ переводами стихотвореній Шевченка, помѣщенными въ журналѣ «Сѣверный Цвѣтокъ» за 1861 годъ.

—

Желая достойнымъ образомъ почтить память великаго русскаго писателя **Н. В. Гоголя**, которая будетъ чествуема 21 будущаго февраля, совѣтъ историческаго общества Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ,—по словамъ «Кіевл.»,—постановилъ устроить въ тотъ день въ залѣ торжественныхъ собраній университета св. Владиміра выставку рукописей, книгъ (въ томъ числѣ и журнальныхъ), нумеровъ газетъ, порт-

ретовъ, видовъ, картинъ и всѣхъ другихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ жизни и дѣятельности Гоголя и лицъ, близкихъ ему, и обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ таковыми предметами, не отказать, по предварительному сношенію съ обществомъ, въ высылкѣ таковыхъ на имя общества (Кіевъ, университетъ св. Владиміра, центральный архивъ) съ сообщеніемъ краткаго списка—для внесенія въ каталогъ выставки. По закрытіи послѣдней, всѣ доставленные предметы будутъ въ полной сохранности возвращены владѣльцамъ ихъ, причемъ стоимость высылки въ Кіевъ и обратно общество принимаетъ на себя. («С.-Петерб. Вѣд»., № 1317).

—

Отклоненное ходатайство. Въ нашемъ журналѣ сообщалось, что М. В. Яворскій, служащій статистикомъ въ оцѣночно-статистическомъ бюро черниговскаго губернскаго земства, возбуждалъ передъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о разрѣшеніи ему издавать въ Черниговѣ періодическій сельско-хозяйственный органъ на малорусскомъ языкѣ—подъ названіемъ «Рілля». На-дняхъ главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило г-на Яворскаго, что министръ внутреннихъ дѣлъ отклонилъ его ходатайство. («Кіевская Газета», № 329).

—

Гибнущія произведенія украинскаго искусства. Въ послѣдней книжкѣ «Міра Искусства» г. Дягилевъ въ интересной и обстоятельной статьѣ своей «О русскихъ музеяхъ» говоритъ, между прочимъ, какъ много портретовъ—кисти первоклассныхъ мастеровъ нашихъ—гибнетъ и теряется въ потемкахъ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій. Авторъ статьи имѣлъ въ виду Петербургъ и ближайшіе къ нему города: Царское Село, Петергофъ, Гатчино. По этому поводу одинъ изъ читателей сообщаетъ въ письмѣ въ редакцію «Россіи» интересныя данныя о картинахъ, затерянныхъ въ глубинѣ Россіи.

«Особенно много затеряно хорошихъ картинъ,—говоритъ авторъ письма,—въ Малороссіи вообще, а въ Черниговской губерніи—въ особенности, гдѣ во времена Екатерины Великой чуть-ли не мгновенно возникали громадныя состоянія, съ богатѣйшими усадьбами, выстроенными знаменитымъ Растрелли и снабженными дорогой, строго-художественной обстановкой, при чемъ стѣны украшались настоящими Ватто, Буше, Рубенсами и даже Тиціанами.

Въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, есть имѣніе Очкинъ. Принадлежитъ оно Судіенкамъ. Перваго или одного изъ первыхъ Судіенка выдвинулъ графъ Безбородко, при которомъ онъ былъ сначала секретаремъ. Въ одномъ изъ покоевъ очкинскаго дворца висятъ два большихъ портрета кисти Боровиковскаго. На одномъ изображенъ Безбородко, на другомъ—секретарь его Судіенко. Портретъ Безбородка прямо очаровательнъ. Онъ поражаетъ и колоритомъ, и нѣжной выпиской деталей. Чувствуется легкость дорогого и мудренаго кружева, которымъ обшитъ цвѣтной камзолъ бритаго, напудреннаго вельможи. Руки написаны до того реально и тонко, что видна кровь подъ кожей. («Одесскій Листокъ», № 307).

—

Странное распоряженіе. Въ началѣ декабря въ Лубнахъ состоялся концертъ хора студентовъ университета св. Владиміра. Концертъ носилъ по преимуществу украинскій характеръ: было съ большимъ успѣхомъ исполнено много украинскихъ народныхъ пѣсенъ и произведеній украинскихъ композиторовъ. Концертъ этотъ далъ случай, какъ сообщаетъ «Кіевская Газета» (№ 335), мѣстному педагогическому начальству проявить усердіе не по разуму: гимназистамъ и гимназисткамъ было воспрещено присутствовать на концертѣ. Считаясь съ этимъ распоряженіемъ, распорядители концерта устроили для учащихся генеральную репетицію, но гимназическое начальство потребовало *исключенія изъ программы всѣхъ украинскихъ номеровъ*. Очевидно, украинская пѣсня въ Лубнахъ—плодъ запрещенный!

—

Нѣчто о „всеславянахъ“. Русская печать, обсуждая извѣстный инцидентъ, сопровождавшій чтеніе лекціи г. Вергуна «О зарубежной Руси» въ Кіевѣ и Москвѣ, высказывается о весьма сомнительномъ и двусмысленномъ значеніи роли нѣкоторыхъ славянскихъ «дѣятелей» (см., напримѣръ, статьи въ №-рахъ 313, 326 и 327 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ № 328 «Новостей», № 322 «Русскаго Слова», въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» и др.). «Г. Вергунъ,—говоритъ г. Буква въ «Новостяхъ», воинствующій славянинъ изъ Вѣны», издающій тамъ же для непонятныхъ цѣлей и для несуществующихъ читателей журналъ «Славянскій Вѣкъ». Журналъ этотъ замѣчателенъ только тѣмъ, что разныхъ курьезовъ, печатаемыхъ въ «Славянск. Вѣкѣ», могло бы хватить, пожалуй, на весь славянскій вѣкъ. Вообще говоря, наши зару-

бежные славяне всегда считали для себя своею первою и наиболѣе для себя пріятною обязанностью установленіе тѣсныхъ связей съ разными нашими славянскими благотворителями для полученія отъ нихъ въ возможно частые сроки тѣхъ или иныхъ вещественныхъ знаковъ сочувствія, довѣрія и поддержки. Герой одной изъ повѣстей П. Д. Боборыкина «Докторъ Цыбулька» былъ ихъ наиболѣе типичнымъ представителемъ. Распинаясь за всеславянское духовное единеніе и политическое сліяніе, они, пока что, въ ожиданіи будущихъ, подобающихъ имъ, ролей въ главѣ всеславянскаго движенія, довольствовались у насъ мѣстами домашнихъ секретарей у важныхъ особъ, учителей, экзекуторовъ, капельмейстеровъ и оперныхъ хормейстеровъ. Сравнительно съ ними, редакторъ «Славянскаго Вѣка» имѣетъ полное право считать себя счастливцемъ: онъ не нуждается ни въ чьихъ воспособленіяхъ, потому что можетъ позволять себѣ роскошь, живя въ такомъ хорошемъ городѣ, какъ Вѣна, издавать тамъ «ради собственнаго удовольствія журналъ для несуществующихъ читателей». Удовлетвореніе прихотей, подобныхъ этой, доступно немногимъ и должно быть цѣнимо. Люди отъ добра добра не ищутъ, и трудно понять, поэтому, для чего предпринялъ г. Вергунъ свое всеславянское турнэ по Россіи, если онъ только не взялъ на себя, отправляясь къ намъ, агентскія обязанности, по распространенію билетовъ австрійскихъ лотерей или комми-вояжерства по порученію венгерскихъ виноторговцевъ. Та лекція, которую онъ приготовилъ для кіевской, московской и петербургской публики, смѣло могла бы оставаться въ портфелѣ редактора «Славянскаго Вѣка». Хотя она и носитъ громкое и многообѣщающее названіе («Зарубежная Русь и славянство на порогѣ XX вѣка»), но по содержанію своему, какъ видно изъ посвященныхъ ей рефератовъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ общихъ фразъ и героической или патетической фразеологіи, заимствованныхъ изъ нашихъ старыхъ славянофильскихъ книжекъ, лишь одно интересное мѣсто,—именно то, за которое въ Кіевѣ ученый гастролеръ и былъ награжденъ отъ своихъ слушателей шиканьемъ и свистками, дерганьемъ стульевъ и хлопаньемъ дверями. Оно касалось малороссовъ, какъ племени; оно увѣряло, что малорусское племя вовсе не существуетъ въ дѣйствительности и представляется только плодомъ досужаго измышленія и этнографической мистификаціи. Это, однако, отнюдь не новость. Г. Вергунъ совершенно напрасно думаетъ, что сдѣлалъ ученое открытіе, достойное круговой поѣздки по Россіи. У него было и въ нашей лите-

ратурѣ очень много предшественниковъ. Редакторъ «Славянск. Вѣка» смѣло могъ не собирать русской публики только для того, чтобы она свистала, шикала и кричала ему «довольно!» Этотъ печальный исходъ его лекцій могъ быть для него поучительнымъ только въ одномъ отношеніи: онъ показалъ ему, что стоятъ на славянскомъ порогѣ XX вѣка, при свойственной славянамъ привычкѣ очень размашисто хлопать дверями, опасно. Покойнѣе сидѣть въ зарубежной Руси или на берегахъ Дуная, въ всеславянской столицѣ Вѣнѣ, и писать тамъ, ради собственнаго удовольствія, всеславянскія статьи для непонятныхъ цѣлей и несуществующихъ читателей» («Новости», № 328).

Едва ли нужно что нибудь прибавлять къ этой мѣткой и достаточно опредѣленной характеристикѣ «всеславянскихъ» дѣятелей a-là г. Вергунъ... Впрочемъ, г. Вергунъ должно быть объясняетъ неудачу своей поѣздки какой-нибудь «интригой». Въ этомъ духѣ уже напечатана замѣтка въ «Галичанинѣ», гдѣ протестантами выставлены «непримиримые» поляки, евреи, и «восточные человѣки»!...

—

Исидоръ Шараневичъ *(некрологъ)*. 20 ноября скончался во Львовѣ профессоръ львовскаго университета Исидоръ Шараневичъ, извѣстный своими трудами въ области украинской исторіи и археологіи. Покойный родился 16 февраля 1829 года въ с. Козарѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи курса гимназіи въ Бережанахъ, онъ поступилъ во Львовскій университетъ сперва на богословскій факультетъ, а затѣмъ перешелъ на философскій. Съ 1855 г. по 1871 Шараневичъ былъ учителемъ гимназій въ Перемышлѣ и Львовѣ; въ 1864 году получилъ степень доктора исторіи и началъ готовиться къ профессурѣ и въ 1871 г. былъ приглашенъ профессоромъ въ львовскій университетъ на каѳедру австрійской исторіи. Въ 1884 г. Совѣтомъ Университета Св. Владиміра удостоенъ степени доктора русской исторіи. Какъ весьма трудолюбивый и плодовитый ученый, покойный оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіографіи Галичины. Его курсъ «Исторіи Галицко-володимирской Руси» (1863) долгое время былъ единственнымъ учебникомъ мѣстной исторіи, а нѣмецкая диссертація «Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte» (1872) до сихъ поръ не утратила своей научной цѣнности. Другіе труды Шараневича, какъ «Ruś wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniej w drugiej połowie XV w». (1809) или цѣлый рядъ очерковъ по исторіи

галицкаго духовенства XVI—XVIII в. важны тѣмъ, что представляютъ собою одинъ изъ первыхъ опытовъ обнародованія и обработки обширнаго матеріала по исторіи Галичины. Примыкая по своимъ политическимъ взглядамъ къ такъ называемой старорусской партіи, Шараневичъ не раздѣлялъ ея партійной односторонности. Онъ всегда горячо интересовался и съ симпатіей относился къ трудамъ народныхъ институцій въ Галичинѣ и не разъ высказывался, что въ основу культурной работы въ Галичинѣ долженъ быть положенъ народный языкъ: украинскимъ языкомъ онъ и самъ писалъ свои произведенія до 80-хъ годовъ.

Библіографія.

„Кустари и ремесленники Полтавской губ. по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898 и 1900 г.г.“ *Изданіе статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства. Полтава. 1901 г.*

Изданіе посвящено изслѣдованію кустарныхъ промысловъ и ремеслъ на всемъ пространствѣ Полтавской губерніи (включая и города). Какъ видно изъ вступленія къ нему, изслѣдованіе это произведено было въ два пріема. Сначала—въ 1898 г.—чрезъ корреспондентовъ статистическаго бюро. Но доставленныя ими цыфровыя данныя оказались совершенно несостоятельными и крайне противорѣчивыми, какъ это обнаружилось при первоначальной сводкѣ собранныхъ данныхъ. Оказалось, что доставители этихъ свѣдѣній совершенно различно понимали термины «ремесленникъ» и «кустарь», при чемъ одни съуживали эти понятія до минимума, другіе, наоборотъ, смотрѣли на нихъ очень широко. Было ли въ этомъ виновато отсутствіе толковой объединяющей инструкціи, или что другое, вступленіе умалчиваетъ; но результатомъ столь различнаго пониманія оказалось то, что показанія различныхъ корреспондентовъ по одному и тому же селенію относительно числа кустарей и ремесленниковъ разнились на цыфры отъ *пяти* до *трехсотъ!*

Вслѣдствіе этого изъ данныхъ, доставленныхъ добровольными постоянными корреспондентами, статистическому бюро пришлось признать пригодными только свѣдѣнія описательнаго характера (отзывы о состояніи и нуждахъ промысловъ и ремеслъ и т. п.); для собранія же цыфровыхъ данныхъ о количествахъ кустарей и лицъ, занимающихся

ремеслами, пришлось, въ 1900 уже году, произвести новое изслѣдованіе, или, какъ почему-то сказано во вступленіи, «провѣрку» предыдущаго изслѣдованія. «Провѣрка» эта по селамъ заключалась въ томъ, что въ каждой волости найдено было лицо, «которое за особое небольшое вознагражденіе взяло на себя трудъ по посемейнымъ спискамъ опредѣлить число кустарей и ремесленниковъ, при чемъ всѣмъ имъ лично сдѣлано было разъясненіе лицами, командированными губернскою управою, что подъ кустарями понимаются мастера, производящіе данныя издѣлія на неопредѣленный рынокъ и сбывающіе ихъ на ярмаркахъ или базарахъ скупщикамъ или въ раздробь потребителямъ (при чемъ кустаремъ считается только тотъ производитель, который имѣетъ не болѣе двухъ наемныхъ рабочихъ), ремесленниками же тѣ мастера, которые издѣлія своего труда производятъ по заказу, хотя могутъ изготовлять ихъ сверхъ того и для своего личнаго потребленія». Хотя вступленіе и гласитъ, что собранными такимъ путемъ цыфрами, послужившими главнѣйшимъ матеріаломъ для даннаго изданія, были исправлены и дополнены цыфровыя свѣдѣнія, доставленныя корреспондентами, но изъ самой постановки вторичнаго изслѣдованія видно, что оно сводилось не къ исправленію и дополненію цыфръ, первоначально добытыхъ, а къ полученію ихъ совершенно на-ново—перечетомъ всѣхъ семей каждаго селенія съ подсчетомъ изъ ихъ состава всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ числу кустарей или ремесленниковъ. Слѣдовательно, второе изслѣдованіе должно было дать совершенно новыя цыфры, вполнѣ замѣняющія прежде добытыя, и о поправкѣ ими или дополненіи прежнихъ цыфръ по тѣмъ или инымъ селеніямъ тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи, что, при неодинаковости и неправильности пониманія первыми изслѣдователями терминовъ «кустарь» и «ремесленникъ», нельзя было судить о томъ, какія изъ собранныхъ корреспондентами въ 1898 г. цифръ и по какимъ селеніямъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Словомъ, дѣло свелось къ тому, что новыя цыфры, какъ цыфры болѣе годныя, болѣе близкія къ дѣйствительности, сполна замѣнили собою прежнія цыфры, что, конечно, само собою и послужило къ ихъ «исправленію» и «дополненію».

Можно, однако, сомнѣваться и въ желательной точности сихъ послѣднихъ цыфръ, добытыхъ спеціальнымъ обслѣдованіемъ 1900 г. Въ самомъ вступленіи говорится, что приведенное въ изданіи число ткачей «является наиболѣе неопредѣленнымъ» и къ этому заключенію статистическое бюро приходитъ на томъ основаніи, что рядомъ съ

извѣстными цыфрами, опредѣляющими число ткачей въ тѣхъ или иныхъ селеніяхъ, оно находитъ въ сообщеніяхъ корреспондентовъ о состояніи въ ихъ селахъ тѣхъ или другихъ промысловъ, противорѣчащія доставленнымъ цыфрамъ указанія, въ родѣ: «въ нашемъ селѣ ткачествомъ занимаются почти всѣ жители», «ткачествомъ занято около половины всѣхъ хозяйствъ«, «ткачествомъ для себя заняты всѣ женщины» и т. п. Цыфры, относящіяся къ прочимъ занятіямъ, бюро находитъ болѣе соотвѣтствующими дѣйствительности, но все-таки недостаточно полными, такъ какъ нѣкоторые изъ собирателей свѣдѣній «указывали только окончательно оспеціализировавшихся мастеровъ». Слѣдовательно, и данныя вторичнаго изслѣдованія тоже недостаточно точны, хотя, конечно, и болѣе близки къ дѣйствительному положенію дѣла. Что же касается причинъ этой неточности, то вышеприведенныя указанія самого бюро дають полное основаніе заключить, что и упомянутые недочеты вторичнаго обслѣдованія въ значительной степени зависѣли отъ невѣрнаго же пониманія вышеуказанныхъ терминовъ (нѣкоторые изслѣдователи «указывали *только* окончательно оспеціализировавшихся мастеровъ» и т. п.). Другая причина, намъ думается, могла заключаться и въ характерѣ самой работы изслѣдователей 1900 г. Всѣ ли эти работники изъ числа лицъ, найденныхъ по одному на каждую волость «по большей части изъ состава служащихъ въ волостномъ правленіи» и взявшихъ на себя этотъ трудъ «за особое небольшое вознагражденіе», оказались на столько добросовѣстными и внимательными къ дѣлу, чтобы, не полагаясь на одну свою память, на одно свое личное, иногда и неполное, знаніе промысловаго состава всѣхъ семей всѣхъ селеній цѣлой своей волости, обстоятельно провѣрить этотъ составъ опросомъ знающихъ изъ мѣстныхъ жителей каждаго селенія, или даже подворнымъ опросомъ всѣхъ семей мало знакомыхъ имъ селеній? А вѣдь отъ этого отношенія ихъ къ дѣлу могла произойти значительная неточность собранныхъ цыфръ, независимо даже отъ правильности или неправильности пониманія вышеуказанныхъ терминовъ!

Этотъ опытъ изслѣдованія мѣстныхъ промысловъ служитъ, по нашему мнѣнію, однимъ изъ наилучшихъ показателей того, какъ рискованно производить цыфровое мѣстное изслѣдованіе такихъ сложныхъ явленій, какъ промысловая жизнь населенія, чрезъ посредство стороннихъ лицъ, не спеціалистовъ. Всѣмъ, болѣе или менѣе близко знакомымъ съ ходомъ послѣдней всеобщей переписи, хорошо извѣстно,

какою слабою точностью отличались изъ числа собранныхъ этою переписью данныхъ именно свѣдѣнія о промысловыхъ занятіяхъ населенія, что всегда зависѣло частію отъ скрыванія ихъ населеніемъ, частію отъ недостаточного пониманія какъ самими собиравшими свѣдѣнія, такъ и дававшими показанія, *какъ* слѣдуетъ понимать термины «кустарь», «ремесленникъ», «промыселъ», *кого* слѣдуетъ причислять къ разряду лицъ, занимающихся промыслами. Каждый, работавшій въ земскихъ статистическихъ бюро, знаетъ также, какъ при началѣ работъ въ каждой губерніи много зависѣла точность регистраціи промысловыхъ занятій при земскихъ подворныхъ переписяхъ отъ установленія правильнаго пониманія вышеуказанныхъ терминовъ, отъ умѣнья изслѣдователей правильно зарегистровывать промысловыя занятія и добиваться въ этомъ отношеніи точныхъ и полныхъ свѣдѣній отъ дающаго показанія населенія.

Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что въ данномъ случаѣ Полтавское земство поставлено было въ невозможность произвести изслѣдованіе промысловъ—хотя бы только въ отношеніи регистраціи лицъ, занимающихся ими,—путемъ подворной переписи статистиками-спеціалистами. И это потому, что только подворный опросъ на сходахъ, при наличности самихъ мѣстныхъ жителей, по обыкновенію дополняющихъ и исправляющихъ показанія отдѣльныхъ лицъ, и только опросъ, произведенный опытными статистиками, не разнорѣчащими въ пониманіи элементарныхъ терминовъ регистраціи, даетъ, какъ показалъ многолѣтній опытъ, наиболѣе точныя цыфры. Вотъ почему нельзя Полтавскому статистическому бюро ставить въ вину выясненные недочеты этой его послѣдней промысловой статистики, сводка которой въ отдѣлѣ таблицъ произведена имъ съ возможною подробностью. Составленная поданнымъ корреспондентовъ описательная часть (характеристика промысловъ по каждой волости) не вездѣ отличается одинаковою полнотою: видно, что одни корреспонденты были щедрѣе на свѣдѣнія и отнеслись къ дѣлу съ большимъ интересомъ, чѣмъ корреспонденты изъ нѣкоторыхъ другихъ волостей, мѣстами пропускавшіе безъ отвѣта тѣ или иные вопросы общей для всѣхъ программы.

Въ заключеніе не можемъ не указать на постоянно употребляемыя въ описательной части выраженія въ родѣ: «изъ перечисленныхъ ремесленниковъ кустарей 1 бондарь», «изъ перечисленныхъ ремесленниковъ кустарей—1 бондарь и 2 колесника» и т. п.: они кажутся очень странными послѣ того, какъ во вступленіи къ цитируемой ра-

ботѣ бюро такъ категорически отдѣлило понятіе «кустарь» отъ понятія «ремесленникъ», послѣ того какъ оно само сѣтовало на неточность свѣдѣній благодаря неточному ихъ пониманію, и, наконецъ, рядомъ съ рѣзко разграничивающими эти же понятія выраженіями въ родѣ: «кустарей нѣтъ, ремесленники же»... и т. д., употребляемыми въ той же книгѣ. Слѣдовало бы выражаться болѣе точно.

Л. С. Л.

В. К. Гульдманъ. Памятники старины въ Подоліи. *(Матеріалы для составленія археологической карты Подольской губерніи). Каменецъ-Подольскій. 1901 г. 8°. VII+401+LVII стр.*

Все развивающаяся у насъ археологическая литература идетъ по двумъ направленіямъ: одну часть ея составляютъ самостоятельныя изслѣдованія какъ общаго, такъ и болѣе частнаго характера, съ очень замѣтнымъ преобладаніемъ послѣднихъ; другую, первенствующую и достаточно обильную, занимаютъ работы, такъ сказать, собирательныя: сводки сырого матеріала, въ видѣ-ли дневниковъ, описаній коллекцій или—что является наиболѣе цѣннымъ—въ формѣ археологическихъ картъ той или другой губерніи, области. Такой ходъ, такое отношеніе работъ представляется вполнѣ нормальнымъ: чѣмъ больше работъ послѣдняго разряда, тѣмъ легче оріентироваться среди массы данныхъ и придти къ какимъ либо общимъ заключеніямъ.

Юго-Западный край имѣетъ уже археологическую карту Кіевской губ., составленную проф. В. Б. Антоновичемъ, имъ-же составлена и карта Волынской губ., долженствующая скоро появиться въ свѣтъ. Что-же касается Подольской губ., то здѣсь предвидится даже нѣкоторое изобиліе. Дѣло въ томъ, что на послѣдній археологическій съѣздъ въ Кіевѣ (1899 г.) о. Е. Сѣцинскимъ была представлена археологическая карта Подольской губ.; обыкновенно такія карты сопровождаетъ объяснительный текстъ, имѣющійся и при картѣ о. Сѣцинскаго; текстъ этотъ, въ той или другой обработкѣ, и является «матеріалами» къ археологической картѣ. Такимъ образомъ, для Подольской губ. имѣется два сборника «матеріаловъ», долженствующихъ собственно объединить одни и тѣ-же данныя.

Но трудъ о. Е. Сѣцинскаго еще не опубликованъ, о полнотѣ его судить мы пока не можемъ, хотя имя составителя и ручается за качество, а потому займемся теперь «Памятниками старины въ Подоліи» В. Гульдмана.

Характеръ этого изданія видѣнъ изъ заглавія—это сводка свѣдѣній о разнаго рода памятникахъ старины, а отчасти, какъ увидимъ ниже, и не старины. Распредѣлены свѣдѣнія по извѣстнымъ рубрикамъ, слѣдуя не вполнѣ удачной программѣ, выработанной Московскимъ Археологич. Обществомъ (въ 1888 г.) для составленія археологическихъ картъ. Прежде чѣмъ появиться отдѣльнымъ изданіемъ, эти матеріалы печатались въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»; въ виду именно этого обстоятельства, желая хотя отчасти ввести въ курсъ дѣла своихъ читателей-преимущественно мѣстныхъ жителей, въ большинствѣ случаевъ мало освѣдомленныхъ въ вопросахъ археологіи, г. Гульдманъ включилъ въ планъ своей работы, на-ряду съ перечисленіями тѣхъ или другихъ памятниковъ старины, и небольшія вводныя статьи болѣе общаго характера. Отъ этихъ статей, конечно, нельзя требовать самостоятельности—это было-бы даже излишнимъ для данной цѣли, поэтому мы оставляемъ въ сторонѣ ихъ нѣкоторую неравномѣрность и встрѣчающіеся промахи. Объ одномъ изъ послѣднихъ, все-таки, считаемъ долгомъ упомянуть. Во введеніи, въ статьѣ «Исторія развитія русской археологіи и ея успѣхи», г. Гульдманъ, между прочимъ, перечисляетъ и приводитъ краткія историческія справки о разныхъ археологическихъ обществахъ; здѣсь есть и кавказское, казанское, рижское, митавское и т. д., но авторъ почему-то забылъ упомянуть объ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, бывшемъ въ теченіе многихъ лѣтъ и до самаго послѣдняго времени единственнымъ для юго-западнаго края обществомъ, гдѣ вопросы археологіи занимали не послѣднее мѣсто: стоитъ, напр., вспомнить хотя-бы рядъ докладовъ, сообщеній и замѣтокъ проф. В. Б. Антоновича. Что касается неравномѣрнаго распредѣленія этихъ вводныхъ статей, то оно выражается въ томъ, что нѣкоторые виды памятниковъ старины совершенно лишены ихъ; таковы, напр., памятники каменнаго вѣка,—здѣсь въ особенности, для ознакомленія болѣе широкого класса публики, необходима была-бы такая статья.

Переходимъ теперь къ сути, къ матеріаламъ для археологической карты. Предъявлять строгихъ требованій къ этой части работы

также нельзя. Матеріалы г. Гульдмана—первая попытка въ этомъ отношеніи для Подольской губерніи; работа выполнялась на мѣстѣ, вдали отъ центровъ, съ большой недостачей справочнаго матеріала. По изложенію видно, какъ, съ теченіемъ времени, у автора усиливался интересъ къ предмету, какъ онъ старался о большей полнотѣ собираемыхъ свѣдѣній. Но обнять все, дать матеріалы въ такомъ видѣ, чтобы по нимъ можно было уже нанести всѣ данныя на карту, авторъ не былъ въ состояніи именно вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ. Свѣдѣнія шли изъ разныхъ источниковъ; главнѣйшіе изъ нихъ: опросы на мѣстѣ, затѣмъ, музеи, гдѣ хранятся памятники старины, и наконецъ—литература. Если относительно двухъ первыхъ можно сказать, что авторъ использовалъ ихъ въ достаточной степени, то въ послѣднемъ отношеніи остается сдѣлать еще многое. Объясняется это трудностью, живя въ провинціи, имѣть подъ рукой спеціальныя изданія, въ родѣ, напр., Отчетовъ Археологической Комиссіи и др., гдѣ разбросано достаточно свѣдѣній и для Подоліи.

Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Гульдмана—трудъ очень полезный, долженствующій лечь въ основу другихъ подобнаго рода изданій для Подольской губ. Очень много свѣдѣній носитъ характеръ первоисточниковъ, такъ какъ собраны они главнымъ образомъ чрезъ мѣстныя уѣздныя власти, путемъ опросовъ. Здѣсь, однако, мы должны сдѣлать одно небольшое замѣчаніе: у г. Гульдмана нигдѣ не обозначено, отъ кого именно получено то или другое свѣдѣніе, а также, въ большинствѣ случаевъ, не упоминается и о судьбѣ той или другой находки: утрачена-ли она, поступила-ли куда-нибудь. Въ такого рода работахъ, какъ настоящая, въ работахъ справочнаго характера, такія указанія помѣщать необходимо.

Несмотря на то, что настоящій сборникъ не составляетъ полнаго инвентаря древностей Подоліи, но и то, что сюда включено, показываетъ, насколько богатъ этотъ край разнообразными памятниками старины, какъ до-исторической, такъ и исторической. Изученіе ихъ едва только начато, открывается обширное поле для работы, и для работы тѣмъ болѣе интересной, что здѣсь сталкивались, останавливались, перекрещивались различныя культуры въ своемъ движеніи съ востока на западъ и обратно.

Матеріалы, собранные г. Гульдманомъ, распредѣлены имъ по нижеслѣдующимъ 15-ти рубрикамъ.

Находки каменныхъ орудій. Конечно, списокъ такихъ находокъ, даже съ послѣдующими дополненіями, не можетъ считаться полнымъ: много данныхъ литературныхъ не использовано авторомъ. Это относится также и къ слѣдующему отдѣлу—*Находки мѣдныхъ и бронзовыхъ топориковъ и стрѣлъ. Находки старинныхъ монетъ*—довольно большой списокъ, хотя также не исчерпывающій всѣхъ находокъ. Здѣсь-же г. Гульдманъ приводитъ перечень лицъ, живущихъ въ Подольской губ. и занимающихся нумизматикой. Оказывается, что такого рода коллекціонерство сравнительно развито,—всѣхъ коллекцій монетъ насчитывается до 20-ти. *Находки стариннаго оружія и вообще древнихъ вещей*—встрѣчаются иногда очень интересныя находки; бѣда лишь въ томъ, что большинство ихъ уничтожается или портится находчиками-крестьянами. *Находки костей*—г. Гульдманъ отмѣчаетъ гл. обр. находки человѣческихъ костей, встрѣченныхъ при разныхъ обстоятельствахъ и относящихся къ различнымъ эпохамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свѣдѣнія получены отъ волостного начальства, иногда отмѣчаются значительные размѣры человѣческихъ костей и авторъ относится какъ будто съ вѣрой къ такимъ показаніямъ. Затѣмъ авторъ довольно часто употребляетъ выраженіе «человѣческій остякъ», вѣроятно производя послѣднее слово отъ os. . . . *Пещеры* и слѣдующая глава—*Слѣды мегалитическихъ сооруженій*—составлены гл. обр. на основаніи работъ проф. В. Б. Антоновича и г-жи Мельникъ. *Насыпные валы*—здѣсь не всегда ясно: имѣемъ-ли мы дѣло съ валомъ, какъ самостоятельнымъ сооруженіемъ, или какъ съ принадлежностью *городищъ*. Послѣднимъ посвящена слѣдующая обширная глава, раздѣленная на подзаголовки: городища, замковища, замки, крѣпости-замки и сторожевыя башни. За городищами идутъ *курганы;* по подсчету г. Гульдмана число ихъ простирается до 2.339-ти. Сравнительно немного свѣдѣній, въ зависимости отъ небольшого числа и самихъ памятниковъ, собрано о *каменныхъ бабахъ* и *изображеніяхъ на камняхъ и скалахъ*. Конецъ книги посвященъ церковнымъ древностямъ: здѣсь, прежде всего, идутъ *монастырища*—на основаніи свѣдѣній, собранныхъ о. Е. Сѣцинскимъ, затѣмъ, «*фигуры*» (придорожные кресты, столбы, статуи и. п.)—даже черезчуръ подробные перечни, включающіе, напр., часовни, построенныя въ самое послѣднее время, и. наконецъ, *церковныя древности* (храмы, монастыри, иконы и пр.), гдѣ приводятся нѣкоторыя статистическія данныя о количествѣ и времени построенія церквей и описанія наиболѣе древнихъ изъ нихъ.

Книга г. Гульдмана даетъ массу новаго матеріала, много указаній—по нимъ и должны направиться спеціальныя изслѣдованія въ томъ или другомъ отношеніи, и каждый, взявшійся за такія изслѣдованія, скажетъ спасибо г. Гульдману за его добросовѣстный трудъ.

Въ предисловіи авторъ обѣщаетъ второе изданіе книги, куда должны также войти иллюстрирующіе текстъ снимки съ памятниковъ старины. На нашъ взглядъ, было-бы раціональнѣе придать этому второму изданію нѣсколько иной характеръ. Вѣдь скоро должна появиться въ печати археологическая карта Подольской губ. о. Е. Сѣцинскаго—работа, какъ мы уже упоминали, одинаковаго характера съ настоящей. Поэтому, еслибы г. Гульдманъ во второмъ изданіи, удаливъ массу сырого матеріала, предварительно выбравъ изъ него наиболѣе типичное и интересное, снабдилъ послѣднее иллюстраціями, немного дополнилъ вводныя статьи, то получилось-бы изданіе, интересное вообще и въ особенности полезное для мѣстныхъ жителей—оно познакомило-бы ихъ съ родной стариной, на которую вообще обращается у насъ такъ мало вниманія.

Н. Вѣляшевскій.

Józef Dunin-Karwicki. *Z moich wspomnień. T. I—II. Warszawa, 1901. (Стр. XV+239; VIII+239).*

Уроженецъ м. Мизача, дубенскаго уѣзда, авторъ, по окончаніи въ 1852 г. Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, поступилъ въ лейбъ-гусарскій павлоградскій полкъ и въ чинѣ юнкера, затѣмъ поручика участвовалъ въ дунайской кампаніи 1853—54 г. и въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ на Черномъ морѣ и въ Крыму. Два томика воспоминаній посвящены главнымъ образомъ описанію встрѣчъ автора во время походовъ, характеристикѣ военныхъ дѣятелей, частью изображенію бытовой обстановки военныхъ дѣйствій. Для лицъ, интересующихся исторіей павлоградскаго полка, воспоминанія г. Дунинъ-Карвицкаго, безъ сомнѣнія, не лишены значенія. Разсказъ ведется безхитростно и, повидимому, безпристрастно. На правдивости своихъ записокъ не разъ настаиваетъ и авторъ,—не вѣрить ему нѣтъ поводовъ, тѣмъ болѣе, что въ запискахъ сведены его личныя воспоминанія, подкрашиваніе которыхъ не представляло-бы никакого интереса.

Въ эту, такъ сказать, фабулу вплетены авторомъ иногда довольно обширные экскурсы въ область исторіи разныхъ польскихъ фамилій. По обычаю многихъ польскихъ мемуаристовъ новѣйшаго времени, и у нашего автора интересъ къ исторіи сосредоточенъ вокругъ имущественныхъ отношеній польскихъ магнатовъ, покрупнѣе и помельче. Нельзя сказать, чтобы изысканія нашего автора въ этой области отличались особой глубиной или интересомъ. Вылазки его въ глубь вѣковъ (правда—нечастыя) не отличаются точностью изученій, источники его—второй руки. Въ этомъ отношеніи записки автора столь же слабы, какъ и всѣ прежнія его работы, посвященныя главнымъ образомъ описанію и исторіи Волыни. Предъ читателемъ проходитъ калейдоскопъ лицъ и мелкихъ замѣтокъ—но жизнь народа сокрыта гдѣ то въ глубинѣ, и авторъ никакъ не можетъ добраться до сути дѣла.

Г. Дунинъ-Карвицкій очень настаиваетъ на своемъ сочувствіи крестьянской реформѣ, на своей принадлежности къ партіи польскихъ консерваторовъ. Онъ чуть-ли не подвигомъ своимъ считаетъ допускаемое имъ утвержденіе въ неподкупности и добропорядочности русскаго суда по уставамъ 1864 г. Все это очень характерно для умонастроеній авторской среды, но намъ странно читать подобныя признанія.

Изложеніе автора подернуто дымкой благодушія. Если и приходится иногда упомянуть о прискорбныхъ фактахъ (напр., интендантскихъ воровствахъ въ 1854 г.), то финалъ повѣствованія вноситъ въ душу успокоеніе. Все у нашего автора выходитъ такъ мило, благовоспитанно, что записки его можемъ рекомендовать лицамъ, которыя ищутъ въ мемуарахъ противоядія отъ душевныхъ треволненій.

Н. М.

Вогдан Барвиньский. *Зъізд галицкого князя Данила з угорским королем Белею IV в Пресбурзі 1250 р. Історично-критична аналіза. Львів, 1901.*

Въ ипатской лѣтописи послѣ 1251 г. приведено упоминаніе о свиданіи Даніила галицкаго въ Пресбургѣ съ венгерскимъ королемъ Белою IV. Даніилъ явился въ Венгрію, «исполчи вся люди своѣ». Свиданіе ни къ чему не привело, такъ какъ Бела вступилъ въ переговоры съ своими противниками, съ которыми велъ борьбу за нѣко-

торыя австрійскія владѣнія. Дата этого свиданія вызвала разногласія у изслѣдователей. Г. Шараневичъ относитъ событіе къ 1251 г., г. Дашкевичъ—къ 1249 г., Грушевскій—къ 1248 г.

Г. Барвинскій, сопоставляя современныя извѣстія, думаетъ, что свиданіе имѣло мѣсто лѣтомъ 1250 г.

Возможно, что такъ и было на самомъ дѣлѣ; возможно, что нѣтъ. Дѣло въ томъ, что авторъ почему-то игнорируетъ извѣстіе той же лѣтописи подъ 1254 г. Извѣстіе это важно въ данномъ случаѣ потому, что самъ лѣтописецъ ясно указываетъ здѣсь на путаницу въ своей хронологіи, на неясность своего представленія о ходѣ событій. Недостаточно внимательное отношеніе къ извѣстію 1654 г. слѣдуетъ отнести къ серьезнымъ недостаткамъ настоящаго опыта г. Барвинскаго. Если воспомнить при этомъ, что споръ Белы IV съ Вячеславомъ чешскимъ за Австрію и Штирію законченъ былъ прессбургскимъ миромъ 1254 г., при посредствѣ папы Иннокентія IV, то можно полагать, съ такою же вѣроятностью ошибки, что и первое темное извѣстіе ипатской лѣтописи относится къ этому году. Во всякомъ случаѣ, думается, что догадка г. Барвинскаго, хотя правдоподобная, не удовлетворитъ суровыхъ критиковъ, тѣмъ болѣе, что авторъ почему-то не считаетъ нужнымъ обратиться къ венгерскимъ сборникамъ историческихъ памятниковъ, напр. къ Венцелеву Cod. nov. Aspadianus, который могъ-бы сослужить ему полезную службу при изслѣдованіи запутанныхъ вопросовъ галицко-угорской хронологіи.

Н. М.

Владимірскій Кіевскій Кадетскій Корпусъ 1851 $^{10}/_{XII}$ 1901 г. *Краткая историческая записка, Составилъ подполковн. Завадскій. К. 1901 г.*

10 декабря минувшаго года Кіевскій Кадетскій Корпусъ отпраздновалъ 50-тилѣтіе своего существованія. Къ этому дню и выпущена была въ свѣтъ брошюрка, заглавіе которой мы указали въ заголовкѣ. Въ этой краткой исторической запискѣ указывается, что губернскіе корпуса возникаютъ въ Россіи съ 1830 года, и что вопросъ объ учрежденіи Корпуса въ Кіевѣ былъ рѣшенъ имп. Николаемъ I еще въ 1846 году, а названіе ему *Владимірскій* дано въ память рожденія Велик. Кн. Владиміра Александровича въ 1847 году 10 апрѣля. Но только че-

резъ 4 года послѣ этого, 10 декабря 1851 года, объявленъ въ приказѣ по Корпусу первый списокъ кадетъ,—вотъ почему и полувѣковая годовщина Корпуса пріурочена къ этому дню.

Помѣщался Кіевскій Корпусъ на первыхъ порахъ въ зданіи нынѣшней 1-ой мужской гимназіи, и открытіе его подъ названіемъ Неражированнаго Владим. Кадетскаго Корпуса произошло 1 января 1852 года. Въ нынѣшнее зданіе корпусъ переведенъ 17 авг. 1857 г., а 30 августа того-же года онъ уже былъ, при торжественномъ открытіи своемъ, объявленъ Владимірскимъ Кіевскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

На постройку зданія Корпуса, кромѣ суммъ Государственнаго Казначейства, употреблены были суммы добровольныхъ пожертвованій дворянства Кіевской, Подольской, Волынской, Херсонской и Таврической губерній, составившія капиталъ въ 200 тысячъ рублей.

Въ 1865 году Кіевскій Кадетскій Корпусъ переименованъ былъ въ военную гимназію, что произвело существенное измѣненіе во внутреннемъ строѣ его, обративъ прежнее почти спеціальное военное учебное заведеніе въ общеобразовательное, главнѣйшею задачею котораго было нравственное воспитаніе и умственное развитіе дѣтей. Съ 1882 года Кіевская Военная гимназія снова переименовывается въ Кіевскій Кадетскій Корпусъ.

Обзоръ малорусскихъ изданій 1901 года.

Первый годъ новаго столѣтія не принесъ сколько нибудь замѣтнаго оживленія для украинской литературы,—да и не мудрено: внѣшнія обстоятельства, которыя въ иныхъ случаяхъ способны оказать весьма и весьма существенное явленіе на количество и качество литературныхъ произведеній—припомнимъ хотя-бы конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ въ русской литературѣ—остались безъ измѣненія. При такихъ условіяхъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь замѣтномъ оживленіи, и потому литературная продукція украинскихъ писателей въ предѣлахъ Россіи и въ минувшемъ году отличалась тѣмъ же случайнымъ, отрывочнымъ характеромъ, какъ и въ цѣломъ длинномъ рядѣ предыдущихъ годовъ. Эта случайность и разрозненность въ высшей степени затрудняетъ дѣло обозрѣвателя литературы, такъ какъ въ его распоряженіи находятся не всѣ продукты

литературнаго творчества, а лишь незначительная и едва ли лучшая ихъ часть, слишкомъ недостаточная для какихъ нибудь болѣе или менѣе широкихъ выводовъ и обобщеній. Имѣя предъ собою лишь незначительную долю литературныхъ явленій, часто совсѣмъ не типичныхъ, не характерныхъ для всей литературы, обозрѣватель не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросы существенной важности: какими идеями живетъ литература, какимъ духомъ она одухотворяется, каковы ея отличительныя черты, какіе вопросы волнуютъ ея представителей, какой разработкѣ эти вопросы подвергаются и т. д. Обозрѣніе литературныхъ явленій за данный періодъ времени при такихъ условіяхъ по необходимости должно имѣть такой же отрывочный характеръ, какъ и литературная продукція, охватывая лишь тѣ изъ нихъ, которыя могли появиться на свѣтъ Божій... Свое обозрѣніе мы начнемъ съ издательства, стоящаго у насъ совершенно особнякомъ и представляющаго счастливое въ нѣкоторомъ отношеніи исключеніе.

Въ декабрѣ 1898 года въ Петербургѣ было основано «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ», которое поставило первой своей задачей—«придти на помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію *малорусскаго* народа» посредствомъ изданія соотвѣтственныхъ книжекъ на доступномъ народу языкѣ, какимъ является, конечно, украинскій. Встрѣченное съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности грозными пророчествами, насмѣшками, неприличными, чтобы не сказать болѣе, выходками и травлей со стороны извѣстной части русской печати, застрѣльщикомъ которой явилось и на этотъ разъ «Новое Время»,—молодое, еще не-окрѣпшее «Общество» тѣмъ не менѣе не доставило удовольствія своимъ врагамъ оказаться «во пророцѣхъ» и уже три года работаетъ въ томъ симпатичномъ направленіи, которое выставило при своемъ возникновеніи. Въ отчетномъ году дѣятельность общества особенно замѣтна, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ превосходитъ предыдущіе годы. Появились №№ 7—12 его изданій и подготовляется цѣлый рядъ популярныхъ книжекъ по различнымъ вопросамъ; изданы въ минувшемъ году Обществомъ слѣдующія книги: № 7—М. Комаря—*Оповидання про Антона Головатого та про початокъ Чорноморського козацького війська*, № 8—Ол. Конискаго—*Оповидання про Тараса Шевченка*, № 9—Е. Чикаленка—*Розмова про сильське хазяйство*, книжка 4-та (виноградъ), № 10—С. Ваганова—*Розмовы про сухоты на рогатій худоби*, № 11—П. Кулиша—*Выповщына* и № 12—Комаря—

Оповидання про Богдана Хмельницького. Нѣтъ нужды говорить въ отдѣльности о каждой изъ этихъ книжекъ, кстати сказать, прекрасно и крайне дешево изданныхъ; всѣ онѣ принадлежатъ перу людей болѣе или менѣе извѣстныхъ въ украинской литературѣ, всѣ отличаются несомнѣнными достоинствами и безусловно соотвѣтствуютъ той симпатичной цѣли, которую намѣтило себѣ «Благотворительное Общество». Вмѣсто этого, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе всѣхъ истинныхъ друзей нашего народа на это Общество, приглашая ихъ къ посильной помощи и литературными трудами, и матеріальными пожертвованіями. Только при энергичной общественной поддержкѣ, содѣйствіи и ясно выраженныхъ симпатіяхъ, всякое просвѣтительное учрежденіе можетъ твердо стать на ноги и оправдать возлагаемыя на него надежды; наше Общество своею дѣятельностью, достаточно уже опредѣлившеюся, доказало, что оно заслуживаетъ такой поддержки и симпатій.

Центромъ украинской литературной продукціи и въ истекшемъ году былъ Кіевъ; здѣсь и теперь появилось больше украинскихъ книгъ, чѣмъ въ другихъ городахъ. Прежде всего мы должны отмѣтить, какъ крупное литературное явленіе, третій томъ «*Повистей и оповидань*» заслуженнаго и едва-ли не наиболѣе извѣстнаго изъ современныхъ украинскихъ писателей—И. С. Левицкаго. Недавно вышедшій третій томъ его «Повистей и оповидань» заключаетъ двѣ повѣсти: «*Нахаба*» *(Прычена)* и «*Навиженна*», хотя и появляющіяся въ Россіи впервые, но уже давно извѣстныя любителямъ украинскаго слова и оцѣненныя ими по достоинству. Первая рисуетъ такъ извѣстный автору и съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ имъ изображаемый бытъ духовенства, вторая касается міра мелкой чиновной среды. Въ ближайшей книжкѣ нашего журнала читатель найдетъ подробную оцѣнку этихъ произведеній, что избавляетъ насъ отъ необходимости распространяться; скажемъ только, что обѣ повѣсти, особенно первая, читаются съ захватывающимъ интересомъ и несомнѣнно составляютъ крупное явленіе въ украинской литературѣ. «*Повисти Шевченка*», два небольшихъ тома даютъ читателямъ въ украинскомъ переводѣ шесть повѣстей Шевченка *(Наймычка, Безщасный, Варнакъ, Капитанша, Музыка* и *Княгыня)* Уступая въ художественномъ отношеніи стихотвореніямъ Шевченка, названныя повѣсти тѣмъ не менѣе будутъ прочитаны съ интересомъ, представляя важность своими біографическими и бытовыми подробностями. «Семейна хроника» Анатолія Свидницкаго «*Люборацьки*» является произведеніемъ, которое могло-бы сдѣлать честь любой литературѣ.

Авторъ, кстати сказать у насъ неизвѣстный, хотя и умершій 30 лѣтъ тому назадъ, можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ повѣствователей. „Люборацьки", написанные въ *1862* году, отличаются такими достоинствами, міръ, затронутый наблюденіемъ автора такъ интересенъ и своеобразенъ, художественная обработка настолько ярка, жизненна и правдива, что безъ сомнѣнія эта повѣсть можетъ быть поставлена выше всего, что появилось въ украинской литературѣ минувшаго года. Эта старая книга способна и въ наше время возбудить много жгучихъ вопросовъ, и мы надѣемся еще возвратиться къ ней. Изъ народныхъ изданій въ Кіевѣ вышли помѣченныя №-рами 17—24 книжки, составляющія, очевидно, одну серію:—№ 17 Левицкаго Ив.—*Баба Параска та баба Палажка,*—одинъ изъ наиболѣе популярныхъ разсказовъ почтеннаго писателя, классическій, можно сказать, по мѣткому изображенію двухъ бабъ, отравившихъ другъ другу жизнь и изливающихся въ жалобахъ на противную сторону. № 18—Ол. Кониського—*Млынъ*, интересно и живо написанный разсказъ о неудачной постройкѣ «млына» начальствомъ, задумавшимъ благотворить мужику. № 19—П. Кулиша—*Про злодія въ сели Гакивныци* (изъ «лыстивъ зъ хутора»),—одинъ изъ лучшихъ разсказовъ покойнаго писателя, проникнутый свѣтлымъ и гуманнымъ взглядомъ на міръ. № 20—Ив. Франка—*Лесышына челядь, Малый Мырынъ* и *Грыцева шкильна наука,*—едва ли не самые популярные и у насъ разсказы талантливаго галицкаго писателя, художественно изображающіе съ подкупающею правдивостью и простотой семейныя отношенія въ крестьянской средѣ и дѣтскую психологію. № 21—*Музыка-Янко*—переводъ извѣстнаго разсказа Генрика Сенкевича. № 22—Ол. Кукулевскаго—*Оповидання про жыття Кобзаря,*—краткая біографія Шевченка (съ тремя портретами и видомъ могилы), иллюстрированная цѣлымъ рядомъ автобіографическихъ отрывковъ изъ «Кобзаря». № 23—П. Кулиша—*Хмельныщына,*—одна изъ лучшихъ популярно написанныхъ книжекъ по исторіи въ нашей литературѣ. № 24—Л. Яновской—*На синожати,*—написанный не безъ остроумія драматическій этюдъ. Всѣ перечисленыя книжки изданы хорошо и дешево, нѣкоторыя съ портретами авторовъ.—Изъ другихъ изданій, вышедшихъ въ Кіевѣ, отмѣтимъ извѣстный водевиль М. Старицкаго—*Якъ ковбаса та чарка, то мынется й сварка* (помѣченъ 1902 годомъ), первый разъ появляющійся отдѣльнымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ дорогимъ изданіемъ: 30 копѣекъ за печатный листъ—это по истинѣ «ступинь по червинцю». И. Стешенко издалъ вторую книжку

своихъ стихотвореній—*Степови мотивы,* неудачная, дѣланная, иногда до крайности неуклюжая форма которыхъ не искупается хорошимъ содержаніемъ. Драма Л. Яновской—*Повернувся изъ Сибиру* отличается обычнымъ недостаткомъ большинства драмъ—мелодраматичностью и слабой психологической мотивировкой, каковыя качества заставляютъ насъ отнести это произведеніе къ числу наименѣе удачныхъ произведеній талантливой писательницы. Кіевское Общество Грамотности издало три популярныхъ брошюры М. Левицкаго: *Лыки хоробы на очи, Сибирська язва,* и *Селянськи знахори та бабы-шептухы;* брошюры г. Левицкаго отличаются прекраснымъ изложеніемъ, легкой, вполнѣ доступной народу формой, а по содержанію отвѣчаютъ насущной потребности въ распространеніи здравыхъ понятій среди народа. Кромѣ того, Общество Грамотности переиздало первую книжку Е. Чикаленка *„Розмовы про сильське хазяйство“,* лучшую въ нашей народной литературѣ популяризацію сельско-хозяйственныхъ знаній.

Въ Харьковѣ г. Гуртомъ издано четыре брошюры: № 8—Шевченка *Княжна* и Франка *Лесышына челядь* (въ одной книжкѣ), № 9—Г. Доброскока—*Хамъ,* № 10—Квитки—*Перекотыполе* и № 11—М. Грушевскаго—*Ясновельможный сватъ;* изъ нихъ интересъ новизны представляютъ только разсказы г. Доброскока и г. Грушевскаго; „Хамъ“ г. Доброскока, рисующій незаурядный въ крестьянской средѣ случай тяжкаго оскорбленія сыномъ отца послѣ его смерти, значительно выигралъ бы, если бы развязка его не была обусловлена чистѣйшей случайностью (пожаръ); „Ясновельможный Сватъ“—историческій разсказъ, который прочтется съ интересомъ не только крестьянами.—Харьковскимъ Обществомъ Грамотности издана книжка *Де-що зъ Кобзаря,* сборникъ преимущественно лирическихъ стихотвореній Шевченка. Не смотря на то, что есть очень дешевое изданіе Кобзаря, существуетъ очевидно потребность въ изданіи извлеченій изъ него, предназначенныхъ спеціально для народа; эта потребность вызвала изданіе «Малого Кобзаря», ею же обусловливается появленіе и настоящей книжки «Де-що зъ Кобзаря». Прекрасный подборъ стихотвореній, приличная внѣшность и крайне дешевая цѣна этой книжки обезпечиваетъ ей самое широкое распространеніе въ народѣ, гдѣ она является крайне желательной и принесетъ безспорную пользу, популяризируя имя и произведенія Шевченка.

Одесса дала за годъ лишь двѣ книжки, обѣ перепечатки очень цѣнныхъ, впрочемъ, произведеній. Въ новомъ изданіи историческаго

романа-хроники Кулиша „*Чорна Рада*“ давно уже чувствовалась настоятельная необходимость: интересъ къ нему со стороны украинской читающей публики никогда не угасалъ, а между тѣмъ это, по справедливости считаемое однимъ изъ лучшихъ, произведеніе украинской литературы долгое время было недоступной для многихъ библіографической рѣдкостью. Въ виду этихъ соображеній новое изданіе „Чорной Рады“, иллюстрированное къ тому же прекрасными рисунками талантливаго художника г. Ждахи, можно только привѣтствовать. Точно также большую цѣнность, хотя и совершенно другого рода, представляетъ переизданіе первой книжки *Розмовы про сильське хазяйство* Е. Чикаленка.

Полтава дала также двѣ книжки: *Прыхожа*, сцена въ одній діи; переклавъ и переробывъ зъ соч. Гоголя „Лакейская“ В. Русиновъ. и того же автора оригинальная драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ—*Несподивана халена*; передѣлка изъ Гоголя выполнена сравнительно хорошо, чего нельзя сказать объ оригинальной драмѣ г. Русинова.

Въ Москвѣ г. Сытинымъ изданы: *Оповидання Грыцька Чупая* (Божый попустъ, Страшна кара и На святимъ вечери), производящія нѣсколько непріятное впечатлѣніе своимъ повышеннымъ тономъ и очевиднымъ пристрастіемъ автора къ мистическимъ сюжетамъ; не блещущій сообыми достоинствами, но удобочитаемый разсказъ Т. Полищука—*Прочанынъ*, и небольшой сборникъ *Лыхо зъ горилкою*, куда вошли старые разсказы г. Спилки (Правдыве оповидання) и г-жи Ганны Барвинокъ (Пьяныця).

Каменецъ-Подольскъ далъ—*За кровь добро и крывду людську*—страшную драму г. Зиневича и не менѣе страшный въ литературномъ отношеніи фарсъ *Нечыста сыла* г. Рутковскаго; обѣ пьесы принадлежатъ къ тому роду произведеній, о которыхъ не принято говорить серьезно.

Въ Житомирѣ появилось *Вирнее средство* (sic) *отъ* (sic) *пьянства и запоя*,—книжка, авторъ которой очень оригинально и просто, но едва ли удобоисполнимо разрѣшаетъ вопросъ объ излеченіи отъ алкоголизма.

Въ Ростовѣ на Дону издано «виршоване оповидання» Г. Задеры—*Петро-кравець*, хорошее по содержанію, но написанное не совсѣмъ гладкими стихами.

Въ Ровно появились *Вирши и переклады* г. Трызны-Яцковскаго.—книжка, которой, къ сожалѣнію, мы не могли достать.

Если мы присоединимъ къ этому перечню печатавшіяся въ нашемъ журналѣ и потому не подлежащія нашему сужденію произведенія—Д. Яворницькаго *Наша доля—Божа воля,* Б. Гринченка—*Середъ темної ночи,* Л. Яновской—*Городянка,* М. Левицкаго—*За колівщыны* и М. Старицкаго—*Лыхо,* то исчерпаемъ, по всей вѣроятности, все, что появилось въ истекшемъ году на украинскомъ языкѣ въ предѣлахъ Россіи. Конечно, это не много въ количественномъ отношеніи, да и не все изъ появившагося представляетъ литературную цѣнность. Но для справедливаго сужденія объ украинской литературѣ необходимо имѣть въ виду тѣ условія, на которыя мы намекнули въ началѣ настоящаго обзора. Повторяемъ опять, что украинскія книги, появившіяся въ теченіе года въ Россіи, не даютъ яснаго и вѣрнаго представленія о современной украинской литературѣ, представляя собой лишь разрозненные факты, появленіе или непоявленіе которыхъ обусловлено исключительными причинами. Для того, чтобы получить полную характеристику современной украинской литературы и литературной продукціи въ теченіе истекшаго года, необходимо обратиться къ изданіямъ вышедшимъ въ свѣтъ въ Галичинѣ, но при этомъ мы наталкиваемся на очень существенное затрудненіе. Дѣло въ томъ, что галицкія изданія, даже беллетристическія, не легко проникаютъ къ намъ, такъ-что болѣе или менѣе регулярное ознакомленіе съ ними представляется дѣломъ прямо таки невозможнымъ.

Между тѣмъ потребность спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія вопросовъ литературы и жизни, очевидно, уже глубоко назрѣла среди общества. Мы отмѣчали въ свое время цѣлый рядъ ходатайствъ, возбужденныхъ въ разныхъ мѣстахъ нашей родины (въ Херсонѣ, Кіевѣ, Холмѣ, Черниговѣ и др.) о разрѣшеніи издавать украинскіе журналы и газеты; но, къ глубокому прискорбію, всѣ эти ходатайства успѣха пока не имѣли. Мы не можемъ, конечно, судить о томъ, какія причины содѣйствовали именно такому, а не иному разрѣшенію даннаго вопроса но для насъ несомнѣнно лишь одно, что вполнѣ похвальное чувство любви къ родному народу, его языку и литературѣ, не находя прямого и естественнаго теченія, ищетъ выхода и, конечно, находитъ его въ иныхъ направленіяхъ; а общество лишается тѣхъ культурныхъ работниковъ, которые, при другихъ обстоятельствахъ, несли бы на службу ему свои знанія, силы и таланты.

С. Е—монъ.

Обзоръ журналовъ конца 1901 года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Русская Старина, № 12; 3) Историческій Вѣстникъ, № 12; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 12; 5) Журналъ Мин. Народн. Просв., № 12; 6) Вѣстникъ Европы, № 12; 7) Русская Мысль, № 12; 8) Міръ Божій, № 12; 9) Научное Обозрѣніе, № 11; 10) Книжки Восхода, № 11; 11) Кіевскія Университ. Извѣст., № 11; 12) Записки Импер. Харьк. Унив., кн. 4-я; 13) Учен. Записки Императ. Казан. Универс., № 11; 14) Варшав. Унив. Извѣст., № 6; 15) Труды Кіев. Дух. Акад., № 11; 16) Земскій Сборн. Черн. губ., № 11; 17) Литерат.-Науковый Вистникъ, № 12; 18) Biblioteka Warszawska, № 12; 19) Wisła, № 6; 20) Slivansko Přehled, № 2 и 3.

Историческій Вѣстникъ, № 12.

Записки Н. Мамаева (окончаніе), стр. 864—882.

Энгельгардтъ Н. А.—Николаевская цензура (окончаніе), стр. 970—1000.

Сообщаются свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ на общество первымъ представленіемъ «Ревизора» Гоголя, и приводятся отзывы критики, единодушно осудившей знаменитую комедію.

Трипольскій П. И.—Михаилъ Васильевичъ Остроградскій. Стр. 1034—1061.

Обстоятельная біографія знаменитаго математика. Интересно отмѣтить, что онъ, получивъ воспитаніе подъ руководствомъ украинскаго поэта И. П. Котляревскаго, всю жизнь оставался истымъ украинцемъ и демократомъ, говорилъ обыкновенно по-украински, прибѣгая къ русскому языку только въ тѣхъ случаяхъ, когда сердился; любимымъ его писателемъ былъ Шевченко, произведенія котораго онъ зналъ наизусть. Умирая, Остроградскій выразилъ желаніе быть похороненнымъ на Украинѣ.

Рудаковъ В. Е.—Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Стр. 1095—1116.

Въ статьѣ г. Рудакова приводятся между прочимъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности Черниговской, Херсонской и Бессарабской архивныхъ комиссій.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 1215—1217) находимъ отзывъ о помѣщенной въ «Сборникѣ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ» статьѣ проф. Будиловича «Къ вопросу о литературномъ языкѣ юго-западной (?) Руси». Проф. Будиловичъ «горячо вооружается противъ украинскаго сепаратизма въ литературномъ языкѣ» и «въ новѣйшемъ литературномъ сепаратизмѣ малороссовъ усматриваетъ политическій характеръ и главнымъ его источникомъ считаетъ стремленіе галицкихъ радикаловъ и покровительство (!) послѣднимъ со стороны австрійскихъ нѣмцевъ». Авторъ рецензіи, повидимому, сочувствуетъ проф. Будиловичу, открывшему новый видъ пресловутой «интриги»—австрійскій.

Въ «Смѣси» напечатаны замѣтки: «Гоголевскіе документы» (стр. 1286—1287), «Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ» (стр. 1288—1289), «Археологическая коллекція» (1292—1293), и «Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ» (стр. 1293—1294).

—

Русская Мысль № 12.

Въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» (стр. 380—382) помѣщена рецензія о книгѣ *Д. Н. Вергуна* «Червоно-русскіе отзвуки. Львовъ 1901 г.». Это—сборникъ стихотвореній г. Вергуна, написанныхъ на обще-русскомъ языкѣ съ цѣлью показать, что не трудно галицкому малороссу усвоить русскій литературный языкъ, чуть-ли «не въ одинъ часъ», какъ писалъ въ 1866 году Б. Дѣдицкій.

Приведенныя рецензентомъ мѣста изъ стихотвореній г. Вергуна доказываютъ только полную бездарность автора и плохое знаніе общерусскаго литературнаго языка. Заканчиваетъ рецензентъ свою замѣтку весьма удачно примѣненными къ случаю словами Шевырева:

...въ душной кузницѣ терпѣнья
Стихомъ, какъ молотомъ, стуча,
Куетъ онъ съ дюжаго плеча
Свои чугунныя творенья.

Тутъ-же (стр. 391) помѣщенъ краткій отзывъ о книгѣ *Ф. М. Лернера* «Евреи въ Новороссійскомъ краѣ». Одесса, 1901 г.

—

Кіевск. Университетскія Извѣстія, № 11.

М. В. Довнаръ-Запольскій.—Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе). Стр. 667—775.

Продолженіе труда г. Довнаръ-Запольскаго посвящено выясненію вопросовъ о происхожденіи и развитіи земской военной службы, различныхъ формъ земскихъ повинностей (подводной, дорожной, замковой, сторожевой и постойной) и земскаго обложенія (татарщины, ордынщины, посощины, подымщины, поголовщины, воловщины и серебщины).

Въ оффиціальной части той же книжки «Университетскихъ Извѣстій» напечатанъ отчетъ о состояніи Кіевскаго Центральнаго Архива въ 1900 году.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, кн. 4-я.

Грунскій Н. К.—Къ вопросу о кіевскихъ глаголическихъ листкахъ.

Въ коротенькой замѣткѣ высказывается нѣсколько замѣчаній по поводу извѣстнаго памятника древней кіевской письменности; замѣчанія эти авторъ обѣщаетъ подробнѣе развить и обосновать въ спеціальной монографіи.

Рѣдинъ Е. К.—И. Е. Бецкій и музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета (стр. 1—23 + портретъ Бецкаго).

Въ статьѣ г. Рѣдина сообщены матеріалы для біографіи извѣстнаго издателя «Молодика»—И. Е. Бецкаго (главнымъ образомъ его письма), художественное собраніе котораго послужило основаніемъ музея изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ.

Багалѣй Д. И.—Опытъ исторіи Харьковскаго университета (продолженіе). Стр. 1—64.

Продолженіе труда проф. Багалѣя посвящено свѣдѣніямъ о профессорахъ и преподавателяхъ Харьковскаго университета въ періодъ 1815—1835 гг., при чемъ особенно подробно авторъ останавливается на средствахъ ученой подготовки къ профессурѣ профессоровъ Затеплинскаго, Черняева, Гнѣдича и Степанова.

Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ (продолженіе). Стр. 1—96.

Напечатаны богатые интересными подробностями протоколы 10—13 засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, а въ приложеніи къ нимъ статьи и доклады различ-

ныхъ лицъ, обѣщавшихъ свое участіе въ дѣятельности XII арх. съѣзда. Остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ украинской наукѣ (за исключеніемъ статей по археологіи).

Е. К. Рѣдинъ.—Икона «Недреманное Око» (съ рисункомъ). Стр. 3—

Описаніе интересной разновидности очень распространенной въ прежнее время на Украинѣ иконы, символически изображающей искупленіе Христомъ міра посредствомъ крестныхъ страданій.

Проф. Добіашъ.—Докладъ о результатахъ дѣятельности особой комиссіи, состоящей при Историко-филологическомъ Обществѣ Института кн. Безбородко, по собиранію археологическихъ свѣдѣній, а также и предметовъ древности въ предѣлахъ Черниговской губерніи къ XII арх. съѣзду. Стр. 45—83.

Этотъ интересный докладъ содержитъ много подробностей о дѣятельности названной комиссіи, о ея сношеніяхъ съ различными лицами и о матеріалахъ, поступившихъ на разсмотрѣніе комиссіи, состоящихъ изъ документовъ, книгъ, рукописей, картъ, этнографическихъ записей, предметовъ старины и т. п.

Отчетъ о дѣятельности Кубанскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XII арх. съѣзда (стр. 89—91).

Въ отчетѣ находимъ свѣдѣнія о трудахъ, частью уже оконченныхъ, частью подготовленныхъ Кубанскимъ отдѣленіемъ къ XII арх. съѣзду.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 11.

Къ приближающемуся трехсотлѣтнему юбилею Кіевской Духовной Академіи. Стр. I—XIII.

Предложеніе ректора Академіи, епископа Димитрія, о празднованіи 300-лѣтняго юбилея Академіи. Подробно объ этомъ предложеніи была рѣчь въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1901 годъ. (Стр. 91, отд. II).

Гулубевъ С. Т.—Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Стр. 306—406+2 рисунка).

Отчетъ о состояніи Кіевской Духовной Академіи за 1900—1901 г. Стр. 408—465.

Отчету предпосланы краткія историческія свѣдѣнія о возникновенія и развитіи Кіевской Академіи.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 10.

А. Кривцовъ.—Страничка изъ исторіи крѣпостного права въ Малороссіи. Стр. 107—111.

Небольшой очеркъ г. Кривцова содержитъ извлеченное изъ архива черниговскаго Дворянскаго депутатскаго собранія дѣло о закрѣпощеніи козаковъ въ XVIII столѣтіи.

Экстрактъ изъ указовъ инструкцій и учрежденій—подъ редакціей Н. П. Василенко (продолженіе). Стр. 161—192.

Въ настоящей книгѣ помѣщены документы: „О добрахъ, принадлежащихъ государю", „О содержаніи в Малоросіи полковъ" и „О преимуществахъ, прежде данныхъ малороссійскимъ городамъ, и о нынѣшнемъ постановленіи".

Літературно-науковий Вістник, № 12.

Над морем, фрагмент П. Карманського (стр. 253—255).

Московська „каверза", оповідання Гр. Коваленка-Коломацького (256—261).—Непонятно, почему авторъ въ формѣ „оповідання" разсказываетъ о случаѣ, который могъ бы послужить хорошей темой для публицистической статьи. Къ довершенію всего, лицо, которое обвиняется авторомъ въ „московской каверзѣ", оказывается вовсе не „московскаго", а украинскаго происхожденія и даже когда-то принимало участіе въ украинской литературѣ.

Вирід, оповідання Осипа Шпитка (262—288). Окончаніе интересной повѣсти галицкаго писателя.

Між духовними батьками, нарис Антипа Гонти (289—298).

Візия костей, Л. Т. (299—300).

За один рік, нарис Андрія Верховинця (301—313).

На півночи, Ю. С. (314—315).

Перед досвітом, драма Стефана Вакано (кінець) (317—350).

Поручник Густль, новеля Артура Шніцлера (кінець) (351—360).

Із переспівів Павла Грабовського: I. Илля Муромець. II. Сьвятогор. III. Як перевелись багатирі на сьвятій Руси. (361—364). Хорошій переводъ извѣстныхъ великорусскихъ былинъ.

Народопросвітні книжки, Вільхивського (112—127). Критическій обзоръ украинской народной литературы за 1899—1901 г.

Зі споминів засланого без суду, Миколы Ковалевського (128-149). Окончаніе интересныхъ воспоминаній о жизни административно-ссыльныхъ.

Сервітути і розмежованне грунтів на правобережній Україні, Ф. І. Немоловського (150—158). Окончаніе обстоятельной статьи, излагающей ходъ аграрной эволюціи на Украинѣ и послѣдствія законодательныхъ постановленій послѣдняго времени.

Уваги на сучасні теми: VШ. Справа українсько-руського університету у Львові, Володимира Гнатюка. IX. Федькович концертант і прелегент, Івана Франка. X. З поля народної осьвіти в Росиі В. Д. XI. Соті роковини прилученя Грузиі до Росиі, Українця (стр. 150—180). Замѣтка Гнатюка передаетъ интересныя подробности объ извѣстномъ студенческомъ движеніи въ пользу основанія отдѣльнаго украинскаго университета во Львовѣ. Франко разсказываетъ о неудачныхъ дебютахъ буковинскаго писателя Федьковича въ качествѣ пѣвца и лектора.

Хроніка і бібліографія (23—30) заключаетъ много интересныхъ свѣдѣній объ украинской литературѣ и общественной жизни.

—

Biblioteka Warszawska, 1901 г. № 12.

Г. Антоній Плютынській въ статьѣ „Россія и Австрія на канунѣ Галицкой кампаніи 1809 г.“ (стр. 455—478) даетъ по архивнымъ источникамъ интересный очеркъ дипломатическихъ австро-русскихъ отношеній до вступленія русскихъ войскъ въ Галичину, т. е. до окончательнаго разрыва имп. Александра I съ Наполеономъ. Для исторіи 1809 г. авторомъ изготовляется обширная монографія, съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ.

—

Wisła. Ноябрь—декабрь 1901.

Г. Конрадъ Залѣскій въ статьѣ «Преданія, связанныя съ именами и мѣстностями въ Томашевскомъ уѣздѣ» упоминаетъ о т. наз. козацкихъ валахъ у фольварка Михаловъ, принадлежащаго къ имѣнію Вожучинъ. Это родъ окоповъ, сдѣланныхъ по преданію Богданомъ Хмельницкимъ и расположенныхъ вокругъ фольварка Михаловъ. Въ

Вожучинѣ шляхта, по преданію, оказала сопротивленіе Хм—му. (Стр. 733).

На стр. 750—756 напечатана программа для собиранія свѣдѣній о народной медицинѣ и 11 записей, сдѣланныхъ въ бердичевскомъ, житомирскомъ, луцкомъ и овруцкомъ уѣздахъ.

—

Slovansky Přehled 1901 г., ноябрь и декабрь (№№ 2 и 3).

Въ отдѣлѣ корреспонденцій (№ 2, стр. 91—96) г. Влад. Гнатюкъ даетъ обстоятельный очеркъ исторіи львовскаго университета и возникшаго въ послѣднее время среди галицкой малорусской интеллигенціи стремленія къ учрежденію отдѣльнаго малорусскаго университета во Львовѣ. Сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о политикѣ въ этомъ вопросѣ, усвоенной польскими профессорами, производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Такъ, напр., нѣмецкая диссертація д-ра М. Зобкова (нынѣ проф. Загребскаго университета) отвергнута за употребленіе слова „kleinrussisch" вмѣсто оффиціознаго „ruthenisch", а д-ру Франко отказано въ каѳедрѣ „wegen politischen Vorlebens". Видимо, г.г. польскіе профессора во Львовѣ ничего не забыли, но ничему и не научились.

Въ № 3 г. Степанъ Радичъ даетъ интересный очеркъ политическихъ воззрѣній Юрія Крижанича (въ продолженіи статьи: „Главные представители славянской мысли").

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 331) помѣщена обширная статья г. Иванова—«Н. И. Стороженко», по поводу тридцатилѣтія его ученой дѣятельности. Авторъ отмѣчаетъ основныя черты этой дѣятельности—идеализмъ и гуманность, которыми проникнуты всѣ труды почтеннаго юбиляра, начиная съ первой юношеской работы по поводу «Саратовскаго Литературнаго Сборника» Д. Л. Мордовцева и кончая послѣдними учеными трудами, создавшими ему почетное имя въ обще-европейской литературѣ.

—

П. А. Грабовскій очень часто помѣщаетъ свои переводы изъ украинскихъ поэтовъ на страницахъ русскихъ изданій. За послѣднее

время имъ напечатаны переводы: изъ Франка—«Журавли» («Восточное Обозрѣніе,»), Шевченка—«Солнце заходитъ за темныя горы» и «Куетъ кукушка» («Сибирская Жизнь», № 111) и Конисскаго,—«Мрачно и холодно» («Кіевская газета»).

—

«Южный Край» (№ 7206) передаетъ, что изданіе сочиненій малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненко, принадлежащее харьковской уѣздной земской управѣ, разрѣшено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для школьныхъ библіотекъ.

Рѣчь идетъ, вѣроятно, о недавно изданныхъ харьковской уѣздной земской управой III и IV томахъ сочиненій Квитки.

—

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 333) помѣщена принадлежащая перу г. Быкова статья объ актерѣ К. Т. Соленикѣ, по поводу 50-лѣтія его смерти. Между прочимъ г. Быковъ сообщаетъ, что на приглашеніе перейти на столичную сцену Соленикъ отвѣтилъ: «Я малороссъ, люблю Украину и мнѣ жаль оставить ее». Особенно любимыми городами Соленика были Харьковъ и Полтава.

—

Въ №-рахъ 7213 и 7214 «Южнаго Края» помѣщено продолженіе «Воспоминаній старожила» г. Карпова, содержащихъ нѣсколько небезынтересныхъ фактовъ изъ помѣщичьей жизни стараго времени.

—

Въ «Кіевской Газетѣ» (№ 330) помѣщена статья г. Мировця—«Памяти А. Я. Конисскаго». Отмѣтивъ заслуги покойнаго писателя и общественнаго дѣятеля для украинской литературы и для пробужденія національнаго самосознанія среди украинскаго общества, г. Мировець совершенно справедливо упрекаетъ наше общество за его холодное, равнодушное отношеніе къ своимъ дѣятелямъ. Между прочимъ, г. Мировець сообщаетъ о подготовляемомъ къ печати литературно-научномъ сборникѣ, посвященномъ памяти Конисскаго. Въ этомъ сборникѣ принимаютъ участіе почти всѣ лучшіе современные украинскіе писатели: Мырный Панасъ, Гринченко, Коцюбинскій, Яновская, Мордовцевъ, Потапенко, Крымскій, Чернявскій, Грабовскій, Тобилевичъ (Карпенко-Карый), Григоренко и др.

—

Въ Черниговѣ подготовляется къ печати литературный сборникъ, посвященный памяти П. А. Кулиша. Въ сборникѣ принимаютъ участіе:

Панасъ Мырный, Яновская, Лысенко, Григоренко, Самійленко, Чернявскій, Коцюбинскій, Гринченко, Леся Украинка, Кобринская, Франко, Крымскій, Тобилевичъ, Маковей и др. (Лит.-Наук. Вистник, кн. XII). Судя по составу сотрудниковъ, сборникъ обѣщаетъ быть очень интереснымъ.

—

Польскія газеты «Słowo» и «Kurjer Polski» помѣстили весьма сочувственныя статьи, посвященныя артельному движенію среди народа и характеристикѣ дѣятельности извѣстнаго организатора артелей Н. В. Левитскаго.

—

Въ №-рѣ 260 «Волыни» помѣщена статья г. Бѣн-скаго «Дѣвичій праздникъ св. Андрея», дающая описаніе народныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ этимъ днемъ («калыта» и различныя формы гаданій).

—

Въ №-рѣ 1078 «Юга» находимъ статью, посвященную народнымъ «бе́сидамъ», т. е., угощеніямъ по случаю какого-нибудь болѣе или менѣе важнаго событія въ крестьянской жизни.

—

Въ №-рѣ 5465 «Одесскихъ Новостей» помѣщена сочувственная рецензія на книжку М. Комаря—«Оповидання про Богдана Хмельницького», изданную Петербургскимъ Благотворительнымъ Обществомъ.

—

Въ №-рѣ 1067 херсонской газеты «Югъ» помѣщена библіографическая замѣтка по поводу новаго изданія «Чорноі Рады» Кулиша.

—

Въ №-рѣ 311 «Сѣвернаго Края» находимъ въ отдѣлѣ библіографіи характеристику современнаго положенія крестьянства въ Галичинѣ на основаніи недавно изданныхъ въ русскомъ переводѣ разсказовъ Франка «Въ потѣ лица».

—

Г. Коваленко-Коломацкій помѣстилъ на столбцахъ «Юга» (№ 1075) не лишенную общаго интереса статью «О народномъ театрѣ». Указавъ на тотъ фактъ, что лучшія произведенія украинскихъ драматурговъ разрѣшены къ постановкѣ въ народныхъ театрахъ, г. К. предостерегаетъ устроителей народныхъ спектаклей отъ постановки пьесъ

исключительно съ «танцямы», «спивамы» да «горилкою» на томъ основаніи, что такія де пьесы нравятся народу. Будучи школой для народа, театръ долженъ предлагать ему лучшія произведенія драматической литературы, а не лубочную стряпню, ничего не дающую ни уму, ни сердцу, или, что еще хуже, поощряющую дурные инстинкты массы. Свои положенія г. К. иллюстрируетъ (въ № 1079 той же газеты) разборомъ извѣстной передѣлки гоголевскаго «Тараса Бульбы», относимой имъ къ пьесамъ второго рода.

—

«Русскія Вѣдомости»(№ 334) помѣстили обстоятельную статью, посвященную вопросу объ отдѣльномъ украинскомъ университетѣ во Львовѣ—«Львовскій университетъ и русины». Указавъ на крупные успѣхи украинцевъ въ области науки и литературы, на дѣятельность «Науковаго Товариства имени Шевченка», на появленіе научныхъ трудовъ на украинскомъ языкѣ и развитіе украинской прессы, авторъ рѣшительно опровергаетъ и до сихъ поръ находящее послѣдователей мнѣніе, что украинскій языкъ можетъ удовлетворять только «нуждамъ домашняго обихода». Не находя, такимъ образомъ, убѣдительныхъ принципіальныхъ возраженій противъ основанія отдѣльнаго украинскаго университета, авторъ останавливается на чисто практическихъ затрудненіяхъ, лежащихъ на пути къ достиженію указанной цѣли, и высказываетъ надежду, что русины все таки выйдутъ побѣдителями изъ этой борьбы за свое справедливое дѣло.

—

Въ Кубан. Вѣдом. № 259 помѣщенъ отзывъ о книгахъ: *М. Комарь* «Оповидання про Богдана Хмельницького» и П. О. Кулишъ «Выговщина».

—

Въ газ. «Хозяинъ» № 30 помѣщена рецензія на 4-ую книжку *Е. Чикаленко* «Розмова про сильске хазяйство. Виноградъ».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Барвіньский Б.—Зїизд галицького князя Данила з угорським королем Белею IV в Прешбурзі 1250 р. Стор. 18. У Львові, 1901.

Берен М. В.—Як чоловік боре ся з природою. Переклад з росийського. Видане Товариства «Просьвіта», ч. 255—256. Стор. 104. У Львові, 1901. Ціна 70 сот.

Буличъ Н. Н.—Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. Т. I. Спб., 1902. Ц. 2 руб.

Временникъ Ставропигійскаго Института съ мѣсяцесловомъ на годъ обыкновенный 1902. Годъ изданія XXXIX. Львовъ, 1901. Ціна 90 сот.

Гіго Віктор.—Кльод Ге. Переклавъ Е. Тимченко. Літ.-Наук. Библіотека, ч. 20. Стор. 42. У Львові, 1901. Ціна 25 сот.

Голубевъ С. Т.—Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 сент. 1901 г. Стр. 100+2 рисунка. Кіевъ, 1901.

Загірня М.—Під морськими хвилями. Видане Товариства «Просьвіта», ч. 257. Стор. 28. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

Значеніе дѣятельности археологическихъ съѣздовъ для науки русской археологіи. Харьковъ, 1901. Ц. 25 коп.

Илюстрованый Календарь Общества імени М. Качковского на годъ звычайный 1902. Годъ XVIII. Львовъ, 1901. Ціна 60 сот.

Ілюстрований народний Календар Товариства «Просьвіта» на рік звичайний 1902. Річник XXV. Коштом і заходом Тов. «Просьвіта». У Львові, 1902.

Ілюстрований Буковинський Православний Календар на рік звичайный 1902. Видане «Руськоі Бесіди» в Чернівцях, ч. 164. Річник XXIX. Стор. 132+оповістки. Чернівці, 1901. Ціна 80 сот.

Календарик на звичайний рік 1902. Львів, 1902. Ціна 25 сот.

Кичуновъ Н. И.,—Плодоводство въ Подольской губерніи. Спб., 1901. Цѣна 50 коп.

Кузьминъ А.—Запорожская Сѣчь. Историческій и бытовой очеркъ. Стр. 96. Москва, 1901. Ц. 40 коп.

Оцінка нарису програми українськоі партиі соціялістичноі. Видане С. Д., ч. 1. Стор. 16. У Львові, 1901. Ціна 4 коп.

Перетцъ В. Н.—Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. Т. I и II. Спб., 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Потапенко І.—Громадський суд. Оповідане з українського життя. Видане Товариства «Просьвіта», ч. 258. Стор. 32. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

Сатирично-гумористичний Календар пекольний на рік звичайний 1902. Заходом сатирично-політичної часописі „Антихрист". Стор. 98+оповістки. Чернівці, 1901. Ціна 36 сот.

Сборникъ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Т. IV. Юрьевъ, 1901. (Статья проф. Будиловича. Къ вопросу о литературномъ языкѣ юго-западной Руси).

Святый Листъ Счастья. Изданіе редакціи „Просвѣщеніе" въ Вѣднѣ. Стор. 20. У Вѣднѣ, 1901. Ціна 30 сот.

Сергьевичъ В.—Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб., 1902. Ц. 3 руб.

Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ за 1900 г. Спб., 1901. Цѣна 1 р. 20 к.

Старохристиянські лєенди. Із книги „Народовіщаніе" вибрав і переклав В. Гнатюк. Видане Товариства „Просвіта", ч. 259. Стор. 32. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

Тихомировъ Д. И.—О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Чтеніе для школъ и народа. Москва, 1902. Цѣна 10 к.

Товариш. Ілюстрований Календар на рік звичайний 1902. Стор. 182+18. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Археологическая лѣтопись.

1901-й годъ въ археологическомъ отношеніи.

Слѣдуя рубрикамъ, принятымъ въ «Лѣтописи», подведемъ краткіе итоги за прошлый годъ.

Что касается *общихъ вопросовъ*, то на первомъ мѣстѣ нужно поставить все болѣе и болѣе усиливающійся, какъ среди лицъ спеціально занимающихся стариной, такъ и между болѣе широкимъ кругомъ, интересъ къ судьбѣ памятниковъ этой старины. Вопросъ—давній, наболѣвшій, ждущій какого-ниб. рѣшенія, помощи. Трактуется онъ въ литературѣ, какъ это мы видимъ въ отчетѣ гр. Уваровой о поѣздкѣ въ Юго-западный край, отчетѣ, полномъ искренняго негодованія, или въ статьѣ свящ. В. Романова, подходящаго къ предмету съ другой стороны, но имѣющаго въ виду все ту-же цѣль; полны неприглядныхъ фактовъ и отчеты лицъ, командированныхъ для описанія памятниковъ старины; откликается по этому поводу и повседневная газетная литература. Все сводится къ одному: памятники старины, особенно церковной, гибнутъ, искажаются; нужны мѣры для ихъ спасенія; средства намѣчаются, но они далеки пока отъ осуществленія... Въ ближайшемъ будущемъ мы еще займемся этимъ вопросомъ, главнымъ образомъ, примѣнительно къ нашему краю.

Къ числу средствъ, если не спасающихъ самые предметы отъ гибели, то во всякомъ случаѣ закрѣпляющихъ ихъ на бумагѣ, оставляющихъ слѣдъ ихъ,—относятся описаніе и фотографированіе.

Этимъ дѣломъ и занималась комиссія, состоящая при Обществѣ Нестора-Лѣтописца. Члены ея и въ отчетномъ году совершили рядъ экскурсій, давшихъ значительное количество матеріала. Но средства комиссіи ограничены и въ настоящее время уже израсходованы, дѣло-же можно считать только лишь начатымъ—жаль будетъ, если комиссія не получитъ поддержки, и дѣятельность ея по неволѣ должна будетъ прекратиться.

Помимо вышеупомянутой комиссіи, тѣ-же цѣли преслѣдовали и различные комитеты, устроенные для подготовки предстоящаго *археологическаго съѣзда* въ Харьковѣ, включая въ свои функціи и разнообразные другіе вопросы, касающіеся, напр., до-исторической археологіи, археографіи, этнографіи. Какъ извѣстно, съѣздъ будетъ въ августѣ настоящаго года, и теперь, собственно говоря, можно уже судить о томъ, что сдѣлано къ съѣзду. Сдѣлано много Харьковскимъ Комитетомъ, о другихъ этого сказать нельзя, но хорошо уже и то, что начата работа, возбужденъ интересъ; въ задачи съѣзда и должно войти—поддержать этотъ интересъ, развить его.

Среди *ученыхъ обществъ* юга Россіи, включающихъ въ свою программу и вопросы археологіи, настроеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи было тихое. Вновь организованное Общество Изслѣдователей Волыни начало свою дѣятельность; историческая секція намѣрена даже выпустить сборникъ трудовъ; но въ общемъ здѣсь чувствуется недостатокъ интересующихся людей, недостатокъ въ работникахъ; поэтому и довольно широкая программа дѣятельности этого общества, отведенная ему по уставу, могла быть выполнена лишь въ части. Въ самомъ Кіевѣ, въ его ученыхъ обществахъ, археологическія темы за истекшій годъ почти совершенно отсутствовали. Кіевское-же Общество Древности и Исскуствъ и въ этомъ году было занято окончаніемъ музея, — расплачивалось за прошлые грѣхи, такъ какъ въ музеѣ оказалась масса дефектовъ, исправленіе которыхъ отнимало отъ правленія общества много времени, лишая возможности направлять его дѣятельность въ другую сторону—въ сторону научнаго изученія памятниковъ мѣстной старины. А къ этой дѣятельности давно уже пора приступить: въ Кіевѣ нѣтъ спеціальнаго археологическаго общества, но есть масса матеріала, ждущаго разработки, есть цѣлая группа лицъ, занимающихся археологическими изслѣдованіями или коллекціонерствомъ,—одной

изъ главныхъ задачъ общества и должно быть объединеніе этихъ лицъ для совмѣстной научной работы.

Раскопки въ 1901 г. отличались изобиліемъ. Къ старымъ именамъ изслѣдователей прибавились новыя; археологическая жатва дала прекрасные результаты.

Въ области до-историческихъ древностей и этотъ годъ, какъ и прошлый, сравнительно бѣденъ открытіями. Здѣсь можно упомянуть о раскопкахъ В. В. Хвойки у с. Чучинки, давшихъ новое мѣстонахожденіе до-микенской культуры съ замѣчательно интересной орнаментировкой.

Но за то изслѣдованія скифскихъ кургановъ были многочисленны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень удачны; къ числу послѣднихъ относятся раскопки въ Роменскомъ уѣздѣ и раскопки В. Е. Гезе у с. Сахновки, Каневскаго у., гдѣ открыта единственная въ своемъ родѣ золотая діадема съ штампованными изображеніями сценъ изъ скифской жизни.

Истекшій годъ отличался отъ предъидущаго довольно значительнымъ числомъ раскопокъ городищъ. Раскопки, правда, носили большей частью пробный характеръ, но онѣ показываютъ, что и городища, наконецъ, дождались своей очереди.

Какъ ни отраденъ тотъ фактъ, что древности нашего края обращаютъ на себя такое вниманіе изслѣдователей, но, съ другой стороны, желательно было-бы, чтобы эти изслѣдованія доводились до конца: имѣемъ въ виду обработку и опубликованіе добытыхъ результатовъ. Именно, въ виду многочисленности раскопокъ, можно опасаться, что не все будетъ фиксировано и, такимъ образомъ, не все станетъ достояніемъ науки,—результатъ совсѣмъ нежелательный....

Большинство отмѣченныхъ *случайныхъ находокъ* (масса ихъ конечно ускользнула отъ регистраціи) не представляетъ особаго интереса,—это, главнымъ образомъ, находки монетъ XVII в. Но Кіевъ и на этотъ разъ далъ довольно цѣнный кладъ великокняжеской эпохи—кладъ въ усадьбѣ Орлова на Трехсвятительской улицѣ. Въ теченіе прошлаго года выяснился и составъ замѣчательнаго клада, найденнаго еще въ 1900 году и почти цѣликомъ поступившаго въ собраніе Б. И. и В. Н. Хапенко; подробное описаніе клада помѣщено нами въ октябрьскомъ но-

мерѣ за прошлый годъ. Что касается мѣста находки этого клада, то теперь его можно установить, повидимому, навѣрное. Въ описаніи клада, судя по его богатству, мы сдѣлали предположеніе, что онъ найденъ въ Кіевѣ; но мѣстомъ находки оказалось городище «Дѣвичья Гора» у с. Сахновки, Каневскаго у., давшее уже нѣсколько интересныхъ находокъ княжеской эпохи.

Можно констатировать за истекшій годъ дальнѣйшее движеніе *музейнаго дѣла;* повидимому, и у насъ все болѣе и болѣе получаетъ право гражданства мысль, что музеи, какъ и библіотеки, должны считаться необходимой принадлежностью каждаго болѣе или менѣе культурнаго центра, что общество должно заботиться объ устройствѣ и пополненіи такихъ учрежденій. Примѣромъ можетъ служить хотя нашъ Кіевскій Музей Древности и Искусствъ; не смотря на то, что музей не началъ еще правильно функціонировать, требуетъ еще внутренней организаціи,— уже и теперь въ него поступаютъ цѣнныя пожертвованія, составляющія иногда цѣлыя собранія; таковы, напр., коллекція Зносько-Боровскаго и обѣщанное музею и частью переданное замѣчательное Смѣлянское собраніе древностей гр. А. А. Бобринского.

Рядъ *изданій,* трактующихъ тѣ или другіе вопросы, общаго и частнаго характера, касающіеся старины, о которыхъ мы имѣли возможность дать отзывы въ теченіе прошлаго года, свидѣтельствуетъ о движеніи и въ области научной обработки или изданія матеріаловъ. Изданій подобнаго рода вышло сравнительно много, и притомъ изданій, зачастую роскошныхъ, какъ напр., Матеріалы по археологіи Кавказа, изданные гр. Уваровой, 3-ій томъ труда гр. А. Бобринскаго—Курганы и случайныя находки близъ м. Смѣлы, 4-ый выпускъ Древностей Приднѣпровья Б. И. и В. Н. Ханенко.

Общее заключеніе—работа идетъ довольно интенсивно, но въ то-же время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (взять хотя-бы раскопки), и довольно безпорядочно. Но это послѣднее обстоятельство зависитъ отъ тѣхъ общихъ условій, въ какія поставлено, особенно у насъ на югѣ, дѣло изученія памятниковъ прошлаго.

Н. Бѣляшевскій.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

10-го ноября состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда подъ почетнымъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Импер. Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой.

Проф. *Д. И. Багалѣй* познакомилъ съ результатами дѣятельности комитета за прошлый отчетный годъ и остановился на нуждахъ комитета по подготовкѣ выставокъ при археологическомъ съѣздѣ, а равно на тѣхъ изданіяхъ, которыя подготовляются къ съѣзду.

Графиня *П. С. Уварова* выразила надежду на то, что комитету придетъ на помощь Императорскій харьковскій университетъ, харьковское городское общественное управленіе, губернское земство и губернское управленіе: первые—въ устройствѣ выставокъ, а послѣднее—въ печатаніи каталога выставокъ,—и обѣщала содѣйствіе и помощь комитету со стороны Московскаго Археологическаго Общества, которое, кромѣ матеріальной помощи, въ дополненіе къ изданіямъ комитета, историко-филологическаго Общества, харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, приготовитъ изданіе матеріала, доставленнаго харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ: а) трудъ Б. С. Познанскаго—«О малороссійской одеждѣ», б) г. Левицкаго—«О древностяхъ Путивля».

Въ дополненіе къ докладу Д. И. Багалѣя о предметахъ предстоящей выставки, секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета В. В. Ивановымъ, было сдѣлано сообщеніе о новомъ матеріалѣ для этнографическаго отдѣла выставки, который будетъ представленъ харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ,—о планахъ на усадебныя мѣста отдѣльныхъ поселеній Харьковской губерніи. По предложенію харьковскаго губернатора, городскими управленіями и земскими начальниками доставляются въ статистическій комитетъ копіи съ имѣющихся плановъ на отдѣльныя поселенія. До настоящаго времени получено около 50 плановъ, въ томъ числѣ 11 плановъ на города и 37 плановъ на слободы, села, деревни и хутора. Демонстрируя перечисленные планы, В. В. Ивановъ замѣтилъ, что общее обозрѣніе ихъ обнаруживаетъ существованіе двухъ главныхъ типовъ населенныхъ мѣстъ, сло-

жившихся подъ вліяніемъ національныхъ особенностей мѣстнаго населенія, историческихъ условій его существованія, а также топографическихъ и иныхъ факторовъ, именно: 1) сравнительно узкой и продолговатой, иногда растянутой на нѣсколько верстъ, усадебной площади поселенія, расположившагося вдоль проѣзжей дороги, и 2) концентрированной населенной площади, приближающейся по своей фигурѣ къ квадрату или кругу.

Проф. *М. Г. Халанскій* прочелъ докладъ о своей поѣздкѣ въ Курскую губернію съ археологической и этнографической цѣлью лѣтомъ 1901 г. Въ іюнѣ 1901 г. М. Г. Халанскій посѣтилъ въ Курской губерніи г. Путивль и села Линовъ (Путивльскаго уѣзда), Будановку (Курскаго уѣзда) и Гущино (Тимскаго уѣзда). Въ Путивлѣ онъ сосредоточилъ свои изслѣдованія на рукописяхъ Маклаковской библіотеки и на знаменитомъ надгробномъ камнѣ съ именемъ князя Василія, относимомъ къ XIII в.

Изъ рукописей библіотеки Маклакова М. Г. Халанскій изслѣдовалъ *Провлемата*—трактатъ по физіологіи, медицинѣ и гигіенѣ, изданный въ Краковѣ въ 1567году типографомъ Схарфенбергомъ. Извѣстные донынѣ русскіе списки *Провлематъ*, находящіеся въ Порѣчской библіотекѣ гр. Уваровыхъ, относятся къ XVII в. и предполагаютъ изданный въ Краковѣ оригиналъ, которымъ, повидимому, и является рукопись Путивльской библіотеки Маклакова. Много затрудненій пришлось преодолѣть М. Г. Халанскому для того, чтобы установить правильную точку зрѣнія на знаменитый въ мѣстной исторіи г. Путивля камень съ именемъ князя Василія. Надпись на камнѣ полустерта и для возстановленія ея изслѣдователю пришлось прибѣгнуть къ пособію двухъ другихъ надгробныхъ плитъ, аналогичныхъ по характеру и пріемамъ письма съ первой, найденныхъ при раскопкѣ подполья Преображенской церкви и въ настоящее время вдѣланныхъ въ основаніе лѣвой арки этой церкви. Послѣ промывки поверхности камня и путемъ сличеній его съ двумя другими указанными надгробными плитами, опредѣленно относящимися къ XVII в., М. Г. Халанскому удалось точно установить вѣкъ, къ которому относится надпись—XVII вѣкъ. Годъ точно опредѣлить не оказалось возможнымъ, но приблизительно онъ или 7143 или 7153 отъ сотворенія міра, т. е. 1635 или 1645 отъ Р. Хр. Находящіяся въ надписи слова: *князя Василія*, по всей видимости, нанесены позд-

нѣе какимъ-либо мѣстнымъ путивльскимъ ученымъ патріотомъ, въ 30—40-ые годы XIX столѣтія съ цѣлью мистифицировать связь Слова о полку Игоревѣ и одного изъ героевъ, воспѣтыхъ въ этомъ произведеніи съ городомъ Путивлемъ. Первоначальное предположеніе, возникшее въ Путивлѣ, о значеніи надписи на камнѣ касалось именно Владиміра (Василія) Игоревича, удѣльнаго князя Путивльскаго XII в.

Въ селѣ Линовѣ М. Г. Халанскій продолжалъ свои прошлогоднія занятія говоромъ мѣстныхъ крестьянъ, называемыхъ въ Путивльскомъ уѣздѣ «горюнами».

По языку горюны занимаютъ переходное мѣсто отъ южновеликоруссовъ къ бѣлоруссамъ. М. Г. Халанскій пріобрѣлъ въ Линовѣ очень интересный женскій горюнскій костюмъ, который будетъ демонстрированъ на имѣющей быть при съѣздѣ выставкѣ. Въ селѣ Будановкѣ, Курскаго уѣзда, и нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему селахъ Курскаго и Фатежскаго уѣздовъ, входившихъ въ районъ владѣній Коренскаго монастыря, живутъ *саяны*. М. Г. Халанскій занимался изученіемъ и говора *саяновъ*, повѣряя свои прежнія наблюденія и сдѣланныя студентомъ харьковскаго университета г. Федоровскимъ. Вопреки мнѣнію г. Добротворскаго, отождествлявшаго «горюновъ» и «саяновъ», М. Г. Халанскій устанавливаетъ существенную разницу между тѣми и другими: саяны—чистые южно-великоруссы, измѣняющіе окончанія именъ прилагательныхъ и мѣстоименій—*ого, его* въ *ова* или *ыва* и *ива*, чего у горюновъ не бываетъ. Горюны—чистые «егуны», т. е. говорятъ *яго, моего* и т. д. Женщины—саянки носятъ старинные костюмы, очень цѣнные и весьма любопытные для археологіи русскаго быта. Одинъ такой женскій костюмъ пріобрѣтенъ докладчикомъ и будетъ выставленъ на съѣздѣ.

Изъ Будановки М. Г. Халанскій проѣхалъ въ Гущино, Тимскаго уѣзда; но нашелъ говоръ гущинскихъ крестьянъ сходнымъ съ говоромъ щигровскихъ крестьянъ, образцы котораго имъ ранѣе представлены.

Послѣ доклада о своей поѣздкѣ М. Г. Халанскій доложилъ комитету о полученныхъ имъ трудахъ по исторіи и археологіи Путивля г. Левицкаго (Исторія Путивля и о Путивльской иконѣ Божіей Матери) и г. Рябинина (о Преображенской церкви г. Путивля) и объ ожидаемомъ трудѣ г. В. В. Кобелецкаго—

карта кургановъ Путивльскаго уѣзда. Первые три труда рѣшено печатать частію въ Трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета, частію (Исторія г. Путивля) въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. По предложенію М. Г. Халанскаго избранъ въ члены комитета В. В. Кобелецкій, пожертвовавшій университету для археологическаго съѣзда цѣнную коллекцію древнихъ монетъ, найденныхъ въ г. Путивлѣ.

Г-жа *А. Я. Ефименко* познакомила съ результатами своихъ изслѣдованій «стоянокъ» на лѣвомъ берегу Донца, противъ с. Кочетка. Культурный слой помѣщается подъ верхнимъ сыпучимъ пескомъ, онъ до 1 арш. толщины. Докладчицей, кромѣ трехъ стоянокъ, найдена стоянка-мастерская по выдѣлкѣ кремневыхъ орудій—на правомъ берегу р. Бабки. На стоянкахъ найдены—каменныя орудія разнобразной величины и формы: ножи, скребки, кремневыя орудія, стрѣлы и др. Кромѣ того, стрѣлы бронзовыя, желѣзныя, фрагменты глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые орнаментированы; пряслица, бусы и кольцо изъ крученой бронзовой проволоки.

Проф. *Е К. Рѣдинъ* и *Д. И. Багалѣй* доложили: 1) увѣдомленіе рыльской уѣздной земской управы о назначеніи ею 50 руб. для пріобрѣтенія въ уѣздѣ старинныхъ предметовъ для выставки при съѣздѣ; 2) полтавскаго губернскаго земскаго собранія—о назначеніи для той же цѣли 300 руб. (пересланы полтавской коммиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда), 3) екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія о назначеніи 200 руб. для той же цѣли (на эти деньги и тѣ, что будутъ отпущены Славяносербскимъ уѣздомъ, комитетомъ поручено Е. П. Радаковой пріобрѣтеніе этнографическихъ памятниковъ въ предѣлахъ Екатеринославской губ.—для поступленія ихъ на выставку и въ этнографическій музей (при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета); 4) увѣдомленіе наказнаго атамана Кубанскаго козачьяго войска о передачѣ ассигнованныхъ областнымъ управленіемъ 500 руб. на расходы по археологическимъ изысканіямъ—Обществу любителей изученія Кубанской области; и затѣмъ сообщили о поступившихъ предметахъ древности и фотографіяхъ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о проектѣ, исходящемъ отъ нѣкоторыхъ членовъ губернской земской управы—устроить рядъ

лекцій для народныхъ учителей по первобытной археологіи, археографіи, церковной археологіи, этнографіи, исторіи края, съ объясненіемъ предметовъ, которые будутъ на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ.

Г. М. Линтваревъ обратился къ комитету съ просьбой о прочтеніи подобныхъ лекцій на выставкахъ для учителей, которые будутъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Харьковѣ на педагогическихъ курсахъ. Комитетъ, принимая во вниманіе тотъ трудъ, который народные учителя приняли на себя по собиранію различныхъ свѣдѣній для археологическаго съѣзда, и сознавая важность распространенія историко-археологическихъ знаній, рѣшилъ просить членовъ комитета и членовъ XII археологическаго съѣзда, спеціалистовъ по различнымъ областямъ археологіи, о прочтеніи ими вышеуказанныхъ лекцій для народныхъ учителей на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ.

Комитетомъ открыта подписка на изданіе «Южно-русскій орнаментъ» по матеріаламъ, собраннымъ П. Я. Литвиновой; цѣна экземпляра 2 рубля; чистый сборъ поступитъ въ пользу Этнографическаго Музея при Историко-филологическомъ Обществѣ Харьковскаго университета.

Изслѣдованія и раскопки.

В. Ѳ. Безпальчевъ любезно сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о двухъ раскопкахъ въ Роменскомъ у. Полтавской губерніи, произведенныхъ лѣтомъ 1901 г.

1) Близъ г. Ромненъ, на правомъ берегу рѣки Ромна, при впаденіи ея въ р. Сулу. Раскопки производились подъ наблюденіемъ Ѳ. Д. Николайчика, при участіи Н. Е. Макаренко и В. Ѳ. Безпальчева.

Раскопано городище неолитическаго времени, занимавшее островъ, длиной 300 м., при ширинѣ 200 м., овальной формы. Въ настоящее время, вслѣдствіе полнаго высыханія болота, нѣкогда окружавшаго островъ, послѣдній обратился въ возвышенность, высотой отъ $2^1/_2$ до 3 м. Съ сѣверной стороны возвышенности, въ 4 или 5 м. отъ ея подошвы, протекаетъ р. Ромецъ.

Раскопки дали слѣдующіе результаты. Найдено нѣсколько землянокъ съ остатками очаговъ какъ изъ обожженной земли, такъ и изъ песчаника; остатки гончарной посуды, изготовленной безъ круга, съ большой примѣсью кварца; костяная игла, костяное шило; нѣсколько агатовыхъ бусъ, песчаниковый кубическій отбойникъ съ шлифованными углами и, наконецъ, цѣлый горшокъ той-же эпохи. Кромѣ того много костей и клыковъ дикаго кабана, рога козы, костяной остовъ рога зубра. Всѣ мозговыя кости раздроблены. Всѣ находки взяты Н. Е. Макаренко для представленія въ Петербургское Археологическое Общество.

2) На средства баронессы Е. М. Менгденъ, въ ея имѣніи, близъ г. Ромена—въ с. Коровинцахъ, В. Ѳ. Безпальчевымъ раскопанъ курганъ.

Курганъ находился на лѣвомъ берегу р. Сулы, на возвышенности, близъ дороги, идущей изъ г. Ромна въ с. Коровинцы. Среди мѣстнаго населенія курганъ называется «Морозовой могилой».

Курганъ оказался ограбленнымъ кладоискателями, что, однако, не помѣшало найти при костякѣ шейную гривну изъ электрона, бронзовую привѣску, остатки бронзоваго пояса, чешуйки отъ панцыря, часть копья, два горшечка ручной работы, черепки горшка, сработаннаго на кругѣ, а также куски черепковъ посуды, также ручной работы, съ орнаментомъ новоскифскаго характера.

Изъ всѣхъ находокъ обращаетъ на себя вниманіе шейная гривна; къ сожалѣнію, концы ея, всѣдствіе невниманія рабочаго, были обломаны и выброшены изъ ямы вмѣстѣ съ землей. Но по сохранившемуся остатку, вѣсомъ около 40 граммовъ, можно судить о формѣ. Сѣченіе ея ромбоидальное, утолщенное къ серединѣ; сторона ромба въ толстой части гривны 5 мм., къ концамъ стороны ромба—4 мм. Весь кусокъ длиной 20 стм. Во время раскопокъ велся правильный дневникъ, снабженный планомъ.

Разныя извѣстія.

Программа дѣятельности Кавказскаго отдѣла Императорскаго Московскаго археологическаго Общества. Недавно откры-

тому кавказскому отдѣленію Императорскаго московскаго археологическаго общества предсѣдательницей послѣдняго, графиней Уваровой, начертана слѣдующая программа дѣятельности: кавказское отдѣленіе, ознакомившись съ тѣмъ, что уже сдѣлано по изученію древностей Кавказа, какъ равно съ тѣми коллекціями предметовъ древности, которыя находятся въ тифлисскомъ музеѣ, должно обратить особенное вниманіе какъ на отдѣльныя находки кремневыхъ орудій, такъ и на предметы хорошей тяжелой бронзы и изучить могилы, въ которыхъ они находятся. Разслѣдованіе могильниковъ должно вести предпочтительно на частныхъ земляхъ, какъ болѣе подверженныхъ опасности быть разграбленными. Отдѣленіе должно собрать свѣдѣнія о частныхъ коллекціяхъ и отдѣльныхъ предметахъ древностей и стараться получить ихъ для тифлисскаго музея, такъ какъ извѣстно, что частныя коллекціи подвергаются особой опасности пропадать для науки. Нужно привести въ извѣстность архивы, имѣющіеся въ краѣ, и по возможности спасать архивные документы отъ уничтоженія; слѣдить за сохраненіемъ древнихъ памятниковъ, т. е. ознакомиться съ древними зданіями края, какъ церковнаго, такъ и гражданскаго характера, слѣдить за ихъ сохранностью, а главное за тѣмъ, чтобы при реставраціи щадились и сохранялись древнія части и детали, а не обезображивались и уничтожались. Детали, какъ съ внѣшнихъ стѣнъ храма, такъ и съ внутрянняго убранства, которыя не могутъ быть сохранены при передѣлкахъ, оно обязано перевозить въ музей или въ древнехранилище при Сіонскомъ соборѣ; всѣ добываемые и получаемые предметы должны быть описаны и каталогизированы и переданы въ музей, чтобы имѣть возможность общаго обзора древностей Кавказа, ихъ изученія и сравненія въ одномъ центрѣ. Кромѣ того, отдѣленіе общества должно слѣдить за иностранцами, пріѣзжающими и работающими на Кавказѣ, чтобы воспрещать имъ вывозъ древностей въ музеи Парижа, Берлина и Вѣны. (Куб. Вѣд.).

—

Мы уже имѣли случай нѣсколько разъ поднимать вопросъ о той помощи, какую могутъ оказать *фотографы-любители* дѣлу описанія памятниковъ старины и бытовой стороны народной жизни. Въ послѣдній разъ («Лѣтопись», май, прошл. года) мы высказали пожеланіе *объ учрежденіи въ Кіевѣ фотографическаго*

общества, въ задачи котораго вошло-бы и фотографированіе различныхъ остатковъ прошлой жизни. Теперь можемъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что такое общество, носящее названіе «*Дагерръ*», уже основалось и недавно Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ его уставъ. Новое общество имѣетъ цѣлью теоретическую и практическую разработку свѣтописи въ различныхъ направленіяхъ, а также устройство экскурсій и прогулокъ для ознакомленія съ историческими памятниками и живописными мѣстностями. Въ срединѣ прошлаго декабря состоялось общее собраніе членовъ, на которомъ рѣшались нѣкоторые вопросы административнаго характера и было доложено нѣсколько рефератовъ, такъ что общество уже приступило къ дѣятельности. Желая ему дальнѣйшаго успѣха, считаемъ умѣстнымъ предложить, для пользы дѣла, распредѣлить занятія общества на отдѣльныя секціи, съ образованіемъ самостоятельной историко-этнографической секціи; матеріала для работы этой секціи есть достаточно, а помощь ея въ этомъ отношеніи дѣлу науки будетъ принята съ признательностью.

—

Большой недостатокъ *въ Кіевскомъ Музеѣ Древностей и Искусствъ* составляло отсутствіе удобной лѣстницы на второй этажъ, предназначенный для помѣщенія картинной галлереи, гдѣ также устраиваются и выставки картинъ. Въ настоящее время это неудобство устранено: въ особой пристройкѣ къ Музею имѣется теперь прекрасная мраморная лѣстница, выстроенная по плану и подъ наблюденіемъ архитектора П. И. Галландскаго. Возведеніе пристройки увеличило и помѣщеніе Музея, такъ какъ передъ лѣстницей устроенъ обширный вестибюль, а въ верхнемъ этажѣ—новая зала. Всѣ помѣщенія, какъ и лѣстница, строго выдержаны въ древне-греческомъ стилѣ. Перила лѣстницы состоятъ изъ ряда уступовъ-площадокъ, на которыхъ предположено разставить скульптурныя произведенія, главнымъ образомъ, въ видѣ слѣпковъ съ классическихъ образцовъ. Вся пристройка, стоимость которой опредѣляется суммой болѣе чѣмъ въ 20 тысячъ, сооружена на средства, пожертвованныя Н. А. Терещенко.

—

Осенью прошлаго года *Собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго*, находившееся на храненіи въ Кіевскомъ Му-

зеѣ Древностей и Исскуствъ, перевезено въ Черниговъ и въ настоящее время размѣщается въ спеціально выстроенномъ зданіи.

—

Все разростающаяся литература по антропологіи и вообще по этнологіи достигла такихъ размѣровъ, что услѣдить за всѣмъ, выходящимъ въ различныхъ частяхъ свѣта, является зачастую дѣломъ не только труднымъ, но иногда и прямо невозможнымъ. Желая придти на помощь въ этомъ направленіи, библіотекарь лондонскаго Anthropological Institut N. W. Thomas помѣстилъ въ журналѣ Globus за прошлый годъ *проектъ учрежденія международнаго библіографическаго органа* при названномъ институтѣ. Онъ предлагаетъ присоединиться всѣмъ ученымъ обществамъ, которыя обязуются слѣдить за текущей этнологической литературой, присылая не только названія книгъ и статей, но и краткое содержаніе послѣднихъ; за это каждый изъ участниковъ получаетъ извѣстное количество экземпляровъ указателя. Кромѣ указателя литературы, въ видѣ приложенія, Thomas предлагаетъ завести особый отдѣлъ, гдѣ-бы помѣщались свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ и поступленіяхъ во всѣ музеи. Нечего, конечно, сомнѣваться въ полезности такого изданія и можно лишь пожелать, чтобы заинтересованныя общества и отдѣльныя лица скорѣе примкнули къ настоящему проекту.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Исторія Русскаго Искусства XVIII—XIX вв.

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будетъ печататься въ теченіе 1901—1902 г.

въ иллюстрированномъ изданіи **Н. П. Собко.**

„ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность“

со снимками въ фотогравюрахъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ, *съ замѣчательнѣйшихъ произведеній Русской школы* изъ общественныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями: безъ доставки 8 руб.. съ доставкой и пересылкой 10 руб., за границу 12 руб.

1-й вып. выйдетъ въ ноябрѣ 1901 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: *въ Главномъ складѣ художественныхъ изданій Н. П. Собко* (*Почтамтская* 13), въ книжн. магаз. Віоле (М. Конюшенная, уг. Невскаго, 26/16); въ *Москвѣ*—у Кнебеля (Петровскія линіи), въ *Кіевѣ*—у Идзиковскаго (Крещатикъ), въ *Одессѣ*—у Свистунова, въ *Харьковѣ*—у Петрова (Университетская горка), въ *Казани*—у А. Дубровина (Гостин. дворъ), въ *Томскѣ*—у Макушина, въ *Варшавѣ*—у Віоле (Сенаторская), въ *Юрьевѣ*—у Карова, въ *Парижѣ*—у Boyveau et Chevillet (rue de la Banque), въ *Лейпцигѣ*—у Hiersemann (Königsstrasse), въ *Берлинѣ*—у Amsler u. Ruthardt (Behrensstrasse), въ *Вѣнѣ*—у Artaria (Kohemarkt).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей; о книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

VI годъ изданія.

„Южное Обозрѣніе“

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ ВЪ ОДЕССѢ

въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ

(рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

—

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

—

По возможности въ каждомъ № „Южнаго Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р 80 к., на 1 мѣс.—60 к. На города (съ пер.) на годъ 8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Přehled“ въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Šimáček, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель **Ф. Шимачекъ.**

Редакторъ **А. Черны.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

на газету

„КІЕВЛЯНИНЪ"

Литературная и политическая газета юго-западнаго края.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

(*Годъ изданія 38-й*).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:		**Безъ доставки и пересылки:**	
на 1 годъ	12 р. — к.	на 1 годъ	10 р. — к.
« 6 мѣс.	7 р. — к.	« 6 мѣс	6 р. — к.
« 3 «	4 р. 50 к.	« 3 « . . .	3 р. — к.
« 1 «	1 р. 50 к.	« 1 «	1 р. — к.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 руб., къ 1-му апрѣля—4 руб., къ 1-му іюля—3 р. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца, **и не далѣе, какъ до конца года.**

Подписка и объявленія принимаются въ **Главной конторѣ:** Караваевская (Шулявская) ул., 5, **ежедневно отъ 10 до 8 ч.,** а также **въ отдѣленіи конторы** «Кіевлянина» (книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ). Иногородныхъ просятъ адресоваться въ Главную Контору «Кіевлянина».

2—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб. сер.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

ВСѢМЪ,

кто хочетъ слѣдить за многообразными проявленіями русской жизни и желаетъ знать своевременно всѣ русскія новости, но, за недостат, комъ времени, не имѣетъ возможности читать ежедневныя газеты **можно рекомендовать подписаться на**

ЖИВОПИСНУЮ РОССІЮ

иллюстрированный еженедѣльный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, издаваемый **Товариществомъ М. О. Вольфъ**, подъ редакціей **П. М. Ольхина**,

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Живописная Россія“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанію, **самостоятельнымъ органомъ печати.** Первый отдѣлъ, *богато и художественно иллюстрированный*, посвященъ отчизновѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—«*Временникъ живописной Россіи*» *—является серьезной еженедѣльной газетой*, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Міръ“ со„ Всемірной Лѣтописью» на веленевой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картинойгаллереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты». 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

чиненій Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стахѣева,—съ дост. 14 рублей.—Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Міромъ» и «Всемірной и перес. Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вмѣсто веленевой)—на годъ 18 р.—Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р.—до уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего намъ будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, и *вопросамъ современности*.

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ»—«Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Ядрышева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ»—«Анджело Борджіа», историч. ром. извѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства Н. Ге, и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаніемъ романы изъ современной жизни: станислава Пшибышевскаго—«Сыны земли» и «По новому» М. В. Головинскаго.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой 6 р.; на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Милліонной ул. д. 34. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ.*

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ХУТОРЯНИНЪ,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства.

на 1902 годъ.

ПРОГРАММА: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйств. учебн. заведеній М. З. и Г. И.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: въ г. Полтавѣ—въ конторѣ и редакціи «Хуторянина», при Обществѣ сельскаго хозяйства; 2) Въ С.-Петербургѣ—въ отд. конторы «Хуторянина» при с.-х. книжн. магазинѣ жур. «Деревня», уг. Б. Морской и Кирпичн. пер., д. 3—13; 3) Въ Кременчугѣ—въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельск. хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ; 4) Въ г. Прилукахъ—при Обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ; 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ и 7) Въ Кіевѣ—книж. магаз. «Кіевск. Старины» Безаковская, 14.

2-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“,

въ 1902 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ,

обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(*5-й годъ изданія*)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Лемке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), М. Е. Бабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій

(псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Данилинъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Каплунъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Конышъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малянтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Покровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скляръ, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стимулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногородныхъ 10 руб.

2—3

Отпрыта подписка на 1902 годъ на журналъ

„Новый Міръ"

аллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки искусства и прикладныхъ знаній.

За четырнадцать рублей въ 1902 г. каждый подписчикъ «Новаго Міра» получитъ съ доставкой и пересылкой: 24 №№ интереснаго, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «Новый Міръ» въ форматѣ лучшихъ наибольш. европейскихъ иллюстрацій, съ приложеніемъ.

24 №№ иллюстрированнаго двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической и общественной, п. н. «Всемірная Лѣтопись»—въ форматѣ «Новаго Міра».

№ 24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», вмѣщающаго въ себѣ 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала «Живописная Россія», иллюстрированнаго вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя безплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составъ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскимъ; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. лит. подъ ред. П. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣева», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайте», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стахѣева будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Новаго Міра» будутъ получать въ теченіе 1902 г. безплатно два новыя художественныя изданія въ большомъ форматѣ n-folio, предпринятыя Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на веленевой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями съ доставкой и пересылкою въ Россіи—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой заграницу, вмѣсто 24 р.—28 рублем.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно предназначаются высылаемыя деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣева), предоставляется получить, взамѣнъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Брынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣйше проситъ заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при «Новомъ Мірѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стахѣева, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Новаго Міра» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Міръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16-я линія д, 5—7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ.

(*33-й годъ изданія*).

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложеніями

„НИВА“.

Гг. подписчики «Нивы» получатъ въ теченіе 1902 года:

52 №№ художественно-литературнаго жунала «Нива», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

Первые 12 томовъ полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Р. И. Сементковскимъ. Остальные томы сочиненій Лѣскова, значительно дополненные произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще вовсе не напечатанными, подписчики получатъ въ 1903 году. Въ первые 12 томовъ войдутъ романы: Соборяне.—Обойденные.—Островитяне.—Некуда. Разсказы: Запечатлѣнный ангелъ.—Однодумъ.—Кадетскій монастырь.—Русскій демократъ въ Польшѣ.—Инженеры-безсребренники.—Косой лѣвша.—Очарованный странникъ.—Шерамуръ.—На краю свѣта и мн. др.

12 томовъ полнаго собранія сочиненій В. А. Жуковскаго, расширеннаго формата, въ 2 столбца, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ поэта. Въ эти 12 томовъ, которые будутъ изданы подъ редакціею знатока Жуковскаго, профессора А. С. Архангельскаго, —войдутъ лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки посланія, мелкія стихотворенія, прозаическія произведенія, дневникъ и письма: Людмила.—Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.—Овсяный кисель.—Шильонскій узникъ.—Поликратовъ перстень.—Кубокъ.—Спящая царевна.—Война мышей и лягушекъ.—Сказка о царѣ Берендѣе.—Ночной смотръ.—Сельское кладбище.—Орлеанская дѣва.—Ундина.—Наль и Дамаянти.—Рустемъ и Зорабъ.—Одиссея и мн. друг., равно какъ и цѣлый рядъ еще неизданныхъ поэтическихъ произведеній знаменитаго писателя.

12 книгъ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній», содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ.

12 №№ «Парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 листовъ рукодѣльныхъ и вышильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

«Стѣнной календарь» на 1902 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к., 3) въ Одессѣ въ кн. маг. «Образованіе» (Ришельевск., № 12)—6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 коп. Съ пересылкой во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

———— 2—2

Открыта подписка на 1902 годъ

(*XX годъ изданія*)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газета

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(бывш. „Южанинъ“).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ.

2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.

3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

4) Земскій отдѣлъ.

5) Провинціальная жизнь.

6) Хроника.

7) Наша печать.

8) Мѣстная хроника.

9) Письма въ редакцію.

10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные.

11) Театръ и музыка.

12) Наука, искусство и литература.

13) Судебная хроника.

14) Корреспонденціи.

15) Иностранныя извѣстія.

16) Заграничная жизнь.

17) Спортъ, смѣсь и шахматы.

18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).

19) Справочный листокъ.

20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылк. иногородн. въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставк.: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января— р., р 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.): въ конторѣ «Южной Россіи», уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера.

Въ г. Кременчугѣ: у А. М. Михилевича, Большая-Мѣщанская, д. № 68 (противъ торговыхъ бань Сандомирскаго).

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель *С. П. Юрицынъ.*

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклономъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.- Петербургѣ, Фонтанка д. № 145.

2—3

Открыта подписка на 1902 годъ

на ежемѣсячный литературный журналъ

„НОВОЕ ДѢЛО“

съ приложеніемъ еженедѣльн. общественно-политической газеты.

Журналъ «Новое Дѣло» издается, какъ продолженіе 34-лѣтняго изданія «Недѣли» и «Книжекъ Недѣли», при томъ же составѣ редакціи.

Направленіе и характеръ «Новаго Дѣла» остается тождественнымъ съ «Недѣлей». Развитіе общественной самодѣятельности, горячее вниманіе къ народнымъ нуждамъ, участіе къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ сословій, усовершенствованіе нашихъ юридическихъ и экономическихъ отношеній, развитіе жизнедѣятельности страны путемъ не узкоплеменной, но обще-русской самостоятельной культуры—вотъ основныя черты этого направленія.

Ежемѣсячное изданіе «Новаго Дѣла», служащее продолженіемъ «Книжекъ Недѣли», предназначается для строгаго и тщательнаго подбора произведеній художественной литературы, статей философскихъ, культурныхъ, біографій, путешествій, литературной критики и т. п., а также для того отдѣла обзора движенія мысли и литературы, который за границей составляетъ такъ называемые «Журналы журналовъ».

Еженедѣльное изданіе «Новаго Дѣла», служащее продолженіемъ газеты «Недѣля», представляетъ собою разработанную и освѣщенную лѣтопись текущей политической, общественной, экономической и научной жизни.

Подписная цѣна: На ежемѣсячный журналъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 коп. съ пересылкой. Тоже, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты: на годъ—10 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—85 к. съ пересылкой. За границу на 3 руб. дороже. Книгопродавцамъ уступка. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, въ С.-Петербургѣ), гдѣ также принимаются и объявленія.

Подписчики «Недѣли» платятъ за годовое изданіе Журнала и Газеты вмѣсто 10 руб. 7 руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Подписка принимается, кромѣ конторы редакціи, также въ отдѣленіяхъ конторы «Новаго Дѣла»: при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н Я. Оглоблина и въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Рукописи для редакціи могутъ быть адресованы

В. П. Гайдебурову,

Спб., Фонтанка, д. 37.

Редакторъ-издательница **А. Н. Пѣшкова-Теливѣрова.**

1—3

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“.

(Двадцать четвертый годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На	12	мѣс.	6	руб.	—	коп.		На	3	мѣс.	1	руб.	50 коп.
„	9	„	4	„	50	„		„	2	„	1	„	10 „
„	6	„	3	„	—	„		„	1	„	—	„	60 „

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи по Бердичевской улицѣ въ Архіерейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ если, подписка принята въ Главной Конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 ч. утра до 6 ч. по полудни.

Редакторъ-издатель **І. И. Коровицкій.**

1—3

Открыта подписка на 1902 г.

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ періодическія изданія:

на газету „ВОСХОДЪ"

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА".

Содержаніе газеты: руководящіи статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и заграницей, хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, корресп. изъ провинціи и загран., сенатская и судебная практика по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. безплатная консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ отдѣлѣ), обзоры евр., русской и польской печати, фельетонъ (разск. и проч.,) провинціальный отдѣлъ, критика и библіографія.

Подписная цѣна на „Восходъ" съ „Книжками Восхода" 10 руб., въ годъ допуск. разсрочка при подпискѣ—4 р., къ 1 марта—3 р. и къ 1 іюля—3 р.), на газету (безъ „Книжекъ") 7 р.

Книжка восхода—выходитъ ежемѣсячно въ разм. до 10 печ. лист. Повѣсти и разсказы изъ евр. жизни, стихотв. и популяр. научныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, вопр. обществ. жизни. Книжки „Восхода—единственный журналъ, посвящ. еврейской литературѣ и наукѣ на русскомъ яз. Желая способствовать его широкому распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за крайне доступную цѣну: 12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Подписавшіеся на оба изданія получатъ при „Книжкахъ Восхода"

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Еврейская Жизнь ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ЛУЧШИХЪ ЕВРЕЙСКИХЪ БЫТОПИСАТЕЛЕЙ

(избранныя произведенія С. М. Абрамовича, П. М. Смоленскина М. І. Бердичевскаго, Л. Переца, Шолемъ-Алейхема, М. Спектора, Морриса Розенфельда, Карла Эмиля Францоза, Натана Самуэли и др.).

Главная Контора Восхода помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра.

Подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января 1902 г. всю плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(второй годъ изданія)

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ РУССКАГО БИБЛІОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библіографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библіологическаго Общества, объявленія.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ «Литературный Вѣстникъ» за 1901 г. одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній («Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1901, ноябрь, стр. 34).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ: съ доставкою и пересылкою въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. На полгода: въ Россіи 3 р., за-границу 3 р. 50 к. Цѣна за отдѣльную книжку 1 руб. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, 2) для иногородныхъ—въ редакціи **„Литературнаго Вѣстника“**, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ **Н. Пчековской,** Петровскія линіи.

РЕДАКТОРЫ: **А. І. ЛЯЩЕНКО,**
М. Н. МАЗАЕВЪ.

1—3

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА."

Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній.—С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ.—М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы.—Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи.—П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія). А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи.—Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи.—Д-ра А. Виреніуса, 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ.—Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.—С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи.—И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе.—Н. Попова; 12) Школьная гигіена (по Котельману).—М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ.—М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе.—О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ. А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся.—Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній.—П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу.—Проф. Е. Будде; 19) Коммиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій.—Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы.—Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа.—М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ.—А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной средней школы.—А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію.—Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія.—И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг.—И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы.—М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный

паразитизмъ.—В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ.—Проф.—Е. Будде; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ.—Проф. В. Шимкевича; 33) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ.—Я. Руднева; 34) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи.—Проф. Н. Карѣева; 35) Первые уроки исторіи.—К. Иванова; 36) Въ защиту натуральнаго метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному.—М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 г.). —И. Евсѣева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ,—Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей —Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія—В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь** руб., съ доставкою **7** руб. **50** к.; для иногородныхъ съ пересылкою—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

1—3

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1902 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1902 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**. Мар.-Благовѣщенская, № 60.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, и 1901 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**